Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЯТЫЙ
(СТО ВТОРОЙ)

1940

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1940

К истории борьбы литовского народа за Советскую власть в 1918—1919 гг.

Историческим решением 7-й Сессии Верховного Совета СССР Литовская Советская социалистическая республика принята в братскую семью народов СССР. Этим актом удовлетворены заветные чаяния рабочего класса, крестьянства и интеллигенции Литвы. В Советском союзе литовский народ получил мир и возможность создавать новую, счастливую жизнь.

Исторические судьбы литовского народа издавна связаны с великим русским народом. Многие десятилетия литовский народ, под руководством большевистской партии, плечом к плечу с народами СССР героически боролся против самодержавия, против власти помещиков и буржуазии.

В революциях 1905—1917 г.г. литовский народ вместе с народами Советского союза боролся за свое освобождение. Но продажная литовская буржуазия вместе с империалистическими державами запада приняли все меры против развивающейся пролетарской революции. При помощи оккупантов 18 сентября 1917 г. в Литве было создано буржуазно-националистическое марионеточное «правительство» — Тариба. Это был период страдания и тяжелого национального унижения литовского народа.

В конце 1918 г., когда на западе начинает разгораться революционный пожар, литовский народ обращает свои взоры к Советской России, являвшейся светочем, освещавшим путь освобождения народов Запада и Востока.

Англо-французские империалисты в смертельном страхе перед надвигающейся пролетарской революцией, опираясь на буржуазию Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии, начинают воздвигать барьер против большевизма, пытаясь удушить молодую Советскую республику интервенцией и блокадой. Прежде всего англо-французские заправилы используют в этих странах, граничащих с запада с Советским Союзом, марионеточные правительства типа Тарибы, состоявшие из их же ставленников. Они создают в Прибалтике, Польше и Финляндии плацдарм против нашей родины.

Беспощадно расстреливая рабочих и крестьян, заправилы Тарибы начали разгонять профсоюзы, и общественные организации. С особой жестокостью производилась расправа с коммунистами. В этой борьбе с литовским народом Тариба опиралась на помощь фабрикантов, духовенства, помещиков, кулаков, меньшевиков и националистов.

Продавая свою родину, «правительство» Тарибы договаривается с империалистическими державами Запада о создании плацдарма в Прибалтике против Советской России.

Период господства Тарибы и оккупантов не прошел даром для рабочих и крестьян Прибалтики. Он показал им, что только советская власть, только

неразрывная связь с Советской Россией может спасти народы Прибалтики от гнета империализма. И это сознание, возраставшее с каждым днем, еще крепче объединило литовский пролетариат и крестьянство для борьбы против своих угнетателей.

Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии летом 1918 г. выделилась в самостоятельную организацию. Она сразу же развернула большую деятельность по подготовке масс к борьбе. С каждым днем множились ее ряды. Уже в сентябре м-це 1918 г. на своей конференции партия отмечала быстрый рост своих рядов, отмечала популярность среди широких масс лозунга «Вся власть Советам».

К ноябрю месяцу по всей Литве во всех крупных городах, на фабриках, заводах, в местечках были организованы коммунистические ячейки.

Только за один месяц количество членов партии в г. Ковно выросло больше, чем в 2 раза. В Шавельском районе работало 45 групп с 480 чл. партии. В Волковысском районе работало 30 групп с 300 чл. партии[1].

Под руководством коммунистической партии создавались фабрично-заводские комитеты, профсоюзы. Рабочие некоторых фабрик в Вильно добились 8-часового рабочего дня, вместо 10—12-часового.

Но особенно показательным явлением в революционном движении того времени в Литве было создание Советов. В подполье, на полулегальном состоянии коммунистическая партия руководила выборами в Советы. В важнейших центрах,— Ковно, Шавлях, в Поневежском районе, трудящиеся, вопреки террору, выбирали Советы, где коммунисты получали большинство голосов.

10 ноября 1918 г. в Литве был образован Военно-революционный комитет— штаб по руководству вооруженным восстанием, по руководству борьбой за установление советской власти в Литве. И в день грандиозной демонстрации и однодневной всеобщей стачки против политики Тарибы и оккупантов, в Вильно 16 декабря 1918 г. была провозглашена советская власть. В городе Вилейка было образовано Временное революционное рабоче-крестьянское правительство. Во главе этого правительства стал старый революционер, большевик-подпольщик, испытанный руководитель литовских трудящихся масс — Викентий Семенович Мицкевич-Капсукас.

16 же декабря вновь образовавшееся правительство выпустило манифест, объявлявший именем восставших рабочих и беднейших крестьян и красноармейцев Литвы власть военной оккупации, литовской Тарибы и всех других буржуазных национальных советов и комитетов низложенной. Именем революционных рабочих масс Литвы новое революционное правительство объявило об удовлетворении заветной народной мечты: «Вся земля помещиков и кулаков, церквей, монастырей и духовенства с живым и мертвым инвентарем, а равно все леса, воды и недра земли переходят в собственность всего рабочего народа Литвы (национализируются) и передаются в ведение Советов рабочих и малоземельных депутатов».

В своем историческом манифесте Временное рабоче-крестьянское правительство заявило, что оно будет строить новую жизнь на тех же началах, которые положены в основу Российской Социалистической Федеративной Советской

[1] «Жизнь национальностей», № 5 от 8 декабря 1918 г.

республики и будет итти рука об руку с Советской Россией и со всеми другими странами, вступившими на путь мировой социалистической революции.

И в день взятия власти на своем торжественном заседании Виленский совет послал горячее приветствие Совнаркому и Красной армии.

Началась большая, созидательная работа по созданию и укреплению советского строя в Литве.

Об этих исторических событиях товарищ Сталин в статье «Дела идут» говорил: «Революционный пожар в Литве разгорается с возрастающей силой. Вильно уже в руках Совета рабочих и безземельных депутатов. Грандиозные демонстрации в Вильне... Горячий привет Виленского совета Совету Народных Комиссаров и Красной армии достаточно ярко говорит о характере освободительного движения в Литве. Советы в Ковно, в Шавлях и др. городах, Советы в волостях и деревнях...,— все это свидетельствует о силе натиска советской революции. Образовавшееся в Вилейке Рабочее правительство Литвы, с его пламенным манифестом, несомненно создаст надежный центр объединения революционных сил Литвы» [1].

21 декабря Совнарком издал декрет о признании независимости Литовской Советской республики. Советская Россия протянула свою братскую руку помощи новой Советской республике Литвы и оказала ей помощь в деле борьбы за освобождение от ига буржуазии.

23 декабря на заседании ВЦИК был заслушан доклад товарища Сталина об отношении к вновь образовавшимся республикам: Эстонской, Литовской, Латвийской и др., в котором он с предельной ясностью проанализировал сложившуюся обстановку и четко изложил ленинские принципы самоопределения наций. Тов. Сталин указывал на огромное международное значение факта признания Советским правительством трех Прибалтийских республик, не только в смысле усиления мощи Советской России, но и в том, что это показывало путь действительного освобождения других народов.

Исходя из сталинских принципов, ВЦИК принял тогда по этому вопросу резолюцию:

«Центральный Исполнительный Комитет, заслушав доклад народного комиссара по делам национальностей, приветствует народы Эстляндии, Литвы и Украины с идущим вперед освобождением от ига иностранных завоеваний.

Исходя из принципа полного и действительного самоопределения трудовых масс угнетенных национальностей, который попирают империалисты всех стран, Центральный Исполнительный Комитет подтверждает постановление Совета Народных Комиссаров о признании Социалистической Федеративной Советской Республикой независимости Советских Республик Эстляндии, Латвии и Литвы.

Перед лицом созданных революционной борьбой пролетарских и крестьянских масс Советских республик Эстляндии, Латвии и Литвы, Центральный Исполнительный Комитет вновь подтверждает, что факт бывшей принадлежности этих стран к старой царской империи не налагает на них никаких обязательств, и в то же время Центральный Исполнительный Комитет выражает твердую уверенность, что только ныне, на почве признания полной свободы самоопределения и перехода власти в руки рабочего класса, создается свобод-

[1] «Жизнь национальностей» № 7 от 22 декабря 1918 г.

ный, добровольный и нерушимый союз трудящихся всех наций, населяющих территорию бывшей Российской империи.

Центральный Исполнительный Комитет свидетельствует готовность РСФСР оказать свою необходимую помощь и поддержку трудовым классам Эстляндии, Латвии, Литвы и Украины в их борьбе против строя эксплоатации и угнетения и в защите их свободы и независимости от попыток иностранных завоеваний» [1].

Литовское правительство, воодушевленное братской поддержкой Советской России, продолжало налаживать новую жизнь в Литве.

Литовские стрелки, полки Красной армии восторженно встречались народом. В последних числах декабря были уже заняты Ново-Александровск, ст. Уцяны и др. важные пункты. 5 января, после боя с легионерами, Красной армией был занят Ново-Вилейск. В тот же день вечером Красная армия вступила в Вильно.

Правительством был издан целый ряд декретов: о взятии власти на местах советами или ревкомами, декрет о земле, о равноправности всех языков, о народном образовании, о 8-часовом рабочем дне, об организации отдела социального обеспечения и охраны труда и др.; были организованы народные комиссариаты, создан Высший Совет Народного Хозяйства. Большую работу провело правительство на продовольственном фронте: были приняты самые решительные меры по борьбе со спекуляцией, назначены чрезвычайные комиссары, организованы правительственные склады, введен классовый паек, восстанавливался транспорт. Повсюду советы или ревкомы объявлялись единственной властью.

Делегаты 2 конференции коммунистов Литвы и Белоруссии, состоявшейся 2—5 февраля 1919 г., рассказывали о революционной борьбе, которая происходила тогда по всей Литве.

Делегат из г. Поневежа рассказывал о том, что в подполье был организован вооруженный отряд из 60 чел., который помогал совету взять власть.

Представитель из Шавельского уезда сообщил, что ревком наложил контрибуцию в размере 100 тыс. руб. и собрал уже 60 тыс.; создан полк для борьбы за Советы.

Представитель из Лиды докладывал о том, как ревком захватил все оружие местной тарибской милиции, о борьбе со спекуляцией и т. д.

О большой созидательной работе, проводимой на местах, говорили также представители из г. Вильно, Гродно, Сувалки и др. Все докладчики говорили о доверии, которым пользуются коммунисты у рабочих и бедноты. В Советы, как правило, выбирались коммунисты. В Виленский совет рабочих депутатов избрано 123 коммуниста и только 26 депутатов от других партий.

Против развивающейся революции объединились все контрреволюционные силы в Литве, начиная от литовской Тарибы и кончая польскими легионерами.

Перебравшись подальше от восточных границ — в Ковно, Тариба прежде всего издала приказ о запрещении вывоза продуктов из Ковно в сторону Вильно, затем начала деятельно организовывать добровольческую армию. Не получив поддержки от литовского народа, Тариба обратилась за помощью в Америку,

[1] «Известия» ВЦИК от 24 декабря 1918 г.

Англию, Францию, всюду лакейски умоляла о «защите от большевиков». Спустя несколько дней после взятия власти Советами, поляки двинули к Вильно свыше 10 тысяч легионеров. 28 декабря был созван съезд поляков, живущих в Литве, для выработки плана присоединения Литвы к Польше.

Революционное правительство Литвы неоднократно обращалось к польскому правительству с протестом против попытки последнего разрешить силой оружия территориальные вопросы и предлагало избрать согласительную комиссию для разрешения спорных вопросов и установления границ.

В феврале месяце, по воле литовского и белорусского народов, состоялось объединение двух советских республик для борьбы против общего врага. 28 февраля 1919 г. Центральным исполнительным комитетом Литвы и Белоруссии была принята декларация, в которой все народы и их правительства приглашались признать Социалистическую Советскую республику Литвы и Белоруссии.

Объединенному правительству Литвы и Белоруссии ЦИК поручил принять самые решительные меры для обороны страны от наступления вооруженных сил объединенного империализма. Вооруженные силы Польши концентрировались у границ советской Литвы и Белоруссии. Англо-французские империалисты оказывали давление на Германию, требуя предоставления свободного прохода польским войскам через ее территорию.

19 апреля польские легионеры заняли г. Вильно. Коммунисты, комсомольцы и рабочие г. Вильно героически сражались против озверелой контрреволюции. К июлю 1919 г. контрреволюция Литвы, Польши и империалистические державы Запада, воспользовавшись военной слабостью Советской России, заняли значительную часть Литвы. Началась дикая расправа с революционными рабочими и крестьянами. Тотчас после занятия Вильно, польская буржуазия устроила трехдневный погром. Заподозренные в сочувствии коммунизму беспощадно расстреливались.

Помещики, вернувшись в свои гнезда, начали творить свой суд и расправу над беззащитными крестьянами.

Несмотря на непродолжительность существования, советская власть в Литве сыграла большую историческую роль. Она на деле показала литовскому народу, что для него, как и для трудящихся всего мира, есть один единственный путь в деле завоевания народного счастья — это путь, показанный партией Ленина — Сталина, это путь установления советской власти и братского союза с Советской Россией.

20 лет прошло с тех пор, когда молодая Советская республика Литвы была задушена соединенными силами империалистических держав Запада. Много страданий выпало на долю литовского народа за эти годы, но ни тяжелое экономическое положение, ни жестокие преследования со стороны буржуазного правительства не сломили волю народа к свободе. Литовский народ все теснее сплачивался вокруг коммунистической партии и накапливал силы для борьбы.

И 21 июля 1940 г. литовский народ сбросил ненавистное ему буржуазное правительство и заявил «Требуем установления советской власти».

Публикуемые документы по истории литовского народа относятся в основной своей массе к деятельности Временного рабоче-крестьянского правительства, они охватывают период с декабря 1918 г.— по апрель м-ц 1919 г.

П. Анисимова

Из манифеста Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы, 16 декабря 1918 г.[1]

Именем восставших рабочих и беднейших крестьян Литвы, именем красноармейцев Литвы объявляем власть германской военной оккупации, литовской Тарибы и всех других буржуазных национальных советов и комитетов низложенной.

Вся власть переходит в руки советов рабочих, безземельных и малоземельных депутатов Литвы.

Рабочие, безземельные и малоземельные Литвы!

Пробил час освобождения от невыносимого гнета оккупантов, унижения и нищеты. Пробил час освобождения вашего от векового гнета помещиков, кулаков и капиталистов, которые на горе народном нажили себе во время пережитой ужасной бойни огромные богатства.

Началось то, что должно было совершиться в результате мировой империалистической войны: началась мировая пролетарская революция, которая разрушает один трон за другим и своим железным молотом дробит цепи, сковывающие пролетариат всего мира. Вслед за русским царем низвергнуты троны Австро-Венгрии, а затем и Германии. Трещат и рушатся твердыни мирового капитала. Близок час гибели и англо-франко-американского империализма, который в настоящий момент мнит себя победителем всего мира.

Властно идет вперед мировая пролетарская революция. Перед лицом смертельного врага буржуазия организуется в священный союз мировой контрреволюции и напрягает все свои усилия, чтобы в первую очередь подавить очаг социалистической революции в России.

С разгаром революции в Германии еще более усилилась опасность для мирового капитала. Он готов принимать все меры, чтобы не допустить соединиться российской и германской революции; поэтому он особое внимание обратил на области, отделяющие Российскую и Германскую республики. Железным кольцом решил он сдавить Россию не только с востока и севера, но и с юга и запада, и во чтобы то ни стало задушить российскую революцию, а затем и германскую.

Продажная буржуазия Прибалтийского края, Литвы и Польши, не надеясь собственными силами справиться с растущей у нас пролетарской революцией, принимает все меры к тому, чтобы скорее пришли англо-франко-американские войска и помогли ей в реках крови потопить рабочий класс. Мы знаем, что несут эти новые «освободители» пролетариям и полупролетариям Литвы, — то же порабощение рабочих и деревенской бедноты, та же черная реакция, те же расстрелы и издевательства над нашими братьями.

Это заставило Центральный комитет коммунистической партии Литвы и Белоруссии, единственной массовой пролетарской партии Литвы, прибегнуть к самым решительным мерам, чтобы предотвратить надвигающуюся на пролетариат и беднейшее крестьянство Литвы смертельную опасность.

Опираясь на волю рабочих, крестьянской бедноты и красноармейцев Литвы, восставших против оккупационных властей и их агента — контрреволюционной Тарибы и отвергающих всякие попытки к контрреволюционному вмешательству в судьбы трудовых масс Литвы со стороны англо-франко-американских капиталистов, Центральный комитет коммунистической партии Литвы и Белоруссии

[1] ЦАОР, ф. 1318, д. № 208, л. 90.

провозгласил Временное революционное рабоче-крестьянское правительство Литвы.

Именем революционных рабочих масс Литвы объявляем:

1. Власть германской оккупации в Литве отныне считается упраздненной.

2. Литовская кайзеровская Тариба с ее советом министров и все другие буржуазные национальные советы и комитеты считаются упраздненными, а их агенты — стоящими вне закона.

3. Вся власть переходит в руки Советов рабочих, безземельных и малоземельных депутатов Литвы.

4. Никакие ограничения прав национальностей не допускаются. Все национальности Литвы уравниваются в своих правах. Каждая нация имеет право пользоваться своим родным языком в государственных и общественных учреждениях.

5. Все законы, приказы, постановления и распоряжения Тарибы, упомянутых в § 2 комитетов и их агентов, а равно германских оккупационных властей, поскольку последние не касаются исключительно немецких солдат и их ухода из Литвы, считаются незаконными и не подлежат исполнению.

6. Все ставленники Тарибы, упомянутых комитетов, если они добровольно не откажутся от своих должностей, подлежат немедленному аресту.

7. Всякий, принуждающий исполнять распоряжения Тарибы, буржуазных комитетов, оккупационных властей или их агентов, будет преследоваться по всей строгости революционных законов.

8. Вся земля помещиков и кулаков, церквей, монастырей и духовенства с живым и мертвым инвентарем, а равно все леса, воды и недра земли переходят в собственность всего рабочего народа Литвы (национализируются) и передаются в ведение советов рабочих и малоземельных депутатов.

9. Все железные дороги, почтовые учреждения, телеграфные и телефонные сети, фабрики, заводы, банки и оптовые склады объявляются собственностью всего рабочего народа Литвы (национализируются) и должны быть сданы органам советской власти их бывшими хозяевами, владельцами и собственниками в полном порядке, согласно определенным указаниям революционной рабочей власти.

10. Строжайше воспрещается увозить из Литвы и приводить в негодность живой и мертвый инвентарь, а равно подвижной состав и оборудование железных дорог, почтово-телеграфных и электрических станций и пр. имущество, имеющее общенародное значение.

11. Местные советы обязываются охранять народное достояние от расхищения и виновников привлекать к строжайшей ответственности.

12. Заработная плата постепенно повышается до норм, принятых в Советской России.

13. Вводится 8-часовой рабочий день в промышленности, торговле и сельском хозяйстве.

14. Все долговые обязательства рабочих и деревенской бедноты по отношению к капиталистам, помещикам, кулакам и духовенству считаются недействительными.

15. Принимаются решительные меры к восстановлению хозяйственной жизни страны (налаживание транспорта и пр.), к установлению товарообмена Литвы с Советской Россией, Германией и другими соседними странами.

16. Принимаются решительные и беспощадные меры по борьбе с дороговизной и спекуляцией, особенно продуктами первой необходимости.

Строя нашу новую жизнь на тех же началах, которые положены

в основу Российской социалистической федеративной Советской республики, мы впредь будем итти рука об руку с Советской Россией и со всеми другими странами, вступившими на путь мировой социалистической революции.

Временное революционное рабоче-крестьянское правительство Литвы заявляет, что оно самым решительным образом будет бороться за осуществление социалистического строя в Литве. Но без самой энергичной поддержки рабочих масс Литвы, пролетариев и деревенской бедноты, без окончательной победы под контрреволюционной буржуазией, помещиками, кулаками и их слугами — духовенством, без устранения из Литвы контрреволюционных оккупационных властей, поддерживающих кайзеровскую литовскую Тарибу и белогвардейские банды, без самого решительного отпора надвигающимся новым душителям нашей свободы и новым нашим поработителям — слугам англо-франко-американского капитала, — без этого не удастся осуществить стоящих перед нами великих задач освобождения трудовой Литвы от ее поработителей.

Товарищи рабочие и беднейшие крестьяне! Мы уже не одиноки в настоящий момент. К нам идет на помощь поднимающий знамя революционного восстания пролетариат всего мира. Нам обеспечена всемерная поддержка рабоче-крестьянской Советской России. К нам спешат на помощь с развернутыми красными знаменами наши братья красноармейцы, сыны рабочих и крестьян нашей измученной, ныне освобождающейся Литвы. Окажите им дружеский, братский прием и вступайте в их ряды. Общими усилиями вы легче справитесь со своими угнетателями.

Поднимайте же знамя восстания. Все пролетарии, без различия национальностей, к оружию! Всюду организуйте власть Советов рабочих и малоземельных депутатов. Свергайте своих вековых угнетателей. Стройтесь в ряды Красной армии Советской Республики Литвы. Да здравствует освобожденная рабоче-крестьянская Советская республика Литвы!

Да здравствуют Советы рабочих и беднейших крестьян!

Да здравствует мировая рабочая социалистическая революция!

Да здравствует социализм!

Именем Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы:

Председатель: В. Мицкевич-Капсукас.

Члены правительства: (подписи).

Приветствие Виленского совета Совнаркому и Красной армии РСФСР, 16 декабря 1918 г.[1]

Двинск

16 декабря состоялось торжественное открытие Виленского совдепа, на котором было постановлено взять власть в свои руки. Большинством Совета принята резолюция с приветствием российскому Совнаркому и российской Красной армии.

Приветствие Совнаркому:

Виленский совет рабочих депутатов в своем первом торжественном заседании приветствует Совет Народных Комиссаров России. Мировая война обнаружила полное банкротство буржуазных классов и неспособность их к управлению миром. Она обнаружила глу-

[1] Газета «Правда», 21 декабря 1918 г., № 278.

бокие внутренние противоречия, таящиеся в капиталистическом строе. Россия, благодаря отсталости и неорганизованности, наиболее жестоко пострадала от разрушительных действий войны и мировых законов буржуазного общества. Рабочий класс России, доведенный до полного обнищания и отчаяния, поднял знамя восстания против господства имущих классов; победив их в этой борьбе, он выдвинул свое рабочее и крестьянское правительство, твердою ногою вступившее на путь социалистического строительства. Совет Народных Комиссаров, возглавляемый испытанным вождем мирового пролетариата товарищем Лениным, служит путеводной звездой рабочему классу Литвы в развертывающейся борьбе за полное свое освобождение.

Приветствие Красной армии.

Виленский совет рабочих депутатов шлет свой братский привет рабоче-крестьянской Красной армии России. Мы, рабочие Литвы, с величайшим восторгом следим за героической отвагой, проявляемой вами в борьбе против вооруженных сил контрреволюции. Также приветствуем тех рабочих и крестьян, сынов Литвы, кто вступил в ряды этой армии, жертвует своей жизнью во имя общего освобождения рабочего класса и, в частности, своих братьев, стонущих под игом тяжелой оккупации.

Мы знаем, что ваш путь тяжел и тернист, но знайте не далек тот час, когда мы станем в один с вами вооруженный отряд и совместно выполним великие задачи, возложенные на нас мировой революцией.

Декрет о признании независимости Литовской Советской республики, 21 декабря 1918 г. [1]

В ответ на запрос Литовского Советского Правительства Совет Народных Комиссаров заявляет:

1) Российское Советское Правительство признает независимость Литовской Советской Республики. Высшей властью Литвы Российское Советское Правительство признает власть Советов Литвы, до Съезда же Советов — власть Временного Революционного Рабочего Правительства Литвы, возглавляемого тов. Мицкевичем-Капсукасом.

2) Российское Советское Правительство вменяет в обязанность всем соприкасающимся с Литвой военным и гражданским властям Российской Советской Республики оказывать Литовскому Советскому Правительству и его войскам всяческое содействие в борьбе за освобождение Литвы от ига буржуазии.

3) Народному Комиссариату Продовольствия и Высшему Совету Народного Хозяйства поручается войти в соглашение с соответствующими органами Литовской Советской Республики на предмет установления товарообмена между обеими Республиками.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин).

Протокол совещания Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы, 22 декабря 1918 г. [2]

1. Слушали: Обращение Виленского совдепа о присылке в его распоряжение 100 человек красноармейцев.

---

[1] Собрание узак. и расп. рабоч.-крестьян. пр-ва за 1918 г., № 98 ст. 1006.

[2] ЦАОР, ф. 1318, д. № 2395, л. 2. Доклады по пп. 3, 4, 5, 6 были сделаны политическим комиссаром Ново-Александровского района. В ЦАОРе в фонде «Наркомнац» (Литовский комиссариат) сохранились копии с 17 протоколов заседаний Временного рабоче-крестьянского правительства. Сохранились копии протоколов, начиная с 13 декабря 1918 г. и кончая 10 февраля 1919 г. Протоколы не пронумерованы.

Постановили: Немедленно отправить в распоряжение Виленского совдепа до 100 человек красноармейцев Виленского полка для подкрепления его вооруженных сил.

2. Слушали: Доклад о положении в Ново-Александровске.

Постановили: Немедленно установить телефонную связь с Ново-Александровском.

3. Слушали: Доклад о продовольственном положении в занимаемых местностях.

Постановили: Ввиду надвигающегося в занимаемых местностях продовольственного кризиса приступить к организации продовольственного дела.

4. Слушали: Доклад о положении милиции в занимаемых местностях.

Постановили: Принять спешные меры к вооружению и удовлетворению жалованием милиции в занимаемых местностях.

5. Слушали: Доклад о недостатке топлива в Н. Александровске.

Постановили: Для получения топлива войти в сношение с Электрической станцией в Ново-Александровске.

6. Слушали: Доклад о материальном положении ревкомов в занятых местностях.

Постановили: Во избежание с первых дней накладывания больших контрибуций субсидировать ревкомы.

7. Слушали: Просьбу Бреславского ревкома об установлении территории его деятельности.

Постановили: Сообщить, что деятельность Бреславского ревкома может распространиться на волости, находящиеся по левой стороне ж. д. от Двинска на Вильно.

Председатель В. Мицкевич-Капсукас[1].

Из протокола совещания Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы, 24 декабря 1918 г.[2]

1. Слушали: Восстановление в Литве почтово-телеграфного и железнодорожного аппаратов.

Постановили: В связи с восстановлением почтово-телеграфного и железнодорожного аппарата в Литве послать Минскому военно-революционному комитету следующую телеграмму:

«В виду того, что уже часть Литвы освобождена и необходимо немедленно приступить к восстановлению почтово-телеграфного и железнодорожного аппарата, просим немедленно прислать в распоряжение правительства Литвы работников для организации этого дела».

2. Слушали: Необходимость переговоров с немцами о скорейшем очищении Вильно.

Постановили: 1) Поручить тов. Пестковскому выработать предложение о вступлении в переговоры об очищении ими Вильно.

2) Пригласить тов. Мануильского или Шатова для участия в переговорах.

Из протокола совещания Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы, 25 декабря 1918 г.[3]

1. Доклад председателя.

Тов. Мицкевич-Капсукас сообщает, что дан приказ комиссару Ви-

---

[1] Все печатаемые протоколы имеют подпись т. Мицкевич-Капсукас. В дальнейшем подпись во избежание повторений, опускается.

[2] ЦАОР, ф. 1318, д. № 2395, л. 3.

[3] Там же, л. 4.

ленского полка, чтобы он снесся с Виленским советом солдатских депутатов относительно переговоров о скорейшей сдаче Вильно [1].

Доклад принимается к сведению и принимается пожелание, чтобы в делегацию для переговоров вошли: представитель войсковых частей, пленных и железнодорожников.

Обращение Самарской Литовской секции Российской коммунистической партии большевиков [2]

Всем уроженцам Литвы, проживающим в Самарском районе

В Литве революция! Рабочие и беднейшие крестьяне в Литве восстали против своих угнетателей. Они прогоняют посланных империалистами жандармов-душителей и контр-революционные банды помещичьих белогвардейцев. Они стараются сбросить со своей шеи вековое ярмо буржуазии, помещиков и фабрикантов Литвы. Они стараются свергнуть вновь учредившееся буржуазное правительство Литвы, а на его место поставить власть рабочих советов Литвы. Но, чтобы все это провести, нужна организационная сила, которая поддержала бы молодые Советы рабочих и беднейших крестьян Литвы. Нужны советские и партийные работники. Силы рабочих и беднейших крестьян Литвы немногочисленны и малосплоченны; четырехлетняя бойня, затеянная империалистами, окончательно обескровила рабочих и беднейших крестьян Литвы. Мы, уроженцы Литвы, проживающие в революционной Советской России, должны поспешить на помощь своим братьям. Для этой цели формируется при 5 Виленском стрелковом полку отряд всех родов оружия. Нужны артиллеристы, кавалеристы, саперы, телеграфисты, санитары и иные специалисты, а также красноармейцы рядовые. Часть уже отправилась к литовским границам, на помощь угнетенным рабочим и беднейшим крестьянам Литвы.

Обязанность всех уроженцев Литвы, без различия национальности, как-то: литовцы, белоруссы, поляки, евреи, немцы, латыши и др., поступать в отряды. Этим ускорите завершение мировой социалистической революции, этим же самым ускорите возвращение на родину всех выселенцев, беженцев и пр., которых империалисты, литовская буржуазия до сих пор в Литву не принимали.

Желающие поступить в отряд, а также принять участие в строительстве советской власти в Литве, должны зарегистрироваться в гор. Самаре, Советская ул. № 100, клуб Коммунистов, Литовская секция РКП (большевиков). Там-же выдаются всякие справки.—

Военно-вербовочный пункт Самарской литовской секции Российской коммунистической партии (б).

Из протокола совещания Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы, 5 января 1919 г. [3]

I. а) Доклад т. Мицкевича-Капсукаса.

Заслушан и принят к сведению доклад тов. Мицкевич-Капсукаса о положении на фронте и о событиях в Вильно.

---

[1] Очевидно речь идет о переговорах с немцами о скорейшем очищении гор. Вильно.

[2] ЦАОР, ф. 1318, д. № 2409, 1919 г., л. 11. Документ без даты, очевидно относится к концу ноября — декабрю 1919 г.

[3] ЦАОР, ф. 1318, д. № 2396, лл. 7—9.

б) Письменный доклад Ракишского ревкома.

Заслушан и принят к сведению.

в) Доклад из Ковно.

18 декабря открыт Ковенский совет рабочих депутатов, 22 декабря состоялось торжественное открытие заседания Совета. Посланы приветствия Совнаркому РСФСР, спартаковцам и другим революционным организациям.

При открытии представитель Совета солдатских депутатов заявил, что Совет не допустит нападения со стороны легионеров.

Представители других партий в Совет не приняты в виду того, что принимают участие в городском самоуправлении.

Издан приказ о том, что все не исполняющие приказы Совета будут караться...

Тариба организует войско, преимущественно из пленных, имеются также и легионеры...

Послан делегат для установления связи с ближайшей частью относительно получения оружия, взрывчатых веществ и др.

В совет избрано от профессиональных союзов 5 бундовцев. Организованы следующие отделы Совета: юридический, муниципальный, военный и продовольственный...

г) Доклад из Поневежа.

Немцы уезжают и прибывают. По ночам на вокзале бывают приготовлены поезда для отбытия в сторону Радзивилишки. Немцы произвели разведку в сторону Субач. Передавали, что им отдали приказ двинуться до старой демаркационной линии; отдан приказ о сожжении моста между Субачом и Поневежем.

Решено перенести базу Красной гвардии до 120-ти человек в Субач.

Имеется до 100 винтовок и берданок.

Организованы следующие отделы Совета: труда, школьный, финансовый и продовольственный.

В Кунижский ревком входят 5 коммунистов и 5 левых ляудининков [1].

Доклад принимается к сведению и относительно Кунижского ревкома принимается следующее решение: ввиду того, что в ревкоме не может быть более 7-ми членов — Кунижский ревком, состоявший из 11 членов, распустить.

д) Доклад из Шавель.

22 и 23 декабря происходили выборы в совдеп. На фабриках выбраны коммунисты. Другие партии не выставляли кандидатов. Открытие совета предполагалось состояться 1 января.

е) Доклад из Уцян.

Военный революционный комитет составлен из 5-ти коммунистов. Издано несколько приказов. В Красную армию записалось до 30 человек. Недостает оружия.

---

[1] Так называемые народники-селяне — мелкобуржуазная националистическая партия.

Объявление Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы [6 января 1919 г.] [1]

Временным революционным рабоче-крестьянским правительством Литвы образован 6 января 1919 г. Военно-революционный комитет, который с настоящего времени является единой властью в г. Вильно и его окрестности.

Товарищи рабочие, крестьяне, трудящиеся! После долгого гнета оккупантов, после господства белогвардейских банд, польских легионеров и прочих буржуазных свор, вы можете, наконец, приступить к делу организации своей рабочей власти, выросшей из ваших мозолей и являющейся единственно способной разрушить все назревшие нужды городской и деревенской бедноты и закрепить права и свободу всех трудящихся.

Мы зовем вас, товарищи рабочие, к поддержке ваших революционных органов, создаваемых в борьбе, и к тесному сплочению своих рядов вокруг них.

Помните, что свобода рабочего класса завоевывается с большим трудом и тысячами дорогих жертв, и знайте, что в ваших руках залог вашего полного освобождения от гнета капиталистического строя.

Военно-революционный комитет г. Вильно призывает вас, т.т. рабочие, и всех граждан к исполнению следующих приказаний.

Приказ № 1

1. Все обязаны приступить к немедленному исполнению своих служебных занятий, оставаясь на местах во всех общественных, городских и прочих учреждениях. Немедленно должны быть открыты все магазины, лавки, столовые и т. д.

2. Воспрещается со спекулятивными целями продавать и покупать всякого рода продовольственные товары и предметы первой необходимости.

3. Воспрещается повышать цены на товары, продовольствие и другие предметы первой необходимости.

4. Воспрещается вывозить из г. Вильно без разрешения Военно-революционного комитета всякий товар и продовольствие.

5. Воспрещается продажа и выделка спиртовых напитков.

6. Деньги, имеющие хождение по Советской республике (так наз. царские, думские, керенки, купоны, марки), уравнены с местными деньгами, считая ост — рубль (или 2 марки) за рубль русский.

7. За неисполнение настоящих приказаний виновные будут предаваться военно-революционному суду по всем строгостям законов революционного времени.

Приказ № 3 [2] (особый) [3].

1. Приказывается всем гражданам г. Вильно и окрестностей сдать в двухдневный срок все имеющееся у них оружие и всякое военное имущество. Сдавать оружие следует в комендатуру по Георгиевскому пр., № 8.

За хранение оружия виновные будут караться по всем строгостям революционных законов, вплоть до расстрела.

2. Разрешения на право хранения и ношения огнестрельного и холостого оружия будут выдаваться Революционным комитетом.

---

[1] Газета «Коммунист», орган ЦК Компартии Литвы и Белоруссии, № 3 от 8 января 1919 г.

[2] Приводятся наиболее важные приказы.

[3] Так в подлиннике.

3. Право производства обысков и арестов принадлежит исключительно Военно-революционному комитету и может производиться лишь по его ордерам.

4. Удостоверения на право реквизиции, закупки фуража и предметов продовольствия могут выдаваться лишь Военно-революционным комитетом.

Приказ № 4

1. Г. Вильно объявляется на осадном положении, почему:

а) движение по улицам разрешается до 9-ти час. вечера;

б) электрическим и газовым освещением в квартирах разрешается пользоваться до 12 час. ночи; улицы же должны освещаться в течение целой ночи.

2. Запрещается гражданам города бесцельно собираться большими группами на улицах.

3. Все лица, производящие незаконные обыски, аресты и реквизиции, будут привлекаться к строгой ответственности.

4. Грабители, воры и налетчики будут расстреливаться на месте преступления.

5. Ставится в обязанность всем т.т. красноармейцам вести себя с достоинством вооруженного рабочего, избегать уличных инцидентов, не пьянствовать и не поднимать бесцельной стрельбы, чтобы не наводить паники на население. Пусть знают, что Красная армия пришла организованной и дисциплинированной, чтобы поддержать борющихся т.т. рабочих за революционную рабоче-крестьянскую власть — власть Советов.

За неисполнение этого приказа будут караться по исключительной строгости законов революционного времени.

Председатель Врем. революционного комитета (подпись).
Тов. председателя (подпись).

Из протокола совещания Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы, 7 января 1919 г.[1]

1. Слушали: Доклад об организации Отдела Народного хозяйства.

Постановили: Приступить к организации Отдела Народного хозяйства.

2. Слушали: Доклад о посылке на места работников.

Постановили: Для более успешной вербовки необходимых работников организовать при Управлении делами стол личного состава, которому поручить регистрацию прибывающих товарищей.

3. Слушали: Доклад о разграничении работы между сотрудниками.

Постановили: Для урегулирования делопроизводства и освобождения заведующих отделами от разных посетителей, принять следующее постоянное решение:

1) Организовать дежурство в помещениях правительства, для чего нанять трех человек, которым поручить принимать все поступающие на имя правительства телеграммы, бумаги и передавать в Управление делами. Управление делами, пересмотрев телеграммы и бумаги, возвращает их дежурному для передачи в отделы по особому реестру.

2) Вменить в обязанность дежурным направлять посетителей в соответствующие их делам отделы, выдавая им особые карточки.

[1] ЦАОР, ф. 1318, д. № 2396, лл. 10—11.

4. Слушали: Ставки и подъемное вознаграждение сотрудникам из России.

Постановили: 1) Относительно ставок придерживаться предыдущего решения, т. е. определить жалование сотрудникам на 10% меньше московских ставок.

2) Выдать подъемные всем сотрудникам, приглашенным из России.

5. Слушали. Доклад об организации на местах.

Постановили: Поручить заведующему Отделом управления, председателю правительства и гл. бухгалтеру сделать разверстку необходимых денежных средств для мест.

2) Поручить Военному отделу принять меры к добытию оружия для вооружения милиции, Отделу же управления выработать устав для милиции и представить приблизительную смету необходимого оружия.

5) Ставки сотрудникам ревкомов определить на 30% меньше московских.

Поручить Издательскому отделу разослать декреты о ставках.

Поручить столу личного состава организовать орган снабжения сотрудников продовольственными продуктами и оборудовать общежитие для приезжающих из России товарищей.

Поручить Военному отделу 7 января принять подарки, присланные для Красной армии Литвы.

Протокол совещания Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы, 8 января 1919 г.[1]

1. Слушали: Доклад о почтово-телеграф. деле.

Постановили: 1) Назначить Гудановича временно исполняющим обязанности заведующего Отделом почт и телеграфов.

2) Поручить Гудановичу немедленно приступить к организации летучей почты между ревкомами.

3) Поручить Гудановичу учредить телеграфное бюро по эвакуации из России почтово-телеграфного имущества.

4) По вопросу об условиях приема почтово-телеграфного ведомства принять предложение потель-служащих об уплате труда по декрету из средств правительства и о ставках согласно зоне.

2. Слушали: Доклад о санитарном деле в Литве.

Постановили: 1) Приступить к организации санитарной части. Для этого телеграфно обратиться в Москву для вызова врачей.

2) Командировать в Петроград товарища для закупки медикаментов на 400 кроватей, для чего ассигновать Отделу управления 20 тыс. руб.

Приказы Наркомата внутренних дел Литвы 10 января 1919 г.[2]

№ 1.

Всем организациям Коммунистической партии Литвы и Белоруссии и всем советским фракциям коммунистов.

Народный комиссариат внутренних дел обращается ко всем коммунистам и сочувствующим:

1) Немедленно приступить к образованию волостных, городских и уездных военно-революционных комитетов, состоящих из коммунистов и сочувствующих.

[1] ЦАОР, ф. 1318, д. № 2395, л. 12.
[2] Газета «Коммунист» № 6 от 12 января 1919 г.

Эти комитеты до созыва волостных и уездных советов рабочих, безземельных и малоземельных крестьянских депутатов и до выборов городских рабочих советов, созванных (съездов) и выбранных (городских советов) на основании инструкций, изданных Временным революционным рабоче-крестьянским правительством Литвы от ... декабря 1918 г., берут всю власть на местах в свои руки.

2. Все военно-революционные комитеты работают на основании инструкций, изданных Временным революционным рабоче-крестьянским правительством Литвы.

№ 3.

Всем военно-революционным комитетам.

Обязанностью всех военно-революционных комитетов, а где таковых нет, то советов рабочих, безземельных и малоземельных крестьянских депутатов является:

1. Немедленно образовать советскую милицию исключительно из рабочих и беднейших крестьян неиспорченных политически и морально. Там, где советская милиция не на этих началах образована, немедленно ее реформировать.

2. Немедленно распустить и разоружить старую буржуазную милицию.

3. В советскую милицию могут поступать из старой милиции только те рабочие и беднейшие крестьяне, которые не опорочили себя политически и морально.

№ 4.

Всем военно-революционным комитетам.

В виду того, что в советскую милицию попадает нежелательный элемент, часто враждебный рабочему классу, обязанностью военно-революционных комитетов является:

1. Исключать из советской милиции всех тех, кто, состоя на службе в милиции или на других местах при оккупантах, опорочил себя грабежами, воровством, кто содействовал спекуляции, преследованию рабочего класса и т. д.

2. Немедленно арестовать и предать военно-рев. суду всех милиционеров, бывших при оккупантах и проявивших себя, как враги рабочего класса, а теперь поступивших в советскую милицию.

№ 7.

Всех военно-революционных комитетов, а там, где таковых нет, то советов рабочих безземельных и малоземельных крестьянских депутатов,— обязанностью является:

1. Немедленно распустить все городские думы, управления и магистраты [1], и также уездные, волостные, гминные [2], парафиальные [3] сельские комитеты, устранить от должностей всех старшин, войтов [4], бургомистров и др.

2. Все функции вышеупомянутых учреждений и лиц переходят в ведение военно-революционных комитетов или советов депутатов.

Народный комиссар внутренних дел (подпись).

---

[1] Судебно-административные и податные управления.

[2] Гмина — мелкая единица сельского самоуправления, преимущественно в бывш. Польше.

[3] Приходские комитеты.

[4] Войт — выборный старшина сельского управления — гмины.

Приветственная телеграмма из Вильно от председателя правительства Литвы в Москву Ленину, Сталину, ЦИК Свердлову, 11 января 1919 г.[1]

Москва председателю Совнаркома — Ленину, копия председателю ЦИК Свердлову, копия Наркому — Сталину.

Из освобожденного Вильно Временное рабоче-крестьянское правительство Литвы шлет Российской социалистической республике свой искренний привет и благодарит за ту братскую помощь, которую оказала рабоче-крестьянская Россия пролетариату и беднейшему крестьянству Литвы. Мы твердо верим в то, что пролетариат Литвы в борьбе за свое освобождение пойдет рука об руку с российским пролетариатом и пролетариатом всего мира и, окончательно освободившись от векового гнета помещиков и капиталистов, объединится в единое братство труда без различия национальностей, уничтожит все государственные границы и создаст мировую социалистическую федеративную советскую республику.

Да здравствует российская федеративная республика!

Да здравствует вождь мировой социалистической революции тов. ЛЕНИН!

Да здравствует мировая социалистическая федеративная советская республика.

Председатель правительства Литвы Мицкевич-Капсукас.

Резолюция, принятая на митинге литовцев г. Самары 12 января 1919 г.[2]

Мы, литовцы гор. Самары, рабочие и беднейшие крестьяне, выслушав доклад, постановляем твердо и неуклонно охранять нашу завоеванную свободу и возгорающуюся мировую революцию.

Мы, литовцы, рабочие и беднейшие крестьяне, твердо и неуклонно будем вести борьбу против буржуазии и ее соглашателей всего мира, которые стараются задушить мировую революцию. Мы, литовцы, готовы отдать все имеющиеся средства, дабы удержать мировую революцию, дабы укрепить рабоче-крестьянскую советскую власть. Приветствуем Российскую коммунистическую партию (большевиков), ибо она указывает путь к свету и жизни, и ее тактику борьбы с международными хищниками.

Да здравствует Советская рабоче-крестьянская власть Литвы!

Да здравствует всемирная революция — путь к свету и жизни!

Да здравствуют вожди коммунизма т.т. Ленин, Либкнехт, Мицкевич.

Смерть и проклятие хищникам всего мира!

Резолюция, принятая на митинге рабочих г. Ново-Свенцяны 12 января 1919 г.[3]

Мы, рабочие и работницы Ново-Свенцян, собравшись на митинг 12 января [1919 г.] и выслушав доклады по текущему моменту и приветствие от рабочих и крестьян свободной Советской России, постановили: приветствовать рабочих и крестьян России, которые боролись за дело освобождения трудящихся всего мира. Мы сознаем, что эта борьба была трудна, потому что против Советской России ополчились капиталисты всех стран, которые хотели задушить очаг миро-

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 63, д. № 414, 1919 г., л. 61.
[2] ЦАОР, ф. 1318, д. № 2398, 1919 г., л. 39.
[3] Газета «Коммунист», 28 января 1919 г., № 19.

вой революции. Германская революция, которая избавила нас от гнета хищников-грабителей, явилась и стала возможной, благодаря русской революции, благодаря героической борьбы рабочих и беднейших крестьян, которые своей кровью защищали завоевания революции и этим самым указали путь германской революции.

Освободившись от гнета империализма, заявляем, что будем бороться до последней капли крови за свою свободу и независимость от антантовского капитализма.

Мы приветствуем наше Рабоче-крестьянское коммунистическое правительство Литвы и заявляем, что будем его поддерживать во всех его начинаниях в деле раскрепощения рабочих и беднейших крестьян Литвы. Первым долгом должны быть подавлены буржуазно-помещичьи белогвардейские банды — наймиты иностранных капиталистов.

Смерть литовской буржуазной Тарибе и всем ее защитникам! Рука об руку с рабочими и бедняками крестьянами России, под руководством партии коммунистов и ее славных вождей тов. Ленина и др., будем бороться до конца, до полной победы над мировыми хищниками-капиталистами.

Да здравствует раскрепощение Литвы рабочих и беднейших крестьян!

Да здравствует раскрепощение рабочих и беднейших крестьян во всем мире!

Да здравствует III красный Интернационал!

Да здравствуют его вожди тов. Ленин и др.!

Из протокола заседания Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы, 13 января 1919 г. [1]

Тов. Мицкевич делает доклад об общем положении и военном состоянии.

Слушали: О недостаточном советском строительстве в занятой части Литвы.

Постановили: 1) Переиздать брошюру «Как строить советскую власть».

2) Обратиться в ЦК, чтобы он откомандировал побольше работников на места.

Слушали: О Революционном совете Литвы.

Постановили: Учредить революционный Военный совет Литвы.

Слушали: О порядке функционирования политических, религиозных и всякого рода обществ.

Постановили: Решение откладывается до ознакомления всех членов правительства с проектом.

Слушали: Об обращении к населению Литвы.

Постановили: Раздать проект декларации всем членам правительства, чтобы каждый дал свое заключение по своей части.

Слушали: О предложении Пленбежа и Красного креста.

Постановили: ...2) Удовлетворить ходатайство общества на закупку продовольствия на месячную потребность вне пределов г. Вильно.

3) Закупку медикаментов и белья разрешить с условием невывоза из Литвы без разрешения правительства Литвы, представления описи всего закупленного и количества пленных, больных и беженцев.

[1] ЦАОР, ф. 1318, д. № 2395, лл. 13—14.

Слушали: О сыпном тифе в Ново-Свенцянах и Ошмянах.

Постановили: Поручить комиссару внутренних дел командировать врачей и фельдшеров.

Слушали: О почте и телеграфе.

Постановили: 1) Считать ответственных служащих принятыми временно, как на стаже, и назначить комиссаров.
2) Аванс служащим не выдавать, в случае если получено жалованье от Тарибы до 1 февраля 1919 г.
3) Организовать конную почту. До налаженния транспорта принимать только заказные письма, а затем и простые бесплатно...

Слушали: О запрещении вывоза продуктов первой необходимости из Литвы.

Постановили: Объявить официально о запрещении вывоза и сообщить об этом в соседние советские государства.

Слушали: Об отпуске взаимообразно средств Седлецкому полку.

Постановили: Принять меры к финансировнию тех воинских частей, которые не получают средств во время от своего штаба, а пока выдавать им средства взаимообразно...

Из протокола заседания Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы, 14 января 1919 г.[1]

1. Слушали: Поручение тов. Пестковскому, отправляющемуся в Москву в Совет Народных Комиссаров.

Постановили: 1) Просить т. Пестковского поддерживать приблизительную смету на испрашиваемый Временным революционным рабоче-крестьянским правительством Литвы у Совнаркома РСФСР аванс в сумме 180 млн. руб.
2) Добиться в Совнаркоме разрешения правительству Литвы на самостоятельное формирование воинских частей и самостоятельное их снабжение.
3) Довести до сведения Совнаркома, что Военный совет Литвы состоит из членов: Мицкевича-Капсукаса, председателя, и Морозова, члена его.
4) Просить довести до сведения Наркомпуть о тяжелом положении железных дорог в Литве.
5) Возбудить в Совнаркоме вопрос о товарообмене и продовольствии Литвы.

2. Слушали: Финансовые учреждения.
Постановили: Принять срочные меры к прекращению деятельности Ост.-банка.

3. Слушали: Декрет о земле.
Постановили: Проект декрета (с поправками) о земле одобрить.

4. Слушали: Проект об образовании летучих отрядов.
Постановили: Одобрить...

6. Слушали: Об образовании Совета Народного Хозяйства и его коллегии.

Постановили: Организовать Совнархоз Литвы из отделов: Труда, Народного хозяйства и Продовольствия...

[1] ЦАОР, ф. 1318, д. 2395, лл. 15—16.

Декрет о земле.[1]

1. Всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах Рабоче-Крестьянской Республики Литвы отменяется навсегда. Земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог.

2. Все земли, недра, воды, леса и живая сила природы в пределах Литвы отныне становится достоянием всей Республики Литвы.

3. Все земли помещичьи, майораты, б. государственные и кабинетные, церковные, монастырские и крупно-крестьянские, а также весь им принадлежащий живой и мертвый сельско-хозяйственный инвентарь, постройки и другое сельско-хозяйственное имущество переходит в непосредственное ведение республики Литвы. До образования земельных отделов все это имущество остается на попечении местных советов.

4. Какая бы то ни была порча национализированного имущества, которое с сего момента становится достоянием всей страны — считается тяжким преступлением против революции, за которое виновники будут судимы по закону революционного времени. Военно-революционные комитеты и советы рабочих, безземельных и малоземельных крестьянских депутатов делают подробную опись всего национализированного имущества и принимают меры для сохранения его в целости.

5. Земли мелких собственников остаются в пользовании тех, кто их обрабатывает. Временное революционное рабоче-крестьянское правительство Литвы пойдет навстречу всем малоземельным, желающим приступить к устройству сельско-хозяйственных коммун.

Председатель Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы В. Мицкевич-Капсукас.

14 января 1919 г.

Из постановления народного комиссариата по внутренним делам, 14 января 1919 г.[2]

1. На основании постановления Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы от 14 января 1918 г.[3] организуются виленские летучие коммунистические отряды для защиты советской власти и охраны [от] разграблений и расхищений имений и лесов, как народного достояния.

2. В летучие отряды принимаются только коммунисты и им сочувствующие. Все списки записавшихся проверяются Виленским комитетом коммунистической партии Литвы и Белоруссии и утверждаются народным комиссариатом по внутренним делам...

Приказы Революционного военного совета Литвы[4]

Приказ № 6[5].

§ 1. Всем войсковым частям и отдельным лицам военного ведомства строго воспрещаются самочинные реквизиции, обыски и выемки, а также всевозможные закупки продовольствия на территории Литвы, не имея на то соответствующего ордера от местного военно-революционного комитета.

---

[1] Газета «Коммунист» № 10 от 17 января 1919 г. Принят на заседании правительства, см. п. 3 протокола от 14 января 1919 г.

[2] Газета «Коммунист», 5 февраля 1919 г., № 26.

[3] См. пункт 4 протокола заседания от 14 января 1918 г.

[4] Рев. Воен. Совет образован 13 января 1919 г.

[5] Газета «Коммунист» № 10 от 17 января 1919 г.

§ 2. В местах, где еще не имеется ревкомов, производить закупки продовольствия, реквизиции, выемки и обыски разрешается лишь в неотложных случаях за личной ответственностью комиссаров, а также и командного состава.

§ 3. Вменяется в неуклонную обязанность всем лицам, производящим реквизиции или закупки, расплачиваться сейчас же на месте, составляя о каждом случае реквизиции соответствующие акты и описи.

№ 10 [1]

§ 1. В силу того, что довольно часто наблюдаются случаи преступных проявлений со стороны нежелательных элементов, попавших в Красную армию, что создает иногда конфликты между населением и Красной армией, Революционный военный совет Литвы предлагает всем комиссарам войсковых частей и военных учреждений приступить к немедленной реорганизации при частных и военных учреждениях судов и трибуналов.

§ 2. Комиссариату по военным делам Литвы предлагается немедленно оповестить все военные части и войсковые учреждения о том, что при занятии помещений, они должны весь инвентарь, находящийся в них, принимать по описи и строго следить за сохранением всего принятого. За расхищение и приведение в негодность инвентаря в занимаемых помещениях всецело ответственны комиссары и командный состав частей.

§ 3. Несмотря на неоднократные приказы и приказания о запрещении реквизиций, обысков и выемок без разрешения на то соответствующих органов советской власти, как войсковые части, так и остальные лица Красной армии и командного состава, довольно часто не исполняют этих приказов, мотивируя это незнанием соответствующих инструкций. Реввоенсовлит для прекращения в дальнейшем всевозможных недоразумений, возникающих на этой почве, предлагает придерживаться следующих инструкций:

а) Всякие реквизиции, обыски и выемки могут производиться лишь по ордерам местных органов советской власти.

б) Всякие закупки продовольствия частями и учреждениями могут производиться по ордерам тех же местных органов советской власти.

в) Снабжением проходящих частей ведают военные отделы комиссариата по военным делам Литвы на местах.

Председатель Роввоенсовлита Мицкевич-Капсукас.

Из протокола заседания Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы, 17 января 1919 г. [2]

Слушали: Продовольственный вопрос.

Постановили: 1) Назначить комиссию в составе трех человек для исследования злоупотреблений некоторых воинских частей в связи с реквизицией («учетом») продуктов.

3) Запретить всякую реквизицию помимо Комиссариата продовольствия и Народного хозяйства.

4) Вызвать лиц, имеющих хлебные запасы, и предложить продать таковой правительству.

5) Послать в провинцию надежных партийных сотрудников для выяснения на местах наличности продовольствия и приступить к покупке такового с местными партийными центрами.

[1] Газета «Коммунист» № 13 от 21 января 1919 г.

[2] ЦАОР, ф. 1318, д. № 2395, лл. 17—18.

6) Издать обязательное постановление о воспрещении во всей Литве выпечки сдобного хлеба.

7) Принять срочные меры к началу учета и реквизиции всех продуктов питания.

Слушали: О выдаче аванса в распоряжение Комиссариата продовольствия.

Постановили: Выдать Комиссариату продовольствия аванс в размере 300 тыс. руб.

Слушали: Проект обязательного постановления об экономии бумаги.

Постановили: Одобрить прилагаемое при сем обязательное постановление.

Слушали: Заявление комитетов партии «Поалей-Цион» и социал-демократ. партии Литвы о принятии на службу в советские учреждения Литвы рекомендуемых ими членов партии.

Постановили: Принимать только как отдельных лиц по их заявлениям.

Слушали: Об организации Бюро печати и Литовского телеграфного агентства при Временном революционном рабоче-крестьянском правительстве Литвы «Лита».

Постановили: Организовать агентство «Лита».

Из постановления Народного комиссариата по внутренним делам [1]

1. Во всех советских учреждениях равноправны все местные языки.

2. Вменяется в обязанность руководителям всех советских учреждений следить за тем, чтобы советские служащие данного учреждения, отвечая на вопросы посетителей, пользовались языком посетителей. Исключение допустимо только в тех случаях, когда спрошенный не знает языка посетителя.

3. Письменные ответы даются на том местном языке, на каком подано заявление.

4. Все неисполняющие это постановление немедленно устраняются с советской должности.

Народный комиссар по внутренним делам (подпись).

Из протокола заседания Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы, 22 января 1919 г. [2]

2. Слушали: Организация народных судов.

Постановили: Учредить при Народном комиссариате внутренних дел судебный отдел...

4. Слушали: Противодействие агитации клерикалов по поводу раздела помещичьих земель.

Постановили: 1) По поводу декрета о земле издать воззвание и вместе с декретом расклеить во всех учреждениях Литвы.

2) Перепечатать манифест правительства, декрет Совнаркома РСФСР о независимости Литовской республики и издать целый ряд листовок и воззваний, противодействующих агитации клерикалов.

3) Поручить Народному комиссариату земледелия выработать и представить на заседание в ближайшее время проект декрета о запрещении раздела имений.

---

[1] Газета «Литовский курьер» № 41 от 19 января 1919 г.

[2] ЦАОР, ф. 1318, д. 2395, лл. 18—20.

5. Слушали: Порядок издания приказов, постановлений и распоряжений комиссариатами.

Постановили: 1) Вменить в обязанность всем народным комиссариатам представлять в Управление делами копии всех ими издаваемых приказов, постановлений и распоряжений, а также копии изданных.

2) Вменить в обязанность всем народным комиссариатам все приказы, постановления и распоряжения направлять для опубликовния через Бюро печати...

8. Слушали: Запрещение въезда в Литву.

Постановили: Принять проект постановления о запрещении въезда в Литву и инструкцию Комиссариату по литовским делам относительно выдачи пропусков на право въезда в Литву.

Организовать заградительные отряды на границе Литвы, в первую очередь на ст. Молодечно.

9. Слушали: Время заседаний правительства.

Постановили: Заседания правительства делать три раза в неделю, через день, с 8 часов вечера.

Председатель Мицкевич-Капсукас.

Приказ Народного комиссариата продовольствия [1].

1. Согласно постановления Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы от 22 января 1919 г. [2] воспрещается вывоз из пределов Литовской Советской республики продовольствия и предметов первой необходимости.

Примечание. Пассажирам разрешается иметь при себе продовольствие в количестве необходимом во время пути, но не свыше 10 фунтов в общей сложности.

2. Согласно того же постановления, воспрещается въезд в пределы Литовской Советской республики всем лицам, за исключением едущих по служебным делам и уроженцам края по особым разрешениям, выданным Комиссариатом по литовским делам в г. Москве и его отделениями в Петербурге, Орле, Самаре, Саратове и Смоленске.

Примечание. Лица, не имеющие достаточных полномочий или надлежащих разрешений, подлежат возвращению от границы обратно.

3. В целях борьбы с мешечничеством, спекуляцией и контрреволюцией учреждается на границах Литвы стража, которой поручается контроль въезда, выезда, ввоза и вывоза.

Примечание. Стража находится в ведении отряда пограничной стражи Народного комиссариата продовольствия (гор. Вильно, Георгиевский пр., 36).

4. Отличительный знак пограничных стражников — красная повязка на левом рукаве с надписью «Погран. стража Времен. рев. рабоч.-крест. прав. Литвы» и красная поперечная полоска на головном уборе.

5. По требованию стражи каждый должен предъявлять документы и провозимые предметы для проверки.

6. На все задерживаемые стражей предметы выдается квитанция за подписью и печатью.

---

[1] Газета «Коммунист» № 24 от 2 февраля 1919 г.

[2] См. п. 8 протокола от 22 января 1919 г.

7. Во избежание злоупотреблений и для удостоверения личности пограничного стражника, каждый заинтересованный имеет право требовать от него предъявления служебного билета.

8. Всякого рода претензии и жалобы заносятся в особую книгу, находящуюся в пограничном пункте; книга эта выдается по первому требованию.

9. Задержанные предметы поступают в распоряжение Народного комиссариата продовольствия, от которого зависит дальнейшее их направление.

Примечание. В целях усиления контроля, населению пограничной полосы предоставляется право задерживать и доставлять в пограничный пункт лиц, тайно провозящих запрещенные к вывозу предметы. Часть задержанного таким образом продовольствия поступает в пользу местного беднейшего населения.

10. Всем учреждениям и лицам предлагается оказывать пограничной страже самое широкое содействие.

И. об. Народного комиссара продовольствия (подпись).

Из протокола заседания Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы, 24 января 1919 г.[1]

...5. Слушали: Продовольственная политика.

Постановили: Вменить в обязанность назначенной комиссии к завтрашнему дню представить план продовольственной работы и для его пересмотра назначить специальное заседание.

6. Слушали: Детали аграрной политики.

Постановили: а) Поручить Народному комиссариату земледелия в недельный срок представить обширный доклад об аграрной политике.

б) Поручить Народному комиссариату земледелия совместно с Народным комиссариатом просвещения организовать школы инструкторов по обработке земли и ведению хозяйства.

в) Составить комиссию из представителей Народного комиссариата земледелия, здравоохранения, представителя ветеринарных врачей и поручить ей в недельный срок представить свое решение об организации ветеринарного дела.

7. Слушали: Почта.

Постановили: В виду того, что по сие время конная почта не действует, напомнить Народному комиссариату почт и телеграфов о скорейшей организации таковой.

8. Слушали: Доклад т. Мицкевич-Капсукас о предстоящем съезде сельско-хозяйственных рабочих и советов.

Постановили: Для большей успешности созыва съездов принять следующие меры:

1) Вменить в обязанность заинтересованным народным комиссариатам издать ряд воззваний и писать в газетах о необходимости съездов, а также разослать циркуляр.

2) Принять меры, чтобы на всех уездных съездах, где имеется польское население, ставился вопрос об отношении Советской Литвы к Польше.

9. Слушали: Высший Совет Народного Хозяйства.

Постановили: а) Вменить в обязанность заинтересованным народным комиссариатам, не откладывая времени, организовать

[1] ЦАОР, ф. 1318, д. № 2395, лл. 21—23.

Высший Совет Народного Хозяйства и поручить ему немедленно приступить к сооружению разных мастерских, к взятию на учет всего имущества и сделать его первое заседание в понедельник.

б) Вменить в обязанность всем народным комиссариатам, имеющим отношение к производству, организовать разные мастерские.

в) Поручить Народному комиссариату земледелия позаботиться о получении земледельческих орудий, а в первую очередь тракторов.

11. Слушали: Оклады жалования правительства.

Постановили: а) Установить оклады жалования сотрудникам правительства на 15% меньше московских окладов.

б) Поручить Народному комиссариату труда выработать оклады жалования сотрудникам советских учреждений всей Литвы.

Наказ депутатам в Виленский совет рабочих и красноармейских депутатов, предложенный Коммунистической партией Литвы и Белоруссии [1]

Товарищи рабочие, выбирайте своих представителей в Совет, обязывайте их исполнять нижеследующий наказ.

Мы посылаем вас в Совет и требуем от вас:

1) Самой решительной борьбы с разрухой в области производства. Опираясь на нас, на наши производственные союзы, вы должны принять сейчас же меры к восстановлению железных дорог, к снабжению фабрик и заводов топливом, сырьем и оборудованием. Во всей работе по организации производства вы должны твердо итти по пути национализации всех фабрик, заводов и источников сырья и топлива; там же, где это немедленно провести почему-либо нельзя — установить рабочий контроль. Самая решительная борьба с саботажем всех видов со стороны предпринимателей и врагов революции.

Вы должны принять все меры к упорядочению финансов. Банки должны быть национализированы. Ввести беспощадное обложение буржуазии, помещиков и кулаков. Суровая, беспощадная борьба со спекуляцией деньгами. Экономное расходование народных денег. Строгий контроль и отчетность всех советских учреждений и работников.

2) Установление строгой трудовой дисциплины среди самих трудящихся.

3) В области продовольственной вы должны всемерно проводить в жизнь продовольственную программу Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы. Самая суровая беспощадная борьба со спекулянтами и мародерами. Хлебный налог на кулаков. Строгий учет продовольствия и всех продуктов первой необходимости. Немедленная организация рабочих заготовительных и распределительных органов. Товарообмен с деревней. Товарообмен с Советской Россией. Классовый паек. Устройство дешевых общественных столовых. Постепенное, но неуклонное проведение в жизнь принципа: кто не трудится, да не ест.

4) Борьба с безработицей. Безработные и их семьи не должны голодать. Лучшим средством для борьбы с безработицей является проведение в жизнь первого пункта этого наказа. Но пока не организовано производство, следует принять ряд мер, смягчающих это бедствие. Организация общественных работ, напр., лесных заготовок. Предоставление бесплатных квартир безработным и их семьям. Предоставление бесплатных обедов по карточкам биржи труда в общественных столовых. Бесплатная медицинская помощь. Денежное по-

[1] Газета «Коммунист» № 21 от 30 января 1919 г.

собие через биржи труда. Строгий контроль за регистрацией на бирже труда и за поступлением на работу, с целью устранения возможности для нетрудовых элементов общества пробираться в ряды безработных или получать работу.

5) Социальное обеспечение. Инвалиды труда и войны, сироты, нетрудоспособные от рождения и все вообще, кто не по своей вине не может содержать себя собственным трудом, не должны скитаться по улицам, ожидая частной благотворительности. Следует немедленно приступить к организации приютов, колоний, специальных мастерских для инвалидов и т. д.

6) Народное здравоохранение. Принимайте все меры к тому, чтобы не только больных пролетариев лечили как следует, но чтобы предупреждалась самая возможность заболевания. Для этого в первую очередь нужно рабочих из подвалов, из сырых и грязных квартир переселить в квартиры лучшие. Потесните буржуазию — пусть даст место рабочим. Во 2-х, нужен самый строгий надзор за санитарным состоянием города.

7) Народное просвещение. Руководствуясь опытом социалистической России, стройте единую трудовую школу. Ставьте возможно шире внешкольное и дошкольное образование. Ни одно дитя пролетария не должно остаться вне стен просветительных учреждений. Ни один взрослый рабочий и ни одна взрослая работница не должны остаться не приобщенными к миру знания и света.

8) В вопросе земельной политики вы должны помогать батракам, безземельным и малоземельным крестьянам и Рабоче-крест. правительству Литвы проводить национализацию земли в противовес кулацкому разделизму, который может отозваться самым гибельным образом на интересах социалистической революции.

9) Для защиты уже достигнутых революционных завоеваний и для достижения окончательной победы, социалистическая Литва должна иметь сильную классовую Красную армию. Приступайте же немедленно, по указанию Раб.-кр. правительства, к созданию этой армии, в ряды которой должны стать только пролетарии и полупролетарии города и деревни. Принимайте все меры к снабжению и вооружению ее и к введению в рядах ее самой строгой революционной дисциплины.

10) Из Вильно выброшены вооруженные шайки белогвардейцев; бежали в большинстве, лишившись защиты штыков оккупантов и польских белогвардейцев, активные контрреволюционеры. Но они оставили здесь свои ядовитые семена, своих сторонников, прячущихся по всем щелям. Вы, наши представители, должны принять все меры к тому, чтобы с корнем вырвать здесь остатки контрреволюции.

11) Вольными или невольными пособниками этих явных контрреволюционеров являются так называемые «социал-соглашатели» различных наименований. На словах они сейчас признают советскую власть, на деле же отвергают принципы этой власти. На языке у них — социализм, а в душе — страх и рабская покорность перед капитализмом. Строго следите за этими мнимыми сторонниками советской власти и при каждой их попытке снова изменить интересам социальной революции выставляйте их на суд пролетарских масс.

12) Зорко следите также за партией объединившихся авантюристов — народных социалистов и левых социалистов-революционеров. вожди которых сидят в Ковно под крылышком у Тарибы, а приспешники их занимаются здесь революционной болтовней.

13) Мы выбираем вас не для того, чтобы вы говорили, а для того. чтобы вы действовали. Следите за тем, чтобы советские служащие и

ответственные работники поменьше марали бумаги и побольше делали дела. Как можно чаще давайте нам отчет о своей работе.

Посылая вас в Совет и давая вам этот наказ, мы в заключение говорим вам:

Знайте, товарищи, что победить мы можем, только идя рука об руку с уже победившим российским пролетариатом и беднейшим крестьянством, с борющимся за победу германским, польским, украинским, латышским и эстляндским пролетариатом, с подымающимся на борьбу пролетариатом всего мира. Вы должны знать, что везде эта великая борьба за освобождение всего мира от позорной власти капитала идет под знаменем коммунизма, которое в Литве высоко держит Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии. Мы требуем от вас, наших представителей, чтобы во всей своей работе в Совете, во всей нашей великой совместной борьбе, вы шли под знаменами этой партии. Мы же со своей стороны обещаем вам во всех ваших начинаниях в духе этого наказа оказывать всемерную поддержку. Мы клянемся победить или умереть в борьбе за утверждение социализма.

Да здравствует международная социалистическая революция!
Да здравствует диктатура пролетариата!
Да здравствует мировая коммуна!
Да здравствует III Коммунистический Интернационал!

Резолюция съезда уездных ревкомов Литвы [1]

Выслушав доклад представителя правительства по продовольственной политике, съезд уездных ревкомов Литвы находит:

1. Считаясь с катастрофическим продовольственным положением, в котором оказалась Литва после оккупации, правительство правильно поступило, решив всеми силами добыть продовольствие для населения и Красной армии.

2. Съезд выражает пожелание, чтобы правительство поскорее приступило к полному учету всех продовольственных запасов края и к установлению общих твердых цен для всей Литвы, приступая к хлебной монополии.

Примечание. До проведения этого в жизнь все продовольственные агенты правительства Литвы в провинции должны действовать только в контакте с местными советскими властями.

3. Принять самые строгие меры против всякой спекуляции продуктами первой необходимости, стремясь к национализации торговли и производства.

4. Немедленно должна быть поднята самая энергичная агитация и пропаганда среди сельского населения о широкой поддержке всех мероприятий продовольственной политики Рабоче-крестьянского правительства Литвы.

Из протокола заседания Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы, 31 января 1919 г. [2]

1. Слушали: Заявление о выдаче аванса в размере 200 тыс. руб. на разные надобности почтово-телеграфного ведомства Литвы.

[1] Газета «Коммунист» № 24 от 2 февраля 1919 г. Съезд представителей военно-революционных комитетов Литвы состоялся в г. Вильно 31 января 1919 г. Съезд, кроме продовольственного вопроса, заслушал доклады представителей с мест. В докладах отмечалась большая творческая работа местных военно-революционных комитетов. Всюду по организации ревкомов учитывались и охранялись помещичьи имения, лес, создавалась советская милиция, организовывались литовские красные полки, проводилась реквизиция товаров, решительная борьба со спекуляцией и т. д.

[2] ЦАОР, ф. 1318, д. № 2395, лл. 24—25.

Постановили: Выдать аванс Народному комиссариату почт и телеграфов в сумме 190 тыс. руб.

2. Слушали: Организация суда в Литве.

Постановили: Согласиться с основными положениями докладчика и принять схему организации суда, принятую на V Всероссийском съезде Советов, со следующими поправками:

а) Крупное преступление по должности и спекулятивное подлежат ведению революционных трибуналов.

б) В народных судах число заседателей определяется два и четыре. В революционных трибуналах число заседателей трое...

3. Слушали: Общее положение о включении жел. дор. Литвы в общую сеть ж. д. РСФСР, Управлении дорогами и связи с органами НКП РСФСР.

Постановили: Одобрить прилагаемое при сем положение.

4. Слушали: Постановление о передаче в ведение жел.-дор. администрации всякого имущества, материалов, складов, находящихся на станции ж. д., а также в полосе отчуждения.

Постановили: Поручить Высшему Совету Народного Хозяйства завтра переработать постановление и опубликовать, согласно высказанному в заседании положению.

8. Слушали: Проект декрета о 8-часовом рабочем дне.

Постановили: Одобрить прилагаемый при сем проект декрета.

9. Слушали: Инструкция по организации рабоче-крестьянской городской и сельской охраны.

Постановили: Поручить Комиссариату внутренних дел опубликовать выработанную инструкцию.

Из декрета о 8-часовом рабочем дне, 31 января 1919 г.[1]

1. Рабочее время не должно превышать 8 рабочих часов в сутки и 48 часов в неделю, включая сюда и время, употребляемое на чистку машин и на приведение в порядок рабочего помещения.

2. Не далее, как через 6 часов от начала работ, должен быть устанавливаем свободный перерыв в работе для отдыха и для принятия пищи. Перерыв не должен быть короче одного часа. В течение перерывов рабочий свободен располагать своим временем и волен отлучаться из пределов предприятия.

3. Общая продолжительность всех перерывов в течение суток не должна превышать двух часов[2].

5. Продолжительность еженедельного и праздничного отдыха, предоставляемого каждому рабочему, определяется в 42 часа.

6. В производствах и работах, особенно вредных, в которых рабочие подвергаются действию специально неблагоприятных условий, или опасности профессиональных отравлений (каковы, напр., работы в сушилках чрезвычайно высокой температуры, на ртутных и белильных заводах и т. п.), рабочее время подлежит сокращению. Список таковых работ и производств, с указанием для каждой отдельной работы продолжительности рабочего времени, а также и других условий работы, составляется Отделом социального обеспечения и Охраны труда.

---

[1] Газета «Коммунист» № 27 от 6 февраля 1919 г. Проект декрета принят на заседании правительства. См. п. 8 протокола от 31 января 1919 г.

[2] П. 4 о лицах, не достигших 18-летнего возраста. Об охране труда подростков было вынесено специальное постановление Народного комиссариата труда Литвы и Белоруссии (См. газ. «Коммунист» № 66 от 25 марта 1919 г.).

7. Настоящий декрет распространяется на все предприятия и хозяйства независимо от того, кому они принадлежат, и на все лица, занятые работой по найму.

8. Всем производственным союзам предлагается следить за неуклонным проведением декрета в жизнь. О случаях нарушения довести до сведения Отдела социального обеспечения и Охраны труда.

9. Виновные в нарушении сего декрета подлежат наказанию лишением свободы и заключением под стражу на срок до 1 года, соединенному с конфискацией всего или части имущества.

10. Настоящий декрет вступает в силу немедленно со дня его опубликования.

Народный комиссар труда (подпись).

Протокол заседания Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы, 5 февраля 1919 г.[1]

1. Слушали: Доклад о положении почты и телеграфа.

Постановили: 1) Доклад принять к сведению. 2) Поручить Народному комиссариату почт и телеграфов объявить в печати, в каких местностях установлены почта и телеграф, а также объявлять о вновь восстановленных. 3) Вменить в обязанность комиссии совнархоза по снабжению, чтобы она выдавала Народному комиссариату почт и телеграфов необходимые инструменты. 4) Поручить Народному комиссариату почт и телеграфов: а) приобретать телефонные, телеграфные и радиотелеграфные аппараты за наличный расчет; б) выплатить жалование почтово-телеграфным служащим Ошмянского, Дисненского и Виленского уездов; в) представить в Народный комиссариат финансов смету расходов; 5) ассигновать в счет сметы Народного комиссариата почт и телеграфов 200 тыс. рублей.

2. Слушали: Финансовые дела:

а) О предоставлении права Народному комиссариату финансов отпускать кредиты центральным учреждениям до 2 млн. руб.

б) О представлении к 10 февраля всеми центральными учреждениями предварительных перечней приходов и расходов за январь и февраль месяцы.

в) О представлении к 1 марта всеми центральными учреждениями смет доходов и расходов за январь — июль месяцы.

г) О порядке хранения денежных сумм учреждениями.

Постановили:

Предоставить право Народному комиссариату финансов совместно с управляющим делами отпускать кредит отдельным народным комиссариатам и учреждениям до 2 млн. руб. каждому.

Вменить в обязанность всем народным комиссариатам представить к 10 февраля перечни расходов за январь и февраль месяцы по форме, выработанной Народным комиссариатом финансов.

Вменить в обязанность всем народным комиссариатам к 1 марта представить сметы доходов и расходов за январь — июль месяцы включительно.

Все денежные суммы, ассигнованные отдельным народным комиссариатам, должны храниться в Народном банке на текущем счету.

Народным комиссариатам разрешается иметь на руках не более 10.000 руб. на хозяйственные мелкие расходы.

---

[1] ЦАОР, ф. 1318, д. № 2395, лл. 26—29.

3. Слушали:
Проекты декретов и постановлений Народного комиссариата просвещения.
Постановили: 1. Вменить в обязанность Народного комиссариата просвещения:
а) К 10 февраля представить проект декрета о школьном деле, в основу которого было бы положено:
1) Бесплатное обучение.
2) Обязательное всеобщее обучение...
3) Разрешение вопроса школ церковного типа.
б) В приготовляемых проектах декретов и постановлений помещать мотивировку издания таковых, понятную массам.
2. Издать следующие декреты и постановления, предложенные Народным комиссариатом просвещения:
а) Постановление об охране культурных ценностей.
б) Постановление об освобождении от реквизиции школьных помещений.
в) Декрет об учреждении государственного художественного музея.
г) О национализации произведений художника Чурлянис[1].
Упомянутые декреты и постановления передать редакционной комиссии для окончательного редактирования.

4. Слушали: Декрет об отделении церкви от государства.
Постановили: Поручить Народному комиссариату внутренних дел к следующему заседанию представить проект декрета об отделении церкви от государства.

6. Слушали: Обязательное постановление о страховых взносах.
Постановили: Издать обязательное постановление о страховых взносах всеми правительственными и частными учреждениями, а также отдельными предпринимателями.
Окончательное редактирование постановления [поручить] Отделу социального обеспечения...

9. Слушали: Заготовка разных материалов для железных дорог.
Постановили: Поручить Народному комиссариату земледелия совместно с Народным комиссариатом путей сообщения заняться заготовкой шпал и других материалов для железных дорог.

10. Текущие дела: а) Съезд советов. б) Отчеты наркоматов.
Съезд Советов созвать на 17 февраля. Вменить в обязанность всем народным комиссариатам к 10 февраля представить отчеты о своей деятельности и денежные отчеты.

Протокол заседания Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы, 10 февраля 1919 г.[2]

1. Слушали: О проведении в жизнь мобилизации и реквизиции лошадей.
Постановили: Утвердить комиссию по проведению в жизнь мобилизации и реквизиции лошадей в следующем составе:
1) Председатель комиссии — представитель Народного комиссариата земледелия, секретарь комиссии — представитель Народного комиссариата внутренних дел, члены комиссии — представители Военного комиссариата.
2) Отпустить денежные кредиты комиссии через Управление делами.

[1] Чурлянис, Николай Константинович (1875—1913).
[2] ЦАОР, ф. 1318, д. № 2395, лл. 30—33.

3) Поручить комиссии:
а) к пятнице представить план своей работы,
б) принять меры к выяснению, какое количество лошадей возможно будет получить для нужд Литвы из 23 тыс. лошадей, имеющихся в Смоленске.

2. Слушали: Заготовки топлива и других сырых материалов в текущем зимнем периоде.
Постановили: 1) Признать необходимым использовать текущий зимний сезон для заготовок топлива.
2) Всю работу по заготовкам сосредоточить в секции топлива при Высшем Совете Народного Хозяйства Литвы.
3) Поручить секции топлива совместно с представителями производственных союзов лесо- и древо-обделки немедленно организовать кадры специалистов по заготовкам.
4) Совместно с представителями Наркомзема лесную площадь Литвы разбить на участки, сообразно с распределением железно-дорожных путей, сплавных рек и путей транспорта.
5) На участки послать не менее двух специалистов, которым оказать помощь через местные ревкомы и советы в деле организации и использования на месте рабочей силы, доставки подвод и охраны.
Примечание. Рабочую силу для эксплоатации лесных дач набирать через биржу труда.
6) Войти с ходатайством в Наркомпуть о беспрепятственной подаче платформ по первому требованию заготовителей...

3. Слушали: О лесах.
Постановили: 1. Поручить наркому земледелия совместно с Высшим Советом Народного Хозяйства в ближайшее время представить проект декрета о лесах.
2. Национализировать все лесные склады.

4. Слушали: Ветеринарное дело.
Постановили: Ветеринарное дело организовать при Народном комиссариате земледелия.

5. Слушали: Организация контроля для наблюдения за исполнением декретов и постановлений.
Постановили: Создать комиссию при Совнаркоме в составе председателя Мицкевич-Капсукаса, Управляющего делами, которой поручить наблюдение за исполнением декретов и постановлений Совнаркома, а также пересматривать и разрешать мелкие вопросы...

9. Слушали: Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви и декреты наркома просвещения.
Постановили: 1) Переработать проект декрета об отделении церкви от государства, предложенный наркомом внутренних дел, и снабдить его вступлением.
2) Выработать к нему инструкцию.
3) Издавать брошюры и листовки по этому вопросу.
4) Пересмотреть проект декрета Наркома просвещения о школьном деле.

10. Слушали: Правительственный орган.
Постановили: 1) Издавать «Известия Раб.-крест. правительства Литвы и Белоруссии» два раза в неделю на 5 языках (русском, литовском, польском, еврейском, белорусском).
2) Поручить наркому юстиции составить редакцию.
3) При управлении делами организовать бюро переводчиков для переводов декретов, постановлений и пр. документов.

11. Слушали: Народный комиссариат юстиции.
Постановили: Учредить Народный комиссариат юстиции...

Обращение к правительству Польской республики Временного революционного рабоче-крестьянского правительства республики Литвы и ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов республики Белоруссии[1]

Трудящиеся классы, рабочие и крестьяне Литвы и Белоруссии, вступившие на путь самостоятельного государственного существования, выразили свою волю — объединить Литовскую и Белорусскую республики в один государственный организм, создать единую Литовско-Белорусскую социалистическую Советскую республику.

Трудящимся классам, населяющим территории этих республик, живо чувствующим свою неразрывную связь с трудящимися классами всего мира, совершенно чужды всякие агрессивные стремления. Рабочие и беднейшие крестьяне, объединенные великими идеалами международной пролетарской солидарности, не желают разрешать спорных вопросов силой оружия. Рабочие и беднейшие крестьяне Литвы и Белоруссии ныне разрешают спорные между ними территориальные вопросы путем объединения, путем создания социалистической советской Литвы и Белоруссии. В то же самое время они стремятся находиться в возможно близкой неразрывной связи с другими своими соседями, со всеми, уже существующими на территории бывшей Российской империи социалистическими советскими республиками, с Россией, с Украиной, с Латвией, с Эстонией и создать из всех этих республик единую федеративную социалистическую Советскую республику.

Если такая государственная близость, такая федеративная связь невозможна в отношении тех народов, где вся полнота власти еще не находится в руках рабочих и беднейших крестьян, то тем не менее рабочие и крестьяне Литвы и Белоруссии, освобождающиеся от чужеземного ига и от капиталистической эксплоатации и свободно распоряжающиеся теперь своею судьбою, не хотят верить, чтобы соседние с ними народы, в отношении которых они не питают никаких иных чувств, кроме глубочайшего дружелюбия, согласны были путем насилия отторгать территории, составляющие означенные республики. Народам всегда чужды империалистические цели и агрессивные стремления.

Поэтому с особенным прискорбием Рабоче-крестьянское правительство Литвы и Центральный исполнительный комитет Белоруссии должен констатировать насильственное вторжение в Гродненской губернии, в частности в Белостокском уезде, военных сил Польши[2]. Нисколько не покушаясь на границы Польши, рабочие и крестьяне Литвы и Белоруссии должны протестовать против таких покушений со стороны Польши. Трудовые массы Белостокского уезда чувствуют свою неразрывную связь с советскими республиками Литвы и Белоруссии, ибо, несмотря на все затруднения, представители от рабочих и крестьян этого уезда принимали участие во всех съездах, имевших место за последнее время на Литве и Белоруссии. Эта связь с указанными республиками подтверждается также этнографическим составом населения этого уезда, где польский элемент составляет только меньшинство.

Заявляя свой протест против попытки со стороны Польской республики насильственным путем разрешить территориальные споры,—

[1] Газета «Звезда», г. Минск, орган Центр. бюро Минск. коммунистической партии (бол.) Белоруссии, № 376 от 18 февраля 1919 г.

[2] Речь идет о занятии польскими войсками г. Белостока и Брест-Литовска.

Временное рабоче-крестьянское правительство Литвы и Центральный исполнительный комитет Белоруссии еще раз подчеркивают, что с их стороны имеется полная готовность разрешить полюбовно и миролюбиво все спорные территориальные вопросы и потому предлагают правительству Польской республики делегировать своих представителей в смешанную комиссию, которая должна будет установить государственную границу между создающейся социалистической советской республикой Литвы и Белоруссии — с одной стороны, и Польской республикой — с другой. В случае согласия, просят правительство Польской республики указать, кого именно оно уполномачивает с своей стороны для ведения переговоров, где и когда, по его мнению, должна собраться означенная смешанная комиссия.

Председатель Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы В. Мицкевич-Капсукас.

Председатель Центрального исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Белоруссии А. Мясников[1].

Резолюция о слиянии Литвы с Белоруссией[2]

Съезд Советов рабочих, безземельных и малоземельных и красноармейских депутатов Литвы[3], выражающий волю всех трудящихся Литвы, как тех областей, где власть уже перешла в руки городского и сельского пролетариата, так и тех, которые еще находятся под игом империалистов чужих и своих, самым решительным образом протестует против попытки кучки белогвардейцев подменить истинную волю трудящихся масс, населяющих территорию Литвы, и объявляет беспощадную войну этим врагам революции и трудового народа. Съезд категорически заявляет, что только Советы рабочих, безземельных, малоземельных и красноармейских депутатов и верховный орган их — Съезд выражают действительную волю всех трудящихся Литвы и имеют право говорить от имени народов, ее населяющих.

Съезд приветствует братскую социалистическую Советскую республику Белоруссии, с глубоким удовлетворением констатирует, что стремление к объединению Литвы и Белоруссии в одну единую республику одинаково близко и желательно трудящимся Литвы, как и трудящимся Белоруссии. Поэтому, ввиду уже принятого съездом Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Белоруссии решения о слиянии Литвы и Белоруссии в одну республику, Съезд торжественно прокламирует создание единой социалистической советской республики Литвы и Белоруссии, поручает избранному им Центральному исполнительному комитету советов рабочих, безземельных, малоземельных и красноармейских депутатов Литвы слиться с Центральным комитетом Советов рабочих, крестьянских и солдатских де-

[1] Мясников Александр Федорович (1886—1925). Старый большевик-подпольщик. Погиб в 1925 г.

[2] Газета «Литовский курьер» № 70 от 22 февраля 1919 г. История слияния Литвы с Белоруссией такова: открывшаяся 2 февраля 1919 г. конференция коммунистической партии Литвы и Белоруссии признала желательным слияние Литовской и Белорусской республик. 2 же февраля 1919 г. в г. Минске состоялся первый съезд Советов Белоруссии, который признал необходимость слияния Белорусской советской республики с Литовской советской республикой.

[3] Съезд Советов Литвы состоялся 17—21 февраля 1919 г. 28 февраля 1919 г. на объединенном заседании Цент. К-та Советов Литвы и Белоруссии было избрано объединенное правительство Литвы и Белоруссии, под председательством т. Мицкевич-Капсукас.

путатов Белоруссии и избрать Рабоче-крестьянское правительство социалистической советской республики Литвы и Белоруссии.

Живо чувствуя свою неразрывную связь со всеми советскими социалистическими республиками, Съезд усматривает в слиянии советской Литвы с советской Белоруссией только первый шаг на пути объединения всех социалистических советских республик в единый государственный организм и поручает Рабоче-крестьянскому правительству социалистической советской республики Литвы и Белоруссии немедленно же вступить в переговоры с рабоче-крестьянскими правительствами РСФСР, Латвии, Украины и Эстляндии на предмет создания из всех этих республик одной федеративной социалистической советской республики. Солидарность трудящихся не может ограничиться органической близостью между трудящимися, населяющими территорию бывшей Российской империи. Трудовые народы всего мира едины в своих стремлениях, в своей борьбе, в стремлении к осуществлению своей творческой воли. Поэтому трудящиеся Литвы и Белоруссии стремятся к созданию единой социалистической республики всего мира. Съезд торжественно заявляет, что социалистическая советская республика Литвы и Белоруссии стремится жить в мире и дружбе со всеми народами; требуя уважения к воле трудового люда Литвы и Белоруссии и неприкосновенности своих границ, она свято будет чтить волю всех трудовых народов и полную неприкосновенность границ соседних с нею государств.

Съезд предлагает всем народам и их правительствам признать социалистическую советскую республику Литвы и Белоруссии и вступить с нею в непосредственные сношения.

От имени съезда Советов рабочих, безземельных и малоземельных депутатов Литвы.

Президиум Съезда.

Обязательное постановление президиума Виленского совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов[1]

1. С 1 марта 1919 г. вводятся новые хлебные и продовольственные карточки на основе классового деления населения г. Вильно на 3 категории («классовый паек»).

2. Карточки выпускаются трех различных цветов, соответственно трем категориям, на которые делится население г. Вильно.

3. Право на получение карточек принадлежит населению г. Вильно, проживающему в пределах одного из 9 участков города. Рабочим, проживающим вне города, предоставляется право возбуждать ходатайство на получение хлебных и продовольственных карточек.

4. Новые карточки выдаются населению г. Вильно при представлении домовых книг исключительно по местожительству, через соответствующих домохозяев, управляющих владением или дворников.

5. Получение продуктов по карточкам трех категорий производится на основе нижеследующего процентного соотношения: если по карточкам первой категории получают 4 единицы какого-нибудь продукта, то по карточкам второй категории получают 3 единицы и по карточкам третьей категории 1 единицу того же продукта.

6. Порядок выдачи хлеба и продовольственных продуктов с введением новых карточек устанавливается следующий: в первую очередь производится выдача по карточкам первой и второй категории одновременно; во вторую очередь по карточкам третьей категории.

---

[1] Газета «Литовский Курьер», 28 февраля 1919 г., № 75.

7. Отнесение населения г. Вильно к одной из трех категорий производится на основании нижеследующих общих положений:

1-я категория (100%).

а) Все рабочие и безработные (занятые или бывшие занятыми физическим трудом). Сюда относятся: квалифицированные обученные и простые рабочие физического труда.

б) Все ответственные работники советских учреждений и рабочих организаций, работа которых временем не ограничена.

в) Все дети и подростки до 16 лет включительно.

г) Все женщины беременные и кормящие грудью детей до годового возраста.

д) Женщины-хозяйки (без прислуги) с семьей от 3 человек.

2-я категория (75%).

а) Все рабочие и безработные квалифицированные и неквалифицированные, занятые или бывшие занятыми легким физическим трудом, и все работники умственного труда.

б) Все старики от полных 60 лет и дальше.

в) Пенсионеры, увечные воины, инвалиды и пр. нетрудоспособные первой категории, состоящие на иждивении своей семьи.

3-я категория (25%).

а) Все лица, а равно их семьи, живущие доходами с капиталов, домов и предприятий или эксплоатацией наемного чужого труда.

б) Духовенство, управляющие, директора различных частных заведений и предприятий, имеющих коммерческий характер.

в) Лица без определенного занятия (сюда же относятся и безработные, не зарегистрированные Биржей труда), и все прочее нетрудовое население.

8. Все учреждения с переменным составом (лечебные заведения, арестные дома и прочие) получают продукты по ордерам Распределительного отдела.

9. Все общественные питательные пункты (столовые, чайные и пр.) получают продукты по ордерам Отдела общественного питания.

10. Для разрешения всевозможных вопросов и для рассмотрения ходатайств отдельных лиц или профессиональных организаций о перечислении их в высшую категорию учреждается особая апелляционная комиссия, в состав которой входят: один представитель от Исполнительного комитета Виленского совета рабочих и красноармейских депутатов, один представитель от статистического отдела, один представитель от Центрального бюро производственных союзов, один представитель от Биржи труда и один представитель от Центрального карточного бюро.

11. Удостоверения о месте службы и профессии для зачисления в ту или другую категорию выдаются: а) для рабочих — фабрично-заводскими комитетами, администрацией учреждений или производственным союзом, б) для безработных и для лиц, занимающихся случайными работами (поденщики),— Биржей труда. Беременные женщины с пятого месяца беременности представляют удостоверения врача участкового или городских и общественных лечебных заведений. Матери, кормящие грудью детей, кормилицы, женщины хозяйки без прислуги, пенсионеры, увечные воины, инвалиды, нетрудоспособные члены семейства удостоверяются на основании показаний в домовой книге.

Председатель Виленского совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов (подпись).

Декларация Центрального исполнительного комитета советов Литвы и Белоруссии ко всем народам [28 февраля 1919 г.] [1]

Вильно, 26 февраля [2] (Роста). Сегодня на торжественном заседании объединенного Центрального исполнительного комитета советов Литвы и Белоруссии принята следующая декларация: «Центральный исполнительный комитет рабочих, малоземельных и безземельных крестьянских и красноармейских депутатов социалистической советской республики Литвы и Белоруссии, во исполнение воли Съезда советов Литвы и Белоруссии, вторично обращается ко всем народам и их правительствам с предложением признать социалистическую советскую республику Литвы и Белоруссии и вступить с нею в сношения.

Центральный исполнительный комитет подчеркивает еще раз свою полную готовность разрешать все спорные вопросы полюбовно и миролюбиво и с величайшим возмущением констатирует, что правительство Польской республики не ответило на его предложение о создании смешанной комиссии для разрешения спорных территориальных вопросов между республикой Литвы и Белоруссии, с одной стороны, и Польшей — с другой, и продолжает свое наступление.

Через голову этого реакционного правительства, пытающегося выполнить роль палача социалистической революции на Литве и Белоруссии, ЦИК обращается к трудящимся массам Польши и еще раз категорически заявляет, что трудовым массам Литвы и Белоруссии совершенно чужды всякие завоевательные стремления; они ничего больше не желают, как мирных сношений и близости с трудящимися всего мира и прежде всего со своими ближайшими соседями. Но теснимые литовскими, белорусскими, польскими белогвардейцами рабочие и беднейшие крестьяне Литвы и Белоруссии готовы скорее умереть, нежели сдать свою свободу и завоевания своей революции.

ЦИК, подтверждая свою готовность разрешить мирным путем все спорные вопросы, в то же время призывает к оружию всех, кому дорога свобода и социализм, призывает на борьбу против насильников, капиталистов и эксплоататоров, стремящихся задушить революцию и уничтожить власть рабочих и крестьян на Литве и Белоруссии.

ЦИК поручает избранному им Рабоче-крестьянскому правительству немедленно снестись с правительствами Антанты по вопросу о мирных переговорах на Принцевых островах [3], но в то же время требует от него принятия самых решительных мер для обороны советской социалистической республики Литвы и Белоруссии от наступления вооруженных сил объединенного империализма».

---

[1] Газета «Северная Коммуна», Известия исполнительного комитета советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов Северной обл. и Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов, 1 марта 1919 г., № 48/241. Публикуемая декларация принята на объединенном заседании ЦИК Советов Литвы и Белоруссии, на котором было избрано правительство Литвы и Белоруссии.

[2] Ошибка: следует «28 февраля 1919 г.».

[3] Речь идет о созыве в начале 1919 г. конференции «всех воюющих сторон в России» якобы для «братского единения всех народов в одну семью». Проектировалась конференция державами Антанты с участием представителей держав Согласия для выработки соглашения, главным образом, против Советской России.

Советское правительство согласилось на участие в конференции при условии, что размер территориальных уступок будет определяться фактическим положением воюющих сторон к моменту заключения соглашения. Однако, конференция, прикрытая такими фальшивыми лозунгами, не состоялась.

Декрет Временного рабоче-крестьянского правительства Литвы, 2 марта 1919 г.[1]

1. Все существовавшие доныне в Литве сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и гражданские чины упраздняются.

2. Всякие звания (дворянина, купца, мещанина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (советники, ассесоры и т. д.) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения Литвы наименование — граждан рабоче-крестьянской республики Литвы.

3. Имущества дворянских сословных учреждений немедленно передаются соответствующим советам рабочих, безземельных и малоземельных крестьянских депутатов.

4. Имущества купеческих и мещанских обществ немедленно поступают в распоряжение соответствующих городских советов рабочих депутатов.

5. Все сословные учреждения, делопроизводства и архивы передаются немедленно в ведение соответствующих советов.

6. Настоящий декрет вступает в силу со дня опубликования и немедленно приводится в исполнение местными советами рабочих, безземельных и малоземельных крестьянских депутатов и временных революционных комитетов, где они имеются.

Председатель Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы В. Мицкевич-Капсукас.

Декрет Совета Народных Комиссаров Литвы и Белоруссии о реорганизации школьного дела[2].

Приступая к реорганизации всего дела народного образования и просвещения на новых началах, Совет Народных Комиссаров Литвы и Белоруссии в первую очередь постановляет:

1. С момента издания настоящего декрета все частные школы переходят в руки государства в лице местных органов народного просвещения. Обучение во всех школах бесплатное.

2. Посещение школ детьми в возрасте от 8 до 17 лет обязательно под ответственностью родителей или лиц их заменяющих.

3. Во исполнение принципа об отделении церкви от государства, преподавание в школах каких бы то ни было религиозных предметов (закона божьего, библии и т. д.) воспрещается. Все школы конфессионального характера, как-то: церковные, приходские, хедера и талмуд-торы и т. д., закрываются и на их место открываются школы общегражданского типа. Все школьные часовни и им подобные учреждения закрываются.

Примечание: Обучение детей религии является частным делом родителей, но без права принуждения к этому детей.

4. Лицам, принадлежащим к духовенству, воспрещается занимать какие бы то ни было должности в школах.

5. Преподавание в школах ведется на родном языке учащихся. Кроме родного языка должен преподаваться один из пяти языков республики, по указанию наркома просвещения.

---

[1] Газета «Коммунист», 2 марта 1919 г., № 48.

[2] Там же, 30 марта 1919 г., № 71.

6. Во всех школах вводится совместное обучение мальчиков и девочек.

Председатель Совета Народных Комисаров Литвы и Белоруссии
В. Мицкевич-Капсукас.

Декрет Совета Народных Комиссаров Литвы и Белоруссии о трудовой повинности по обороне страны [1].

В виду необходимости для обороны Советской республики использовать все наличные силы страны, и исходя из того, что в то время, как рабочие и крестьянская беднота оказывают на фронте геройское сопротивление белогвардейским бандам, буржуазия, ожидающая тщетно возвращения белых, не несет никаких трудовых повинностей перед Рабоче-Крестьянской республикой, Совет Народных Комиссаров постановляет предоставить уездным и губернским военным комиссарам, а в полосе фронта также командирам отдельных воинских частей не ниже полка, право через местные советы, исполкомы или ревкомы (сельские, волостные, уездные и губернские) призывать на необходимые по военным соображениям работы мужчин в возрасте от 18 до 45-ти лет, живущих на нетрудовой доход, пользующихся наемным трудом или не имеющих определенных занятий и не зарегистрированных на бирже труда. Исключаются лишь из сего воспитанники учебных заведений и лица, имеющие удостоверение о болезни от врачей, состоящих на советской службе.

Местные советы, исполкомы или ревкомы обязаны по первому же требованию военных властей выслать в места, по их указанию, потребное количество рабочих рук, из числа подлежащих призыву на работы, командируя на каждую партию не свыше 100 человек одного своего представителя, который должен освидетельствовать именные списки лиц и заверять своей подписью расписки их в получении причитающегося вознаграждения.

Оплата труда призванных производится по соответствующим ставкам проф. союзов.

При работах должен соблюдаться декрет о 8-часовом рабочем дне, а также нормы, установленные для обстановки работ тарифными положениями и правилами внутреннего распорядка соответствующих профессиональных союзов. Равно на занятых трудовой повинностью распространяется действие положения о социальном обеспечении трудящихся, и они подлежат надзору инспекции труда, санитарной и технической инспекции наравне со всеми прочими видами труда. Отбывающие трудовую повинность на время работ должны переводиться в соответствующую исполняемой работе продовольственную категорию.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Мицкевич-Капсукас.

Декрет о порядке национализации и секвестра промышленных предприятий на территории Литвы и Белоруссии [2]

1. Национализация и секвестр промышленных предприятий производится исключительно Высшим Советом Народного Хозяйства и утверждается Советом Народных Комиссаров.

2. Управление всеми национализованными предприятиями переходит к Высшему Совету Народного Хозяйства Литвы и Белоруссии

[1] Газета «Звезда» № 409, от 30 марта 1919 г.
[2] Газета «Звезда» № 409, 30 марта 1919 г.

3. Никакое учреждение не имеет права впредь производить национализацию и секвестр (или другой вид отчуждения) предприятий, помимо Вышсовнархозлитбела.

4. Все учреждения, постановлениями коих национализованы или секвестрованы промышленные предприятия на территории республики, обязаны в 3-недельный срок со дня опубликования настоящего декрета возбудить ходатайство перед ВСНХ об утверждении их постановлений...

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Мицкевич-Капсукас.

Речь тов. Калинина на объединенном заседании ЦИК Литвы и Белоруссии, Минского совета, Совета профессиональных союзов и правлений всех профессиональных союзов [20 июня 1919 г.] [1]

Товарищи участники объединенного собрания высших правительственных учреждений и ответственные представители органов Литвы и Белоруссии,— позвольте мне приветствовать в вашем лице литовско-белорусский народ, позвольте в лице Минского совета приветствовать местный революционный пролетариат и Красную армию города Минска.

Товарищи! Принципы коммунизма в своих основах говорят, что каждая национальность, имеющая отличительные черты в экономическом или других отношениях, имеет право не только самоопределиться, но даже и отделиться, может представить собой совершенно суверенное государство. Как только Российская коммунистическая партия стала у власти, она эти принципы провела в жизнь; на одном из своих съездов она дала право малым народностям на отделение. Но, если мы принимаем это принципиальное предположение, то это вовсе не значит, чтобы всегда была выгода делиться.

В такие периоды, когда вопрос о победе каждый день стоит на чашке весов, когда перед нами стоит вопрос, кто победит: буржуазия или трудящиеся массы, то в такие ответственные моменты, разумеется, объединение, полное слияние всех советских республик, всех угнетенных классов имеет огромное значение. Поэтому вполне естественно, если в вашем ЦИК возник вопрос о слиянии и если этот вопрос нашел самый живой отклик в Советской России.

Ваше предложение имеет огромное значение в истории социальной революции. Российская Советская республика идет навстречу вашему предложению. Этот вопрос рассматривался в ВЦИК и он разрешен в положительном смысле.

Окружение Литвы и Белоруссии врагами опасно для Советской России, опасно и для Советской Венгрии. Теперь весь мир разделился на два лагеря: революционный и контрреволюционный. Поэтому, то объединение, которое здесь фиксируется, необходимо по существу. Мы сознаем, что победа империалистов на вашем фронте есть наше поражение. И вот поэтому Российская Советская республика послала вам военную помощь. Я не сомневаюсь, что во все тяжелые моменты на западном фронте Россия будет вас защищать.

Мы вступаем в полосу действительного объединения. Это фиксируется в защиту общности фронта. Это снова спаяет нас тесными узами. Этот союз даст нам возможность победить наших врагов и укрепить власть обоих социалистических советских республик (шумные овации).

---

[1] Газета «Звезда» № 468, 22 июня 1919 г.

Речь тов. М. И. Калинина на собрании батраков в имении «Игнатичи» [21 июня 1919 г.][1]

Товарищи! Я должен вам сказать, что наша советская власть предъявляет к вам и ко всем рабочим советских имений те же требования, какие эта власть предъявляет ко всем рабочим вообще. Вы, батраки, являетесь такими же рабочими, как и рабочие фабрик и заводов в Петербурге, Москве и др. городах.

Если советская власть предъявляет к крестьянам, как к мелким собственникам, несколько иные требования, чем к рабочим, то еще раз повторяю и прошу вас это хорошенько запомнить, что вы, батраки, те же рабочие, что и в городах.

Определенно вам заявляю, что вы ни в коем случае не можете считать себя хозяевами имения, так как все советские имения принадлежать всему трудовому народу, принадлежат государству. Советские имения — это такая же собственность государства, как фабрики и заводы. Вы, батраки, являетесь приказчиками государства, так как все мы, рабочие и советские служащие, являемся такими приказчиками (почтовый служащий, сотрудник комиссариата земледелия, председатель волостного исполкома, рабочие на заводах, и батраки в имениях — все мы — только приказчики государства).

То имущество, на котором мы работаем, например, земля, машины и т. д., является собственностью всего государства. Ни в коем случае нельзя делить государственное имущество. Ведь, если бы, например, московские или петербургские рабочие разделили между собой те фабрики и заводы, на которых они работают, то что бы из этого получилось. А вот что: одному бы досталась одна часть машины, другому другая, третьему какая-нибудь деревянная часть, а в общем фабрика пропала бы, рабочие остались бы без работы, и все государство потерпело бы большой убыток. В первое время, когда рабочие только стали у власти, были случаи, когда несознательные стали делить заводы, даже оконные рамы — и те были вынуты. Но скоро рабочие поняли, что такие поступки весьма вредны, гибельны для рабочих и для всего государства, а поэтому рабочие приостановили всякую дележку, даже выбросили мысль из головы о том, чтобы делить заводы и фабрики. То же самое нужно сказать и о советских имениях, которые, в сущности говоря, являются теперь фабриками хлеба для всего государства.

Есть среди батраков некоторые несознательные отдельные личности, которые говорят, что при помещиках батракам жилось в имениях лучше, что помещики разрешали батракам держать корову, свинью и даже теленка. По этому поводу я вам, товарищи, вот что должен сказать. Когда крестьяне освободились от крепостной зависимости, то некоторые старые кухарки, повара, лакеи, кучера и другая помещичья челядь стали говорить: «Ох, и настали ныне времена плохие. Раньше, при крепостном праве, лучше нам жилось». Нельзя брать, товарищи, примера с этой барской челяди.

Совершенно верно, помещики позволяли иногда своим батракам держать коров и свиней, но почему это они делали. Да только потому, товарищи, чтобы прикрепить батрака к своему имению, чтобы он не уходил к другому помещику или на какую-либо другую работу. Вот, товарищи, для чего все это делалось, и вам, свободным теперь гражданам, завидовать этому не приходится.

Вы, товарищи-рабочие, должны относиться к советским имениям точно так же, как городские рабочие относятся теперь к фабрикам и

[1] Газета «Звезда» № 470, 25 июня 1919 г.

заводам. Ни на одну минуту вы не должны забывать, что советское имение есть народное добро.

Вы должны сделать так, чтобы ваш труд был производительным, т. е. чтобы ваша работа давала возможно больше хороших результатов. На фабриках и заводах, во всех городах рабочие ввели, так называемый, рабочий контроль, а потому и вы, товарищи, у себя в имениях должны завести этот контроль, т. е. сами должны следить за тем, чтобы работа шла хорошо, чтобы во-время производились запашки, посевы, сенокосы, чтобы не расхищалось народное добро — имущество советских имений.

Во главе имений поставлены управляющие, т. е. люди, которые знают сельское хозяйство. Некоторые батраки жалуются, что среди управляющих есть много бывших помещичьих управляющих, и что эти люди разводят контрреволюцию.

Вы, товарищи-рабочие, конечно, должны смотреть за тем, чтобы управляющие не сеяли контрреволюцию, и если управляющие этим делом не занимаются, а сельское хозяйство ведут хорошо, то такие управляющие вполне могут оставаться на своих местах. Рабочий контроль, который будет введен в советских имениях, будет контролировать и управляющих, т. е. будет смотреть, хорошо ли управляющий ведет хозяйство, строго ли он следит за тем, чтобы не расхищалось советское имущество и пр.

Прощаясь с вами, товарищи-рабочие, я прошу вас возможно лучше относиться к своим обязанностям. Помните, товарищи, что когда мы, рабочие, стали у власти, то интеллигенция, шедшая в то время против нас, бросила работу (саботаж) и говорила: «Вот, посмотрим, как рабочие справятся без нас. Они ничего не знают и потому все дело у них развалится». Прошло уже много времени, трудно нам временами бывало, однако дело наше не развалилось и, если бы не черносотенные генералы Деникины и Колчаки, то мы нашу новую жизнь построили бы очень хорошо.

Позвольте мне, товарищи, передать от вас привет всем московским и петроградским рабочим и сказать им от вашего имени, что вы так же, как и они, будете хорошо работать, будете строить нашу новую жизнь и будете бороться против тех врагов советской России, которые ее теперь окружают. **(Аплодисменты).**

Из обращения Центрального Исполнительного Комитета советов Литвы и Белоруссии к пролетариату республики, 4 мая 1919 г.[1]

Боевые действия, разыгрывающиеся на территории ССР Литвы и Белоруссии, и вторжение в ее пределы банд польских легионеров требует от всех рабочих и беднейших крестьян Литвы и Белоруссии, от всех трудящихся республики, где бы они ни находились, чтобы, разбив наголову белогвардейских насильников, избавить страну от их погромов, зверств и преступлений и дать возможность трудящимся использовать великие завоевания коммунизма.

Особо важная и ответственная задача ложится на пролетариев, занятых в железнодорожном и почтово-телеграфном деле.

Современная война вообще, а гражданская война пролетариата за свое освобождение в особенности,—немыслимы без тесной связи между борющимися по всей стране отрядами, без возможности скорой переброски подкреплений, без правильного подвоза необходимых запасов.

Железнодорожники и работники почты и телеграфа.

---

[1] Газета «Звезда» № 429, 6 мая 1919 г.

Вы должны, наравне с другими вашими товарищами, братьями красноармейцами показать всему миру, что может сделать пролетарий, борющийся за свою власть и свободу.

Все как один за работу! На борьбу с расхлябанностью, с разрухой транспорта и почтово-телеграфной связи призывает вас ЦИК Советов Литвы и Белоруссии.

Должна быть установлена самая строгая трудовая дисциплина, чтобы транспорт, почта и телеграф могли действительно быть на высоте всех предъявленных нуждами защиты республики требований.

ЦИК Советов Литвы и Белоруссии предваряет, что со всеми саботажниками, со всеми шкурниками, со всеми, работающими спустя рукава, советская власть будет бороться беспощадно, не останавливаясь перед применением самой суровой кары.

За председателя ЦИК Советов Литвы и Белоруссии (Подпись).

Из истории борьбы карельского народа за власть Советов

В царской России —«тюрьме народов» карельский народ был одним из самых обездоленных и бесправных узников. Не даром Карелию во времена царизма называли «подстоличной Сибирью». Этот край был местом ссылки и каторжного труда, нищеты и голода, болезней и массовой неграмотности.

Великая Октябрьская революция освободила карельский народ, открыла ему дорогу к счастью, превратила Карелию в цветущую, богатую страну.

Советская Карелия родилась и крепла в длительной, ожесточенной революционной борьбе против врагов карельского народа.

Не раз финская белогвардейщина пыталась оторвать трудящихся Карелии от страны Советов. В 1918 г. белая Финляндия, подавив руками палача Маннергейма революцию в своей стране, при помощи Антанты организует вооруженные походы для захвата Карелии. Весной 1918 г. финская белая армия, главнокомандующий которой генерал Маннергейм заявил, что он не опустит своей шпаги, прежде чем Карелия не будет захвачена,—наступает на Кемь. Совместными усилиями карельских, финских и русских рабочих авантюра была ликвидирована, но ободренные английской оккупацией советского Севера, белофинны организуют целый ряд грабительских набегов на территорию Карелии. В 1918 г. они захватывают сначала Ребольскую, а немного позднее Поросозерскую пограничные волости, весной 1918 г. доходят почти до Петрозаводска и Лодейного поля, т. е. вторгаются в среднюю и южную Карелию. Таким образом, почти вся территория Карелии была охвачена боевыми действиями.

Дружными усилиями отрядов Красной армии, карельских партизан и бывших финских красногвардейцев, ценою жертв лучших сынов Карелии,— белофинны были разгромлены. К февралю 1920 г. фронт белых был разрушен и весною 1920 г. в Карелии была восстановлена советская власть. Только Ребольская и Поросозерская волости продолжали еще оставаться во власти белых вплоть до заключения в октябре 1920 г. Юрьевского мирного договора между Советской Россией и Финляндией.

Белая Финляндия, вынужденная принять предложение советского правительства о заключении перемирия, не отказалась от своих захватнических стремлений. 24 апреля в Райяоки, где происходили переговоры о заключении перемирия, прибыли уполномоченные от так называемого областного съезда Карелии во главе с неким Тихоновым. Эта делегация, состоявшая из крупных лесных поставщиков и спекулянтов, вручила представителю советской мирной комиссии заявление, в котором говорилось о желании Карелии стать нейтральной и самостоятельной страной. Это провокационное заявление было сфабриковано по указке белофинских агентов и использовано для оттягивания мирных переговоров. Это наглое заявление кучки кулаков, пытавшихся выступить от имени всей Карелии, вызвало бурю негодования среди трудового карельского народа. По всей Карелии прокатилась волна митингов, собраний, съездов, на которых трудовое население Карелии выражало свой протест против попыток белой Финляндии присоединить к себе Карелию и выражало желание жить в тесном союзе с Советской Россией.

1 июля 1920 г. в Петрозаводске открылся 1-й Всекарельский съезд, созванный по предложению Олонецкого уездного исполкома, имевший большое историческое значение в жизни карельского народа.

Съезд, выразивший волю свыше 100 тыс. карел, в своей резолюции от 3 июля заявлял, что трудовое карельское население не хочет порвать культурных, экономических, политических и государственных связей с Советской Россией и не желает присоединения к белой Финляндии. Карельский народ чувствует себя свободным в пределах Советской России и под капиталистическое ярмо ни Финляндии, ни какого-либо иного государства не пойдет. Съезд приветствовал образование Карельской трудовой коммуны, созданной постановлением ВЦИК Советов от 7 июня 1920 г. Карельская трудовая коммуна явилась объединением населенных карелами местностей Олонецкой и Архангельской губерний, для борьбы за социальное и политическое освобождение трудящихся Карелии. Временный исполнительный орган КТК Карельский ревком должен был подготовить созыв 1-го Съезда советов для определения организации органов власти в КТК [1].

Жизнь КТК регулировалась и развивалась дальнейшими декретами и постановлениями советского правительства (4 августа 1920 г.— декрет об организации КТК, 14 октября 1920 г.— декрет об организации Совета народного хозяйства КТК, 26 апреля 1921 г.— постановление СНК о том, что руководство народным хозяйством КТК принадлежит Экономическому совету КТК и т. д.).

КТК получила право устраивать свои дела, организовать свое советское хозяйство и народное просвещение по принципу автономии и, пользуясь правом самостоятельности, являлась в то же время федеративной частью Советской России не только в политическом, но и в экономическом отношении.

В период работы I Всекарельского съезда по предложению Советского правительства возобновились мирные переговоры между Советской Россией и Финляндией. Результатом переговоров было заключение 13 августа 1920 г. перемирия, а в октябре того же года мирного договора между Советской Россией и Финляндией.

По мирному договору Советская Россия, идя навстречу экономическим интересам Финляндии, передала ей Печенгскую область, Финляндия же, в течение 40 дней по вступлении в силу мирного договора, обязана была освободить от своих войск Ребольскую и Поросозерскую волости.

Но, несмотря на заключение мирного договора, финская буржуазия не оставила своих планов создания «Великой Финляндии». Наоборот, провал плана добиться присоединения Карелии к Финляндии дипломатическим путем еще больше озлобил влиятельные финляндские активистские круги, оказывавшие чрезвычайно большое влияние на финляндское правительство еще во время мирных переговоров. Эти активистские круги заранее обсуждали и готовили план военного захвата Карелии на случай неудачного исхода переговоров. В шюцкоровских и армейских кругах, особенно среди егерей, в националистическом буржуазном обществе, подписание Юрьевского мирного договора было встречено открытым возмущением. Теперь белогвардейцы при непосредственной помощи финских активистов начали готовить новое нападение на территорию Карельской трудовой коммуны.

Плян белогвардейцев сводился к тому, чтобы ударить по северо-западной границе Советской России одновременно с наступлением остатков петлюровских банд на юге. Первоначальный же план активистов состоял в том, чтобы в отходящих по мирному договору к Советской России областях Ребола и Поросозера создать активистские отряды для сопротивления советской власти. Эти отряды по их планам должны были продержаться там до тех пор, пока между Советской Россией и Финляндией не возникнут такие отношения, кото-

[1] Всекарельский съезд Советов состоялся в феврале 1921 г.

рые приведут их к разрыву мирного Юрьевского договора или к вмешательству в конфликт других держав. Этот план, так назыв. «медвежьей берлоги», который активисты подготовляли в конце 1921 г. путем завоза в Реболы оружия и добровольцев, под давлением генерала Маннергейма, был признан неудовлетворительным.

Новый план финляндских активистов состоял в том, чтобы вторгнуться вглубь Карельской трудовой коммуны и организовать вооруженную борьбу, придав ей характер восстания местного населения.

Для осуществления этого плана по всей Финляндии начала проводиться кампания неслыханной антисоветской лжи и провокаций. Открыто происходил сбор средств и вербовка добровольцев для отправки в Карелию, на территорию Карелии из Финляндии засылались белофинские агенты, которые, при поддержке местного кулачества, вытащив свой старый лозунг «Карелия для карелов», стремились поднять местное население на борьбу с советской властью.

Через пограничный городок Лъекса, служивший этапным путем, при помощи белофинских агентов на территорию КТК перебрасывалось оружие для раздачи кулацким элементам. Через этот же город отправлялись в Карелию завербованные белофинские отряды под руководством белофинских офицеров.

В октябре 1921 г. банда в 60 человек под командой белофинского офицера Токкинена перешла финляндскую границу в районе Ребола и направилась в район Сегозера. С этой бандой перешли границу и белогвардейские агитаторы, такие, например, как Сидоров — бывший член белогвардейского ухтинского правительства. Вслед за этим, в течение октября через границу перешло еще несколько групп белых и сконцентрировались в Вокнаволоцкой, Кимасозерской и Ухтинской волостях.

Пользуясь отдаленностью от центра и отсутствием в этих местах достаточных вооруженных сил, бандиты захватили ряд деревень, расправляясь при этом не только с коммунистами, но и с учителями, советскими работниками.

Первоначально белофинны, не встречавшие на своем пути сколько-нибудь крупных частей Красной армии, имели успех в своем продвижении вглубь Карелии.

20 декабря 1921 г. Карелия была объявлена на осадном положении. Для действительного укрепления советской власти и окончательной ликвидации бандитизма, был создан Военно-революционный комитет Карельско-Мурманского района и местные революционные комитеты, к которым перешла вся полнота власти. На фронт были направлены новые войсковые части и это решило судьбу белофиннов.

Большую роль в разгроме белобандитов сыграл поход отряда лыжников-финнов интернациональной военной школы в Кимасозере. Этот отряд, под командой народного героя тов. Антикайнена, отправился из Ленинграда на фронт 5 января 1922 г., имея специальное задание: произвести со станции Масельгской нападение на Реболы и оттуда на Кимасозеро, где, как предполагали, находился штаб белых. После очищения указанных областей отряд должен был двинуться на Ругозеро для соединения с одной из колонн (средней) красных.

Лыжники под командой т. Антикайнена блестяще выполнили свое задание. Кимасозерская операция явилась сокрушительным ударом для белых. Она заставила их приступить к эвакуации на всех участках фронта.

В феврале 1922 г. белобандиты были разбиты на всех участках и бежали к своим хозяевам в Финляндию.

Отступление белых сопровождалось зверским грабежом и опустошением. Бандиты уничтожали деревни, попадавшиеся на их пути, убивали и даже сжигали скот, как например, в Ухте и Ювалакше, путем обмана и насилий уводили в Финляндию местное население, большинство которого составляли женщины и дети.

Карельский народ, при братской помощи русского народа, сумел разгромить бандитов, сумел отстоять и укрепить советскую власть.

Сразу же после ликвидации бандитизма правительство Советской Карелии, при помощи Советского Союза, приступило к восстановлению хозяйства Карелии и ликвидации следов войны.

Успехи хозяйственного и культурного развития Карелии и увеличение ее территории обеспечили преобразование Карельской трудовой коммуны декретом ВЦИК и СНК от 25 июля 1923 г. в автономную советскую социалистическую республику.

В июне м-це 1940 г. исполнилось 20 лет со дня образования Карельской трудовой коммуны, когда карельский народ положил начало своей национальной автономии.

За годы своего существования Карельская АССР превратилась в цветущую советскую страну.

В результате мудрой сталинской внешней политики СССР обеспечил безопасность своих северо-западных границ. Новые территории, отошедшие к СССР по мирному договору с Финляндией, за небольшим исключением, примыкающие непосредственно к Карелии, решением Верховного Совета включены в состав Карельской АССР, а сама Карельская автономная республика превращена в союзную социалистическую Карело-финскую республику.

Преобразование Карельской автономной республики в союзную Карело-финскую республику явилось результатом мудрой ленинско-сталинской национальной политики советской власти. Оно «будет способствовать дальнейшему хозяйственному и культурному развитию этих двух родственных народов и укреплению их братского содружества. Оно положит конец культивировавшейся на протяжении многих лет врагами финского и карельского народов вражде и розни между обоими народами» [1].

Публикуемые ниже документы освещают события, относящиеся к истории Карелии 1920—1922 гг., к периоду ожесточенной борьбы карельского народа за власть советов с врагами, пытавшимися оторвать Карелию от советской России, к периоду борьбы советского народа и частей Красной армии с белыми бандитами и разгрома их.

Д. Эпштейн.

Выписка из протокола заседания Олонецкого уездного исполнительного комитета, 28 апреля 1920 г. [2].

Слушали: Присланный при отношении от 22 апреля Видлицким волисполкомом протокол с резолюцией протеста общего собрания тр-н Княщинского и Видлицкого обществ против желания Финляндии присоединить к ней Карелию и заявление членов исполнительного комитета по помещенному в газете сообщению корреспондента «Петроградской правды» от 25 апреля № 89 о прибытии в Райяоки уполномоченных, якобы, от областного съезда Карелии, с заявлением о признании Карелии нейтральной и самостоятельной страной [3].

Постановили: Ввиду прочтенной заметки в № 89 «Петроградской правды» о поданном председателю русской делегации заявлении [4]

[1] Жданов. Доклад на VI Сессии Верховного Совета СССР.

[2] Центральный. арх. Карело-Финской ССР, ф. губисполкома, д. № 34/82, л. 12.

[3] 24 апреля 1920 г. в Райяоки, где происходили переговоры о заключении перемирия между Советской Россией и Финляндией, прибыли уполномоченные от т. н. областного съезда Карелии. Эти уполномоченные, состоявшие из крупных лесных поставщиков и спекулянтов, вручили представителю советской мирной делегации заявление, сфабрикованное по указке белофиннов, в котором содержалась просьба к советскому правительству признать Карелию нейтральной и самостоятельной страной. Заявление это было использовано Финляндией в ее притязаниях на Карелию и оттягивании мирных переговоров.

[4] Заявление было вручено не председателю комиссии, а представителю НКИД в комиссии по мирным переговорам.

уполномоченными, якобы, от областного съезда Карелии, в котором [они] просят советское правительство признать Карелию нейтральной и самостоятельной страной,— что население уезда чисто карельское в числе 40 тыс. человек не только не посылало на областной съезд карел своих делегатов, но даже и не слышало ничего о таком съезде, и ввиду поступающих от обществ и деревень Олонецкого уезда протоколов протеста против желания Финляндии закабалить красную Карелию, а также принимая во внимание, что на всех семи уездных съездах Советов вопроса о самостоятельности Карелии не возбуждалось и постановлений не выносилось, а наоборот, постановления выносились о защите красной Карелии от захватных целей и покушений белой Финляндии на интересы Карелии,— п о с т а н о в и л и:

Поручить президиуму телеграфно протестовать перед Комиссариатом иностранных дел против ложного заявления уполномоченных, якобы, от областного съезда карел, о желании Карелии быть нейтральной и самостоятельной страной, указать, что делегатов от Олонецких карел на областном съезде не только не участвовало, но и население уезда ничего о нем и не слышало и подтвердить постановления семи очередных съездов советов о твердом решении карел Олонецкого уезда находиться в Советской республике.

Для более обширного освещения этого вопроса и подтверждения протеста карел Олонецкого уезда на намерения Финляндии п о с т а н о в и л и: избрать организационное бюро по созыву губернского съезда Карелии, которому поручить немедленно снестись с губревисполкомом о сроке и порядке созыва такового.

Председатель (подпись).

Из протокола заседания организационного бюро по созыву Всекарельского съезда, 28 апреля 1920 г.[1].

С л у ш а л и: о притязании белой Финляндии на территорию Карелии.

За все время дипломатических сношений белой Финляндии с Советской Россией и Лигой наций наблюдалось и наблюдается стремление к присоединению Карельской области к Финляндии, мотивируя последнее, якобы, желанием самих карел выделиться из Советской России в самостоятельное государство под протекторатом Финляндии, для каковой цели финским буржуазным правительством созывались какие-то съезды карел, представители от каковых говорили от имени всей Карелии, и указанные их избранники, находясь под крылышком и влиянием Финляндии, во время последних мирных переговоров, официально делали заявление о самоопределении Карелии, между тем, как большинство основного карельского населения, находящегося в пределах РСФСР, а именно почти весь Олонецкий уезд, защищающий своею кровью интересы трудящихся масс карел от кабалы международного империализма, не может мириться с закулисной игрой беженцев Финляндии из кулацкого элемента и, не желая дать никакого козыря в руки белой Финляндии при ведении мирных переговоров, организационное бюро по созыву Всекарельского съезда решило: просить губревком, как выразителя воли трудящихся Олонецкой губ., дать принципиальное согласие на созыв съезда карел и принять участие в созыве такового.

С л у ш а л и: о дальнейшей организационной работе по созыву съезда.

[1] Центр. Архив Карело-Финской ССР, ф. губисполкома, д. № 34/82, л. 2.

Постановили: В случае согласия губревкома, внести предложение всем уездисполкомам с карельским населением о делегировании одного представителя[1] для проведения съезда.

Председатель организационного бюро (подпись).

Телеграмма председателя Олонецкого уездного исполнительного комитета народному комиссару по иностранным делам Чичерину, 3 мая 1920 г.[2].

Олонецкий уездный исполнительный комитет, обсудив сообщение корреспондента «Центральной правды» от 24 апреля, из Райяок, опубликованное в «Петроградской правде» от 25 апреля № 89 о прибытии уполномоченных от областного съезда Карелии, которые вручили члену русской делегации заявление, в котором обращаются к советскому правительству с просьбой признать нейтральной и самостоятельной страной, и поступающие с мест, т. е. от обществ и деревень, протесты, крайне поражены таким хамством и дерзостью людей, имеющих смелость говорить от имени всей Карелии в то время, как сорокатысячное население карелов Олонецкого уезда не принимало никакого участия в упомянутом съезде и стоит на противоположной точке зрения, категорически протестует против притязаний отдельных групп капиталистов и представителей кулацкого строя, во главе с бывшими царскими чиновниками, ушедшими с белофиннами во время нашествия банд таковых в 1919 г., ибо никто иные, как они представляют из себя и областной съезд и уполномоченных.

Подтверждая постановления всех уездных съездов Советов и всех обществ в числе 38, подлинники коих представлены в Наркоминдел в ноябре 1919 г. от представителей Карельского Олонецкого уезда, вновь заявляю, что таковые никогда не примирятся с решением, откуда бы оно ни исходило, о передаче карел Финляндии и будут реагировать имеющимися силами и средствами.

Для того, чтобы не быть голословными, предлагается созвать съезд Карелии с представительством от 200 человек одного представителя, на котором будет разрешен в деталях весь вопрос. При Олонецком уездном исполкоме образовалось организационное бюро по созыву съезда. Дополнительный материал высылается почтой.

Председатель уездного исполнительного комитета (подпись).

Резолюция граждан Ведлозерской волости, принятая на митинге 6 мая 1920 г.[3].

Мы, граждане Ведлозерской волости, выяснили из слов докладчиков положение и всю работу Советской России, белой Финляндии и Антанты и узнали, что проклятые кулаки и спекулянты, прикрываясь подложной делегацией, требуют от нашего имени отделения Карелии от Советской России.

Мы, граждане Ведлозерской волости, шлем такой делегации проклятых белофиннов свое заявление, что не только красная Карелия, в частности мы, не желаем отделиться от Советской России, но готовы, как один, восстать с винтовками в руках в случае, если проклятые белофинны вздумают, как и прошлой весной, притти к нам, и намерены защищать до последней капли крови свою рабоче-крестьянскую власть

[1] Так в подлиннике: вероятно следует читать: «по одному представителю».
[2] Центр. Архив Карело-Финской ССР, ф. губисполкома, д. № 32/84, л. 10.
[3] ЦАОР, МП, ф. 290, д. № 1, л. 70.

и землю от белофинской кулацкой лапы. Вы не сумеете при помощи подлогов забрать нас в свои руки и подорвать доверие к красной Карелии нашего пролетарского вождя тов. Ленина.

Да будут прокляты кулаки белофинны! Мы уверены, что вы скоро, как старый сгнивший дом, разрушитесь и коммунисты-финны устроят в белой Финляндии советскую власть, сольются с нами, как с братьями.

Да здравствует советская власть!

Да здравствует Красная армия, которая поможет нам защитить нашу красную Карелию.

Секретарь (подпись).

Обращение организационного бюро по созыву Всекарельского съезда советов, 3 июня 1920 г.[1].

Товарищи крестьяне и рабочие Карелии!

К вам обращаемся мы, организационное бюро по созыву Всекарельского съезда и говорим: пора трудящимся Карелии принять активное участие в своей судьбе.

Международный империализм брящает оружием против всех трудящихся, и заветная мечта капиталистов закабалить их. Русская революция освободила рабочий класс. Она дала свободу всем народностям, населяющим бывшую царскую империю. Она является передовым бойцом в авангарде мирового освобождения трудящихся. Рабочий класс всего мира не может еще сбросить своих угнетателей, так как капиталисты и соглашательство держат их мысль и волю в плену, но уроки и пример русской революции рассеивают туман, и верным шагом идет объединение мирового пролетариата под знаменем III Интернационала.

Капиталисты всех стран, предвидя свою гибель, стараются оттянуть час расплаты и напрягают все силы, чтобы ослабить мощь русского пролетариата. Для этой цели они стараются отторгнуть от Советской России целые области и племена под видом национального возрождения или просто аннексии, но истинная цель всех хитроумных комбинаций капиталистов заключается в том, чтобы загубить русскую революцию и закабалить трудящихся, а самим пользоваться всеми богатствами мира. Такую же политику ведет и соседняя с нами белая Финляндия.

Являясь покорным оружием в руках Антанты и Лиги наций, она тоже хочет получить для себя лакомый кусочек и создать великую Финляндию. Ее взоры и аппетиты обращены на территорию Карелии. Свои захватные цели она проводит обманом и наглой ложью. Она предъявляет фальшивые документы от имени карел, якобы последние желают соединиться с нею.

Под этим лозунгом «освобождение угнетаемых карел от ига советской власти» вторгались белые банды в 1919 г. на территорию Карелии. Судите сами, кого защищали «освободители». Факты — лучшие свидетели, они говорят красноречивее слов. Факты-же таковы: десятки и сотни расстрелянных во всех уголках (не коммунистов, а просто трудящихся), слезы и стон матерей и сирот, расстрелы раненых в больницах, сожжены деревни и разорены хозяйства, кнут и шомпол для трудящихся. Свобода капиталистам и кулакам и рабство трудящимся, вот плоды «освободителей».

[1] Центр. Арх. Карело-Финск. ССР, ф. губисполкома, д. 34/82, л. 7; Обращение опубликовано в газете «Олонецкая коммуна» за 1920 г., от 12 июня, № 120, в несколько измененном виде.

Трудящиеся Карелии в братском союзе с русским пролетариатом прогнали белые банды. С ними ушли и господа кулаки и капиталисты и под крылышком Финляндии говорят от имени Карелии и продают ее финским буржуа оптом и в розницу.

Пора прекратить этот закулисный торг Карелией. Пора от подлинной Карелии, а не от кучки беженцев, [заявить] волю карельского народа.

Мы — трудящиеся, для нас братья — только трудящиеся всего мира; наш лозунг: победа над капиталом, никаких союзов с белой Финляндией.

На съезд для объединения всех карел трудящихся, чтобы не было сепаратных действий.

Вперед на борьбу с капиталом!

За здравствует тесный союз трудящихся красной Карелии с русским пролетариатом!

Да здравствует РСФСР!

Да здравствует III Интернационал и победная борьба над капиталом всего мира!

Организационное бюро по созыву Карельского съезда советов.

Меморандум Ревкома Карельской трудовой коммуны русской комиссии по переговорам в Дерпте, 10 июля 1920 г.[1].

До сих пор еще в Реболовской и Поросозерской волостях находится финская вооруженная сила, поэтому советские учреждения Карелии не могли быть восстановлены. Финские власти, а также и капиталистические фирмы во время захвата вырубали и увозили леса, и расхищение продолжается еще до сих пор.

В Карельской коммуне, таким образом, раскрали много материальных ценностей и причинили большие убытки.

Поэтому в мирном договоре было-бы нужно эти дела принять во внимание и вынести решение:

1) Чтобы все финские вооруженные части были немедленно из вышеозначенных пределов Карелии [выведены].

2) Чтобы финское правительство озаботилось о возмещении похищенных ценностей, имевших место в Карельской коммуне.

Кроме того, нужно обратить внимание на финские войска и добровольческие отряды, поддерживаемые финским правительством, производившие в 1918 г. — в Архангельской Карелии, 1919 г. — в Олонецкой Карелии, зимой этого года — в Печенге и даже теперь в Архангельской Карелии разбои и кровавые расправы с мирным населением и невоюющим крестьянством, которым также причинили много тяжелых убытков.

Нужно помнить, что дело идет об одном разбое, который был произведен финскими бандами, но большинством сознательного финского народа не поддерживался и не мог быть поддерживаем.

И поэтому нужно в мирном договоре и этот вопрос поставить на разрешение, чтобы финское правительство возместило все причиненные убытки, совершенные финскими войсками и разбойничьими бандами в пределах Карельской трудовой коммуны.

Председатель Ревкома (подпись).

[1] Центр. Архив Карело-Финской ССР, ф. губисполкома, д. № 5/23, л. 37.

Протокол общего собрания граждан Нялмозерского общества, 13 июня 1920 г.[1].

Слушали: доклад члена Ведлозерского волостного исполкома о значении съезда Северной Карелии.

Постановили: заслушав доклад члена Ведлозерского исполкома о значении съезда, вынесли следующую резолюцию:

Принимая во внимание значение съезда Северной Карелии, мы, граждане Нялмозерского общества Ведлозерской волости, в числе 565 человек, узнав о предстоящем крестьянском съезде Северной Карелии, с представителями нами избранными, шлем привет РСФСР и всеми силами стараемся поддерживать советскую власть. Мы все, как один, идем навстречу советской власти; а что касается присоединения к белой Финляндии, мы все, как один, категорически отказываемся и отрицаем белую Финляндию, которая уже пребывала в нашем обществе в 1918—1919 гг., уничтожила много наших товарищей и нанесла много ущерба в сельскохозяйственном отношении; поэтому мы просим высшую цетральную власть, дабы таковая глубже[2] смотрела на нашу Карелию и обратила внимание на нашу просьбу.

Да здравствует красная революционная Северная Карелия и единая связь с красным центром Советской России.

Председатель (подпись).

Выписка из протокола Богоявленского волостного съезда советов, 14—15 июня 1920 г.[3].

Слушали: доклад о взаимоотношении Карелии и Финляндии.

Постановили: единогласно принимается следующая резолюция:

Богоявленский волостной съезд советов Повенецкого уезда, Олонецкой губ. в заседании 14 июня 1920 г., заслушав и всесторонне обсудив доклад по вопросу о Карелии, в связи с международным положением РСФСР, постановляет:

1. Выразить самый энергичный протест хищническим притязаниям буржуазной Финляндии, стремящейся путем захватнического присоединения Карелии заставить трудовой карельский народ нести цепи рабства и нищеты в угоду капиталистической клике Финляндии.

2. Заявление финского правительства о существующем будто бы среди населения желании присоединиться к Финляндии или организовать самостоятельное отдельное государство, а также заявление о якобы чинимых Красной армией зверствах, считать несоответствующим действительности, основанным на недоразумении или на наглольстивых уверениях кучки негодяев, сбежавших в Финляндию при освобождении севера, а вместе с тем и Карелии от миллеровских белогвардейских банд. Заявить открыто перед всем миром, что трудовая Карелия, спаянная в прошлом сотнями лет совместного рабства, в настоящем в течение трех лет боровшаяся рука об руку с русским пролетариатом и трудовым крестьянством за полное торжество социалистической революции, доведет эту борьбу до конца и будет жить в братском единении и тесном союзе с Россией и никогда не позволит, чтобы финская или какая другая буржуазия надела вновь ярмо рабства на трудовой карельский народ.

Да здравствует РСФСР!

---

[1] ЦАОР, МП, ф. 290, д. № 1, л. 68.
[2] Так в подлиннике.
[3] ЦАОР, МП, ф. 290, д. № 1, л. 76.

Да здравствует трудовая революционная Карелия!
Да здравствует всемирная солидарность пролетариата!
Да здравствует III коммунистический Интернационал!
По единодушному требованию съезда постановлено настоящую резолюцию в целом послать телеграммой Исполнительному комитету III коммунистического Интернационала.

Из протокола общего собрания граждан Ведлозерского общества, 16 июня 1920 г.[1].

Слушали: наказ делегатам, избранным на съезд Северной Карелии в г. Петрозаводске.

Постановили: принимая во внимание значение настоящего съезда Северной Карелии, нами выработан следующий наказ, каковой просим высказать на предстоящем съезде.

Имея единую тесную, нераздельную братскую связь с Советской Россией, шлем привет и свидетельствуем свою преданность ЦИКу Советов рабочих и крестьянских депутатов от трудового населения революционной Карелии. Вместе с тем громко заявляем финскому правительству и буржуазии: руки прочь от посягательства на территорию трудового населения Карелии; ваше тиранство и империалистическая алчность и варварство мы уже на себе испытали. В связи с ведением мирных переговоров Советской России с Финляндией, мы, живя на границах ее, заявляем, что мы не только не допустим мысли о присоединении Карелии к Финляндии, но выражаем полное презрение к подобным происках финского правительства и буржуазии, считая это авантюрой [черносотенных] элементов. Обращаем внимание центральной власти Советской России на многие жертвы, на погибших в 1917—1918 гг. от белогвардейских бандитов.

Долой гнет тиранства и эксплоатацию трудового народа буржуазией и мировыми империалистами.

Да здравствует нерасторжимое братское объединение трудящегося населения крестьян и рабочих Советской России и Карелии, составляющих одно целое.

Да здравствует советская власть рабочих и крестьян всего мира.

Председатель (подпись).

Протокол общего собрания граждан Онбозеро Ругозерской волости, 16 июня 1920 г.[2].

Слушали: прочитанное представителем Повенецкого уездвоенревкома отношение Повенецкого уездвоенревкома от 10 апреля с. г. по вопросу о выяснении воли и желания населения Карелии по отношению к Советской России и Финляндии и о том, с кем идут карелы и кто их враги.

По всестороннему обсуждению и толкованию изложенного единогласно постановили:

1. Подпасть под власть и влияние белой Финляндии ни в коем случае не соглашаемся, просим центральную советскую власть защитить нас от могущих быть со стороны Финляндии нападок на нас.

2. Мы идем рука об руку с трудящимися массами, врагом трудящихся признаем капитал.

---

[1] ЦАОР, МП, ф. 290, д. № 1, л. 86.
[2] ЦАОР, МП, ф. 290, д. № 1, л. 86.

3. Желаем выделения в Карельскую автономную Советскую социалистическую республику.

Председатель (подпись).

Наказ делегату села Семчезера на Всекарельский съезд советов, 19 июня 1920 г.[1].

Мы, крестьяне села Семчезера, выбрав делегата на съезд, требуем от него, чтобы он по вопросу об отделении Карелии заявил следующее:

1. Мы считаем, что единственная защита трудящихся,— это есть власть самих трудящихся, т. е. советская власть.

2. Что единственная армия во всем мире, которая борется за интересы самих трудящихся,— это Красная армия.

3. Что интересы и задачи трудящихся Карелии тесно связаны с РСФСР и с ее задачами и интересами.

4. А потому мы, трудящиеся крестьяне, протестуем против попыток бывших кулаков, купцов, помещиков и других врагов трудящихся, которые осмеливаются заявлять от нашего имени о присоединении к Финляндии.

5. Пусть знает финская буржуазия и ее агенты, что ее мы ненавидим, как и всякую другую буржуазию, и с ней не пойдем.

6. Требуем, чтобы делегаты наши добивались полного единения и неразрывной связи с трудящимися РСФСР. Мы от России не отделимся, за что и предлагаем им голосовать.

Да здравствует Карелия в единой семье со всей Советской Россией.

Да здравствует всемирная советская власть.

Председатель общего собрания (подпись).

Из протокола общего собрания граждан г. Олонца и красноармейцев местной караульной роты, 20 июня 1920 г.[2].

Слушали: отношение карел к Финляндии, России и независимости.

Принимается резолюция:

Общее собрание граждан г. Олонца и гарнизон приветствует Всероссийский Центральный исполнительный комитет, являющийся истинным защитником России и всех малых национальностей, входящих в состав РСФСР.

Три года существования рабоче-крестьянской власти воочию показывают ее цели, а именно, освобождение всех трудящихся.

Насколько бывшая царская власть угнетала все народности и насильством, ради своих эгоистических целей, составляла великую державу,— поскольку советская власть борется на всех фронтах за интересы всех народов для раскрепощения масс и создания царства трудящихся разных стран, где они будут в братском единении ковать счастье для трудящихся всех стран.

Империалистическая бойня показала всему миру стремления кучки капиталистов, раскрыла все их закулисные игры и заставила рабочий класс самих взять власть в свои руки.

Господа капиталисты, оттягивая час своей расплаты, стараются всеми силами ослабить Советскую Россию, авангард мирового освобождения трудящихся.

Для этой цели они стремятся отторгнуть от Советской России целые народности, районы и области под соусом экономического тяготения, освобождения, самоопределения национальностей.

---

[1] ЦАОР, МП, ф. 290, д. № 1, л. 101.
[2] ЦАОР, МП, ф. 290, д. № 1. л. 48.

Буржуазная белая Финляндия, руководимая Антантой, решила самоопределить карел. Мы, карелы, понимаем «любовь» белой Финляндии к нам и ее горячее участие в нашей судьбе, т. е. благодаря этому ей представится возможность эксплоатировать трудящихся Карелии и воспользоваться богатствами края. На это мы отвечаем: руки прочь от Карелии. Карелия хочет жить в братском союзе с русским революционным народом и составлять часть РСФСР.

Да здравствует Карельская трудовая коммуна!

Да здравствует РСФСР!

Да здравствует объединение трудящихся всего мира, III коммунистический Интернационал!

Вперед на борьбу с капиталистами всего мира. Никаких уступок, никаких союзов с палачами трудящихся!

Председатель собрания (подпись).

Из протокола общего собрания граждан Куйтежского общества Неккульской волости, 21 июня 1920 г.[1].

Посылая от граждан Куйтежского общества товарищей на Карельский съезд, просим их заявить на съезде следующее: живя с давних пор в одной дружной семье трудящихся России и будучи тесно связаны с ними одинаковыми интересами и стремлениями, идущими к защите прав угнетенного пролетариата, как города, так и деревни, и узнав ныне, что белая Финляндия желает разрушить этот союз и вновь ввергнуть нас в кровавую бойню и обречь нас на новое полуголодное существование, равно зная, что война несет ужасы обеим сторонам,— говорим трудящимся пролетариям Финляндии:

Товарищи рабочие и крестьяне, сбросьте скорее повязку с ваших глаз и посмотрите, куда ведут вас обманувшие вас Маннергеймы и К-о. Неужели вам не надоела эта братоубийственная кровавая бойня и вы не слышите, что вас призывают к домашнему труду близкие вам лица и ваши семьи и что настало время для восстановления хозяйства, разрушенного 4-летней империалистической войной.

Да здравствует союз пролетариата Финляндии с пролетариатом рабоче-крестьянской России. Смерть посягающим на этот союз Маннергеймам и К-о. Трудовое карельское население войдет как самостоятельная единица в общую семью Российской советской федеративной социалистической республики.

Да здравствует Карельская трудовая коммуна!

Да здравствует Российская советская федеративная социалистическая республика!

Да здравствует всемирный союз пролетариев!

Председатель собрания (подпись).

Наказ граждан Ильинского общества делегату на Всекарельский съезд, июнь 1920 г.[2].

Мы, граждане Ильинского общества, поручаем сказать нашему делегату следующее:

Со времени Октябрьской революции прошло 3 года и за это время советская власть должна была неустанно бороться с капиталистами всех стран. Рабочие всего мира еще не смогли сбросить с себя иго своих господ, ибо эти господа совместно с соглашателями всех мастей

[1] ЦАОР, МП, ф. 290, д. № 1, л. 52.

[2] Там же, л. 59.

стараются держать волю и мысль рабочего у себя в плену. Наша русская революция является международным факелом социализма, к нам примыкает объединенный рабочий класс, образуя III Интернационал, который растет с каждым днем все больше и больше. Наши ряды рабочих и крестьян все крепнут и увеличиваются, что и видят капиталисты всех стран, а потому, предвидя свою скорую гибель, стараются ослабить наши силы и тем самым оттянуть свой конец и продолжать бороться с нами. Их заветная мечта — загубить нашу русскую революцию, закабалить опять крестьянина и рабочего и зажить по-прежнему сытым и спокойным. Мы это хорошо понимаем, ибо научились понимать политику Антанты, которая хочет отторгнуть от Советской России целые области и племена, сеет между ними национальную вражду, ожидая, что все мелкие племена передерутся между собой и тогда не нужно будет усилий, чтобы покончить с ними разом, и вместе с тем покончить свободу, уничтожить свободу, уничтожить республику советов. Такова политика и нашей соседки — белой Финляндии. Финляндские акулы мечтают о великой и могучей Финляндии, ищут старых допотопных границ и, конечно, облизываются, предвидя присоединение к ней Карелии. Они уже строят воздушные замки, они видят закабаленных карельских крестьян у своих ног, они командуют ими; виселица и пытка — закон для нового живого скота. Их беспокойные головы до того одурманены нашей Карелией, что даже не могут удержаться от лжи: говорят от лица всей Карелии о присоединении к ним; нашли каких-то самозванных представителей Карелии, которые во время прошлых мирных переговоров в Райяоках как-бы представители от областного съезда Карелии, вручили нашему уполномоченному заявление с просьбой советскому правительству признать Карелию нейтральной и самостоятельной страной. Не есть ли это хамство, не есть ли это наглость? Где был областной съезд, кто знал об этом? Мы, крестьяне, были в стороне и никакого согласия ни на что по отношению Карелии не давали.

Вот когда начинают раскрывать свои карты гг. капиталисты Финляндии. Нам теперь не трудно понять, как торгует Антанта нашей Олонией, как продает ее оптом и в розницу, но ей, пожалуй, придется подавиться этим лакомым куском. Пусть примером для белой Финляндии будет 1919 г., когда она послала своих цепных собак на нас, мирных тружеников. Мы им дали должный отпор. Под лозунгом «освободителей» они разрушили наше хозяйство, жгли деревни, увели лошадей, людей, десятки и сотни расстреляли. Эти факты красноречиво говорят за то, что закон для нас, трудящихся, у палачей Финляндии один: кнут, шомпол, расстрелы. Они хотят нашего присоединения под свой кулак, закабалить нас, чтобы итти дальше на Советскую Россию, бить таких же трудящихся.

Суммируя все это вместе, мы приносим глубокую благодарность представителям советской власти, которые, наконец, порешили созвать наш истинный съезд, где мы можем сказать свое веское слово и тем самым прекратить дальнейший торг международных империалистов над нашей измученной страной. Как бы ни трудно жилось в данный момент в Советской России, мы определенно говорим: Карелия должна быть красной! Для нас братья — трудящиеся всего мира! Мы не хотим ничьего господства, хотим быть и жить в Советской России, ибо только здесь мы можем чувствовать себя свободно. Нашим лозунгом будет борьба с капиталом, а белой Финляндии скажем: руки прочь от нас, от трудящихся! Мы сами сумеем устроить свою судьбу и свое положение без господского владычества — и это мы сделаем, хотя бы пришлось вести борьбу! Клеймим позором тех, которые ушли в Финлян-

дию, которые продали свою душу палачам и вместе с ними продолжают душить трудящихся.

Пусть нашими лозунгами на съезде будет:

Да здравствует РСФСР!

Да здравствуют трудящиеся всего мира!

Да здравствует III Интернационал и под знаменем его красная Олония!

Да здравствует победа над капиталом во всем мире!

Наказ съезда Консозерской волости делегатам на Всекарельский съезд, июнь 1920 г.[1]

Мы, делегаты волостного съезда, даем настоящий наказ и требуем проводить его в жизнь на Всекарельском съезде нашим избранным делегатам.

1. Съезд находит, что интересы рабочих и крестьян Карелии тесно связаны с интересами всех трудящихся Советской России, а поэтому мы, карелы, не допустим, чтобы стать под пятку финской буржуазии, которая проливает крокодиловы слезы о Карелии, и мы их знаем, что если финская буржуазия во время мирных переговоров с Советской Россией требует присоединения Карелии к Финляндии, то это есть подлая и наглая выходка империализма, финляндской буржуазии по отношению к трудящимся Карелии.

2. Долг и обязанность каждого свободного гражданина Карелии в настоящее время возвысить свой голос и заявить перед лицом всех трудящихся мира и перед лицом международного империализма, что Карелия никогда не была связана никакими узами с буржуазной Финляндией и мы никогда не согласны добровольно сделаться рабами помещиков и фабрикантов, купцов и заводчиков белой Финляндии.

3. Мы, труженики Карелии, желаем восстановить в Карелии советскую власть, власть крестьян и рабочих, совместно с нашими дорогими товарищами — рабочими и крестьянами Советской России, и никакие домогательства, как со стороны финской, так и иностранной буржуазии, не приведут нас к постыдному рабству.

Мы, труженики Карелии, обращаемся к рабочим и крестьянам всего мира и призываем вас сокрушить старый насильнический мир. Рабочих и крестьян Финляндии мы, карелы, призываем в свой братский союз. Гоните своих угнетателей и стряхните со своих плеч кровососов и восстанавливайте советскую власть, как и мы, карелы; лучше смерть на красных баррикадах, чем покорное рабство!

Да здравствует власть рабочих и крестьян!

Да здравствует наша славная Красная армия, которая своей грудью защищает трудовой народ!

Да здравствует братский союз всех народов, стоящий под красным знаменем III Интернационала!

Резолюция общего собрания граждан г. Мурманска, 30 июня 1920 г.[2]

Мы, граждане г. Мурманска и его окрестностей, на общем собрании 30 июня по вопросу Карелии и видов на нее Финляндии, заслушав доклады, находим, что аппетиты капиталистической Финляндии разгорелись не на шутку. Красная Карелия живет одними надеждами

[1] ЦАОР, МП, ф. 290, д. № 1, л. 62.
[2] ЦАОР, МП, ф. 290, д. № 1, л. 139.

на будущее с трудящимися остальной Советской России, всякие уступки алчным требованиям капиталистов с нашей стороны будут преступлением. Мы постановляем: красная Карелия ни в коем случае не может быть уступлена прислужникам международного капитала, мы готовы с оружием в руках отстоять свое право на жизнь и на лучшее будущее, мы готовы на борьбу итти вместе с русским пролетариатом. Долой всякое соглашательство с врагами трудящихся!

Беспощадная борьба с белой сворой!

Тесный союз мозолистых рук.

Да здравствует III коммунистический Интернационал, который сотрет с лица земли капитал.

Подписи.

Приветствие I Всекарельского съезда В. И. Ленину и М. И. Калинину, июль 1920 г. [1].

Съезд представителей карельского трудового народа от карельского населения Олонецкой и Архангельской губерний, собравшийся первого июля в Петрозаводске для обсуждения вопросов, связанных с организацией Карельской трудовой коммуны и притязаниями белой Финляндии на советские карельские земли, шлет свой сердечный привет вам, идейным руководителям и организаторам борьбы трудящихся масс России против капиталистических хищников мира, во имя установления трудовых порядков в стране,— избирает вас почетными представителями съезда.

Дорогие товарищи и вожди! Мы, представители трудового народа, участники великой мировой борьбы за социализм, совместно с российскими и мировыми трудящимися массами заявляем, что не покинем рядов борцов за конечное общечеловеческое освобождение от капиталистического ярма, не променяем советские трудовые порядки на белые капиталистические порядки ни Финляндии, ни какой-либо другой капиталистической страны.

Да здравствует братский союз трудящихся мира.

Президиум съезда (подписи).

Приветствие I Всекарельского съезда финляндскому пролетариату, июль 1920 г. [2].

Первый съезд представителей карельского трудового народа, населяющего земли Архангельской и Олонецкой губерний и ныне создающего Карельскую трудовую коммуну, шлет братский привет героическому финляндскому пролетариату, в тяжких условиях финского белогвардейского гнета продолжающего борьбу за свободу финляндских рабочих и крестьян.

Карельский съезд верит, что скоро, в результате совместной борьбы финского, русского и карельского трудового народа, взовьется над Финляндией красное знамя Советов и трудовая Финляндия будет также свободна, как свободен карельский народ в пределах Советской России.

Президиум съезда.

Резолюция I Всекарельского съезда Советов, 3 июля 1920 г. [3].

Контресс трудящегося карельского народа, созванный организационной комиссией 1 июля 1920 г. в Петрозаводске, при норме представи-

---

[1] ЦАОР, МП, ф. 290, д. № 1, л. 18.
[2] ЦАОР, МП, ф. 290, д. № 1, л. 32.
[3] ЦАОР, МП, ф. 290, д. № 1, л. 28.

тельства в один депутат на 500 чел., причем 24 волости были представлены 149 депутатами, выражавшими мнение 105 тыс. карельцев, проживающих в Олонецком, Петрозаводском и Повенецком уездах Олонецкой губернии, причем также были депутаты Кемского и Александровского уездов Архангельской губернии, этот конгресс, выслушав доклад комиссии о причинах, вызвавших созыв конгресса, и доклад ревкома Карельской трудовой коммуны об основании трудовой коммуны, об ее строе и задачах и выслушав также доклады депутатов с мест об отношении карельского трудящегося народа к белой Финляндии, к Советской России и к Карельской трудовой коммуне, единогласно постановил:

1) Конгресс признает, что созыв этого конгресса организационной комиссией был вызван необходимостью, сообразной с интересами трудящегося населения Карелии, так как постоянные попытки белой Финляндии захватить в открытой или скрытой форме Олонецкую и Архангельксую советскую Карелию, насильственный захват ею Реболовской и Поросозерской волостей [1], постоянные вторжения финских белогвардейцев в Советскую Карелию, создание из карельских богачей на территории белой Финляндии кулацкого «Карельского национального собрания», извращающего действительную волю карельского трудящегося народа, создание агентами белой Финляндии на территории Архангельской Карелии так называемой «Республики Ухтуа» и «Правительства Ухтуа», стремление находящейся на мирной конференции в Юрьеве [2] белофинской делегации представить дело так, что будто проживающее в Советской России карельское население жаждет отделения от Советской России и присоединения к Финляндии,— вызывает необходимость заявить действительную, неизвращенную, свободную волю трудящегося народа Карелии.

2) Конгресс заявляет торжественно во имя трудящегося народа Олонецкой и Архангельской Карелии, перед лицом трудящихся масс России, Финляндии и всего мира, перед лицом финляндского государства и государств всего капиталистического мира, что трудящееся население Карелии не желает разрывать своих отношений с Советской Россией и совершено не думает о присоединении к белой Финляндии. Карельский народ считает себя свободным на территории Советской России и не желает присоединяться ни к Финляндии, ни к какому иному государству и подчиняться капиталистическому рабству. Карельский народ не может допустить того, чтобы богатства Карелии, ее воды, леса, водопады, рудники, рыбные ловли подвергались бы капиталистическому грабежу со стороны белой Финляндии под видом защиты Карелии, против Советской России или под видом национального присоединения карельцев к белой Финляндии. Карельский народ заявляет протест против составленного в Финляндии из карельских эмигрантов-кулаков «Карельского национального собрания», заявляя в то же время, что упомянутое собрание не уполномочено говорить от имени карельского народа и объявляет все его постановления не-

[1] В апреле 1918 г. на территорию северной Карелии вторглись отряды белофиннов, поддерживаемые финляндской буржуазией, мечтавшей о создании «Великой Финляндии». Но разбитые частями Красной армии и финскими красногвардейцами белофинны поспешно оставили территорию Карелии. Лишь отдаленные пограничные Поросозерская и Реболовская волости были оккупированы белофиннами вплоть до 1920 г., когда по мирному договору (заключенному в октябре 1920 г.) эти волости должны были быть Финляндией очищены от войск.

[2] 10 июня 1920 г. в эстонском городе Юрьеве начались мирные переговоры между Советской Россией и Финляндией. В результате переговоров 14 октября 1920 г. был подписан мирный договор.

имеющими силы и совершенно не обязательными для советской Карелии. Карельский народ выражает протест против попыток агентов белой Финляндии раздробить Советскую Карелию посредством образования подобных смешных республик, как Ухтуа. Карельский народ заявляет, что поползновения белой Финляндии по отношению к Реболовской и Поросозерской волостям и насильственный захват этих областей противоречит воле народа всей Советской Карелии и упомянутых областей, волю, которую насильно подавили штыки белой Финляндии. Карельский народ выступает против попыток захвата Печенги, население которой противодействует белогвардейскому захвату.

Конгресс выражает протест против систематического вооружения и снабжения белой Финляндией на территории советской Карелии бандитских отрядов, которые мешают мирной жизни карельского трудящегося народа. Карельский народ требует от советского правительства и от находящейся в Юрьеве на мирных переговорах российской делегации, чтобы они не допустили представления советской Карелии для эксплоатации и ограбления финляндскому капитализму, чтобы они безусловно требовали возвращения Реболовской и Поросозерской волостей обратно Советской России и чтобы область Печенги не передавалась Финляндии. Конгресс требует, чтобы граждане карельской национальности, которых белые финны насильно или обманом увели в Финляндию, были возвращены обратно в Советскую Карелию. Конгресс выражает протест по поводу того варварского обращения, которое проявлялось белыми финнами по отношению к населению в то время, когда они держали в своих руках карельские советские области.

3) Конгресс приветствует постановление Всероссийского исполнительного комитета, на основании которого образовывается из областей Олонецкой и Архангельской губерний «Карельская трудовая коммуна» [1]. Коммуна должна остаться в нераздельной связи с Советской Россией и развивать свое хозяйство и свою культуру в тесном обществе с рабоче-крестьянскими массами России, сохраняя политический советский образ правления. Лишь тесная связь с Советской Россией защитит Карелию от капиталистических наступлений.

Конгресс уверен в том, что Карельская трудовая коммуна при деятельной помощи трудящегося народа Советской России и ее советского правительства будет процветающей и экономически твердой коммуной на границе Российской социалистической федеративной советской республики.

Да здравствует свободная трудящаяся советская Карелия!

Да здравствует неразрывная связь с рабоче-крестьянской Советской Россией!

(Под резолюцией более 150 подписей).

Телеграмма председателя Карисполкома наркому иностранных дел, 14 апреля 1921 г. [2].

С 10 до 14 в Ребольскую и Поросозерскую волости не отправлены другие войска, кроме пяти пунктов гарнизона пограничной охраны —

[1] 7 июня 1920 г. ВЦИК вынес постановление: в целях борьбы за социальное освобождение трудящихся Карелии: 1) образовать в населенных карелами местностях Олонецкой и Архангельской губерний, в порядке ст. 2 Конституции РСФСР, областное объединение в Карельскую трудовую коммуну; 2) поручить Карельскому комитету приступить немедленно к подготовке созыва съезда Советов КТК, который определит организацию органов власти в Карельской трудовой коммуне.

[2] ЦАОР, МП, ф. 290, д. № 3, л. 48.

16 охранников и 50 красногвардейцев — для охраны границ в каждом. В означенных волостях была, средствами финляндского союза Карелии [1], организована милиция — 50 человек в каждой из волостей. Эта милиция не пропустила официальных лиц Карельской коммуны, арестовала их и вообще относилась враждебно к органам Карельской коммуны, получая свои директивы от Финляндии, с которой она имела прямую телефонную связь. Под защитой означенной милиции в волостях велась самая дерзкая агитация против Советской власти Карельской коммуны. Вследствие этого Карисполком дал распоряжение разоружить милицию и поручил карельской милиции организовать в волостях предположенную в мирном договоре милицию, для какой цели отсюда было послано 12 милиционеров, жителей Каркоммуны, и требуемое, кроме этого, число милиционеров должно быть взято из среды населения волостей. Всего в обоих волостях, повидимому, около 20 милиционеров.

Для нужд обоих волостей забронированы семена на станции Медвежьего — 45 тысяч пудов и хлеба — 900 пудов, о чем сообщено населению волостей. Кроме этого, находящимся в Финляндии представителям внешторга поручено спешно купить и отправить на станцию Лежна из Финляндии хлеба для нужд волостей.

Со стороны белой Финляндии еще продолжается не только устная, но и письменная агитация. На территорию Кемского уезда продолжают прибывать финляндские вооружения по одиночке и группами. Карелии, вследствие обширности территории и плохой охраны границы, оказалось невозможным препятствовать переходу границы. Три недели тому назад такой прибывший с той стороны границы убил человека Нихтозерского волревкома и тяжело ранил одного милиционера. Чтобы препятствовать этой агитации, Карисполком вынужден был усилить милицию пограничных волостей Кемского уезда. Подробный материал о всех этих случаях отправлен с курьером в наркоминдел. На будущей неделе сам приеду в Москву.

Далее просим содействия снабдить пограничные волости Ребольскую и Поросозерскую хлебом и семенами в количестве двух вагонов на станцию Лоймала, 3 вагона на станцию Клиевка Финляндской жел. дор. Вагоны отправляются из Петрозаводска. Просьба устранить всякое задержание у границы из Финляндии. Карелия переживает ужасный голод. Прифинские волости хлеба в распутицу не дали, между тем санный путь простоит не более недели, и население будет отрезано на два месяца. Наркомпродом, по личному докладу продкомиссара, было обещано выслать в Карелию до 10 апреля 40 вагонов хлеба и остальные 30 в течение апреля, отправлено лишь 9 вагонов по 10 апреля.

Из-за недовысылки хлеба невозможно снабдить пограничные волости, что создает почти катастрофическое положение. Экспортные заводы, почтовая связь накануне остановки. Убедительно прошу вашего заявления Наркомпроду о выделении обещанного хлеба и высылке хлеба. Политическое равновесие сохранить трудно.

Предкарисполкома (подпись).

Сообщение наркома иностранных дел полпреду советского правительства в Финляндии, 14 мая 1921 г. [2].

С финляндской стороны были сделаны нападения на карельских рабочих на Карельской территории, занятых рубкой леса и сплавом леса.

[1] Офицерский союз.
[2] ЦАОР, МП, ф. № 290, д. № 3, л. 55.

Финляндские граждане незаконно перешли границу и рубили лес в Карелии. Работа в лесах Карелии прервана, благодаря этим финляндским нападениям. Мы протестуем против этих враждебных действий. Более подробные сведения будут собраны и сообщены вам. Одновременно финляндские власти проявляют новое своеволие. Мы не понимаем, почему они задержали нашего курьера. Мы еще не получили списка 150 рабочих, которых финляндцы желают привести в Карелию для лесных работ.

Чичерин.

Служебная записка председателя Карисполкома в Народный комиссариат по иностранным делам, 17 ноября 1921 г.[1].

По полученным сведениям, отряд белых из Финляндии перешел границу 13 ноября в пределах Ребольской волости, делая нападения на пограничный пост № 11, и завоевал канцелярию его. Действия белых банд продолжаются в южных волостях Кемского уезда, но пока новых успехов у них нет. Мост через реку Онда ремонтируется. Карисполком постановил обращением к карельскому населению предостеречь от оказания содействия бандам и привлечь их для совместных действий против банд. Одновременно Карисполком постановил радиотелеграммой обратиться к трудящимся Финляндии и Скандинавии, чтобы они со своей стороны препятствовали попыткам белых мешать и нарушать мирную строительную работу Карельской трудовой коммуны. Просим телеграфно информировать Карисполком о том, что пишут финские газеты о действии банд.

Предкарисполкома (подпись).

Из телеграммы Олонецкого губвоенкома начальнику оперативного управления штаба Петроградского военного округа, 20 ноября 1921 г.[2].

Вследствие создавшейся обстановки 14—15 ноября отряд Мантерс отступил к Березонаволоцкой в перевозную Вараку в 18 верстах от разъезда Сосновец. Состав отряда — 75 штыков, 2 пулемета.

Резервный отряд в Сороке — 57 штыков, 3 пулемета. Вызванный Мантерс дал следующие сведения: бандитами руководит белофинский офицер Токиннен, прибывший из Финляндии в начале октября, политический вдохновитель банд — Сидоров, бывший член ухтинского правительства[3]. В течение осени бандитами проведено пять съездов в Маслозерской, в Летнеконецкой, в Тунгутской волостях. Съездами постановлено добиться национальной автономии Карелии, свержения советской власти, для чего формировать роты добровольцев.

Коммунистов и совработников убивать. В Тунгутской волости сформированы: Тунгутская — командир роты Кирьянов, Кевятьозерская — командир роты Иванов. В обеих ротах до 350 ч., из коих 150 вооружены финскими винтовками, имея 3000 патронов. После отступления банд из Березонаволоцкой и Ругозерской в направлении Камракова отряд Мантерса бросил преследование противника, имея в виду малочисленный перевес и обход тыла и вернулся в Березонаволоцкую, выслав разведку. В девятых числах ноября первая рота бандитов ушла в деревню Однозеро, что западнее от Сегежа северной оконечности озера Однозера. Имеется предположение в участии этой роты в сожжении жел. дор. моста Онда. Вторая рота из Компаково продвигалась через Тунгубу — Лужкова Паку, где и напала на наш отряд.

[1] ЦАОР, МП, ф. № 290, д. № 2, л. 105.

[2] Центр. арх. Карело-Финск. ССР., ф. Олонгубвоенкомата, д. № 139/41, л. 269.

[3] Контрреволюционное кулацкое пр-ство с центром в Ухте.

Бандитские отряды гибки, обстановка меняется каждый час. Передвигаются они пешком, на лыжах и санях. Среди отряда Мантерса за все время операции пять человек взятых в плен бандитами при несении ими службы связи. Пленных бандиты убивают. В данное время банды сосредоточились в двух районах: первый район — Тунгуба — Березонаволоцкая, Кевятьозеро и Мастозерская, второй — деревня Однозеро. Наше командование накапливает силы и накануне решительных действий.

Олоногубвоенком (подпись).

Из телеграммы председателя Карельской ЧК в оперативный отдел ВЧК, 27 ноября 1921 г.[1].

В деревню Пинкоринте из Финляндии прибыло 2 танка. Финны распускают слух, что танки прибыли для подвоза бревен. 2 рота 56 дивизии, с 2 пулеметами, в составе 83 штыков, команда охотников 127 бригады, в составе 35 штыков, отбили 24 ноября в 17 часов 20 мин. город Кемь. По сведениям перебежчика из Финляндии, гражданина деревни Ландосально Архипова Романа, установлено, что карелы, состоящие раньше в белокарельской армии Финляндии, до настоящего времени из-за разоружения и по договору находились на работах в городе Улеаборге. С 20 ноября ежедневно карелы идут партиями из Улеаборга в село Куосамо, что 60 верст от границы. В Куосамо карелы размещаются по квартирам, представляемым финским правительством. По донесению Особопункта 6 района Ухты в деревне Супосальне (что 30 верст от Ухты) находится отряд белокарел — бандитов в числе 15 чел., готовит население к вооруженному выступлению против советской власти. Бандиты вооружены винтовками, маузерами. Благодаря влиянию бандитов, контрреволюционным настроением охвачены: Ухтинская, Юшкозерская, часть Тихозерской волости. Наш отряд, после продолжительного боя, занял деревни Сергозеро, Сосновнаволок, Петровнаволок. Противник в панике отступил по направлению на Кузнаволок. Потерь нет, пленных нет, преследование противника продолжается. 22 ноября из Медгоры на село Паланы выслана агентурная разведка активных коммунистов. По сведениям войсковой разведки в районе Ухтинской, Олонецкой, Тихозерской, Софьянгской оперируют банды общей численностью до 2300 чел. Настроение красноармейцев бодрое и уверенное.

Председатель Карельской ЧК (подпись).

Сообщение информационного бюро в Гельсингфорсе в Наркоминдел, 6 декабря 1921 г.[2].

Последняя нота советского правительства по Дальнекарельскому вопросу[3] получена министерством иностранных дел и будет завтра обсуждаться правительством.

---

[1] Центр. арх. Карело-Финск. ССР., ф. Олонгубвоенкомата, д. № 139/41, л. 347.

[2] ЦАОР, МП, ф. 290, д. № 3, л. 13.

[3] Эта нота была протестом против провокационной ноты финляндского правительства от 27 ноября 1921 г., в которой оно обращалось к Лиге наций с ходатайством о назначении комиссии по восточно-карельскому вопросу. Советское правительство в своей ноте заявляет, что: «Группа, именующаяся Лигой наций, включает в себя правительства, занимающие враждебную позицию, более или менее открытую, в отношении России, как например, Франция и Япония, и организация комиссий для обследования на месте положения в Карелии являлась бы невиданным нарушением как по существу, так и по форме, верховных прав в РСФСР» («Петроградская правда» № 257, 7 декабря 1921 г.)

В этой ноте советское правительство, разоблачая провокационную и явно враждебную деятельность финляндского правительства, предъявило ему ряд требований, обеспечивающих безопасность Советской Карелии.

«Гувудстадсбладет» [1] передает, что министерство иностранных дел получило от секретариата Лиги наций извещение, согласно которому президент совета решил обсудить ноту финского правительства по карельскому вопросу в следующем собрании Совета.

«Гельсингин саномат» [2] 6 декабря сообщает, что в Ювскюля 4 декабря состоялось собрание представителей Карелии и Олонца, на котором были приняты следующие резолюции: во-первых, все находящиеся в Финляндии, способные носить оружие карелы должны отправиться на фронт; во-вторых, все не имеющие возможности лично участвовать в освободительной борьбе должны приложить все силы к организации помощи карелам.

По поводу сегодняшней годовщины объявления независимости Финляндии «Ууси-Суоми» [3] пишет, что сохранение самостоятельности и свободы возможно лишь при образовании общего фронта всех партий против восточной опасности. Успешная организация помощи карелам, пишет газета, возможна лишь при условии, что общая патриотическая программа будет поддерживаться всеми кругами, чувствующими государственную ответственность.

Резолюция пленума Петроградского совета, 6 декабря 1921 г. [4].

Расширенное заседание Петросовета, ознакомившись с событиями в Карелии, заявляет: в нападении белогвардейцев на карельскую трудовую коммуну совет видит начало нового похода против Советской республики. Петроградский совет вполне осведомлен о роли белой Финляндии в подготовке нового похода.

Петроградский совет заявляет, что главная ответственность за нападение на Карельскую трудовую республику лежит на финляндской буржуазии и на финском правительстве.

Петроградский совет уверен, что финляндские рабочие и крестьяне не хотят войны с Советской Россией и не позволят своей буржуазии доводить дело до войны.

Петроградский совет настаивает на том, чтобы центральная власть РСФСР раз навсегда положила конец всем проискам финляндских белогвардейцев. Российская советская республика достаточно сильна, чтобы отучить, наконец, финляндское правительство от нарушения мирного договора.

Красный Петроград особенно заинтересован в установлении нормальных отношений с Финляндией. Но именно поэтому Петроградский совет, опираясь на волю всех петроградских рабочих и красноармейцев, требует более энергичных мер, которые заставили бы финляндское правительство понять: либо оно будет выполнять договор, либо оно должно будет считаться с Красной армией.

Петроградский совет шлет братское приветствие финляндским рабочим и выражает уверенность, что, чем больше неистовствуют финляндские белогвардейцы, тем скорее нынешняя буржуазная Финляндия станет Финляндией советской.

Петроградский совет шлет столь же горячее приветствие трудящимся массам Карельской коммуны, которые вполне могут рассчитывать на помощь со стороны русских рабочих и крестьян в борьбе против напавших на красную Карелию контрреволюционных банд.

---

[1] Гельсингфорская газета

[2] Орган национальной либеральной партии.

[3] Орган национальной коалиционной партии (промышленники, крупные помещики, духовенство, военщина).

[4] «Петроградская газета» № 257 от 7 декабря 1921 г.

Телеграмма Карельской трудовой коммуны в Петроградский совет [17—18 декабря] 1921 г.[1]

Пленарное заседание исполкома Карельской коммуны выражает свою глубокую благодарность Петроградскому совету за обещанную помощь карельскому народу в его борьбе с финскими и белокарельскими бандитами. В этом обещании народ Карелии видит сочувствие трудящихся РСФСР и это является самой верной гарантией того, что в ближайшем будущем общими усилиями мы сумеем ликвидировать провокационное нападение белогвардейцев на территорию автономной части Советской республики.

Карельский трудовой народ уже много раз подтверждал крепость своего братского союза с трудящимися России, разоблачая провокационные приемы империалистической политики белофиннов и их агентов белокарелов. На своих собраниях карельский народ торжественно обещал защищать свою свободу и независимость с оружием в руках против притязаний финских белогвардейцев.

В настоящий момент белофинны и карельские белогвардейцы и кулаки снова испытывают прочность советской власти в Карелии.

Однако, при активной поддержке русских братьев и при моральной поддержке финского пролетариата Карелии, народ уничтожит все белогвардейские затеи и снова возвратится к мирному строительству.

Приказ командующего войсками Карельско-Мурманского района и военно-революционного комитета Карельско-Мурманского района, 20 декабря 1921 г.[2].

Белокарельские бандиты, с помощью финских и антантовских наймитов, предательски напали на бедную измученную Карелию, опустошили часть убогого края, разгромили советские учреждения и убили лучших друзей рабочих и крестьян — коммунаров.

Доблестная Красная рабоче-крестьянская армия, не один только раз своей кровью защищавшая рабочую республику от покушения врагов трудящихся, снова принуждена взяться за оружие и освободить карельский трудовой народ от белогвардейских полчищ, давая возможность исстрадавшемуся народу взяться снова за мирную трудовую работу.

Для действительного укрепления советской рабоче-крестьянской власти на местах и окончательной ликвидации бандитизма создан Военно-революционный комитет Карельско-Мурманского района, коему перешла вся полнота власти в районе, с момента объявления такового на осадном положении.

В видах удобства управления советской власти на местах п р и к а з ы в а е м:

1) Временно, впредь до полного очищения края от бандитов и созыва съездов Советов, организовать местные революционные комитеты в составе:

а) одного представителя военревкома Каррайона, б) одного представителя военного командования, в) одного представителя местных органов ЧК.

С момента организации ревкома вся полнота власти на местах переходит в его руки, и местные исполкомы считать распущенными.

---

[1] Из «Петроградской правды» № 267 от 18 декабря 1921 г.

[2] Опубликован в сборнике «Красная Карелия», изд. Наркомюста АКССР. 1925 г.

2) Немедленно организовать в Мурманске Мурманский участковый ревком, коему подчинить всю территорию нынешней Мурманской губернии.

В Кандалакше Кандалакшский участковый ревком, коему подчинить волости: Кандалакшскую, Олангскую, Ковдскую, Кестеньгскую, Керетьскую, Княжегубскую.

В Кеми Кемский участковый ревком, коему подчинить волости: Вычетайбольскую, Поньгамскую, Подужемьскую, Маслозерскую, Шуерецкую, Погостскую и г. Кемь.

В с. Ухте Ухтинский участковый ревком, коему подчинить волости: Ухтинскую, Тихтозерскую, Вокнаволокскую, Кондокскую и Юшкозерскую.

В с. Тунгуде Тунгудский участковый ревком, коему подчинить волости: Тунгудскую, Сорокскую, Летнеконецкую, Ругозерскую, Лапшинскую, Надвоицкую, Сумский посад.

В с. Медвежья Гора Медвежьегорский участковый ревком, коему подчинить волости: Мяндусельгскую, Богоявленскую, Тивдийскую, Кипписельскую.

В Петрозаводске Петрозаводский участковый ревком, коему подчинить волости: Кондопожскую, Кончезерскую, Шуйскую, Сунскую, Ялгубскую, Деревянскую.

В селе Сямозере Сямозерский участковый ревком, коему подчинить волости: Сямозерскую, Святозерскую, Спасопреображенскую.

В с. Реболы Ребольский участковый ревком, коему подчинить волость Ребольскую.

В с. Поросозеро Поросозерский участковый ревком, коему подчинить волость Поросозерскую.

В г. Олонце Олонецкий участковый ревком, коему подчинить волости: Туломозерскую, Видлицкую, Ведлозерскую, Коткозерскую, Рыпушкальскую, Лоянскую, г. Олонец.

В г. Лодейнополе Лодейнопольский участковый ревком, коему подчинить все волости Лодейнопольского уезда.

Повенецкий участковый ревком, коему подчинить все волости Повенецкого уезда, входящего в район осадного положения.

3) На местные ревкомы возлагается, впредь до снятия осадного положения и организации нормальных выборных органов советской власти, провести в жизнь с революционной энергией и порядком все распоряжения Карельско-Мурманского военного ревкома и командующего войсками района, руководствуясь положением о ревкомах, изданным ВЦИК и СТО от 23 сентября 1919 г.

4) Всем воинским частям и отдельным представителям Красной армии по всем вопросам местного характера обращаться непосредственно в соответствующие ревкомы, которые должны беспрекословно исполнять все законные требования Красной армии и удовлетворять все ее нужды в первую очередь. Самочинные действия частей и отдельных представителей Красной армии безусловно воспрещаются и виновные в нарушении настоящего положения будут преданы суду как за грабеж и караться по всем законам военного времени.

5) Политотделам и политработникам Красной армии оказать всемерное содействие местным ревкомам для организации власти и поддержания революционного порядка.

6) Во исполнение вышеизложенного для организации ревкома выделить из политотдела комвойск Каррайона 50 ч. лучших политработников, 50 ч. мобилизовать из местных работников. Указанных товарищей откомандировать немедленно в распоряжение военревкома Каррайона.

7) Всем участковым ревкомам приступить к организации волостных ревкомов — немедленно. Участковые ревкомы непосредственно подчиняются и имеют связь с Карельско-мурманским военревкомом, от которого получают все директивы и отчитываются перед ним в своих действиях.

8) Настоящий приказ входит в силу с момента его объявления.

Командующий войсками Каррайона (подпись).
Председатель Военно-революционного к-та (подпись).

Воззвание Карельско-Мурманского военно-революционного комитета к карельскому населению, 23 декабря 1921 г.[1]

Карельский областной исполнительный комитет в своем воззвании от 19 ноября указывал карельскому народу, что движение, начатое бандитами, пришедшими из Финляндии, не даст Карелии ничего, кроме разорения и несчастья. С тех пор прошел месяц, и предостережения исполнительного комитета подтвердились в полной мере.

Большинство волостей уже очищены от банд. Очищена и Тунгудская волость, откуда бандиты с оружием в руках начали свое гнусное дело.

Уполномоченные Карисполкома, которые были туда посланы для установления порядка, рисуют положение вещей в этих волостях в таких красках.

Деревни опустели, трудоспособных мужчин нет, остались только беспомощные старики и дети, лошади и скот угнаны бандитами. Запасы хлеба и других продуктов частью уничтожены, частью расхищены. Голод стучится в двери осиротелых семей.

Черная оспа идет за войной и голодом и уносит массу детских жизней.

С бандитами ушла только часть населения, остальные скрылись в лесах, спасаясь от насильственных бандитских мобилизаций или боясь кары советской власти. В лесах находятся также и те, которые, будучи насильно мобилизованными бандитами, не захотели сражаться против рабоче-крестьянской власти и при первом удобном случае покинули ряды бандитов. Теперь эти люди блуждают по лесам без крова и пищи. Часть из них по призыву уполномоченного Карисполкома вернулись к своим семьям и занялись мирным трудом.

Положение очень тяжелое; много продовольственных запасов уничтожено, лошади угнаны, лесные заготовки,— главный источник существования,— стоят.

Тунгудская волость была самой зажиточной волостью Кемского уезда, теперь там народ бедствует.

Вести из Летнеконецкой волости немного утешительней; большая часть населения осталась жить в деревнях, но экономическая жизнь в условиях военного времени совершенно замерла, черная оспа свирепствует и там.

Такое же положение и в Маслозерской области, откуда мужское население, боясь новых налетов зеленых грабителей, бежит в Подужемье и Кемь.

По занятии красными войсками Ругозерской волости оправдались те ужасные слухи, которые доносились на эту сторону. Бандиты зверски убили местных коммунистов, которые праздновали день Октябрьской революции. Белых убийц не тронули мольбы населения подарить жизнь этим героям, два года руководившим волостью и защищавшим родные поля от английских и финских хищников.

---

[1] ЦАОР, МП, ф. № 290, д. № 2, л. 128.

Коммунары умерли героями с торжественным восклицанием: «Да здравствует III Интернационал». Одного товарища убийцы пронзили десятью пулями и нанесли шесть штыковых ударов.

Главарем убийц является известный убийца Карпов, который раньше руководил палачами миллеровского правительства. Теперь он служит белофиннам.

Хозяйственное положение в Ругозерской волости также печально, как и в других волостях, очищенных от бандитов.

Сведения, идущие из тех волостей, где еще свирепствуют бандиты, рисуют такую же мрачную картину разорения и грабежа. В список волостей, где народное хозяйство пришло в упадок от бандитской авантюры, наверное нужно будет включить еще одну волость.

Нужна скорая помощь, иначе карельское население ждет ужасная судьба.

Карельская трудовая коммуна помощь эту может дать только частично. Ее хозяйство, разоренное сперва империалистической войной, а затем приходом белоангличан и финско-карельских лахтарей, начало понемногу налаживаться. В этот момент бандиты произвели свое нападение. Бандитами похищено и уничтожено более пятнадцати тысяч пудов хлеба, доставленного с тяготами советскими органами Карелии для прокормления голодающих в самых бедных волостях Кемского и Петрозаводского уездов.

Бандиты с грабительскими целями сделали налет на Сеговецкий завод, увезли оттуда хлеб и другие материалы, оставив без куска хлеба рабочих и их семьи. Бандиты разорили школы, организованные Карельской трудовой коммуной, убили учителей и советских работников.

Лесные заготовки остановились, ибо для окончательного уничтожения бандитского движения и отражения бандитов, население Карелии вынуждено нести военные тяготы; неудивительно, что мирная хозяйственная жизнь края остановилась полностью.

Для военно-оперативных целей нужны подводы, для расквартирования частей — дома. Крестьянам приходится снабжать войсковые части сеном, а иногда даже продовольствием.

Но все тяжести войны карельский трудовой народ должен перенести.

Бандитизм должен быть с корнями вырван из Карельского края. Только немедленное уничтожение бандитизма уменьшит наши убытки и облегчит страдания населения.

Карельский военно-революционный комитет предлагает гражданам, скрывающимся в лесах, немедленно вернуться в свои дома. Тем, которые будут честно исполнять все приказы советской власти, помогать войсковым частям ликвидировать бандитизм гарантируется военно-революционным комитетом освобождение от всякого наказания.

Трудящиеся Карелии! Бандитизм, организованный финскими капиталистами, толкнул вас в глубокое несчастье. Белые банды, хотя в числе их и находятся обманутые карельские крестьяне, являются наймитами и подручными финляндских капиталистов. Сами эти господа сидят в Финляндии спокойные и сытые, нисколько не заботясь о тех бедствиях, которые переживает бедная Карелия по их милости.

Если на земле найдется хоть сколько-нибудь правосудия, то эти господа должны быть привлечены к суровой расплате. К ответственности должны быть привлечены не только местные руководители бандитов — Карповы, Ореховы и Токиннены, но в первую очередь должны

дать ответ их белофинские хозяева — Свинхувуд, кровавый Маннергейм и хулиганы егеря.

Карельский трудовой народ! Пусть потоки твоего ничем не ограниченного гнева направятся против этих господ, ибо они в первую очередь виновны в ручьях трудовой крови, в разорении ваших домов и в наших неисчислимых страданиях.

Трудящиеся Карелии! Мы должны бороться до тех пор, пока все кровавые грабители не будут изгнаны и не будет достигнут полный мир.

Белая Финляндия начала свои гнусные дела во время глубочайшего мира, мы должны заставить ее заплатить нам за все наши разорения и убытки.

У Карельской трудовой коммуны и ее великого старшего брата — Советской России найдется достаточно сил, чтобы потребовать отчета от финских господ и капиталистов.

В этом нам поможет финский трудящийся народ. И за эту кровь, которую белые грабители проливают здесь, они заплатят своею кровью, когда вновь настанет день Финляндской рабочей революции.

Общего врага уничтожим общими усилиями. Смерть белым бандитам!

Да здравствует красная Карельская трудовая коммуна!

Председатель военного-революционного комитета Карельско-Мурманского района (подпись).

Резолюция рабочих и служащих ст. Сорока, принятая на митинге 11 января 1922 г.[1]

Заслушав доклад о положении Карелии и помощи красноармейцам, мы, рабочие и служащие ст. Сорока, отмечаем новый шаг буржуазии к попытке сорвать мирную работу по восстановлению хозяйственной жизни страны. Пресловутая Антанта, видя, что при новой экономической политике Советская республика получила возможность наладить свое хозяйство и тем самым улучшить положение рабочих и крестьян, позорно вторгается в пределы Советской республики, дабы нанести удар по начинающейся работе, но мы, красные мурманцы, не боимся этого удара и заявляем, что буржуазия ошиблась в своих расчетах, ей не удастся совершить свое гнусное дело.

Восстановление моста на реке Онда, сожженного налетчиками, ясно говорит о том, что железнодорожный пролетариат сознательно отнесся к этому делу и впредь будет относиться с таким же революционным подъемом и твердо стоять на страже завоеваний революции. Учитывая тяжелое положение Красной армии, которая нуждается в материальной поддержке со стороны всех сознательных граждан Советской республики, постановили произвести добровольное пожертвование в пользу красноармейцев, борющихся против белогвардейских банд в Карелии, кто чем может: деньгами, обмундированием, бельем, продовольствием и другими вещами, требующимися в поход, для чего привлечь профуполномоченных, делегаток-женщин, РКСМ, для проведения сбора по квартирам в районе станции Сорока, снабдив таковых подписными листами. Сбор начать с 11 января и кончить не позже 14 января 1922 г. О результатах сбора по подписным листам доложить на первом собрании рабочих и служащих.

Смерть и проклятие всем контрреволюционным силам, идущим во главе банд!

---

[1] Центр. архив Карело-Финск. ССР, ф. Карисполкома, д. № 12/43, л. 11.

Да здравствует наша победоносная Красная армия и с нею красная Карелия!

Резолюция граждан г. Кеми, 13 января 1922 г.[1]

Мы, граждане г. Кеми, собравшиеся на общем собрании, заслушав доклад по поводу нашествия белофинских грабительских банд на территорию Карелии единогласно постановляем:

1) Констатируем, что советская власть дала самую широкую автономию всем народностям, живущим на территории РСФСР. Та же советская власть представила широкие автономные экономические права самостоятельности населению Карелии в организации автономной области Карельской трудовой коммуны. Несмотря на разоренность войнами своего экономического положения и стихийного бедствия (Поволжье) Советская федерация представила часть своего золотого фонда на покупку продуктов на снабжение трудящихся Карелии, чтобы доставить им возможность приступить к мирному труду и восстановлению своего разрушенного хозяйства...[2]

2) Но самостоятельности и хозяйственного развития Карелии не хочет белофинская буржуазия и лесопромышленники, которые, организовав банды из карельских кулаков и душителей международного пролетариата, направляют их в Карелию, вооружая их на Финляндской территории.

Эти банды зверски расстреливают и терроризируют мирное население, опустошают и разоряют целые волости и районы.

3) Мы, граждане гор. Кеми, громогласно заявляем свой категорический протест против нарушения мирного договора со стороны Финляндии, введения в нашу мирную жизнь опять военного положения и будем всеми силами и средствами бороться против белофинских насильников.

Ставим в известность все национальности мира о зверствах агентов белофиннов и требуем возмещения всех убытков, нанесенных бандитами населению Карелии от белой Финляндии. Твердо заявляем, что за советскую власть, давшую мирную жизнь, будем бороться со всеми посягательствами до последней капли крови.

Долой и смерть бандитам!

Да здравствует Карельская трудовая коммуна!

Да здравствует доблестная Красная армия!

Из доклада Ухтинского учревкома в ревком Карельско-Мурманского района, 3 марта 1922 г.[3].

В сущности, вся жизнь в районе, за исключением некоторых местностей, как например, деревни Каменноозерской и Венихозерской, замерла. Опустошение, произведенное белобандитами, настолько основательное и зверское, что, не видя этого своими глазами, трудно поверить в правдоподобность этого. Самое большое опустошение произведено в районе линии их отступления, которую можно считать проходящей следующим образом: начиная с деревень Панозерской и Суопассваарской по деревням Суопасальми, Нурмилахти, Луусальми на Ухту и оттуда по селам Вуоницкой и Тихтозерской в Финляндию. В находящихся в этих районах деревнях белобандиты поступали, по рассказам местных жителей, следующим образом: 1) Жителям было строго приказано, в те-

[1] Центр. арх. Карело-Финск. ССР, ф. Карисполкома, д. 12/43. л. 16.
[2] Дальше не разобрано 2 строки.
[3] ЦАОР, МП, ф. 2990, д. № 1, л. 242.

чение часа, иногда двух, погрузить весь скарб на подводы и, несмотря на просьбы и слезы многих разрешить остаться дома, никто, кроме совершенно неспособных двигаться, не получил пощады от белобандитов. 2) Одновременно белобандиты зарезали почти весь имеющийся в деревнях рогатый скот, взяв с собою все, что только поспели или имели возможность. 3) После выхода из деревень гражданского населения и главных сил, оставленный бандитами отряд поджигал дома или же разбивал оконные стекла, ломал двери и всю оставленную в домах мебель. Так поступали во всех, лежащих по линии отступления бандитов, деревнях; между прочим, в Ухтинском селе из 350 домов, пригодных для жилья имеется только 40.

Кроме того, в волостной магазин Ухты было собрано от большей части жителей зерно и подвезенное из Вокнаволоцкой находящееся там, принадлежащее Карельской трудовой коммуне, зерно и с 10 живыми коровами сожжено.

По рассказам местных жителей это зверство проделали одетые в белые шапки и серые костюмы (финские бандиты и их офицеры).

В настроении оставшихся жителей заметна большая перемена. Все уверяют, что теперь они вполне понимают, кто и откуда были те, которые принесли им эти несчастья. Чтобы заставить жителей взять решительный шаг, белобандиты, кроме ранее известного, уверяли население, что Польша, Румыния и Япония ведут совместно большие сражения против Советской России, почти вся Красная армия демобилизована и поэтому из России не могут прислать помощи, кроме того, Россия не считает Карелию настолько важным, чтобы из-за этого ослаблять более важные для нее области.

По рассказам вернувшихся от бандитов жителей, значительная часть ушедших с бандитами вернулась бы домой, но их не пускают из Финляндии. Происшедшее, несмотря на страшные последствия, многое прояснило и расширило кругозор отсталого Карельского народа.

Сразу же после занятия Ухты бандиты убили следующих тт. политработников — Куукконен, Киуту, учителя Юнтунен, учительницу Пелконен, бывшего красноармейца 6 полка Вайне Нурме и троих милиционеров, фамилии которых нам не удалось выяснить.

Учительницу Пелконен бандиты оставили бы живой, если бы она согласилась отречься от коммунистической партии, но эта героиня ответила: «До тех пор пока хоть один волос сохранится у меня на голове, я буду коммунисткой».

В добавление к вышесказанным тов. Салиев и председатель Кемского исполкома тов. Васарев расстреляны бандитами.

Привет Финской секции РКП защитникам Карельской трудовой коммуны [1]

Конференция финских организаций РКП шлет сердечный привет товарищам, борющимся на Карельском фронте. Учитывая все трудности, с какими вам приходится бороться, мы все же уверены, что вы снова отразите натиск финских белогвардейцев.

Геройская Красная армия, в которой наряду с русскими товарищами сражаются финны, карелы и многие другие народности, в продолжение пяти лет успешно защищала власть рабочих и крестьян на десятках фронтов. Финские белогвардейцы, напавшие на Советскую Россию, уже испытывают на себе силу ударов Красной армии.

[1] «Петроградская правда» № 18, 25 января 1922 г.

Финский пролетариат стоит на нашей стороне. Уже не тысячами, а десятками тысяч насчитываются в Финляндии пролетарии, которые готовы сражаться за Карельскую трудовую коммуну, т. е. за свое и за общее дело мирового пролетариата.

Уверенность в этом даст вам еще больше бодрости в борьбе с противником.

Товарищи, примите наш сердечный привет.

Да здравствует Красная армия! Смерть врагам рабоче-крестьянской власти!

Записка по прямому проводу Наркомата по иностранным делам Советскому полпредству в Гельсингфорсе, 26 января 1922 г.[1]

В Маслозерскую волость вторглись бандиты. Теперь она снова освобождена от последних. Отступавшая из волости банда насильственно мобилизовала девять человек и грабительски отняла у крестьян последних лошадей и скот. Положение освобожденных от бандитов волостей крайне тяжелое. Нет лошадей и скота, нет хлеба и фуража, к тому-же свирепствует эпидемия оспы, которая уносит массами детей. Исполкомом Картрудкоммуны посланы три экспедиции для оказания помощи, санитарная экспедиция и экспедиция для спасения последнего скота, для которого нет больше корма.

Записка по прямому проводу Наркомата по иностранным делам советскому полпредству в Гельсингфорсе, 28 января 1922 г.[2].

23-го занято нами Березонаволоцкая, 24 в Кемасозерском районе наши части после четырехчасового боя заняли Чаумоозеро, а затем, преследуя противника, деревню Ледмоозеро. 25-го в Топозерском районе нами после упорного боя занята Кокосалинская. В Маслозерском районе занята Ушковская. 26-го наши части в Онгозерском районе, преодолевая чрезвычайно трудные местные условия, заняли с боем Болдырскую. Получено донесение, что в Кемасозерской командовал бандитами Токиннен, он же Ильмаринен. Там находился штаб, начальник которого Талвела. Взятый в плен в деревне Лендера шюцкорист показал, что он был в роте из 170-ти финнов и 30-ти карел, которой командовал финский шюцкорист прапорщик Волтонен. Пополнение прибывало партиями со станции Керана Нюландского шюцкорского округа. Последнее направление в Карелию через Сердоболь и Лиексу.

Записка по прямому проводу Наркомата по иностранным делам советскому полпредству в Гельсингфорсе, 3 февраля 1922 г.[3].

Отмечается упорная оборона противником деревни Пипринга, севернее Пялозера и деревни Кондаки, северо-западнее Кемасозерской. При отходе из деревни Окунева губа бандитами захвачено до ста душ мужчин, направленных под конвоем в деревню Никольская. 31-го нами занята деревня Сапосальмская.

Карелы из бандитских отрядов начинают группами сдаваться. В деревне Минозеро добровольно сдались 30-го одиннадцать человек. Можно ожидать, что ликвидация бандитизма в крупном размере скоро окончится.

---

[1] ЦАОР, МП, д. № 290, папка 3, л. 18.
[2] Там же, л. 19.
[3] Там же, л. 21.

Из телеграммы командования Кемасозерского отряда военкома Южной группы, 10 февраля 1922 г.[1]

Пограничные деревни Карелии находятся в самом ужасном положении; уход жителей с бандитами объясняется запуганностью и темнотой. Везде и всюду бандиты говорили, что Красная армия всех режет, жжет, уничтожает и т. д. Положение оставшихся жителей тяжелое, продуктов питания нет, необходима реальная и скорая помощь.

Телеграмма военкома Кемасозерского отряда военкому Южной группы, 10 февраля 1922 г.[2]

Доношу, что в районе расположений отряда спокойно. В селе Вакноволоцкая понемногу начинают появляться из подполья женщины, дети, которые так были запуганы белобандитами, что своим глазам не верят, видя перед собой теперь красных вовсе не теми, какими их рисовали бандиты. Мною проведена беседа с жителями дер. Вакноволоцкая через переводчика. Крестьяне остались очень довольны и сразу же изменилось их отношение к красноармейцам. Созданный мною волревком приступил к учету имущества и его сохранения, также регистрации оставшегося населения. По учету оставленного бандитами имущества создана комиссия. Настроение красноармейцев приподнятое.

Военком Кемасозерского отряда (подпись).

Приказ Реввоенсовета республики по Красной армии и Красному флоту, 11 февраля 1922 г.[3]

Советская Карелия очищена красными полками от белых банд, организованных финляндским офицерством на средства финляндской и иной буржуазии. В тягчайших условиях Севера, в пустынных, холодных пространствах, иной раз по пояс в снегу, под которым не замерзает вода, солдаты революции снова выполнили свой долг до конца.

Преступление правящих классов Финляндии и ее покровителей дало трудовым массам России новые лишения и жертвы и внесло в историю Красной армии новые подвиги героизма.

Красная армия и Красный флот гордятся своим карельским отрядом и провозглашают ему восторженное братское спасибо.

Революционный военный совет республики примет все меры к тому, чтобы отметить и наградить подвиги наиболее выдающихся героев и закрепить в сознании Красной армии всю историю этого сурового похода.

Северо-западная граница Советской федерации снова восстановлена ценою крови. Красная армия и Красный флот твердо рассчитывает на то, что рабоче-крестьянское правительство сумеет обеспечить нашу границу с Финляндией от новых хищных и предательских покушений.

Да здравствует Советская Карелия! Слава красным воинам!

---

[1] Ленинградский областной военный архив, ф. 175, св. 136, д. № 6, л. 211.
[2] Ленинградский областной военный архив, ф. 175, св. 136, д. № 6, л. 212.
[3] «Петроградская правда» № 35 от 4 февраля 1922 г.

Из истории рабочего движения на Украине в 1905 г.

К началу революции 1905 г. Украина была важнейшим индустриальным и горнозаводским центром России.

По темпам роста южная металлургия и угольная промышленность оставили позади не только старый горнозаводский Урал, но и европейские страны того времени.

Высокие дивиденды металлургических и каменноугольных предприятий выплачивались капиталистам русским и, в значительной степени, иностранным, за счет грабежа и нищенского существования рабочего класса Украины и России.

Накануне 1905 г. положение пролетариата и крестьянства было исключительно тяжелым. Развитие капитализма в сельском хозяйстве, в обстановке широкого использования крепостных пережитков в помещичьих хозяйствах (в особенности на Полтавщине и Харьковщине), вызывало массовое разорение украинского крестьянства, интенсивное его расслоение. Многочисленные заводчики, шахтовладельцы и фабриканты могли широко использовать дешевую рабочую силу, которая в огромном количестве прибывала из разорявшихся русских и украинских деревень.

Хищническая эксплоатация и наступление на рабочий класс Украины особенно усилились во время промышленного кризиса, разразившегося в промышленности Юга в начале 900-х годов. Сокращение производства и безработица захватили Одессу, Екатеринослав, Харьков, Николаев, Донбасс и др. города и промышленные центры Украины.

К этому же времени относятся массовые выступления пролетариата России и Украины против капиталистического гнета и самодержавия.

Наличие на украинских предприятиях передовых рабочих кадров, получивших революционную закалку в старых промышленных центрах, определило выдающуюся роль авангарда украинского пролетариата в общей борьбе рабочего класса России, между тем как значительная прослойка впервые привлекаемых на капиталистические предприятия рабочих — создала некоторую почву для распространения экономизма, меньшевизма и зубатовщины на Украине. К тому же надо учесть известную пестроту национального состава рабочих на Украине (украинцы, русские, евреи и др.) и попытки мелкобуржуазных националистических партий (Украинская с-д. партия, Бунд и т. п.) распространить свое влияние среди рабочих. В этих условиях большевикам в борьбе за упрочение и укрепление своего влияния пришлось вести упорную и длительную борьбу против меньшевизма и мелкобуржуазного национализма.

Борьба большевистской партии за революционное руководство рабочим классом накануне и в период революции 1905 г. сказалась в исключительном размахе и темпах рабочего движения на Украине. Массовые выступления пролетариата в 1900 и 1903 гг., охватившие крупнейшие центры Украины (Харьков, Одесса, Киев, Николаев, Екатеринослав и др.), были серьезной школой политической борьбы против самодержавия. Роль рабочих Украины в общей стачечной борьбе российского пролетариата значительно возросла. Массовые выступления и «специфически пролетарское средство борьбы, именно стачка,

представляло главное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании решающих событий» [1].

В процессе революционной борьбы пролетариат Украины развернул колоссальную боевую мощь и обнаружил огромный размах творческих сил. В ряде крупнейших промышленных центров были созданы органы новой революционной власти — Советы рабочих депутатов, возглавившие массовые выступления трудящихся. Большевистская партия, беспощадно разоблачая оппортунизм и предательство меньшевиков и мелкобуржуазных националистов, все шире распространяла свое влияние на рабочий класс.

Большевистские лозунги встречали самую горячую поддержку украинского пролетариата и определяли основную линию его выступлений и борьбы против самодержавия в 1905 году.

Огромное значение в истории революции имели вооруженные выступления пролетариата в Харькове, Екатеринославе и в Донбассе в декабре 1905 года. Эти выступления открыли пролетариату Украины потенциальные возможности и меру его сил. «Только борьба воспитывает эксплуатируемый касс,— говорил В. И. Ленин,— только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю» [2].

Насыщенная событиями история революции 1905 г. на Украине неоднократно освещалась в отдельных сборниках документов, воспоминаний и статей. Но это не исключает необходимости опубликования ряда новых групп документов, дополняющих и конкретизирующих известные ранее историкам и широкому кругу читателей факты и события.

Публикуемые ниже документы не претендуют на полное и исчерпывающее освещение событий; они лишь частично отражают революционные события в Одессе, Харькове, Екатеринославе, на Волыни и в Подолии.

Неполнота публикации в известной мере восполняется отдельными примечаниями и ссылками на сборники документов. Так, например, освещение событий в Харькове дается с июля, хотя революционные выступления харьковского пролетариата в 1905 г. начались с января этого года (документы за январь — июнь 1905 г. почти полностью опубликованы в ранее вышедших в свет сборниках документов). Событиям в декабре 1905 г. в Одессе посвящен только один документ, что также объясняется наличием значительного количества ранее опубликованных документов.

Общая картина событий в Одессе в 1905 г. представляется в следующем виде: большевистский Одесский комитет, имевший прочную опору в рабочих крупнейших предприятий Одессы, в феврале 1905 г. решительно высказавшийся за созыв III съезда партии (см. большевистский орган «Вперед» № 9), после успешно проведенной им массовой стачки, понес значительный урон в работниках, в связи с арестами членов Комитета 3 июня 1905 года. Это ослабление сил большевистского комитета крайне отрицательно сказалось на ходе событий во время восстания на броненосце «Потемкин». Николаевский комитет РСДРП, настойчиво и упорно осуществлявший большевистскую линию, все время испытывал давление мелкобуржуазных влияний, порождавших у работников периферии стремление к объединению с меньшевиками без достаточно четкого определения условий этого объединения.

Объединение с меньшевиками, осуществленное в Одессе в конце октября 1905 г., вскоре после всеобщей октябрьской стачки, весьма осложнило деятельность большевиков по подготовке рабочих масс к решающему штурму против самодержавия. Меньшевики, захватив руководящие позиции в Совете рабочих депутатов, всячески тормозили перевод политической стачки в вооруженное восстание. Примерно то же самое относится к Николаеву. Николаевский комитет РСДРП, ставший на большевистскую позицию после 2-го съезда партии, в первой половине 1905 г. развернул активную агитацию среди

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 345.
[2] Там же, стр. 347.

рабочих, солдат, казаков и матросов. Под руководством большевиков был проведен ряд стачек, одна из которых, начавшаяся 14 июня 1905 г., во время восстания «Потемкина» переросла в вооруженное столкновение с полицией.

В конце 1905 г. в Николаеве был созван Совет рабочих депутатов. Но сближение с меньшевиками, осуществленное в момент проведения здесь летних стачек (см. об этом большевистский орган «Пролетарий» № 9, 1905 г.) помешало николаевским большевикам расширить свою работу по подготовке вооруженного восстания.

Большевики Киева, создав группу «Вперед», вели активную работу в массах. Наиболее крупным событием было только восстание сапер в ноябре 1905 г. Восстание вспыхнуло стихийно и не было поддержано рабочими. Призыв к вооруженной борьбе рабочих был дан комитетом и советом несвоевременно, также несвоевременно была начата практическая работа по подготовке восстания. Боевые дружины рабочих в Шулявском районе были рассеяны, в результате численного превосходства правительственных войск, в ночь с 15 на 16 декабря.

Центральное место в настоящей публикации отведено Екатеринославу и Херсону.

Начиная со II съезда РСДРП Екатеринославская организация возглавлялась большевиками, но после арестов и отъезда ряда большевиков, руководство в комитете к началу января было захвачено меньшевиками. Большевики в январе 1905 г. сорганизовали «комитет большинства» РСДРП. В первой половине 1905 г. в Екатеринославе существовали два комитета — большевистский и меньшевистский. 24 июня ЦК РСДРП, избранный на III большевистском съезде партии, утвердил права Екатеринославского комитета за комитетом группы большинства, в виду отказа меньшевистского комитета от участия на III съезде и от проведения в жизнь его решений (см. об этом газ. «Пролетарий» № 10).

1905 г. на Екатеринославщине явился годом непрерывного стачечного движения, застрельщиками которого выступали рабочие металлисты (Брянского и др. заводов) и рабочие железнодорожники (мастерских и депо Екатерининской железной дороги). На восстание «Потемкина» и события в Одессе Екатеринослав отозвался 21—22 июня политической стачкой, которая переросла во всеобщую. Рабочие устраивали демонстрации и вступали в столкновения с казаками. Наибольшего размаха и силы стачечное движение достигло во время всеобщей октябрьской стачки, завершившейся баррикадными боями в рабочей слободе Чечелевке и на Кудашевской. Организовав боевые дружины, рабочие не допустили погромщиков в рабочие районы. Образованное в октябре 1905 г. Делегатское собрание переросло к началу декабря в Совет рабочих депутатов. Коалиционный боевой стачечный комитет, составленный в начале декабря из представителей Совета рабочих депутатов и др. организаций, возглавлялся большевиками, но его «коалиционный» состав создавал определенные трудности для руководителей.

Начавшаяся политическая забастовка рабочих и прекращение по приказу боевого коалиционного стачечного комитета деятельности общественных, правительственных и торговых учреждений и массовое разоружение полиции парализовали деятельность местных представителей власти. Однако, боевой коалиционный стачечный комитет, ввиду наличия политических разногласий среди его членов, не смог провести в Екатеринославе вооруженного восстания,— в руках вооруженных рабочих целиком находилась только одна Чечелевка — рабочая окраина Екатеринослава. Стачка в Екатеринославе была прекращена 18 декабря, с получением известий о подавлении московского вооруженного восстания. Применение воинской силы решило исход событий в 1905 г. в Екатеринославе. Начались обыски, аресты, и в конце декабря правительственные телеграммы могли уже сообщать о «наступившем успокоении».

Ход событий в Екатеринославе сыграл большую роль в подъеме революционной вооруженной борьбы в Донбассе и ближайшем к нему районе. Создавались советы (Юзовский, Мариупольский и др.), боевые стачечные комитеты

(Александровка), распорядительные комитеты (все станции Екатерининской железной дороги), и эти новые организации фактически становились властью на местах.

Несмотря на нерешительность коалиционного боевого стачечного комитета декабрьские события в Донбассе все же являются исключительно боевой и яркой страницей из истории борьбы украинского пролетариата в 1905 г. Наиболее значительным событием в этой борьбе было горловское вооруженное восстание, в котором, несмотря на слабую техническую подготовку и недостаток оружия, приняло участие несколько тысяч рабочих, проявивших исключительный героизм и отвагу. Исход событий в Горловке (дружинники сдались, понеся большие потери) и поражение московского вооруженного восстания предопределили участь всего восстания в Донбассе.

Примерно так же развивались события и в Харькове. Организованная большевиками в начале 1905 г. группа «Вперед» со второй половины 1905 г. была признана ЦК РСДРП единственной правомочной организацией. Под руководством большевиков харьковские рабочие провели стачки летом 1905 г. и активно включились в борьбу во время всеобщей октябрьской стачки, завершившейся массовыми демонстрациями, вооруженными столкновениями и баррикадными схватками с полицией. Развернув работу в армии, большевики значительно укрепили свое влияние среди солдат харьковского гарнизона, свидетельством чего явилась совместная демонстрация солдат и рабочих 23 ноября.

Несмотря на неполноту и разрозненность, публикуемые материалы представят известный интерес; они отражают отдельные эпизоды героической борьбы украинского пролетариата в 1905 г., вписавшего не мало славных страниц в общую историю российского рабочего класса, установившего под руководством партии Ленина — Сталина в 1917 г. свою победоносную диктатуру на шестой части земного шара и в героических боях за социализм вплотную ставшего ныне на путь перехода от социализма к коммунизму.

Документы подготовлены к печати научным сотрудником Центрального архива революции Е. В. Чмыховой.

О. Чаадаева.

ОДЕССА, ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Прокламация Одесского комитета РСДРП, январь 1905 г.[1]

9 января петербургские рабочие подняли знамя революции. Двести семьдесят тысяч петербургских рабочих поклялись своею жизнью, жизнью жен своих и детей, отомстить царскому правительству за все его злодеяния, совершаемые над 140-миллионным населением России: они поклялись смести с лица земли русской царский трон и не прекращать борьбы до тех пор, пока власть из рук деспота не перейдет в руки народа.

Волной прокатился этот могучий призыв петербургских рабочих и вся пролетарская Россия от Питера до Баку, от Варшавы до Сибири, подхватила этот боевой, революционный клич. Пролетарии всех крупных городов бросали работу, выходили на улицу и строились в боевые колонны.

Товарищи! Очередь за нами.

Все фабрики, заводы, мастерские, типографии, конки, все должно стать[2].

Пусть эти грозные дни величественного согласия всего одесского пролетариата будут напоминанием того, что ни лицемерные обещания, ни солдатские пули и штыки не остановят великого освободительного движения пролетариата, что рабочий класс с оружием в руках готов завоевать себе свободу. Царское правительство должно пасть. Того требуют интересы пролетариата, того требуют интересы всей России.

Долой царское правительство. Мы требуем немедленного созыва учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.

Мы требуем 8-ми часового рабочего дня.

Мы требуем немедленного прекращения войны.

Да здравствует революция.

Да здравствует демократическая республика.

Одесский комитет РСДРП.

Прокламация Одесского комитета РСДРП, февраль 1905 г.[3]

От чего безработица и где выход.

Товарищи! Вся Россия охвачена восстанием. Во всех городах рабочие массы выходят на улицы и громко требуют себе свободы. Рабочие Петербурга, Москвы, Варшавы, Риги, Лодзи, Самары, Саратова, Екатеринослава, Тулы, рабочие Кавказа, Урала и Сибири, рабочие Финляндии, Польши и Литвы, сотни тысяч рабочих подняли свой голос в защиту свободы народа от гнета царя и царских палачей. Страшен и грозен этот голос нашим врагам, смерть гнусному и гнилому самодержавию несет рабочий класс.

Мы знаем теперь, как ответил царь рабочим: тысячи убитых, тысячи раненых, горы трупов, реки нашей рабочей крови — вот ответ царя. Гнусный убийца, неспособный, глупый и кровожадный царь, обманув, заливши кровью народной улицы русских городов, осмеливается говорить с нами. Вы знаете его ответ рабочим, которых послал к нему новый петербургский генерал-губернатор, жандарм-палач Тре-

---

[1] Центральный архив революции (ЦАР), инв. № 1873. Воспроизводится с типографского подлинника.

[2] Вследствие массовых арестов январская забастовка 1905 г. в Одессе не состоялась. 11 января была арестована группа большевиков, членов Одесского комитета РСДРП.

[3] ЦАР. инв. № 1870.

пов? Царь сказал этим рабочим, что он прощает рабочих. Жалкий обманщик, подлый убийца. Можно ли быть более подлым, можно ли сильнее издеваться над рабочими? Нам не надо царского прощения. Проклятье всего рабочего класса пошлем мы ему в ответ на его лживые речи, проклятье всего русского народа посылает ему вся восставшая Россия за нищету и горе, за кровь и слезы, пролитые по вине царя и палачей царских.

Верные слуги царя заговаривают теперь медовые речи с рабочими. Правительство и царь испуганы, растерялись и мечутся, чуя близкий час кровавой расплаты за все зло, причиненное ими России. Заговорил с рабочим и наш одесский палач Нейгардт. Вам рассказывают сказки, что забастовали сначала заводы, делающие военные заказы. Неправда это, товарищи. Бастовали сразу все рабочие, все заводы стали в два дня. Всем рабочим стало невмоготу теперь, все шли на борьбу. И не враги рабочих звали их на борьбу. Нет! Их звали на улицу сознательные рабочие, жизнь свою отдавшие борьбе за свободу и счастье народа.

Вам рассказывают сказки, что беспорядки устроили японцы и их союзники в России. Верно ли это, товарищи, что безработица у нас оттого, что мы не можем сбывать свои товары в Манчжурию? Вас обманывают грубо и бессовестно. Какие товары могли мы возить в Манчжурию по плохой сибирской железной дороге за несколько тысяч верст, когда японцы и китайцы забрасывали рынки Манчжурии товарами более дешевыми и лучшего качества? Сотни миллионов наших денег уплывали в Манчжурию на постройку ненужной нам дороги, на постройку потопленных и взлетевших на воздух броненосцев и миноносцев, на содержание армии. А по дороге этой к нам привозили японцы и китайцы свои товары, и наши деньги шли к японским и китайским купцам. Нет, товарищи, безработица не от того, что у нас нет Манчжурии.

Безработица оттого, что народ разорен царским правительством, царскими чиновниками, царем и великими князьями. Когда вы, безработные, голодаете и мерзнете под открытым небом в своих жалких лохмотьях, царские чиновники и свора князей с царем во главе воруют миллионы народных денег, осыпают бриллиантами царских и княжеских любовниц, переводят награбленные с голодающего и нищего народа миллионы в заграничные банки.

Когда вы, безработные, умираете с голоду, огромные магазины и склады ломятся от съестных припасов, заготовленных для сытых и праздных людей на ваши же народные деньги. Когда вы, безработные, ходите оборванные под открытым небом, в огромных складах гниют запасы платья и обуви, не находя себе сбыта, не находя покупателей, потому что народ беден, народ нищ, народ разорен царским правительством. Когда вы ютитесь и дрогнете, мужчины, женщины, дети и старики, в сырых и холодных подвалах, на чердаках и в собачих конурах и трущобах, или под открытым небом, миллионы, награбленные с вас, бедняков, уходят на постройку царских и княжеских дворцов, в которых никто не живет.

Кто же виноват во всем этом?

Товарищи! Всякий из вас теперь ясно видит, что виновато правительство, разоряющее народ, виновато правительство, защищающее буржуазию, защищающее всех эксплоататоров, всех врагов рабочего класса, всех врагов трудящихся России. Два миллиарда в год правительство собирает с обнищавшего народа, и деньги эти тратит на содержание огромной армии солдат, жандармов и полиции. Правительство тратит половину этих денег на ведение вредной для народа,

разорительной, братоубийственной войны. Оно тратит сотни миллионов на содержание врагов и палачей народной свободы. А для народа, для вас, рабочих, правительство имеет пули и штыки, имеет крепости, тюрьмы и участки. И когда вы, товарищи, боретесь против этого несправедливого порядка, правительство бросает вас в эти тюрьмы, расстреливает вас тысячами на улицах городов из ружей, купленных на ваши трудовые деньги, заливает рабочей кровью родную вашу землю.

Товарищи! Наша социалистическая рабочая партия, партия всех пролетариев, уже много лет борется за свободу и счастье всего рабочего класса. Наша рабочая партия борется за то, чтобы освободить весь рабочий класс от всякой эксплуатации, от нищеты и гнета. Тысячи нас, социал-демократов, погибли в этой борьбе в тюрьмах, в ссылке, расстрелянные на улицах больших городов по приказу царя. Но армия борцов растет, вокруг нашего рабочего красного знамени собираются все те, кому ненавистен гнет и насилие над рабочим классом; вокруг нас собираются все, кому дороги ваши свобода и счастье, пролетарии, кому дороги свобода и счастье всей России.

Когда рабочие Петербурга шли к Зимнему дворцу добиваться свободы, они говорили: у нас есть только два пути, или к свободе и счастью или — в могилу. Мы, социал-демократы, зовем вас к свободе и счастью. Товарищи пролетарии, будем бороться. И в нашей великой всенародной борьбе будем помнить золотые слова великого учителя всех социалистов, Карла Маркса: «Пролетарии в своей борьбе ничего не потеряют, кроме своих цепей, приобретут же они целый мир...»

Рабочие и работницы г. Одессы! Готовьтесь к великой борьбе, готовьтесь к всенародному восстанию. Всюду несите слово правды, всюду распространяйте и читайте наши листки, готовьте оружие, будьте готовы победить...

Долой царя. Долой убийцу.
Долой войну.
Да здравствует всенародное восстание.
Да здравствует демократическая республика.
Да здравствует Учредительное собрание.
Да здравствует РСДРП.
Да здравствует социализм.

Одесский комитет РСДРП.

Из донесения начальника Одесского охранного отделения в департамент полиции, 5 марта 1905 года [1].

Доношу вашему превосходительству, что 14 февраля на проволочном заводе Шполянского 23 чел. не явились на вечернюю смену, но уже на следующий день они стали на работу [2].

26 февраля 11 человек эмалированного заведения Германа Иоганса (всего работает 22 чел.) прекратили работу, после того, как хозяин не согласился на удовлетворение предъявленных ими требований; днем забастовавшие стали собираться отдельными группами на квартирах с целью уговорить остальных своих товарищей также прекратить работу, а затем явились в заведение для переговоров, но оттуда были удалены полицией; в настоящее время все они работают.

[1] ЦАР, ДП, о.о., д. № 4, ч. 19, лит. А, 1905 г., л. 32:

[2] В середине февраля бастовали и рабочие железнодорожных мастерских, предъявив администрации ряд требований. Требования были удовлетворены. В первых числах марта вновь началась забастовка железнодорожных рабочих, требовавших введения 8-часового рабочего дня. После трех дней забастовки рабочие вынуждены были приступить к работе, не добившись удовлетворения требований. Общее число бастующих рабочих в марте достигло 1 400 чел.; бастовали портовые грузчики, рабочие булочной Филиппова и др.

28 февраля рабочие мастерской по изготовлению пиджаков Мойлеха Гризоцкого, в числе 21 чел., оставили работу, заявив, что делают это по требованию других рабочих; в подобной же мастерской Герша Гацфрида забастовало 10 чел., которые ныне работают.

1 марта в типографии Гальперина и Швейцера, из числа 47 рабочих, прекратили работу 39 чел., выставив требования: уменьшить рабочий день на 1 час, т. е. до 9 рабочих час. и прибавить 5 руб. к месячной заработной плате в 30 руб.

2 марта забастовавшие рабочие явились на работу, причем 7 чел. была сделана прибавка в 5 руб. в месяц, а остальные остались на прежних условиях.

Того же 1 марта рабочие дамской мастерской З. Воробейчика в числе 13 чел. предъявили хозяину мастерской требование об увеличении им жалованья до 40 руб. в месяц с гарантией на один год и, получив в этом отказ, прекратили работу.

Во всех перечисленных случаях порядок в городе не нарушался.

Подполковник Бобров.

Телеграмма начальника Одесского жандармского управления шефу жандармов, 3 мая 1905 г.[1]

В течение второго числа прекратили работы до двадцати пяти заводов и мелких фабричных заведений[2]. Сегодня в некоторых работы возобновились, в других же забастовали. Всего сегодня не работает до сорока фабрик и заведений, с числом до четырех тысяч. Беспорядков не производят; были попытки небольших групп вызвать к прекращению работ на незабастовавших фабриках, но группы эти рассеивались полицейскими нарядами и патрулями. В большинстве фабрик никаких требований не предъявлено, а предъявленные почти исключительно экономического характера. Наряды войск на случай беспорядков в определенных местах имеются ежедневно. Столкновений с войсками не было. По заявлению фабричной инспекции, дня через два можно ожидать приступа к работе всех забастовавших.

Полковник Кузубов.

Телеграмма начальника Одесского охранного отделения директору департамента полиции, 4 мая 1905 г.[3]

Третьего, к полудню насчитывается забастовавших 43 фабричных заведений и мастерских, преимущественно мелких — 4900 чел.; были попытки со стороны небольших групп забастовавших прекратить работу на других заводах, таковые рассеивались обычными нарядами полиции и конными патрулями.

Подполковник Бобров.

Телеграмма одесского градоначальника министру внутренних дел, 4 мая 1905 г.[4]

Почтительнейше доношу, что стачки фабричных рабочих все увеличиваются, начинаются столкновения с полицией. Забастовало шестьде-

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 4, ч. 10, лит. А, 1905 г., л. 99.

[2] Всеобщей массовой забастовке в Одессе предшествовало забастовочное движение в апреле, которое началось с первых чисел и продолжалось в течение всего месяца. 8 апреля бастовали служащие одесских типографий, 18-го служащие в фотографиях, 19-го булочники и пекаря, 25-го рабочие одесских мельниц, 28 апреля рабочие механического завода Краковщинского, 29-го рабочие пароходства Манташева и К-о.

[3] ЦАР, ДП, о. о., д. № 4, ч. 19, лит. А, 1905 г., л. 101.

[4] ЦАР, ДП, о. о., д. № 4, ч. 19, лит. А, 1905 г., л. 102.

сят фабрик, семь тысяч рабочих. Революционные комитеты силятся вызвать беспорядки [1].

Нейгардт.

Прокламация Одесского комитета РСДРП, май 1905 г. [2]

Ко всем одесским рабочим.

Товарищи! Вся рабочая Одесса поднялась на борьбу с капиталистами. Довольно они нас грабили, довольно они нас угнетали. Мы не хотим больше изнуряться и губить здоровье на их работе, мы не хотим больше жить впроголодь, мы не хотим больше, чтобы с нами обращались, как с бессловесным скотом. Мы, рабочие, создаем все богатства всего мира — мы имеем право на лучшую жизнь.

Что же нам нужно делать, как нам бороться, чтобы добиться лучшей жизни? Стачка — испытанное средство борьбы рабочих с капиталистами. Ее давно уже применяют рабочие в России. Но стачкой мало можно сделать, если рабочие заранее не организованы. Нам нужно не одно временное соединение, нам нужно постоянное соединение — боевые стачечные кассы, чтобы было на что жить во время стачки, союзы, которые заведывали бы этими кассами, которые устраивали и проводили бы стачки. И не только по отдельным заводам, не только по отдельным городам нам нужны такие союзы — мы должны сорганизоваться по всей России, мы должны слиться с рабочими всех стран, чтобы иметь возможность всюду и всегда помогать друг другу, чтобы всюду и всегда силе капиталистов противостояла сила организованных рабочих. Только тогда мы сможем успешно бороться с капиталистами.

Но как соединимся мы в союзы, как сорганизуемся по всей России, когда мы не можем свободно собираться и свободно говорить о своих нуждах? Когда лишь только мы соберемся, является полиция и разгоняет нас, на помощь ей спешат сейчас же солдаты и стреляют в нас, жандармы хватают всякого, кто осмелится открыто говорить о нуждах рабочих и русских порядках. При таких условиях нельзя вести никакой борьбы. Нам нужны прежде всего — свобода стачек, союзов и собраний, свобода слова и печати, неприкосновенность личности. Без этих прав мы не можем больше жить.

Но царское правительство никогда не даст нам их. Царь, его министры и придворные сами живут нашим трудом. Им выгодно, чтобы мы были забиты и темны. Мы должны взять эти права силой. Мы должны свергнуть царское правительство и созвать Учредительное собрание из представителей всего народа, выбранных всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием. Учредительное собрание создаст в России на место царского правительства — народное, демократическую республику. Тогда Россией будут управлять не царские чиновники, а парламент из выбранных от всего народа. Только тогда мы получим необходимые для нас политические права, только тогда мы сможем быть уверены, что их не отнимут у нас в будущем. Мало того, тогда мы сможем через своих выбранных проводить такие зако-

[1] Майской забастовкой в Одессе руководил стачечный комитет, в состав которого входили большевики. Общее число бастующих достигло 10 300 чел., бастовали рабочие 109 предприятий, предъявлялись политические и экономические требования. На многих предприятиях требования были удовлетворены. Стачка была подавлена путем репрессий. В районах фабрик и заводов полиция сосредоточила войска местного гарнизона. Ежедневно распределялись особые конные и пешие патрули. 17 мая работы возобновились на 54 фабриках с числом рабочих 3 700.

[2] ЦАР, инв. № 2622.

ны, чтобы капиталисты знали предел своей эксплоатации. Свободные граждане в свободной России, мы сумеем тогда двинуть в борьбу против капиталистов многомиллионную армию организованного пролетариата. Перед нами откроется свободный путь к нашей конечной цели, к социалистическому строю, к тому светлому будущему, когда все орудия производства (фабрики, машины, земля) будут принадлежать не кучке тунеядцев, а самим рабочим, когда исчезнут на веки всякий гнет, всякая эксплоатация.

Товарищи! Некоторые одесские рабочие хотят просить полицию о разрешении собраний. Неужели после кровавых январских дней в Петербурге, Риге, Варшаве и др. городах, всем нам не ясно, что от царского правительства, кроме солдатских пуль, казацких нагаек и полицейских застенков нам нечего ждать? Теперь вся Россия понимает, что царское правительство своим хищничеством придворных, своим обирательством народа и держанием его в темноте, своей преступной бойней на Дальнем Востоке, в которой все еще гибнут сотни тысяч наших братьев, ведет страну к полному разорению, к полной гибели. Вся Россия требует свободы. Неужели мы, рабочие, которым свобода нужнее, чем кому бы то ни было, будем унижать себя тем, что вступим в переговоры с убийцами наших братьев? Прочь с дороги! Народ решил свою участь. Народ сам берет в свои руки свою судьбу.—Вот все, что мы можем, что должны сказать царю и его клике. Схватить за горло и душить, вот все, что мы должны сделать. Стройтесь же в боевые колонны, товарищи, становитесь в ряды Российской социал-демократической рабочей партии. Под ее знаменем рабочие уже давно ведут борьбу с самодержавием, под ее знаменем они и победят его.

Готовьтесь к упорной битве. Тысячи уже пали, падут еще многие и многие тысячи — это цена свободы миллионов.

Да здравствует революция.
Да здравствует Учредительное собрание.
Да здравствует республика.
Да здравствует 8-ми часовой рабочий день.
Да здравствует пролетарская борьба за социализм.
Долой войну. Долой царское правительство.
Долой капиталистов.

Одесский комитет РСДРП.

Телеграмма командира Одесского коммерческого порта управляющему морским министерством, 15 июня 1905 г.[1].

Вчера прибыл в Одессу броненосец «Потемкин Таврический» с миноносцем № 267[2]. Сегодня в 6 час. утра шлюпкой свезли с броненосца и положили на берегу убитого матроса, на грудь которого положена записка, что он убит офицером за протест против дурной пищи. Бро-

[1] ЦВИА, ф. ВГШ, д. № 41, л. 8.

[2] Ко дню прихода в Одессу броненосца «Потемкин Таврический» забастовочное движение, начавшееся 2 июня, охватило все предприятия. 15 июня бастовали рабочие всех заводов на Пересыпи, произошло столкновение бастующих рабочих с казаками, в разных частях города строились баррикады. 15 июня к бастующим рабочим присоединились рабочие одесских железнодорожных мастерских, трамвайных парков, конок.

15 июня Одесса была объявлена на военном положении. 16-го состоялась грандиозная демонстрация при похоронах убитого матроса. 19 июня броненосец ушел из Одессы. Забастовочное движение одесского пролетариата было подавлено вооруженной силой. К 21 июня на многих предприятиях возобновились работы. Подробно о потемкинских днях в Одессе см. «Красный Архив», т. 69—70, 1935 г., стр. 72.

неносец в руках матросов. Матрос, тайком съехавший с броненосца на тузике, сообщает, что большинство офицеров перебиты. Письменные и устные прокламации зовут население к восстанию против правительства. Угрожая бомбардировкой, при приближении береговой воинской команды на броненосце был поднят красный флаг.

Перелешин.

Из перлюстрированного департаментом полиции письма за границу, 21 июня 1905 г.[1].

В Одессе идет теперь революционная борьба. Бросают бомбы, строят баррикады. Матросы заявили, что они не отдадут своих судов правительству, а отдадут их народу. Будут бороться до последней капли крови.

Город Одесса быстро пустеет. Обыватели-буржуа в панике. Настал, в буквальном смысле, последний час самодержавия.

Все взоры обращены на Одессу. Даже баррикады и геройская борьба в Лодзи[2] отошла на второй план.

Прокламация Одесского комитета РСДРП, октябрь 1905 г.[3]

Товарищи! По всем железным дорогам вспыхнула забастовка. Бастуют служащие и рабочие, требуя свободы и лучшей жизни. Истощилось их терпение, перестали они верить лживым обещаниям самодержавного правительства, поняли все, что свободу и лучшую жизнь пролетариат завоюет только своими руками. И вот они восстали... Как огромная волна прокатилась забастовка по всем железным дорогам, донеслась она и до вас... Бросайте же работу, товарищи, и присоединяйте ваш крик возмущения и протеста к голосам сотен тысяч ваших братьев. Помните, что рабочие — огромная сила, когда они действуют все вместе, когда они идут дружно нога в ногу.

Но нужно, чтобы эта сила не тратилась даром, чтобы она не расходовалась на мелкие дела, когда есть крупные. Теперь, когда вся Россия восстала против царского самодержавия, против произвола и насилия и ведет смелую борьбу за свое освобождение, теперь и вы должны выставить на своих боевых знаменах:

Долой самодержавие! Да здравствует народная свобода!

Долой Государственную думу, да здравствует Учредительное собрание, свободно избранное всем народом!

Долой Государственную думу, потому что она обман и издевательство над рабочими и крестьянами, потому что в ней соберутся враги народа — царские чиновники, помещики, купцы и фабриканты; потому что она выдумана царскими чиновниками для еще большего подавления и угнетения народа.

Да здравствует Учредительное собрание, свободно избранное всем народом, потому что только такое Учредительное собрание может дать свободу всему угнетенному и порабощенному народу — рабочим и крестьянам.

Но пока живо царское самодержавие, пока не сломлена сила царских чиновников, грабящих и избивающих народ,— до тех пор созвать такое Учредительное собрание невозможно.

Поэтому прежде всего нужно свергнуть царское самодержавие и

---

[1] ЦАР, ДП, о.о., д. № 1666, прод. 3, л. 189.

[2] 11 июня 1905 г. на улицах Лодзи происходили ожесточенные бои правительственных войск с рабочими.

[3] ЦАР, инв. № 1896.

заменить его временным революционным правительством, которое только и может созвать свободно избранное всенародное Учредительное собрание.

Итак, долой самодержавие, да здравствует временное революционное правительство!

Долой Государственную думу, да здравствует Учредительное собрание, свободно избранное всем народом!

Напишите же эти слова на ваших боевых знаменах и носите их рядом с нашими вечными пролетарскими знаменами. Восьмичасовой рабочий день! Социализм!

Под этими знаменами пролетариев ждет победа!

Одесский комитет РСДРП.

Донесение начальника Одесского жандармского управления одесскому градоначальнику, 13 октября 1905 г.[1]

13 октября забастовали на станции Одесса порт низшие служащие: стрелочники, составители поездов, сцепщики и сигнальщики. В 5 час. вчера забастовали на Одессе товарной рабочие паровозного депо, соединившись с забастовавшими служащими службы движения. Держут себя вызывающе. Рабочие одесских железнодорожных мастерских к работе не приступают. Забастовавшие предполагают собраться завтра к 10 час. утра на общую сходку, назначив для этого места 7-ю версту главной линии. Для охраны станции Одесса товарная, мастерских и депо я просил заведывающего передвижением войск о назначении двух рот пехоты.

Полковник Кузубов.

Телеграмма начальника Одесского жандармского управления директору департамента полиции, 16 октября 1905 г.[2]

15 октября вечером градоначальником сделано распоряжение о прекращении доступа частных лиц в Университет. 15-го сего дня был назначен митинг в Университете. Многотысячные толпы рабочих, учащейся молодежи и другой публики направились в Университет; недопускаемые нарядами полиции и казаками, толпы рассеялись по центральным улицам города, устраивая баррикады из вагонов, конок, телеграфных столбов, срубленных деревьев, протягивают по улицам проволоки, канаты. Толпа стреляет в войска, получая ответ залпами; ранен рядовой жандармской команды, о других жертвах сведений не имею. На бывшем вчера заседании Думы совместно с советом профессоров, слышались возгласы: «Долой Нейгардта[3], смерть ему». По всему городу идут залпы. Банки, магазины — закрыты. Нормальное течение жизни прекратилось.

Полковник Кузубов.

Телеграмма одесского градоначальника директору департамента полиции, 16 октября 1905 г.[4]

Толпа, недопущенная мною в Университет, ввиду вчерашних мятежных постановлений о всеобщей забастовке, потребовала закрытия

---

[1] ЦАР, ДП, о.о., д. № 1350, ч. 30, 1905 г., л. 30. В период между июнем и октябрем наиболее крупная забастовка произошла 1—2 августа в Одесском порту. Бастовали 500 рабочих, требуя увеличения поденной платы, требования были удовлетворены. 28 сентября бастовали механики и машинисты пяти частных пароходов.

[2] ЦАР, ДП. о.о., д. № 1350, ч. 30, 1905 г., л. 30.

[3] Одесский градоначальник.

[4] ЦАР, ДП. о.о., д. № 1350, ч. 30, 1905 г., л. 35.

аптек, свернула до 50 вагонов конки, в трех местах устроила баррикады, ограбила один оружейный магазин. Но я вчера вечером отобрал все патроны из всех магазинов. Теперь распорядился войсками занять весь город. Войска несколько раз стреляли. Пока до 30 раненых, но в городе теперь порядок. Войска действуют хорошо. Поезда сегодня начинают выходить.

Градоначальник Нейгардт.

Из телеграммы начальника Одесского охранного отделения директору департамента полиции, 18 октября 1905 г.[1]

Семнадцатого с утра забастовало в семидесяти восьми заведениях четыре тысячи рабочих, частью снятых забастовщиками. Для достижения успеха в проведении всеобщей забастовки местные демократические организации объединились. На происходивших в Университете и Думе митингах все время собирались всеми организациями большие суммы на вооружение. В виду последних столкновений с полицией и войсками, демократические группы организуют боевые отряды, а революционеры боевые дружины. Комитет последних по указаниям агентуры заготовил по десяти бомб, которые может употребить против казаков и отдельных лиц[2].

Подполковник Бобров.

Из телеграммы начальника Одесского охранного отделения в департамент полиции, 15 декабря 1905 г.[3]

За двенадцатое забастовали почти все фабричные рабочие, конки приостановили движение. В центре города магазины закрывались по требованию небольших кучек евреев. Пассажирское движение продолжается. Воззвания всех организаций и известный манифест[4] продолжают печататься в легальных типографиях якобы захватным правом и раздаваться на улицах вместо газет. Тринадцатого вышел в формате номер «Одесских новостей» и первый номер «Известий совета рабочих депутатов города Одессы», отпечатанный в типографии этой газеты, продававшийся и раздававшийся в большом количестве на улицах. С утра двенадцатого в центре города еврейская молодежь начала группироваться и вести себя возбужденно, почему с вечера город был занят войсками. Тринадцатого на Дерибасовской продолжалось возбужденное настроение толпы, перед которой выступали ораторы, призывающие продолжать забастовку.[5]

Подполковник Бобров.

---

[1] ЦАР, ДП, о.о., д. № 1350, ч. 30, лит. А, л. 40.

[2] С 18 по 21 октября в Одессе происходили черносотенные погромы. Боевые дружины самообороны организовывались под руководством социал-демократов для отпора черносотенным бандам.

[3] ЦАР, ДП, о.о., д. № 19, лит А, 1905 г., л. 216.

[4] Речь идет о «финансовом» манифесте, выпущенном 2 декабря 1905 г. за подписью Совета рабочих депутатов, главного комитета Всероссийского крестьянского союза, Центр. комитета и Организационной комиссии РСДРП, ЦК партии СР и ЦК ППС, с призывом не платить налогов в казну и требовать обратно вклады из банков и сберкасс в золотой валюте.

[5] 13 декабря в Одессе происходили многочисленные обыски. 14 декабря забастовали рабочие электрической станции и служащие городского трамвая. Начались полицейские репрессии. 15 Одесса была объявлена на военном положении, масса рабочих участников забастовки были уволены, многие предприятия закрыты. Забастовочное движение по постановлению Совета рабочих депутатов прекратилось 15 декабря.

ХАРЬКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ[1]

Телеграмма харьковского губернатора товарищу министра внутренних дел, 1 августа 1905 г.[2].

28 июля в 9 час. утра в Харькове на заводе Гельферих-Саде группа рабочих решила насилием удалить мастера Бергмана, который, будучи окружен рабочими, выстрелил из револьвера, ранив одного в палец руки, и скрылся в конторе завода. Рабочие осадили контору, бросая разными предметами. Были вызваны казаки и пехота. Восьми казакам удалось въехать во двор. Они отогнали толпу от конторы и вывели Бергмана. Рабочие стали бросать в казаков кусками железа. Казаки сделали 26 боевых выстрелов вверх, никого не ранив. Легкие повреждения получили шесть рабочих и шесть казаков, но не огнестрельные. Узнав о беспорядках на заводе Гельфериха, на Паровозостроительном заводе в 11 час. прекратили работы. Большинство разошлись по домам. Беспорядков не было. Рабочие Гельфериха предъявили требования администрации завода: об уменьшении рабочего дня, увеличения заработной платы, обратный прием удаленных. Сегодня оба завода не работают, рабочие ведут переговоры с администрацией завода. Паровозостроительный выжидает результатов от переговоров. Беспорядков нет, в городе спокойно.

Оленин.

Прокламация Харьковского комитета РСДРП, 30 июля 1905 г.[3]

Вчера 29 июля рабочие заводов: Паровозостроительного, Гельферих-Саде, Шапара, Мельгозе и мельниц собрались на общий митинг во дворе паровозного завода для обсуждения вопроса о забастовке по поводу расстрела гельферихских товарищей. Решено было воспользоваться этим собранием для выяснения отношения рабочего класса к созываемой правительством Государственной думе. После речей ораторов была предложена следующая резолюция:

Принимая во внимание, что созыв Государственной думы, хотя и является уступкой революционному давлению масс, тем не менее оставляет в неприкосновенности отживший самодержавный строй и не обеспечивает решительно никаких политических прав рабочему классу и деревенской бедноте,— мы рабочие заводов — Паровозостроительного, Гельферих-Саде, Мельгозе и мельниц выражаем свое негодование по поводу гнусной попытки правительства оставить политически обездоленными огромные массы народа и заявляем, что будем

---

[1] Забастовочное движение 1905 г. в Харькове, как и в других городах Украины, началось с январских дней. В знак сочувствия петербургским рабочим в январе — феврале бастовал паровозостроительный завод, чугунно-литейный завод Трепке, машиностроительный Мельгозе, слесарный завод братьев Игнатьевых, рабочие паровозных мастерских Курско-Харьковской жел. дороги и др. В марте состоялась всеобщая забастовка портных, были предъявлены требования о введении восьмичасового рабочего дня. Требования не были удовлетворены, бастующие приступили к работе на компромиссных условиях.

Под руководством большевиков была подготовлена и проведена первомайская забастовка. Бастовали рабочие паровозостроительного завода, завода Гельферих-Саде, Пильстрем, все городские типографии, строительные рабочие, приказчики.

Начавшаяся 5 июня всеобщая забастовка рабочих охватила следующие предприятия: Паровозостроительный, Гельферих-Саде, Мельгозе, Шапара, Рыбальченко, Фон-Дитмар, Трепке, типографии, мельницы и табачные фабрики. Забастовка проходила под знаком солидарности с бастующими рабочими Одессы.

[2] ЦАР, ДП, о.о., д. № 4, ч. 53, 1905 г., лл. 99—100.

[3] ЦАР, инв. № 30867.

продолжать свою революционную борьбу за немедленный созыв Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права с тайной подачей голосов, так как только такое собрание обеспечит нам возможность бороться за полное освобождение от политического и экономического гнета.

Резолюция эта была встречена громовым одобрением всех присутствующих.

Долг всех товарищей знакомить с нею самые широкие массы народа.

Харьковский комитет РСДРП.

Донесение начальника Харьковского охранного отделения в департамент полиции, 2 августа 1905 г.[1]

Доношу Вашему превосходительству, что все забастовавшие рабочие на заводах г. Харькова, за исключением завода Гельферих-Саде, 1 августа приступили к работам[2], рабочие же Гельферих-Саде решили не работать до тех пор, пока администрация завода не удовлетворит предъявленные ими требования.

Из солидарности к забастовке гельферихских рабочих, рабочие Паровозостроительного завода постановили, за время продолжения забастовки, отчислять из своего заработка 1/4 поденной платы с каждого рабочего, что составит около 500 рублей в день и даст возможность выдать неработающему около 1 рубля в день.

При сем представляю копию с предполагавшейся к опубликованию в газете «Харьковский Листок»[3] — «резолюции рабочих всех заводов г. Харькова», но не разрешенной к тому г. харьковским губернатором[4].

Исполняющий обязанности начальника отделения

Антонов.

Из донесения начальника Харьковского охранного отделения в департамент полиции, 7 октября 1905 г.[5]

Вчера 6 октября по окончании работ в мастерских завода Гельферих-Саде, по полученным мною негласным сведениям, состоялась многолюдная сходка рабочих завода, на которую допущен был свободный вход рабочих других заводов, учащейся молодежи и пр. На сходке собралось около 2 000 чел., подняты были три флага, черный и два красных на подобие хоругвей на высоких 4-х арш. древках точеных, с надписями на черном «слава погибшим борцам» и на красных с обеих сторон: «Долой самодержавие», «Долой Государственную думу».

В непродолжительном времени ожидается забастовка всех половых в гостинницах города и рабочих табачной фабрики П. Бураса, кото-

---

[1] ЦАР, ДП, о.о., д. № 4, ч. 53, 1905 г., л. 116.

[2] В августе бастовали рабочие канатной фабрики Кальфа и Южно-русского общества. Последние требовали введения восьмичасового рабочего дня. В конце сентября происходили массовые митинги, велась агитация за всеобщую политическую забастовку. Бастовали рабочие депо Юго-Восточной железной дороги, Паровозостроительный завод, завод Гельферих-Саде, чугунно-литейный завод Трешке, Закржевского и др.

[3] Газета «Харьковский листок» выходила с конца октября 1905 г., была закрыта в первых числах декабря 1905 года.

[4] В резолюции рабочие заявили о прекращении забастовки солидарности и о своем отказе обращаться к фабричной инспекции и администрации с заявлениями о защите своих интересов. В резолюции содержался также призыв организовать профессиональный союз для руководства стачечной борьбой, произвести выборы уполномоченных от заводов и на них возложить заведывание забастовочным фондом. Забастовки начинать по решению союза.

[5] ЦАР ДП, о. о. д. № 4, ч. 53, 1905 г., л. 1.

рые посылали уже своих депутатов к организации рабочих Паровозостроительного завода прося их выработать требования. Это обстоятельство характеризует популярность и авторитетность организации рабочих на Паровозостроительном заводе.

По имеющимся сведениям местные социалистические партии заготовляют оружие и стремятся объединить рабочих к предстоящему набору новобранцев, во время которого расчитывают произвести в городе крупные беспорядки с вооруженным сопротивлением полиции и войскам.

Ротмистр Антонов.

Телеграмма харьковского губернатора директору департамента полиции, 11 октября 1905 г.[1]

Сегодня по гудкам железнодорожных мастерских забастовали сначала Паровозостроительный завод, затем другие заводы и фабрики. У Паровозного завода образовалась толпа в несколько тысяч человек; при появлении наряда полиции и войск она разошлась; другая такая же толпа собралась за городом. Произносились речи и затем толпа направилась в город. Встреченная нарядом, разделилась и стала расходиться по разным улицам, собираясь в толпу при всякой возможности. Вслед затем многочисленная толпа, собравшись за городом близ сахарного завода, направилась с пением в город и вышла на Екатеринославскую улицу. Около 7 час. вечера часть толпы на Екатеринославской улице, уже расходившейся, бросилась к оружейному магазину Тарнопольского. Унесено несколько охотничьих ружей и 60 револьверов. Предполагаю грабеж был симулированный. Попытки разграбить другие оружейные магазины не удались. Во время грабежа оружейных магазинов из толпы был открыт беглый огонь; пока выяснено — ранено восемь казаков, один драгун. После рассеяния толпы раненых не оказалось на месте, в больницах пока заявились трое,— один тяжело, два легко. Других сведений еще не имею, предполагаю, что должно быть еще несколько раненых.

В разных местах города продолжали собираться до ночи группы, устраивая баррикады[2], и были рассеиваемы; причем из толпы все время стреляли. Представления в театрах были прекращены по требованию публики. Забастовали типографии. Завтра газеты не выйдут. Забастовавшие железнодорожные служащие принудили прекратить занятия в управлении дорог. Завтра предполагаются в двух местах сходки, предвидится демонстрация с оказанием сопротивления войскам.

Губернатор Старынкевич.

Телеграмма начальника Харьковского охранного отделения в департамент полиции, 12 октября 1905 г.[3]

Утром состоялся многолюдный митинг близ Паровозостроительного завода на глазах бездействовавших войск, вскоре удалившихся. Вооруженные участники митинга около 4 час. дня присоединились к толпе собранной на площади. Разграбленное из четырех оружейных магазинов оружие снесено в Университет, где образовался оборонительный комитет под именем Общей безопасности, издавший прокла-

[1] ЦАР, ДП, о.о., д. № 1350, ч. 64, 1905 г., л. 11.

[2] На баррикадах действиями боевой дружины руководил Харьковский комитет борьбы, сорганизовавшийся во время баррикадных боев из представителей революционных партий.

[3] ЦАР, ДП, о.о., д. № 1350, ч. 64, 1905 г., л. 46.

мацию о принятии города в свою оборону, ввиду бездействия полиции; ввел временную вооруженную милицию. Оружие раздается открыто. Полиция утомлена, большею частью отсутствует. Войск с уходом на вольные работы мало. На Николаевской площади произошло столкновение, есть убитые и раненые. Управление городом перешло к военным властям. Ожидаются подкрепления.

Ротмистр Аплечеев.

Телеграмма товарища министра внутренних дел харьковскому губернатору, 12 октября 1905 г.[1]

Прошу предложить военному начальству водворить порядок во что бы то ни стало. Баррикады уничтожить. При сопротивлении в зданиях таковые подлежат обстреливанию артиллерийским огнем. О подкреплении гарнизона телеграфирую командующему войсками Киевского военного округа. О введении военного положения вхожу с всеподданейшим докладом.

Товарищ министра Трепов.

Телеграмма товарища министра внутренних дел командующему войсками Киевского округа, 12 октября 1905 г.[2]

В Харькове полное открытое возмущение. Прошу ваше превосходительство дать незамедлительно начальнику местного гарнизона указания для самых решительных действий при подавлении возмущения. При сопротивлении в зданиях прошу не останавливаться перед обстреливанием их артиллерийским огнем. Губернатор ходатайствует об усилении гарнизона бригадою пехоты и полком кавалерии в дополнение к посланному подкреплению[3]. Прошу немедленного распоряжения. Вхожу с всеподданнейшим докладом о введении военного положения в Харькове. Телеграфируйте, кого из подчиненных вам чинов предполагаете назначить временным генерал-губернатором.

Товарищ министра Трепов.

Из телеграммы командующего войсками Киевского округа товарищу министра внутренних дел, 13 октября 1905 г.[4]

Подкрепления могли бы быть высланы только из Волынской и Подольской губернии, но, за полным прекращением движения по дорогам левого берега Днепра, доставка их невозможна. В Харьковской губернии, независимо от гарнизона Харькова, расквартированы три драгунских полка 10 кавалерийской дивизии с пулеметными командами и артиллерийская бригада, которые по усмотрению губернатора могут быть вызваны в Харьков походным порядком. Начальнику гарнизона даны категорические указания для решительных действий. Временным генерал-губернатором полагал бы назначить начальника 63 пехотной дивизии генерал-лейтенанта Сенницкого.

Генерал Карасс.

---

[1] ЦАР, ДП, о.о., д. № 1350, ч. 64, 1905 г., л. 52.
[2] ЦАР, ДП, о.о., д. № 1350, ч. 64, 1905 г., л. 54.
[3] 12 октября харьковский губернатор телеграфировал товарищу министра внутренних дел: «прибыли три эскадрона из Чугуева, вызвано походным порядком три эскадрона из Ахтырки, сотня из Лебедян, три батареи из Белгорода... войск крайне мало, необходима бригада пехоты, полк кавалерии» (ДП, о. о., д. № 1850, ч. 64, л. 11).
[4] ЦАР, ДП, о.о., д. № 1350, ч. 64, 1905 г., л. 58.

Телеграмма начальника Харьковского губернского жандармского управления командиру отдельного корпуса жандармов, 15 октября 1905 г.[1]

Состоявшиеся 14 октября при громадном стечении рабочих и учащейся молодежи похороны убитых при подавлении беспорядка, имели явно демонстративный характер, но порядок нарушен не был и день прошел спокойно. Забастовка продолжается.[2]

Полковник Рыковский.

Прокламация Харьковского федеративного совета обоих комитетов РСДРП, 17 ноября 1905 г.[3]

К о всем рабочим города Харькова

Товарищи! Забастовали железные дороги и ж.-д. мастерские.[4] Они требуют снятия военного положения, полной амнистии для кронштадтских и севастопольских матросов, они хотят не допустить подвоза войск в Севастополь, чтобы помешать зверской расправе с восставшими матросами.

Товарищи! Эти требования — наши требования, они общие всему пролетариату России. Мы должны поддержать их. Военное положение тяжелым гнетом лежит на нас, связывает нас по рукам и ногам, не дает нам воспользоваться свободой, обещание которой вырвано у правительства в октябрьские дни. Царское правительство со скрежетом бессильной злобы обещало свободу и в то же время вооруженной силой старается задавить свободу. В Польше и целом ряде местностей России введено военное положение.

Товарищи, мы не допустим этого. Мы заставили правительство открыто признать наши требования. Мы сумеем заставить его осуществить на деле эти требования. Долой военное положение, мы хотим и требуем свободы.

Восстание матросов сначала кронштадтских, потом севастопольских направлено против того же гнусного самодержавия, против которого боремся и мы, дело матросов — наше дело. Восставшие матросы — наши товарищи. Мы не можем позволить царскому правительству расстреливать борцов за свободу, потребуем полной амнистии кронштадтских и севастопольских матросов, употребим все усилия, чтобы не дать правительству учинить над ними кровавую расправу. Мы требуем полной амнистии, долой смертную казнь!

Товарищи, бросайте работу на всех фабриках, заводах и в мастерских. Вооружайтесь чем можете, готовьтесь дать отпор царским опричникам. В войско стрелять только при нападении, самим не нападать. Черную сотню и полицию бить без пощады. Пусть весь рабочий класс станет, как один человек, и тогда не устоят пред нами царские опричники. Мы знаем свою силу. Рабочий поднимется во весь рост. Царские войска не страшны нам, они колеблются и начинают восста-

---

[1] ЦАР, ДП, д. № 1350, ч. 64, 1905 г., л. 73.

[2] После похорон рабочих, погибших на октябрьских баррикадах, забастовка продолжалась еще два дня. Через два дня по постановлению Харьковского комитета борьбы на всех предприятиях рабочие возобновили работы.

[3] ЦАР, инв. № 24695. Харьковский федеративный совет — объединенный комитет обеих социал-демократических фракций Харьковской с.-д. организации, образовался в ноябре 1905 г. Ноябрьские и декабрьские забастовки харьковских рабочих происходили под руководством Федеративного совета.

[4] Железнодорожная забастовка началась 15 ноября; было прекращено движение на Курско-Харьковско-Севастопольской железной дороге, затем приостановилось движение и на других железных дорогах. В этот же день забастовка охватила фабрики и заводы Харькова.

вать. Еще несколько усилий и царское правительство останется без войск. Смелее на борьбу, товарищи!

Долой военное положение! Долой смертную казнь!

Да здравствует борьба пролетариата!

Федеративный совет обоих комитетов Р.С.Д.Р.П.

Прокламация Федеративного совета харьковских комитетов РСДРП, 20 ноября 1905 г.[1]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

От федеративного совета. На днях выйдет № 2 «Известий федеративного совета». Пока сообщаем краткие сведения о текущих событиях.

Настроение среди рабочих бодрое. Забастовка крепнет. Забастовали магазины и лавки. Предполагается прекращение электрического освещения в частных домах и казенных учреждениях.

18-го в 10 час. утра на Паровозном заводе был назначен митинг. На этот раз выдвинули казаков и артиллерию. Руководители решили перенести митинг на завод Саде. Толпы потекли туда. К сожалению, митинг продолжился недолго: в самом начале пришло известие, что генерал-провокатор Сенницкий приказал расстреливать картечью всякие сборища без предупреждения. Вожаки, ожидая всего от озверевшего генерала, решили митинг сократить и распустить его поскорее, не желая подвергать опасности дорогую жизнь рабочих. В заключение, от имени Федеративного совета было предложено не прекращать забастовки до его объявления об этом.

В виду того, что некоторые булочные забастовали, Федеративный совет повторяет свое постановление: хлебопекарням, скотобойням, водопроводу, электрическому и газовому освещению не бастовать.

Федеративный совет харьковских комитетов Р.С.Д.Р.П.

Донесение начальника Харьковского охранного отделения в департамент полиции, 9 декабря 1905 г.[2]

Последнее время усиленно ежедневно устраиваются на заводах Гельферих-Саде, Паровозном и других учреждениях митинги. В числе самых удобных помещений считается завод Гельферих-Саде, где почти ежедневно происходят митинги. С 1 декабря решено устраивать митинги на заводе Гельферих-Саде два раза в неделю по средам и пятницам. По докладе моем губернатору и генерал-губернатору о происходящих последнее время митингах, причем во время митинга в Гельферих-Саде в помещении столовой заседает часть Федеративного комитета, одновременно делающая свои распоряжения и передающая из них через ораторов на митинге необходимые для сведения публики, предупреждения к прекращению их не предпринято. Посещаются митинги кроме рабочих посторонней публикой. Результатом моих докладов были расклеенные 1 декабря по городу объявления временного генерал-губернатора для сведения, что митинги в закрытых помещениях могут быть допущены только порядком, указанным во временных правилах, а митинги на открытом воздухе не допускаются. На первом же митинге у Гельферих-Саде 2 декабря было заявлено одним из ораторов не обращать внимание на объявления генерал-губернатора, продолжая также собираться на митинги, так как разрешения не намерены испрашивать. В этот же день во время

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 4, ч. 53, 1905 г., л. 6.
[2] ЦАР, ДП, о. о., д. № 4, ч. 63, 1905 г., л. 10.

митинга явилась депутация от учащихся средних учебных заведений, обратившаяся к рабочим за разрешением устроить митинг в субботу 3 декабря в этом же помещении. Получив разрешение, на другой день 3 декабря в 4 часа дня состоялся митинг учащихся. На митинге было выражено желание учащихся вполне присоединиться к рабочим, разделяя программу их действий. Говорили речи ораторы от соц.-демократов. Для отражения неожиданного нападения войск было поставлено оратором в обязательство рабочим, присутствовавшим на митинге учащихся, быть вооруженными. Со стороны генерал-губернатора мер к недопущению этого митинга принято не было, хотя об этом доложено было накануне, за исключением высылки казаков с целью не допускать скопляться публике около входных ворот завода. Подобная высылка войск исключительно только для страха, не принимая никаких мер к прекращению митингов, устраиваемых незаконным путем, действует лишь дурно на настроение войск. 6 декабря после молебна на паровозостроительном заводе состоялся большой митинг, где говорили в числе ораторов один прапорщик запаса Старобельского полка и другие офицеры, будто бы прибывшие с востока. Речи этих офицеров сводились к выяснению отношения военных к рабочей среде и что смело народ может надеяться на полное сочувствие со стороны военных, которые и поддержат их требование. К выяснению этих офицеров мною приняты меры.

Ротмистр Аплечеев.

Из телеграммы харьковского губернатора в департамент полиции, 13 декабря 1905 г.[1]

12 декабря движение поездов в Харькове прекратилось утром, в Севастопольских мастерских собрался митинг для обсуждения плана открытого восстания, назначенного городскими рабочими, и освобождения арестованных накануне лиц.[2] На предложение очистить мастерские рабочие действовали вызывающе, оскорбляя войсковых офицеров, бросая камнями, угрожая выстрелами. Даны залпы тремя взводами. Убитых и раненых восемь человек. В Харькове вчера рабочие главных заводов произвели вооруженную демонстрацию, вызвавшую ружейные и орудийные выстрелы войск. Харьковский узел охраняется усиленным нарядом. Сегодня на трех харьковских линиях производится движение исключительно воинских поездов.

Губернатор Старынкевич.

Донесение начальника Харьковского охранного отделения директору департамента полиции, 15 декабря 1905 г.[3]

Согласно намеченной программы вооруженного восстания 12 декабря, с 6 час. утра все рабочие направились в свои заводы. Так как по понедельникам завод Гельферих-Саде не работает, то туда, кроме рабочих, направилась и большая часть революционной молодежи, неся с собой оружие и бомбы. Это обстоятельство послужило [поводом] к распоряжению генерал-губернатора оцепить завод Гельферих-Саде, чтобы обезоружить собравшихся. Заметивший оцепление рабочий Корытин (руководитель рабочих на заводе) бежал и дал знать рабочим Паровозостроительного завода, дав тревожный гудок; выставили вперед свою боевую дружину и направились на Конную площадь

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 4, ч. 53, 1905 г., л. 6.
[2] В ночь с 10 на 11 декабря 1905 г. была арестована группа лиц — руководителей железнодорожной стачки.
[3] ЦАР, ДП, о. о., д. № 4, ч. 53, лит. А., 1905 г., лл. 9—11.

выручать запершихся в заводе Гельферих-Саде. Подошедшие паровозники открыли огонь по войскам, и одновременно раздались выстрелы из завода Гельферих-Саде и были брошены две бомбы. Тогда войска открыли артиллерийский огонь по заводу и из пулеметов, а залпами рассеяли паровозников. После этого завод сдался. Приказано было выпускать рабочих по одному, обыскивая каждого, а наиболее подозрительные и, в особенности интеллигенция, бывшая в заводе, в числе 136 чел., арестованы и препровождены в казармы Богодуховского полка, где приступлено было к опросу их, но они отказались от дачи каких-либо показаний, а также назвать свои фамилии и указать адреса [1].

По тревожному гудку на Паровозостроительном заводе, двинулись в город и рабочие железнодорожных мастерских, но при выходе их встретили 2 роты пехоты и преградили у вокзала путь. Рабочие не пожелали остановиться на предупреждение коменданта гарнизона, поэтому им было отдано приказание первой роте дать залп, но в роте произошло замешательство и залп не был дан, тогда по следующей команде дан был залп второй ротой, после которого и первая тоже начала стрелять по бунтовщикам; в результате 2 убитых и 7 раненых, обнаруженные по рассеянии толпы.

Пока все описанное происходило в двух районах, на Конной площади и у вокзала, толпы рабочих стремились в центр города на Николаевскую площадь, очевидно, по плану восстания захватить намеченные пункты и начать укрепляться. Но Николаевская площадь уже была занята войсками и подступы к ней заграждены. Это заставило толпу собраться на Московской улице, где она, пытаясь прорваться на Николаевскую площадь, вела себя крайне вызывающе. После сделанных предупреждений толпа выстрелами рассеяна и к 4-м часам дня в городе стало тихо. Магазины и дома в центре заколочены с утра. Вечером небольшие группы молодежи долго собирались на перекрестках, но без всяких разрушительных приемов.

Особенный подъем дал успех революционерам на железной дороге. Чувствуя себя небезопасными в Харькове, они организовали серьезное сопротивление на ст. Лозовой Курско-Харьково-Севастопольской железной дороги, Люботин Харьково-Николаевской жел. дороги и Купянск Юго-Восточной железной дороги. Захватив эти станции в свои руки, они заперли выходы из Харькова по трем линиям. Особенная нераспорядительность и неуспех поэтому наблюдался на ст. Люботин.

Не арестованные раньше, как я предлагал господину генерал-губернатору, вожаки железнодорожного комитета после объявления забастовки большею частью не были застигнуты уже на квартирах при обысках и скрылись в Люботине, где, как равно и на ст. Харьков, своевременно также не были задержаны нерешительностью железнодорожной полиции, в распоряжении которой было и войско. Оставаясь на свободе, они организовали серьезный отпор, немедленно арестовав пристава, урядников, стражников, начальника станции, его помощника и жандармских унтер-офицеров в Люботине, обезоружив всех. Упоенные этим успехом они массой набросились на присланную незначительную войсковую часть и заставили ее отступить.[2] Весть

[1] Арестованные в числе 136 чел., были заключены в тюрьму и обвинялись как участники вооруженного восстания; после следствия, тянувшегося более пяти месяцев, были осуждены выездной сессией Киевского окружного суда.

[2] Декабрьская забастовка на ст. Люботин началась 9 декабря. Из организованных боевых дружин рабочие сформировали вооруженный отряд. Был смещен начальник депо и все его помощники. Организовалось временное революционное правительство. 17 декабря станция была взята правительственными войсками, присланными из Харькова. Захват власти рабочими на ст. Люботин известен в литературе под именем «Люботинской республики».

об этом успехе революционеров облетела мигом весь Харьков и на ст. Харьков распорядок сейчас же пытались захватить рабочие Курско-Харьково-Севастопольской железной дороги, но вскоре были рассеяны.

Ротмистр Аплечеев.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Из бюллетеня Екатеринославского комитета РСДРП, январь 1905 г.[1]

Екатеринослав, 19 января. Забастовали заводы: Брянский трубопрокатный, Эзау, паровозные железнодорожные мастерские (что в городе).

Продолжают стачку заводы: гвоздильный, Бельгийский, Эстампажный, Машиностроительный и Ланге.

В городе продолжают стачку: типографии, мельницы, лесопилка, механические заводы б. Лащавер, фабрика Джигита и коробочная и почти все поднявшиеся ремесленники.

Екатеринослав, 20 января. Забастовка продолжается. Вновь присоединилась Нижнеднепровская железнодорожная мастерская.[2]

Екатеринославский комитет РСДРП.

Из донесения начальника Екатеринославского охранного отделения директору департамента полиции, 12 марта 1905 г.[3]

В течение февраля и начала марта бастовали рабочие всех цехов, не исключая даже пекарей мацы. По количеству бастовавших рабочих, наиболее серьезной является забастовка в последние дни рабочих местных лесопильных заводов и паровых мукомольных мельниц. Основные требования рабочих этих заводов общие с требованиями всех вообще рабочих.

Сегодня большая часть рабочих лесопильных заводов и мельниц приступила к работе и более острый период забастовки можно считать миновавшим, но настроение рабочих весьма приподнятое и повторение забастовки как в мелких производствах, так и на более крупных заводах может вспыхнуть ежеминутно.

Одними из более беспокойных являются рабочие екатеринославских железнодорожных мастерских, под разными предлогами бросающие почти ежедневно на несколько часов работу, и среди местных организаций уже носятся слухи о возможности повторения общей в г. Екатеринославе забастовки, начало коей может быть положено железнодорожными мастерскими.

Ротмистр Шульц.

---

[1] ЦАР, инв. № 2023.

[2] С 21 января забастовали рабочие трамвайных парков, предъявив требования о введении 8-часового рабочего дня и повышении зарплаты. Забастовка продолжалась 3 дня, администрация частично пошла на уступки. Подробно о январских днях в Екатеринославе см. сборники «Материалы по истории социал-демократической организации большевиков и революционных событий 1904—1905—1906 гг.», в котором опубликована значительная часть материалов и прокламаций. Прокламации Екатеринославского комитета РСДРП, посвященные январским дням, с лозунгом: «Да здравствует революция! Да здравствует всеобщее восстание рабочих» см. там же, стр. 235—240.

[3] ЦАР, ДП, о. о., № 4, ч. 17, 1095 г., л. 27.

Прокламация Екатеринославского комитета «Большинства» РСДРП [1], апрель 1905 г. [2]

Товарищи рабочие!

Еще задолго до 9 января рабочие социал-демократы уверяли своих товарищей, что от царя нельзя ждать помощи, что с самодержавием надо бороться не на жизнь, а на смерть, чтобы завоевать себе сносное существование и свободу бороться с капиталистами. Но социал-демократам поверили не все. Нашлись десятки тысяч рабочих, поверивших отцу Гапону, что царь желает добра народу, и пошли с иконами в руках просить как милости у царя тех прав, без которых больше рабочие жить не могут. После того как струсивший царь приказал стрелять в них и улицы Петербурга обагрились кровью тысяч рабочих, стариков, женщин и детей, тогда у самых слепых раскрылись глаза. Царь и его правительство в сотый раз доказали, что правы были социал-демократы. Десятки тысяч пролетариев крикнули — «смерть царю-убийце!» — «Смерть врагам народа!»

Чтобы отвлечь рабочих от настоящей борьбы, правительство после 9 января начинает политику заигрывания, лицемерно проявляя отеческую заботливость. Правительство стряпает на скорую руку комиссию Шидловского, для разработки реформ по рабочему вопросу.

Рабочих приглашают выбрать в нее своих делегатов. Питерские рабочие, оказывается, уже не такие простаки, чтобы поверить «добрым» намерениям правительства. Они объявляют: мы не доверяем царскому правительству и никаким его комиссиям кукольным. Мы требуем свободы слова, собраний и печати, неприкосновенности личности и жилища, мы требуем возвращения из тюрем и ссылки борцов за свободу, только при таких условиях возможно серьезно исследовать нужды рабочих.

Правительству видно не очень то нужна была правда о нуждах рабочих. Оно увидало, что на темноту рабочих оно положилось напрасно, что одурачить их не так-то легко; оно решило лучше совсем распустить комиссию, чем дать рабочим вслух высказать свои требования, да еще поручиться за то, что за такие речи никто не получит кары. Мало того, некоторые депутаты даже были арестованы.

Но правительство настолько объято страхом пред грозным рабочим движением, что навеки потеряло уверенность в своем завтрашнем дне. Разыгравши неудачно комедию с комиссией Шидловского, оно не теряет надежды на успех других комедий. Оно поспешно назначает новую комиссию под председательством уже самого министра водочных дел Коковцева. Эта комиссия составляется из таких же чиновников, как и первая, да еще из представителей от промышленников. В эту комиссию рабочих уже не приглашают,— это «неудобно» теперь для

---

[1] Большевики Екатеринославской с.-д. организации весной 1905 г. организовали Екатеринославский комитет «Большинства» РСДРП. На 3-м партийном съезде от Екатеринославского комитета «Большинства» присутствовал делегат с совещательным голосом. В марте и апреле месяце екатеринославские большевики развили широкую агитационную деятельность. На фабриках и заводах созывались митинги и сходки рабочих, распространялись прокламации. В марте — апреле бастовали рабочие екатеринославских железнодорожных мастерских, рабочие паровых мукомольных мельниц, прачечных заведений и др. Близ Юзовки бастовало 2 300 рабочих рудников Рудченковского горнопромышленного общества, в Александровске бастовали рабочие шести заводов земледельческих орудий. 1 мая в Екатеринославе на Екатерининском проспекте состоялась демонстрация рабочих. Демонстранты были разогнаны полицией. Второго бастовали рабочие гвоздильного завода. В течение месяца бастовали рабочие Екатеринославских лесопильных пристаней, работницы картонажной фабрики и ряд других предприятий.

[2] ЦАР, инв. № 27397.

правительства. Для него удобнее, чтобы рабочий вопрос решался в тиши кабинета, людьми надежными для правительства. Как понять эту новую комедию? Можно с уверенностью сказать, что никто, даже из тех, кто заседает в комиссии, не верит, чтобы из нее вышло что-нибудь путное. Эта комиссия просто новая попытка обмануть рабочих.

Не пригласив рабочих в комиссию, правительство обратилось к цеховым старостам Невского судостроительного завода с предложением написать в комиссию свое мнение по поводу нужд рабочих. Цеховые старосты также отказались от этой чести, объяснили свой отказ тем, что не имеют права говорить от имени всего пролетариата без осуществления тех требований, которые выставили их товарищи пред комиссией Шидловского; этим ответом наши петербургские товарищи еще раз доказали, что доросли до понимания своих интересов и что они больше не дадут себя морочить.

Товарищи! Царский обман еще раз обнаружен. Лицемерные подвохи правительства разоблачены. Правительство думало, что громадная масса малосознательных рабочих пойдет на приманку, что масса прельстится минимальными уступками. Оно думает задобрить рабочий класс, внушить массам веру в царя и тем поддержать пошатнувшийся трон. Оно думает разъединить сознательную и бессознательную часть пролетариата. Нет! Возврата к прошлому, возврата к рабству уже не может быть. Война начата. Об отступлении не может быть и речи. Страна требует действительного демократизма, действительного участия своих представителей в управлении страной. Народ требует созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного, тайного избирательного права. Пролетарии борются за демократическую республику. Только при республике им будет обеспечена свобода борьбы за уничтожение эксплоатации человека человеком.

Товарищи! Самодержавие издыхает. В предсмертный свой час оно пускает в ход и открытое насилие и политику обмана: обещать рабочим и ничего не дать; делать ничтожные уступки, в сущности все оставить по старому; натравить одну нацию на другую — на Кавказе мусульман на армян, здесь русских на евреев и поляков; разъединить пролетариат, организовать темные силы против сознательных, черные сотни направить против революционеров — вот тактика правительства. Не дадим ему одурачить нас, у нас один для него ответ: ты в продолжении веков душило всякое проявление свободы, ты, вампир, безжалостно сосало из нас нашу кровь, ты нас гноило в тюрьмах и Сибири, ты расстреливало нас, не щадило наших жен, невинных детей. Смерть тебе! Революция началась. Близится час победы. Будем готовиться к решительной схватке с царизмом. Организуйтесь! Присоединяйтесь к РСДРП! Удесятеряйте свою энергию! Вооружайтесь! Собирайте деньги на оружие. Когда наступит день восстания, дружно ударим на врага под предводительством Российской социал-демократической рабочей партии.

Долой монархию! Да здравствует революция! Да здравствует республика! Да здравствует РСДРП!

Из донесения Екатеринославского охранного отделения в департамент полиции, 16 июня 1905 г.[1]

Последнее время в г. Екатеринославе усилилась группа «большинства», ставившая своей задачей привлечение на свою сторону рабочей массы, объединение обеих фракций в одну группу, широкую пропаганду среди крестьян и затем организацию вооруженного восстания.

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 5, ч. 6, лит. А, т. 2, 1905 г., лл. 76—77.

В целях более успешного ведения пропаганды, группа «большинства» оборудовала тайную типографию, поместив ее в расположенном верстах в 10 от Екатеринослава вниз по течению реки Днепра селе «Игрень».

Несмотря на мою полную осведомленность о составе и преступной деятельности вышеупомянутого сообщества, я сомневаюсь в успехе ареста лиц при обстановке, которая дала бы возможность предъявить им обвинение по существу 126 ст. угол. улож., а потому ставлю своей задачей определение в селе «Игрень» места нахождения тайной типографии и ареста таковой, комитетских же деятелей я рассчитываю арестовать на одном из ближайших комитетских собраний или же, если это не представится возможным, произвести аресты их по квартирам, т. к., по имеющимся у меня сведениям, все состоящие в комитете нелегальные.

Ротмистр Шульц.

Из доклада екатеринославского губернатора товарищу министра внутренних дел, 21 июня 1905 г. [1]

18 июня вечером в г. Екатеринославе забастовали рабочие некоторых пекарен, затем на следующий день к ним присоединились и остальные рабочие названных заведений, предъявив к своим хозяевам требования об улучшении условий работы. Принятыми мерами население до известной степени обеспечено хлебом. [2]

19 июня мне стало известно о готовящейся на 20-ое число в г. Екатеринославе и прилегающем к нему поселке Амур общей забастовке находящихся в этих районах фабрик, заводов и мастерских, почему мною были приняты меры к привлечению для содействия гражданским властям частей войск, расположенных в лагере близ г. Екатеринослава.

20 июня первыми забастовали рабочие Брянского завода, причем толпа стачечников отправилась к соседнему гвоздильному заводу Гантке, откуда к ней примкнули рабочие еще в числе 500-600 человек.

Весть о забастовке рабочих Брянского завода быстро распространилась в заводском районе и стачечное движение стало охватывать другие заводы.[3]

В 2 часа дня забастовали рабочие нижнеднепровских заводов — Эстампажного и Русско-Бельгийского, Амурских заводов и завода «Константин». Определенных требований стачечники пока не предъявили.

Одновременно забастовали и рабочие лесопильного завода.

Стачечники, стремясь в разных местах образовать толпы, пытались в нескольких пунктах проникнуть в город, причем многие из толпы кричали: «Долой самодержавие», «Долой войну», но каждый раз были рассеиваемы полицией при помощи казаков. Таким образом, им не удалось проникнуть в город и здесь произвести беспорядки или демонстрацию.

Крайне тревожное настроение рабочих продолжается.

---

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 4, ч. 17, т. 3, 1905 г., л. 36.

[2] Хлебопечение производилось под военной охраной.

[3] В дни всеобщей июньской забастовки екатеринославских рабочих на предприятиях распространялась прокламация Екатеринославского комитета большинства РСДРП с обращением «Готовьтесь к вооруженному восстанию». Лозунги прокламации: «Да здравствует народная революция! Да здравствует вооруженное восстание! Да здравствует социализм!»; прокламация опубликована в сборнике «Материалы по истории Екатеринославской социал-демократической организации большевиков и революционных событий 1904—1905—1906 гг.», стр. 271.

В течение ночи главные пункты, как-то ст. Екатеринослав, депо трамвая, электрическая станция, водокачки, государственные банки и казначейство охранялись войсками. Ночь прошла спокойно.

Вице-губернатор Лопухин.

Из доклада екатеринославского губернатора товарищу министра внутренних дел, 23 июня 1905 г. [1]

Докладываю вашему превосходительству о дальнейшем ходе событий в г. Екатеринославе.

21 июня около 8 час.утра толпа манифестантов стала собираться на Брянской площади, но была рассеяна казаками. Часть рабочих направилась в железнодорожные мастерские, затем, стремясь проникнуть на проспект, стала разбрасывать прокламации и кричать «долой самодержавие». Когда пристав 5 части при помощи казаков стал разгонять толпу, то из нее раздались револьверные выстрелы, но, несмотря на это, толпа была рассеяна. Была также рассеяна и толпа около 300 чел., собравшаяся около 10 час. утра на Брянской площади. Около 5 час. вечера на Первой Чечеловской улице толпа демонстрантов встретила выстрелами казачий разъезд, который в свою очередь дал залп, ранив шесть человек. Движение городского электрического трамвая 21 июня прекратилось.

В виду тревожного настроения рабочих, явно руководимых личностями элемента неблагонадежности [2], я признал необходимым, по сношении с надлежащими военными властями, вызвать в г. Екатеринослав еще одну казачью сотню из других пунктов губернии и два батальона Керч-Еникальского пехотного полка. Одновременно я получил уведомление командующего войсками Одесского военного округа о том, что в г. Екатеринослав возвращается квартирующий здесь постоянно, и отзывавшийся недавно в гор. Одессу 133-й пехотный Симферопольский полк.

В ночь с 21 на 22 июня город охранялся войсками, ночь прошла спокойно.

22 июня часов с 7-ми утра заведующий охраной железно-дорожной станции «Екатеринослав» жандармский подполковник Макаренко, наблюдая с находящейся в районе станции башни (водокачка) в полевой бинокль, заметил передвижения манифестантов в одиночку и группами на Брянской площади; затем группы передвинулись ближе к насыпи строющегося путепровода.

Часов около 9-ти утра с завода «Константин» даны были сигнальные гудки, после чего толпы стали появляться и в районе фабричной слободки. Наблюдая с вышки, охрана делала распоряжения о посылке казачьих разъездов в те именно пункты, где манифестанты начинали группироваться. В одном из таких случаев казачий разъезд, проезжая к насыпи путепровода увидел, что манифестанты из-за насыпи стали стрелять в другой разъезд. По команде начальника их командира казачьей сотни соединившись, спешились и, вбежав на насыпь, дали залп, коим ранили четырех человек; три из них подобраны манифестантами, а один оказавшийся железнодорожным рабочим помещен в железнодорожную больницу. К этому времени со стороны фабричной слободки надвигалась уже к вокзалу толпа, около 400 чел., но когда охраняющая пехотная часть выстроилась в боевом порядке, толпа рассеялась.

Около 9-ти час. утра 22 июня электрический трамвай возобновил движение под охраной солдат, которые поставлены по два человека на

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 4, ч. 17, т. 3, 1905 г., л. 43.

[2] Так в подлиннике.

каждой из крайних площадок вагона, с целью не допустить манифестантов срывать ручки моторных регуляторов и мешать движению. Служащие трамвая стали на работу, ввиду обещания дирекции рассмотреть их претензии.

Местные газеты сегодня 22 июня не вышли, ввиду забастовки рабочих в их типографиях. Магазины сегодня открыты и торговля входит в обычную колею.

Около 6-ти час. вечера на Брянской площади толпа манифестантов, на требования казачьего разъезда разойтись, ответила выстрелами, вызвав тоже со стороны казаков, при чем убит один из толпы.

В заключение считаю своим долгом донести, что по наблюдениям чинов полиции в вышеизложенных сборищах и демонстрациях в значительной степени фигурируют местные и высланные в гор. Екатеринослав под надзор полиции лица, которые руководят движением рабочих. Задержание таких лиц до сих пор удалось осуществить лишь по отношению немногих, ввиду трудности изъять их из многочисленной, к тому же вооруженной, толпы.[1]

Вице-губернатор Лопухин.

Постановление Екатеринославского коалиционного боевого комитета РСДРП, 8 декабря 1905 г.[2]

Последние меры правительства, направленные против отвоеванной народом свободы, антиеврейские погромы и избиение интеллигенции, возобновившиеся аресты борцов за народное благо, расстрелы солдат и матросов, порка крестьян и, наконец, угроза введения военного положения, нависшая над всей Россией, заставили петербургские и московские советы рабочих депутатов и съезд представителей 25[3] железных дорог объявить с 7 декабря всероссийскую политическую забастовку.

Цель забастовки добиться немедленного созыва Учредительного собрания, избранного всем народом, без различия пола и национальности всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием.

Объединенный стачечный комитет (коалиционный совет) г. Екатеринослава и его окрестностей на заседании 8 декабря постановил: присоединиться ко всеобщей политической забастовке. Объявляем гражданам, что в интересах населения не будут бастовать: пекарни, мелочные лавки, водопровод, электрическое освещение на улицах, больницы, лечебницы и аптеки.

Кроме того, доводим до всеобщего сведения, что:

1) Железная дорога будет перевозить всех солдат без оружия, как запасных так и желающих ехать в отпуск бесплатно до любого места.

2) Беспрепятственно будет перевозиться хлеб в голодающие местности.

---

[1] В июле, августе, сентябрэ забастовочное движение в Екатеринославе несколько стихло, но с новой силой вспыхнуло в октябре. С 10 октября началась забастовка по Екатерининской железной дороге, охватив в тот же день заводской район города. Бастовали заводы: Брянский, Трубопрокатный, Эзау, трамвайщики, наборщики всех городских типографий, рабочие табачных фабрик, лесопильных заводов и др. На Чечелевской и Кудашевской улицах, на Брянской площади строились баррикады. Бастовали все заводы и мастерские поселка Амур-Нижнеднепровск. Документы об октябрьских боях в Екатеринославе опубликованы в сборнике «Материалы по истории Екатеринославской социал-демократической организации большевиков и революционных событий 1904—1905—1906 гг.», стр. 297—350.

[2] ЦАР, инв. № 27071.

[3] В подлиннике опечатка: речь идет о конференции депутатов 29-ти железных дорог, происходившей 5—6 декабря (ст. ст.) 1905 г., в Москве. На конференции было принято решение объявить 7 декабря всеобщую железнодорожную забастовку.

3) Будут доставлены до ближайших городов все пассажиры, застигнутые забастовкой в пути.

Объединенный стачечный комитет заявляет, что против торговцев, произвольно повышающих цены на продукты первой необходимости, будут приняты самые решительные меры.

Коалиционный боевой комитет:
Депутатское собрание екатеринославских рабочих,
Объединенный Екатеринославский комитет РСДРП,
Екатерин. соц.-демократическая организация «Бунда»,
Бюро провинциальных организаций РСДРП,
Екатеринославский комитет партии социалистов-революционеров.

Прокламация Екатеринославского коалиционного боевого комитета РСДРП, декабрь 1905 г.[1]

Товарищи и граждане!

Революция сегодня призвала под знамена всех честных борцов за свободу народа. Вновь объявлена всероссийская забастовка, вновь мобилизованы все силы двух враждебных лагерей — реакции и революции.

Придушенное октябрьскими восстаниями пролетариата правительство со скрежетом зубовным расписалось 17 октября в своем бессилии, в падении самодержавия, но в то же время решило сыграть последнюю игру, привести в действие весь дьявольский механизм своего изуверства и озверелой жестокости,— попытаться потопить в крови всю страну, а с ней и свободу народа. После адской октябрьской резни с ее возмутительными антиеврейскими погромами и избиениями интеллигенции, правительственная шайка стала систематически и нагло провоцировать все население, ослабленное и напуганное, как они думали, ужасами всероссийского погрома. С откровенным цинизмом отменялись свободы, «возвещенные» 17 октября, отменялись не только фактически, но и юридически. Вся честная пресса задушена в один день. Вся Россия — под бесконтрольную диктаторскую власть держиморд-губернаторов. Массовые аресты руководящих общественных организаций:— бюро крестьянского съезда, почтово-телеграфного съезда и Петербургского совета рабочих депутатов, были последним вызовом, брошенным народу правительственной бандой. И пролетариат принял вызов, объявив всеобщую политическую забастовку в ответ на безумные выходки реакции.

Очевидно, последний акт великой драмы русской революции начался, и на сцену по прежнему первым выходит революционный пролетариат. Но вместе с ним идут революционное крестьянство и передовые отряды революционной армии. Боевой союз этих могучих сил решает дело, диктует развязку. Пусть правительственная черная сотня напрягает все силы, пусть она не отступает перед какими угодно зверствами ради сохранения на лишний миг своей власти над опустошенной страной, революционный народ не отступит, его всесокрушающей силы не сломит ничто.

Он каждую минуту готов вооруженной рукой дать отпор дикому натиску издыхающего строя, готов в смертельной борьбе свести последние счеты с вековым врагом.

Учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования без различия пола и национальности, полное уничтожение самого воспоминания о старых порядках — вот старый лозунг революционного пролетариата, ставший теперь непосредственной целью объявленной борьбы. Последний час, решительный, настал,

[1] ЦАР, инв. № 12669.

и жизнь властно и решительно зовет под знамя народной революции всех, кто не хочет очутиться в рядах врагов народа.

Екатеринославский пролетариат единодушно стал в ряды борющихся братьев и требует живой, немедленной поддержки всех граждан, всех товарищей в борьбе.

Становитесь в наши ряды, поддерживайте нас оружием и средствами, помните последний час настал, решается судьба всех рабов, всех закованных в цепи бесправия. Постановив в интересах самого борющегося народа не прекращать торговлю в булочных, мясных, мелочных лавках и работу на водопроводе, по освещению города, в больницах, лечебницах и аптеках (в последних должно остаться два дежурных), а также перевозки безоружных войск, отправляющихся домой, мы призываем товарищей во всех остальных отраслях труда дружно и стойко держаться в борьбе, единодушно следовать решениям Коалиционного боевого комитета. Никто не смеет и не может стать на пути революционного пролетариата, революционного крестьянства и революционной армии, и все, что станет на этом пути, будет сметено победоносным шествием восставшего народа к Учредительному собранию, к воле для всего народа, земли для крестьян, народному правлению — демократической республике, для всей страны.

Становитесь в ряды, товарищи и граждане, в единении сила; крепко сплотитесь и стойте в борьбе, победа за нами!

Коалиционный боевой комитет.

Телеграмма министра внутренних дел командующему войсками в г. Одессе, 14 декабря 1905 г.[1].

Положение Екатеринославской губернии крайне угрожающее. Екатерининская дорога и все станции, кроме Екатеринослава, в руках забастовщиков, которые рассылают поезда по своему усмотрению, перевозя своих делегатов. В Верхне-Днепровском уезде беспорядки продолжаются. Безусловно и настоятельно необходимо водворить немедленно порядок в Екатеринославе и взять всех главарей забастовки. Для сего необходимо командировать генерала, который принял бы командование. Убедительно прошу сделать зависящее об этом распоряжение. Кроме того губернатор телеграфирует, [что] необходимо безотлагательное увольнение из войск екатеринославского гарнизона всех запасных нижних чинов. Задержка, совершенно бесполезная, может вызвать небывалые осложнения. Требуется скорейшая присылка подкреплений, особенно кавалерии. Ввиду забастовки, доставка войск возможна только в специальных поездах, проведенных насквозь от места посадки до Екатеринослава, с содействием железно-дорожного батальона.

Управляющий министерством Дурново.

Телеграмма прокурора Екатеринославского окружного суда министру юстиции, 15 декабря 1905 г.[2].

8 декабря в Екатеринославе началась политическая забастовка на железной дороге и на заводах. Насильно закрыты торговые заведения. Боевой стачечный комитет, захватил железные дороги, распоряжаясь по своему усмотрению. На станции Дебальцево захвачены 12 тыс. казенных денег. 10-го войсками удалены мятежники с вокзала в

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 2555, т. 6, 1905 г., лл. 151—152.

[2] ЦАР, М. Ю., III угол. отд., 1 дво, д. № 1187, 1909 г., л. 1.

[3] Боевой стачечный комитет возглавлялся большевиками, в состав его входили Петровский и Савельев. С 11 по 22 декабря комитетом издавался «Бюллетень», было выпущено семь номеров. Во время забастовки «бюллетень» распространялся по городу и по всем станциям Екатеринославской железной дороги.

Екатеринославе; 12-го ротою Балаклавского полка занята станция Ясиноватая. Сегодня ночью мятежниками убит ротный командир. Нижние чины обезоружены. В ночь на 14-е в Александровске войсками занят Екатерининский вокзал, днем 14-го после упорного боя мятежники выбиты из Севастопольского вокзала. При взятии баррикад ранены подъесаул Скандилов, один казак; мятежники бросали бомбы. Убитых пятьдесят и ранено двести.

12-го в поселке Нижнеднепровске вооруженные мятежники ворвались в квартиру следователя, отобрали револьвер, две шашки; несколько раз в Екатеринославе нападали на квартиры чинов полиции, отбирали оружие. 14-го в квартире пристава убили городового. Аграрные беспорядки в Верхнеднепровском уезде прекращаются военной силой. Разгромлены 30 экономий. Начались беспорядки в Павлоградском уезде.

К производству следствия принимаются усиленные меры. Производство затруднительно. Положение в Екатеринославе и в уездах весьма тревожное. Сообщения с большинством уездов нет.

Прокурор Ганнот.

Телеграмма директора департамента полиции начальнику штаба военного округа в Одессе, 16 декабря 1905 г.[1].

Положение в Екатеринославской губернии критическое, войск недостаточно. В Екатеринославе руководители революционного движения находятся в заводском районе, производят нападения на должностных лиц, обезоруживают полицию. Арест их невозможен за недостатком надежных войск. На станции Ясиноватой убит ротный командир, солдаты сдали оружие бунтовщикам, в Александровске кровопролитие. Бердянский полк изменил. Грозит поголовное восстание, необходима немедленная присылка не менее двух полков. Если мятеж не встретит решительного отпора, то при неминуемом его распространении к востоку от Ясиноватой, подвергнется разгрому Донецкий горнозаводский район.

Директор Вуич.

Из донесения прокурора Екатеринославского окружного суда министру юстиции [7 января 1906 г.][2].

В ночь на 9 декабря 1905 г. на станции Горловке и в поселке при этой станции, в Бахмутском уезде, были вывешены от имени железнодорожных служащих объявления с приглашением приступить к политической забастовке, а около 9—10 час. утра того же 9 декабря на станции собралась громадная толпа рабочих местного машиностроительного завода и железнодорожных служащих; ораторы говорили противоправительственные речи, призывавшие к политической забастовке и выяснявшие причины и цель таковой. С этого дня и началась забастовка железнодорожных служащих и заводских рабочих. Администрация станции Горловки была терроризована и фактическое управление станцией перешло в руки мятежников, избравших для этой цели из своей среды распорядительный комитет.

На станции и на заводе ежедневно происходили многолюдные митинги железнодорожных служащих и заводских рабочих, на которых многие ораторы произносили зажигательные речи.

Прокурор Ганнот.

---

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 2555, т. 6, 1905 г., л. 253.
[2] ЦАР, М. Ю., III угол. отд., 1 д-во, д. № 1187, 1909 г., л. 6.

Телеграмма прокурора Екатеринославского окружного суда министру юстиции, 21 декабря 1905 г.[1].

17 декабря в Горловке, Бахмутского уезда, произошло столкновение четырех тысяч мятежников с войсками. Убито мятежников триста, сдалось пятьсот; солдат убито три, ранено двенадцать. Потери полиции не выяснены. Ранены городовой, околодочный; отнято семь тысяч патронов, триста пик, много винтовок, ружей, револьверов, динамита, бомб. Бой длился шесть часов[2]. В Дебальцеве полиция разоружена.

Прокурор Ганнот.

ВОЛЫНСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

Из доклада волынского губернатора в департамент полиции, 29 января 1905 г.[3].

За несколько дней до начала беспорядков в г. Житомире в местном жандармском управлении были получены агентурные сведения о том, что местные рабочие предполагают устроить забастовку и произвести беспорядки на улицах. По этим сведениям, стачки должны были начаться с забастовки всех хлебопеков и булочников, затем насильно заставить прекратить работы на водопроводе, электрической станции и др. заводах, а также прекратить движение по железной дороге и подрезать некоторые телеграфные столбы.

По получении сообщения об этом от начальника Волынского губернского жандармского управления 21 января мною были вызваны управляющий Житомирской электрической станцией и управляющий южными путями, для предупреждения их о возможных беспорядках и порче машин, а также лично даны надлежащие указания житомирскому полицмейстеру и сообщено начальнику гарнизона г. Житомира о назначении дежурной части войск, которая по первому требованию готова была бы оказать содействие гражданским властям. Кроме того мною поручено было старшему фабричному инспектору Волынской губернии посетить все фабричные заведения г. Житомира, подчиненные его надзору, с целью выяснения настроения рабочих и не заявляют ли они каких-либо неудовольствий содержателям этих заведений.

Начавшиеся 25 января беспорядки были произведены не рабочими-хлебопеками, как сообщалось жандармским управлением, а лицами, не имеющими определенных занятий, преимущественно, подростками евреями в возрасте до 20 лет, принадлежащими к революционной социал-демократической партии и руководимыми, по словам начальника жандармского управления, прибывшими в г. Житомир агитаторами в числе 10 чел., личности которых пока не выяснены.

По требованию этих демонстрантов были прекращены работы в следующих фабричных заведениях:

1) на табачной фабрике Исаака Перельцвайга,

2) в мастерских электрической станции общества городских и подъездных путей в России,

---

[1] ЦАР, М. Ю. III угол. отд., 1 д-во, д. № 1187, 1909 г., л. 2.

[2] Накануне боя в Горловку прибыли боевые дружины со станции Авдеевка, Гришино, Ясиноватая, Дебальцево, Енакиево, Харцизье. Соединившись с горловскими рабочими, дружинники выстроили баррикады, обстреляли казармы, где находилась команда драгун и солдаты третьей пехотной роты. Драгуны, казаки, солдаты 114 пехотного полка атаковали станцию. Произошел неравный по силам бой, восставшие вынуждены были сдаться. Горловка и ближайшие узловые станции были заняты войсками.

[3] ЦАР, ДП, о. о., д. № 4, ч. 28, 1905 г., л. 4—6.

3) на табачной фабрике купца Н. А. Кальницкого,
4) в типографии Натальи Александровны Бродович,
5) в типографии Мошка Денемана,
6) в типографии Семена Угера и Иосифа Блоха.

Весь день 25 января в городе находились командированные в помощь полиции военные патрули и разъезды, благодаря этому нарушителям порядка не удалось нигде собраться вместе и они все время ходили по улицам группами по 2—3 чел., мешаясь с публикой.

Губернатор Каталей.

Из донесения волынского губернатора в департамент полиции, 29 января 1905 г.[1].

В дополнение к отношению от 28 января имею честь уведомить департамент полиции, что 27, 28 и 29 января порядок в г. Житомире никем не нарушался и движения по улицам неблагонамеренных лиц не замечалось. Усиленная охрана города военными патрулями и разъездами продолжается и таковую я предполагаю оставить до 31 января, после чего, если никаких попыток к нарушению порядка не будет, войска будут отозваны.

Губернатор Каталей.

Прокламация Житомирской организации РСДРП, январь 1905 г.[2].

Ко всем рабочим и работницам Житомира.

Товарищи! Волна революционного движения разливается по всей России. Она всколыхнула рабочую массу и сотни тысяч пролетариев вышли на улицу и показали мощь царскому правительству. Эта волна захватила и наш город. Два дня продолжалась наша забастовка; два дня боролись мы на улицах Житомира со сворой царских башибузуков. Они приняли все меры к тому, чтобы наша забастовка не удалась. Они наводнили город полицией и солдатами; они хватали наших товарищей по улицам, они стреляли в них, били прикладами и нагайками и топтали лошадьми; они избивали беззащитных женщин и детей; они оцепляли фабрики и мастерские войсками, чтобы помешать нашим товарищам соединиться с нами. Но мы все же победили! Мы показали врагам, что мы сила, и что нашу силу нельзя сломить ни пулями, ни штыками, что она растет и крепнет в своем победном шествии вперед. Пусть наша стачка прекратилась, пусть в Петербурге, Варшаве, Москве рабочие стали на работу. Подымаются рабочие в других городах и будут переливаться волны революции по всей России, пока не прокатится грозный девятый вал и не захлестнет развалившегося самодержавного колосса. Льется рабочая кровь по всей нашей родине, но на место каждого павшего борца встают десять новых, и скоро уже пробьет час расплаты за преступления царского правительства.

Дружнее, товарищи! Сомкнутыми рядами пойдем мы на последний штурм самодержавия, вдребезги разобьем царский престол и рассеем хищную свору царских опричников.

---

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 4, ч. 28, 1905 г., л. 7.
[2] ЦАР, ДП, о. о., д. № 4, ч. 28, 1905 г., л. 10.

Слава нашим житомирским товарищам, смело боровшимся за свободу! Смерть и проклятье палачу и убийце Николаю последнему и всей его шайке кровопийц и грабителей русской земли!

Долой самодержавие! Долой войну!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует социализм!

Житомирская организация РСДРП[1].

Прокламация Житомирской организации РСДРП, апрель 1905 г.[2]

Работникам и работницам г. Житомира.

Рабочие! Народное восстание охватило всю Россию. Начавшись 9 января в Петербурге, оно быстро перекинулось во все концы и углы России. Всюду поднялся народ, всюду встал он на борьбу за свои права. 9 января петербургские рабочие подняли знамя этого народного восстания. Еще накануне они верили в царя, на него надеялись, мечтали... Они мирно шли к нему просить помощи против страшного гнета, нищеты и бесправия. Они несли царю свое горе, они несли ему ваше горе, рабочие, они несли ему горе всей угнетенной страдающей России. Они надеялись, что царь выслушает их просьбу, что он поможет народу вырваться из омута тьмы, бесправия и нищеты, что он поможет жить по-человечески, думать, чувствовать... Дорого поплатились петербургские рабочие за эту веру в царя. На просьбы и требования народа, царь ответил солдатскими пулями, гренадерскими саблями, казацкими нагайками. Тысячи убитых и раненых остались на улицах, полив их своей кровью, кровью мужчин, женщин, старцев и детей. Стон и проклятье вырвались из могучей груди рабочего люда. Рабочие ушли с места преступной бойни, но ушли унося веру только в себя, в свои силы, в силы рабочих организаций, ушли с сознанием единства интересов всех рабочих и клятвой отомстить самодержавию за павших товарищей. «Смерть в борьбе, или жизнь в свободе!»,— сказали они. Всюду закипела могучая борьба между восставшим народом и самодержавием, и рабочие стоят в этой борьбе в первых рядах. Смерть в борьбе или жизнь в свободе повторяет, вслед за петербургскими рабочими, вся рабочая Россия.

Товарищи рабочие! Чудовище-самодержавие душит восставший народ. Оно совершает над нами всеми страшные насилия и издевательства. Тысячами оно убивает наших товарищей за требование улучшить горькую рабочую долю. В потоках крови оно хочет затушить народное восстание. В беспамятстве кидается оно, кровожадное, из стороны в сторону, готовое в борьбе с народом превратить всю страну

---

[1] В период февраля — марта 1905 г. бастовали рабочие ряда предприятий. 17 февраля рабочие механического завода Старосветского и Вайнштейна, предъявив требование о введении девятичасового рабочего дня, прекратили работы. Забастовка продолжалась два дня, требования удовлетворены не были. В марте в Житомире бастовали рабочие и служащие «Об-ва городских путей в России», требования, предъявленные рабочими, удовлетворены не были, ряд служащих рассчитан.

[2] ЦАР, ДП, о.о., д. № 4, л. 28; 1905 г., л. 32. 20 апреля в Житомире бастовали столяры, предъявив требование о сокращении рабочего дня до 12 часов. Некоторые предприниматели пошли на уступки. Требования частично были удовлетворены. В апреле состоялся ряд забастовок в уезде — в Шепетовке бастовали рабочие сахарного завода Потоцкого, предъявив требование о повышении зарплаты (зарплата была повышена на 30%). Рабочие кожевенного завода в Ромнах организовали демонстрацию. В конце апреля в Житомире состоялись предмайские собрания. 1 мая в Житомире бастовали все типографские рабочие, были проведены сходки и собрания, на которых распространялись первомайские прокламации.

в пустыню. Самодержавию мало тех жертв, которые несет народ в позорной, затеянной самодержавием войне, она требует их внутри. Она несет народу смерть и голод, голод и смерть! Самодержавие хочет победить народ в его борьбе, но тщетны его усилия.

Разве нас мало, разве наши руки созданы только, чтобы работать на богачей фабрикантов? Нет, наши мускулистые руки слишком крепки, чтобы выковать свободу. За дело, товарищи! Требования восставших — ваши требования, они — требования всех рабочих. Будьте готовы! Скорее присоединяйтесь к Российской социал-демократической рабочей партии. Только соединившись все вместе под ее красным знаменем, свергнем мы с себя цепи рабства и нищеты и пробьем просторную дорогу к свободе, к счастью, к жизни.

Долой самодержавие, да здравствует восстание народа!

Да здравствует Учредительное собрание, избранное на основе всеобщей тайной, прямой и равной для всех подачи голосов.

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует социализм!

Житомирская организация РСДРП.

Из донесения волынского губернатора товарищу министра внутренних дел, 10 августа 1905 г.[1].

Агентурным путем были получены сведения, что в г. Житомире, в большой синагоге, 7 августа вечером собирается сходка для выражения протеста против высочайшего указа, последовавшего 6 августа о Государственной думе, а по окончании сходки участники таковой предполагают выйти на улицу и произвести противоправительственную демонстрацию. Вследствие этого, по моему поручению, здание синагоги было окружено вызванными войсками, а чинами полиции совместно с чинами жандармского управления были обысканы и переписаны участники сходки, кроме детей и подростков. На сходке оказалось более 600 чел. обоего пола, в числе участников находилось около 100 интеллигентов и около 20 студентов разных университетов.

Вице-губернатор Репойто-Дубячо.

Из донесения начальника Волынского губернского жандармского управления в департамент полиции, 25 августа 1905 г.[2].

Доношу департаменту полиции, что 19 августа, на Житомирской электрической станции забастовали машинисты и кочегары, в общем 12 чел. Забастовщики просили надбавку жалования и других улучшений, что к 1 часу дня было отчасти удовлетворено и работы приняли обычный порядок.

Полковник Потоцкий.

Из донесения начальника Волынского губернского жандармского управления в департамент полиции, 25 октября 1905 г.[3]

16 октября в Житомире началась всеобщая забастовка, толпа ходила по улицам требовала закрытия магазинов, снимала рабочих во всех мастерских, типографиях, трамвае, электрической станции и водопроводе. На улицах и площадях собрались массовые толпы с криками «Долой самодержавие!» «Долой царя, да здравствует революция и демократическая республика!»

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 1350, ч. 27, 1905 г., л. 23.
[2] ЦАР, ДП, о. о., д. № 4, ч. 28, 1905 г., л. 20.
[3] ЦАР, ДП, о. о., д. № 1350, ч. 27, 1905 г., л. 69.

Вечером того же дня собралась большая сходка в хоральной синагоге, но по приближении патруля драгун сходка разошлась.

17 октября всеобщая забастовка продолжалась, евреи ходили толпами, но беспорядков не было, так как по городу разъезжал усиленный патруль.

В тот же день городской голова просил губернатора разрешить митинг в городской управе и когда таковой не был разрешен, то городской голова назначил в 7 час. экстренное заседание в Городской думе. Вследствие позднего оповещения большая часть гласных не прибыла, когда же голова распорядился впустить публику, то вся тысячная толпа, стоявшая в это время на улице, вошла в залы Думы, ораторы заняли места на столах, говорили революционные речи в присутствии головы и некоторых собравшихся гласных о необходимости борьбы с правительством до тех пор, пока не удовлетворят все требования, предъявленные союзами и организациями...

Полковник Потоцкий.

Из донесения волынского губернатора в департамент полиции, 13 декабря 1905 г.[1].

Утром 12 декабря забастовали рабочие разных цехов и собравшись толпами по несколько десятков человек, отправились по улицам закрывать торговлю в лавках и магазинах, а также прекратили движение трамвая. По получении об этом сведений, мною тотчас же было сообщено начальнику гарнизона о высылке в помощь полиции воинских частей и об охране правительственных и общественных учреждений, а равно вокзала. До прибытия войск торговцы по требованию забастовщиков закрыли лавки. Толпа забастовщиков приходила в гимназию, где занятия были прекращены. С появлением на улицах войск толпы забастовщиков рассеялись.

Губернатор Штакельберг.

ПОДОЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ[2]

Донесение начальника Подольского губернского жандармского управления в департамент полиции, 22 августа 1905 г.[3].

Имею честь донести департаменту полиции, что в районе вверенной моему наблюдению Подольской губернии, тайно действует Русская социал-демократическая революционная партия, как путем устной пропаганды, так и путем массового распространения брошюр и проклама-

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 4, ч. 28, 1905 г., л. 45.

[2] Крупные забастовки в Подолии в период января — августа 1905 г. имели место в ряде пунктов. 15 января в Могилеве-Подольском бастовали рабочие чугунно-литейного завода, предъявив требование об уменьшении рабочего дня до 12 ч. (рабочий день равнялся 13 ч.). Требования были удовлетворены. В феврале в Балте бастовали аптекарские служащие, требуя повышения зарплаты (требование было удовлетворено). 29 апреля бастовали хлебопеки, требуя повышения зарплаты и сокращения рабочего дня. 5—6 июня бастовали приказчики, добиваясь введения 12-ти часового рабочего дня, вместо 16-ти часового; требования удовлетворены не были. 12 июня в Балте состоялся митинг и демонстрация рабочих. В первых числах июня в Проскурове бастовали рабочие табачной фабрики, предъявив требование повышения зарплаты и уменьшения рабочего дня. Зарплата была повышена на 20%. 13 июля началась забастовка рабочих чугунно-литейного завода в Проскурове. В Могилеве-Подольском в первых числах июля забастовали приказчики. 28 августа в Проскурове забастовали печатники.

[3] ЦАР, ДП, о. о., д. № 1800, ч. 15, 1905 г., л. 5.

ций заграничного, киевского и одесского изданий. Собственных типографий этой партии в районе губернии до сего времени не обнаруживалось и нет оснований предполагать о существовании таковых.

Гектографические же произведения, главным образом, прокламации, обращенные к простонародию, ремесленному и рабочему люду на малороссийском языке, очевидно, местного производства и можно предполагать, что фабрикуются они местными кружками помянутой выше преступной партии, при чем, во избежание опознания почерка, пишутся обыкновенно печатными буквами. Гектографами же пользуются много разных торговых, частных и общественных учреждений, так что, несмотря на установленное наблюдение, до сего времени не представилось возможным обнаружить, где именно гектографируются прокламации преступного содержания.

Что кружки русской социал-демократической революционной партии существуют повсеместно в Подольской губернии, это не подлежит сомнению и подтверждается неустанным тайным разбрасыванием преступных прокламаций по населенным пунктам.

Полковник Белановский.

Из докладной записки начальника Подольского губернского жандармского управления в департамент полиции, 30 сентября 1905 г.[1]

Подольская губерния не осталась вне влияния событий последнего времени, выдвинувших ряд самых разнообразных организаций, поставивших целью своей деятельности борьбу с существующим государственным и социальным строем и правительством. Некоторые уездные города несомненно породили в последнее время местные организации, пытающиеся нарушить общественный порядок и спокойствие, путем устройства уличных демонстраций, сходок и забастовок. Первым в этом отношении стоит гор. Балта, где в мае текущего года, местная еврейская молодежь, заставив подмастерьев булочного цеха забастовать, устроила на бульваре сходку с произнесением речей революционного содержания и демонстративно вела себя на улицах, при этом по городу разбрасывались собственного изготовления, при помощи гектографа, воззвания и прокламации, обращенные к рабочему люду, и требовавшие прекращения работ.

Как можно судить по внешним признакам и внутреннему содержанию прокламаций данного случая, Балтская организация, по характеру своей деятельности, относится к тому виду сообщества, которое присваивает себе название РСДРП, но организация эта (не дающая, однако, никаких признаков своего существования в данную минуту) проявляла свою преступную деятельность в устройстве сходок, публичном произнесении антиправительственных речей и пропаганды среди местного городского населения, путем не только сейчас указанных речей, но и путем разброски собственного составления и изготовления на гектографе, прокламаций, причем ни к каким террористическим приемам не прибегала.

Ближайшее мое знакомство с противоправительственным движением в г. Балте, привело меня к убеждению, что среди местного населения, особенно в последние 1½ года, появились отдельные лица, старающиеся, путем распространения разных прокламаций, обыкновенно получаемых из Одессы, пропагандировать среди местного населения, возбуждая его против существующего порядка и правительства. Лица эти, среди которых попадаются постоянные жители Одессы и Кишине-

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 1800, ч. 15, 1905 г., л. 6.

ва, прибывающие в Балту под предлогом поисков соответствующих занятий и работы, не редко, действительно, собираются в каком-либо уединенном месте, где читают прокламации.

Следующим за Балтою, идет гор. Проскуров, стоит на железной дороге, заселен, по преимуществу, евреями и представляется одним из крупных и бойких по торговле центров Подолии. За последнее время местная еврейская молодежь, под влиянием, конечно, общего другим местностям империи движения, особенно интенсивно начала собираться в кружки, демонстративно ведя себя на улицах по отношению к местным полицейским властям и постоянно, в последнее время, расположенным по улицам города патрулям от местных войск, однако случаев резкого и острого проявления деятельности этих лиц не наблюдалось и оснований для приступа к формальным дознаниям пока не было. Кружки эти, хорошо известные властям, находятся под непрерывным наблюдением чинов корпуса, от которых я имею постоянные сведения о деятельности кружков.

Несомненная организация существует и в г. Каменец-Подольске, но организация эта своеобразна в том смысле, что сочувствуя вообще революционному движению в какой бы то ни было форме, единственной задачей своей деятельности она поставила транспортировку на широких началах значительного количества произведений нелегальной литературы, издаваемых различными заграничными лигами русской революционной социал-демократии. Такой тип организации создали такие факторы, как близость границы и сравнительная легкость водворения через нее политической контрабанды. Входя в соглашение с известными приграничными контрабандистами, члены каменецкой организации получают десятки пудов подпольной литературы и, при посредстве имеющихся в Каменце транспортных контор, главным образом агентства петербургской компании «Надежда», пересылают их в разные города империи. Организация эта существует давно и видными ее деятелями, насколько мне известно, являются местные жители.

В настоящее время в личном моем производстве имеется возбужденное мною обширное дознание, предметом которого является 13 случаев отправок из Каменца в разные города империи в общем свыше 80 пудов произведений нелегальной литературы.

Что касается вопроса о сношениях и связи революционных организаций Подольской губернии с таковыми же других местностей, то в этом отношении следует отметить несомненную связь каменецкой организации по отправке внутрь империи преступных изданий, так как отправка их в определенный город при одновременной отсылке провозной квитанции определенному лицу ясно указывает, что отправители имеют предварительные сношения с теми и другими лицами другой местности. По упомянутому уже выше дознанию о транспортировании из Каменца в разные города империи 80 пудов нелегальщины, об отправке этой были заблаговременно осведомлены надлежащие жандармские власти тех пунктов, куда отправлялась литература.

Когда в 1904 г. на станции Юго-Западной ж. д. Вапнярка были последовательно задержаны два места, шедшие в Екатеринодар, в коих оказалась не только литература, но и полное оборудование типографии с несколькими пудами разного типографского свинцового шрифта, то возникшее по этому поводу дознание вполне установило сношения отправителей этого груза из Каменца с революционной организацией в Екатеринодаре.

Полковник Белановский.

Из донесения начальника Подольского губернского жандармского управления в департамент полиции, 31 октября 1905 г.[1]

Доношу, что в г. Могилеве-Подольском, по получении некоторыми лицами социал-демократической партии сведений о высочайше дарованной свободе, заправилы социал-демократической партии, не ожидая официального объявления о дарованной монаршей милости, стали собирать сходки на улицах и площадях под открытым небом, и своими зажигательными речами внушать толпе, что конституция народу никаких новых прав не дает, а необходимо во что бы то ни стало добиться республики и упразднить существующий строй бюрократического управления. Первая такая сходка состоялась на Соборной площади и Владимирской улице 18 октября вечером, но ее энергичными действиями полиции удалось рассеять. Вторая сходка состоялась 19 октября в 9 час. вечера на Соборной площади, где собралась толпа в 500—600 человек, которая направилась по Владимирской улице к городской управе, крича: «Долой самодержавие! Долой конституцию! Да здравствует революция и республика!» На неоднократные предложения полиции толпа не разошлась и продолжала следовать к городской управе.

20 октября с утра, толпа собралась на Владимирской улице и Соборной площади, где было устроено возвышенное приспособление, в виде трибуны, на которой произносились речи на русском языке и на еврейском. Когда собралась большая толпа, на Соборную площадь было вынесено несколько красных флагов, из коих на двух были надписи: «Долой царя убийцу», «Да здравствует республика!», а на остальных разные надписи революционного характера, на русском и еврейском языках. С этими флагами вся толпа направилась по Владимирской и Киевской центральным улицам.

Проходя мимо зданий полицейского управления и 2 полицейской части и остановившись у здания Коммерческого училища, толпа стала кричать: «Долой полицию», и, в частности надзирателя Лисовского. От Коммерческого училища толпа в том же демонстративном порядке возвратилась по тем же улицам и затем постепенно разошлась по домам, унося с собой революционные флаги. Предотвратить это шествие не представилось возможности, так как до того еще времени городской голова Хлопов, ручаясь за полный порядок и спокойствие в городе, снял все полицейские посты.

Полковник Белановский.

Доклад подольского губернатора министру внутренних дел, 13 декабря 1905 г.[2].

6 декабря мною получена была от начальника Жмеринского отделения Одесского жандармского полицейского управления железных дорог шифрованная телеграмма о том, что «на днях» ожидается всеобщая железнодорожная забастовка.

Поэтому и принимая во внимание, что означенная забастовка может сопровождаться забастовкой почтово-телеграфных учреждений, я обратился 7 декабря к начальникам 12 кавалерийской и 19 пехотной дивизий и к командиру 2 бригады 12 пехотной дивизии с просьбой, чтобы они, как только начнется забастовка железно-дорожных служащих в пределах Подольской губернии, вступили в права и обязанности генерал-губернаторов на железно-дорожных участках: гене-

[1] ЦАР, ДП, о. о. д. № 1350, ч. 48, 1905 г., л. 23.
[2] Там же, д. № 2555, ч. 6, 1905 г., л. 62.

рал-лейтенант Бенкендорф по Волочиской линии от границы Волынской губернии до станции Сербиновцы включительно, генерал-лейтенант Чекмарев — от станции Ярошенка до станции Борщи включительно и от Вапнярки до Кублича включительно и генерал-майор Перебаскин — от станции Гулевец до станции Жмеринки включительно и от сей последней до станции Могилев-Подольский включительно и объявил их на военном положении.

Об этом того же 7 декабря мною доведено было до сведения Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора с просьбой утвердить мое распоряжение.

10 декабря начальник края телеграммой уведомил меня, что к исполнению приведенного моего распоряжения препятствий не встречает.

Того же 10 декабря, в 4 часа дня, на железно-дорожной станции Жмеринке забастовали телеграфисты, почему генерал-майор Перебаскин, в тот же день, объявил названную станцию и прилегающую к ней железно-дорожную школу на военном положении. 11 декабря в 2 часа утра забастовали все служащие на Жмеринке товарной, пассажирское же движение не прерывалось. Того же 11 декабря телеграфисты стали на работу.

12 декабря мною получена телеграмма из Жмеринки от начальника губернского жандармского управления, что там забастовали служащие в депо. Арестованных пока нет. Об изложенном довожу до сведения вашего высокопревосходительства.

Губернатор Эйлер.

Революционные события в Прибалтике в 1905 г.

Публикуемые ниже документы отражают развитие революции 1905—1907 гг. в Прибалтике и охватывают промышленные центры и сельские местности бывших Прибалтийских губерний царской России.

Документы эти представляют интерес не только потому, что вскрывают обстановку и размах революционных событий, развернувшихся в ходе революции 1905 г. на территории Прибалтики, но и потому, что позволяют вскрыть за действиями революционных масс — рабочих и крестьян Прибалтики всю глубину классовых противоречий и социально-политический смысл событий.

По донесениям агентов царской власти, несмотря на их пристрастный характер, можно все же проследить, что события 1905 г. в Прибалтике и их размах отражали собой глубочайшие классовые противоречия, остроту классового и национального гнета, вызревавших на протяжении долгих лет перед революцией. С несравненно большей яркостью характер происходящих событий и причины, вызвавшие их, освещаются в прокламациях социал-демократических организаций Латвии и Эстонии.

В общероссийской борьбе рабочего класса и крестьянства против самодержавия в 1905 г. пролетариат и крестьянство Прибалтики занимают одно из почетных мест. Специфика борьбы, вытекавшая из наличия двойного гнета, тяготевшего над трудящимися Прибалтийских губерний, не меняет общего фона направленности борьбы, протекавшей в тесном взаимодействии с основными массами российского пролетариата, а еще более подчеркивает остроту этой борьбы.

Что представляли собой эти страны накануне революции 1905—1907 гг.?

Латвия была сравнительно развитым промышленным районом в составе царской России. Если к половине 60-х годов в Риге насчитывалось 90 фабрик, по преимуществу мелких, с общим количеством рабочих около 6 000, то благодаря протекционистской политике царского правительства и притока иностранного капитала, значительная часть которого оседала в Прибалтике, происходил быстрый процесс индустриализации Латвии, рост ее городов.

В 1871 г. в Риге насчитывалось уже 141 фабрика с 11 798 рабочих, а к началу революции 1905 г. число рабочих возросло до 70 000. При этом происходила быстрая концентрация заводской промышленности. Например, на крупных предприятиях с количеством от 500—1 000 рабочих работало около 25% всего пролетариата, а на предприятиях с количеством свыше 1 000 рабочих, рабочие составляли около 30%. Основную массу пролетариата Латвии составляли металлисты (32%).

Второе место по своему промышленному значению в Латвии занимала Либава, где насчитывалось к началу революции 1905 г. около 10 000 рабочих. Всего же в 1905 г. в Латвии насчитывалось около 80 тыс. рабочих.

Положение крестьянства Латвии, имевшего большую прослойку безземельных и малоземельных, батраков и большой процент сельскохозяйственного пролетариата, было очень тяжелым. Помещикам-баронам принадлежало больше половины (1 044 980 га) всей земли, причем здесь помещичье землевладение было в общем значительно крупнее, чем в остальной России. Средний размер барон-

ских имений был 2—2,5 тысяч га, а среди этих владений было немало, насчитывавших десятки тысяч га (50—70 тыс. га).

Ничтожная кучка помещиков, располагавшая огромными земельными владениями, являлась как в экономике, так и в политической области, господствующей силой, сохраняя за собою ряд привилегий, остававшихся еще от феодально-крепостнического периода (исключительное право на рыбную ловлю, монопольное право на устройство промышленных и торговых предприятий в деревне, право устройства ярмарок и базаров и т. п.). Кроме того помещики почти полностью были освобождены от земских податей и повинностей, а все налоги падали на крестьянство.

В аналогичном направлении происходило назревание классовых и национальных противоречий на базе развивающегося капитализма в городе и в деревне, в губерниях, составляющих ныне Эстонскую ССР.

В Эстонии капиталистическое развитие началось со второй половины XIX в., значительно усилившись в 80—90-х годах. Растет текстильная, металлургическая и химическая промышленность. С развитием капитализма растут кадры городского пролетариата. Столица Эстонии — Ревель (теперешний Таллин) становится промышленным городом. В 1881 г. в Ревеле насчитывалось около 30 промышленных предприятий, а через 10 лет их насчитывалось уже более 100 с более чем 10 тыс. рабочих.

Рост и развитие фабрично-заводского пролетариата в городах Эстонии дополнялись ростом сельскохозяйственного пролетариата в деревнях. Непосильные выкупные платежи и высокая арендная плата ежегодно приводили сотни тысяч эстонских крестьян к разорению, вытесняя одних в ряды батраков, а других заставляя уходить в города в поисках заработка.

Петербургский пролетариат выступил застрельщиком в революции 1905 г., начало которой было положено расстрелом царскими войсками и полицией мирного шествия петербургских рабочих 9 января. Весть о зверском расстреле царской полицией и войсками петербургских рабочих молниеносно облетела всю Россию. Рабочий класс России ответил на провокаторский расстрел могучим гневом возмущения, забастовками и политическими демонстрациями, сопровождавшимися столкновениями и вооруженной борьбой с полицией, жандармами и войсками. Героический рабочий класс городов и промышленных районов Прибалтийских губерний России выступил одним из первых на борьбу с самодержавием. 12 января 1905 г. рабочие Риги объявили всеобщую забастовку — 50 тыс. рабочих выступили на улицах Риги. 13 января рабочие Либавы заняли телефонную станцию, прервали телеграфное сообщение, приостановили газовый завод и прекратили работу на всех фабриках и в порту. В Митаве всеобщая стачка началась 14 января. К ней присоединились рабочие Виндавского порта. Царские чиновники, всюду старавшиеся насадить национальную рознь, в своих донесениях не могут скрыть раздражения против исключительной классовой солидарности, царившей среди рабочих разных национальностей, и констатируют с горечью, что даже среди революционно-настроенной интеллигенции общая ненависть к самодержавию объединяет всех.

Спустя 9 дней после январских событий в Петербурге лифляндский губернатор доносил министру внутренних дел о том, что в Риге, в связи с забастовкой рижских рабочих 12-го и 13 января, в Рижском политехническом институте происходили сходки студентов, на которых присутствовало несколько сот студентов — русских, латышей, армян и евреев. На этих сходках было решено устроить демонстрацию и поддержать движение рабочих.

По мере развития революции в борьбу с самодержавием втягивались и непролетарские слои населения. 4 мая 1905 г. начальник Лифляндского губернского жандармского управления доносит департаменту полиции, что 2 мая в Юрьеве забастовали все легковые извозчики.

К лету размах революционного движения в целом в России и в Прибалтике усиливается. Усиливается революционное движение и среди крестьянства.

В конце июня 1905 г. начальник Лифляндского губернского жандармского управления доносил командиру отдельного корпуса жандармов о том, что в Рижском уезде арендаторы и батраки прекратили работу, отказались пасти барский скот, поджигали сено и толпами ходили по помещичьим имениям с красными флагами, предъявляя требования об уменьшении аренды и увеличении зарплаты. В некоторых волостных правлениях толпы уничтожили царские портреты.

3 октября тот же охранник доносит министру внутренних дел, что революционная партия направила свою деятельность в уезды.

В Рижском уезде состоялось несколько волостных митингов с участием революционеров, причем было постановлено сместить всех должностных лиц в крестьянском управлении, а взамен этого образовать свои комитеты. Такие же случаи были в Венденском, Вольмарском, Валкском и Юрьевском уездах.

Прося подкрепления и сообщая о принимаемых мерах строгости к населению, губернатор не может скрыть своей неуверенности в их эффективности: «успеха не ожидаю».

Спустя несколько дней, в докладе от 15 августа тот же губернатор рисует положение еще более неблагоприятным для царизма. Всюду происходят собрания, на которых принимают участие, кроме местных жителей обоего пола, приезжие агитаторы; во многих волостях удалены все должностные лица и заменены вновь избранными на этих собраниях. Лицам этим вменяется в обязанность прекратить всякие сношения с администрацией. В училищах вводятся новые программы, исключающие преподавание закона божьего. Объявляется помещикам о запрещении продавать лес; постанавливается о неплатеже повинностей, аренды, процентов в банк.

Последовательно и неуклонно развивалась революция в России и нога в ногу с городским пролетариатом столицы и других крупнейших промышленных центров царской России шел рабочий класс Прибалтики.

Всероссийская Октябрьская политическая стачка заставила правительство сделать только видимость уступок в виде пресловутого манифеста 17 октября. Прокурор Рижского окружного суда доносит 22 ноября 1905 г., что 20 октября властям под нажимом рабочих пришлось разрешить митинг, собравший около 70 тысяч человек разных национальностей. Тут же прокурор сообщает, что ораторы на разных языках «произносили с эстрады зажигательные речи на темы о свержении самодержавной власти и об учреждении демократической республики, причем поносят особо его величество и весь царский двор» [1].

Далее прокурор указывает в этом же донесении, что 21 октября митинг повторился и на этот раз собрал от 80 до 100 тысяч рабочих.

В прокламации ЦК Латышской социал-демократической рабочей партии, выпущенной в январе 1905 г. в связи с событиями 9 января, говорится: «Весть об ужасной бойне в Петербурге быстро облетела всю Россию. Сердца рабочих возгорелись священным гневом. Всюду они бросали работу, всюду они выносили борьбу против тиранского ига открыто на улицу. Вся Рига дрогнула от могущества рабочей борьбы».

В январской прокламации Рижского комитета РСДРП по поводу расстрела 9 января в Петербурге дается большевистский анализ событий и делается определенный вывод о том, что мирные забастовки и демонстрации пережили себя. Дальнейшее развитие рабочего движения требует перехода к вооруженной борьбе. Прокламация призывает рабочий класс вооружиться.

Царское правительство, учитывая исключительную серьезность положения в Прибалтике, пошло навстречу паническим, тревожным требованиям губернаторов о введении в Прибалтике военного положения.

22 ноября было введено военное положение в Лифляндской губ. В ответ на

[1] См. ниже, стр. 154.

это Рижский комитет РСДРП выпускает прокламацию к рабочим Риги, где, разоблачая ложь и обман царского манифеста от 17 октября, указывает на готовящуюся провокацию и призывает рабочий класс к всеобщей забастовке, всенародному восстанию и т. д.

На революционное движение в стране и в Прибалтике царское правительство отвечало расстрелами, карательными экспедициями, массовыми арестами рабочих и крестьян.

Наивысшей точки подъема революционное движение достигает к декабрю, но надвигающаяся решительная схватка начинает чувствоваться еще ранее. В донесении начальника Эстляндского губернского жандармского управления командиру отдельного корпуса жандармов от 9 октября читаем: «Негласным путем получены сведения, что местный Прибалтийский социал-демократический комитет ожидает сообщения из других городов, чтобы приступить к вооруженному восстанию как в городе, так и в губернии».

В ноябре донесения царских чиновников становятся еще тревожнее. В середине ноября лифляндский губернатор телеграфирует министру внутренних дел об отказе более 20 волостей признавать представителей царской власти, а 30 ноября доносит уже непосредственно Николаю II.

В дни, когда героическое восстание на Красной Пресне в Москве шло к концу, когда царское правительство видело уже победу над восставшими рабочими Москвы, тон царского правительства становится еще наглее и 17 декабря министр иностранных дел Дурново телеграфирует лифляндскому губернатору: «Необходимо мятежников не щадить и действовать против них силою оружия. Прошу принять эти указания к непременному руководству» [1].

Несколько слабее публикуемые документы освещают развитие революции 1905 г. в Эстонии, однако они все же показывают размах и остроту классовой борьбы рабочих и крестьян Эстонии с царизмом, баронами-помещиками и капиталистами.

Рабочий класс Эстонии также дружно ответил на расстрел 9 января, и уже 12 января рабочие районы Эстонии были охвачены забастовкой.

В докладе эстляндского губернатора министру внутренних дел от 21 января отмечается, что возникшая общая забастовка по своему характеру и по тем требованиям, которые предъявлены забастовавшими рабочими, имеет политический характер, что агитация встречает среди ревельских рабочих благоприятную почву.

В октябрьские дни пролетариат Ревеля также дружно выступает со всем российским пролетариатом. Жандармский полковник 16 октября доносит департаменту полиции: «В 6 час. вечера толпа демонстрантов в несколько тысяч на предложение полиции и войсковой части не разошлась».

Далее указывается на то, что воинская часть пустила в ход оружие, в результате чего оказалось около 50 убитых и до 70 раненых.

В декабре 1905 г. революционный подъем в Эстонии достиг своей высшей точки. В Ревеле забастовали все фабрики и заводы, в волостях крестьяне выбирали местные революционные органы власти, прекращали платеж аренды помещикам и т. д.

Восстание в Прибалтике было жестоко подавлено. Одних лишь расстрелянных карательными отрядами по самым преуменьшенным официальным подсчетам царского правительства было более 600 человек, не считая искалеченных, арестованных и т. п.

Несмотря на поражение революции, ее уроки обогатили массы и социал-демократические партии Латвии и Эстонии большим опытом. Богатый опыт получила Латышская социал-демократическая партия (примыкавшая к РСДРП) по части руководства крестьянским движением, где рабочий класс Латвии играл руководящую роль. Опыт революции показал и ошибки Латышской социал-демократической партии в аграрном вопросе. Даже при наличии высшей точки

[1] См. ниже, стр. 156.

подъема крестьянского движения, когда батраки вооружились, а помещики-бароны бежали из своих имений, Латышская социал-демократическая партия лозунг конфискации земли не выдвигала.

Это обстоятельство, разумеется, не могло не ослабить крестьянско-батрацкого движения против баронов-помещиков.

Но несмотря на отдельные, хотя и весьма существенные, ошибки социал-демократических партий Прибалтики, Ленин очень высоко ценил революционную самоотверженную борьбу рабочих и батрацких масс в Прибалтике.

В статье, посвященной юбилею социал-демократической газеты Латвии «Цинья» («Борьба»), Ленин в 1910 г. писал: «Во время революции латышский пролетариат и латышская социал-демократия занимали одно из первых, наиболее важных мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя. Не безынтересно, между прочим, отметить, что официальная статистика стачек за 1905 год (изданная министерством торговли и промышленности) показывает, что Лифляндская губерния стоит на первом месте по настойчивости пролетарской стачечной борьбы. В 1905 г. в Лифляндской губернии насчитывалось всего 53 917 фабрично-заводских рабочих, а число стачечников — 268 567, т. е. почти в пять раз (4,98 раза) больше! Каждый фабрично-заводской рабочий в Лифляндской губ. бастовал в среднем 5 раз в этом году.

За Лифляндской губ. следует Бакинская губ., где каждый фабрично-заводской рабочий бастовал 4,56 раза, Тифлисская губерния — 4,49 раза, Петровская губерния — 4,98 раза и Петербургская — 4,19»[1].

Прошло 35 лет с тех пор, как рабочий класс Прибалтики совместно со всем рабочим классом России, под руководством партии Ленина—Сталина сражался с царским самодержавием и капиталистами. Эта совместная борьба не прекращалась ни на один момент.

В феврале 1917 г. царизм был свергнут, а затем в октябре 1917 г. была победоносно совершена Великая Октябрьская социалистическая революция, в которой пролетариат, батраки и беднейшее крестьянство Прибалтики вместе с рабочими и крестьянами России принимали активное участие, борясь за установление советской власти в Прибалтике.

Последовавшее затем вмешательство западно-европейских интервентов свергло советскую власть в Прибалтике и поставило у власти шайку национальных плутократов, ставленников западноевропейских империалистов.

Храня свято традиции героической борьбы 1905—1917 гг., веря в то, что господству плутократов наступит конец, пролетариат Прибалтики надеялся на то, что с братской помощью рабочих и крестьян страны социализма он сбросит власть угнетателей. Эти надежды рабочих и крестьян Прибалтики осуществились. Народы Прибалтики вошли в дружную семью Советского Союза, чтобы в одной общей шеренге бороться за построение социалистического общества.

С. Болтинов.

Прокламация Центрального комитета Латышской соц.-демокр. рабочей партии, январь 1905 г.[2].

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Дрожите, тираны!

В борьбу, товарищи! 9 января триста тысяч рабочих хлынули по улицам Петербурга. Всех их двинуло одно стремление, один могучий клич: мы не хотим дольше нести бремя рабства, мы требуем себе

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XIV, стр. 339.

[2] ДП, о о., 1905 г., д. № 5, ч. 38, л. 19. Документы подготовлены к печати Е. В. Чмыховой.

хлеба и свободы. Со священником Гапоном во главе, без всякого оружия, с одним лишь крестом и иконами в руках, они направились к царскому жилищу — Зимнему дворцу, чтобы царь выслушал требования народа. Но этот царь не имел другого ответа для своего народа, как штыки и пули солдат. Сотни выстрелов укладывали целые ряды невооруженных рабочих. Кровь тысячи павших и раненых окрасила снег на улицах царской столицы.

Весть об ужасной бойне в Петербурге быстро облетела всю Россию. Сердца рабочих возгорелись священным гневом, всюду они бросали работы, всюду они вынесли борьбу против тиранского ига открыто на улицы. Грандиозно и величаво его вынес и латышский пролетариат в Прибалтийских губерниях. 12 января в Риге объявили всеобщую стачку: одна за другой фабрики прекратили работы, промышленная суета приостановилась. 50 000 рабочих в необозримых толпах хлынули по улицам Риги. Вся Рига дрогнула от могущества рабочей борьбы: смело и величаво развевались красные знамена; с революционными песнями и криками, в неописуемом воодушевлении двинулись грандиозные шествия по улицам Риги.

В Либаве всеобщая стачка началась 13 января; в 6 часов утра рабочие заняли телефонную станцию, прервали телеграфное сообщение, приостановили газовый завод и прекратили работы на всех фабриках и в порту. Какой-то жандарм хотел отнять у рабочих красное знамя, но был на месте убит. В Митаве всеобщая стачка началась 14 января; смело и с воодушевлением, наперекор стараниям полиции, работы прекратились на всех фабриках и мастерских. Рабочие Виндавского порта тоже присоединились к общей борьбе.

Но нет борьбы без жертв. Как гнуснейшие убийцы, солдаты унтер-офицерского батальона 13 января у жел.-дор. моста напали на невооруженную и мирную толпу рабочих. Без всякого предупреждения они тайком, с двух сторон окружили рабочих и зверским образом начали их истреблять. Поляна была покрыта павшими и ранеными, но царские солдаты все еще стреляли в кучи трупов и штыками прикалывали упавших. Стоны умирающих и раненых оглашали воздух, но натравленные и подпоенные слуги царя продолжали свои зверские дела. Они радовались, как их жертвы застывали в смертных судорогах, и более чем полчаса не позволяли оказывать им никакой помощи. Трупы павших складывались на сани и отправлялись с поля бойни, причем у некоторых головы и руки волоклись по земле. От солдатских пуль пало около 70 человек; мужья, которых оплакивали жены и дети, там пали юноши и девицы, над трупами которых матери в отчаянии ломают свои руки. Будьте прокляты убийцы и проклят царь и его слуги, которые убили сотни мирных рабочих. От своей казни эти борзые не уйдут и час мщения наступит скоро.

Ни павшие жертвы, ни пролитая кровь уже никого не устрашит. Ни штыками, ни пулями уже нельзя подавить борьбу русского пролетариата. Народный гнев против тиранов и угнетателей горит ярким непотушимым пламенем и охватывает всю Россию. Всеобщая стачка распространяется на все города России. В Петербурге и Москве, в Варшаве и Лодзи, Вильно и Белостоке, Киеве и Одессе, Туле и Саратове бастуют рабочие. Сотни тысяч рабочих борются под красным знаменем, поручившись: победить или умереть. Мы пожертвуем свои жизни, но народ должен быть освобожден. Эта борьба не прекратится до тех пор, пока заваленный проклятиями царский престол не будет разрушен и произвол и рабство уничтожены. От ударов революции содрогается вся Россия. Никакая сила на свете уже не спасет царское самодержавие от скорой гибели. Над обагренной

кровью русской землею уже занимается золотое утро свободы и блаженства.

Товарищи и товарки! Теперь борьба идет на жизнь или на смерть. Царь посылает против нас вооруженных солдат и казаков. Царь приказывает своим слугам стрелять и колоть рабочих. Но и мы больше не пойдем против этих убийств с пустыми руками, и мы вооружимся, запасемся оружием, дадим надлежащий отпор нападкам этих дикарей, отомстим за своих павших товарищей. Товарищи, за оружие! Смерть тиранам! Пусть наши сердца пламенеют в великой вражде против кровью обагренного царского самодержавия и будем свято исполнять свою присягу.

Долой самодержавие!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует социал-демократия!

Центральный комитет Лат. соц.-дем. рабоч. партии.

ЛИФЛЯНДСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Телеграмма начальника Лифляндского губернского жандармского управления в департамент полиции, 12 января 1905 г.[1]

Сегодня утром прекратились работы на 13-ти окрайных фабриках и заводах Риги: забастовщики стараются прекратить работы в других промышленных заведениях и двигаются к центру города; работающие заводы охраняются войсками. Требования пока рабочими не предъявляются, разбрасываются воззвания политического характера. Порядок пока нарушен не был.

Полковник Волков.

Прокламация Рижского комитета Латышской социал-демократической рабочей партии, 12 января 1905 г.[2]

Да здравствует всеобщая стачка!

Мы забастовавшие рабочие рижских фабрик и заводов выставляем следующие требования:

1) Созыв учредительного собрания на основах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права;

2) Прекращение немедленно войны;

3) 8-ми часовой рабочий день;

4) Уничтожение сверхурочных, поштучных и процентных работ;

5) Поденная плата не меньше одного рубля для мужчин и женщин;

6) Ни один рабочий не может быть уволен без согласия других рабочих;

7) Никто из рабочих не должен быть уволен за участие в стачке и понести какие-либо убытки;

8) Чтобы стачечникам выплачивали сполна плату за все время стачки;

9) Запрещение труда малолетних ниже 16 лет;

10) Страхование рабочих от несчастных случаев, болезни и старческой слабости за счет фабрики;

11) Уничтожение всяких штрафов;

---

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 11, л. 2.

[2] Там же. инв. № 13807.

12) Чтобы рабочие могли обращаться к любому врачу за счет фабрики.

Да здравствует революция!
Да здравствует народная республика!
Да здравствует международная социал-демократия!
Долой самодержавие!

Рижский комитет Латышской социал-демократической рабочей партии.

Телеграмма рижского губернатора министру внутренних дел, 13 января 1905 г.[1].

Всего забастовало рабочих на 30 фабриках около 30 тысяч. Общественный порядок почти не нарушался, казенные и общественные здания и заводы охраняются военными командами.

Управляющий губернией Неклюдов.

Из доклада лифляндского губернатора министру внутренних дел, 18 января 1905 г.[2].

В дополнение к телеграммам исправляющего мою должность, лифляндского вице-губернатора, представляю вашему сиятельству нижеследующие подробности о забастовке рабочих в гор. Риге и о произведенных ими уличных беспорядках.

12-го сего января, в 6 часов утра, внезапно появилась толпа неизвестных, числом около 40—50 человек, у замочной фабрики Германгауза и Формана, расположенной на окраине города Риги, по Балдонской улице № 1, которые стали задерживать являвшихся на работу рабочих и приглашать их не приступать к работе, а присоединяться к ним. Молодежь из рабочих тотчас охотно присоединилась к толпе, а затем то же сделала и другая часть рабочих, не желавшая приступить к работе, из опасения насилий. Тогда все направились к проволочной фабрике по Динаминдской улице № 22—24, и с прекратившими работу рабочими этой фабрики обходили все другие фабрики и заводы, расположенные в районе 2 участка Митавской части, где также были прекращены работы. Затем образовавшаяся громадная толпа остановилась на Ильгецемской рыночной площади, где рабочий Юлиус Кальнин, влезши на крышу торговой будки, прочитал преступное воззвание о последних событиях в Петербурге. После этого вся толпа направилась на цементный завод Шмидта, куда к тому времени прибыли две роты 116 пех. Малоярославского полка, благодаря чему из толпы удалось задержать 6 человек, более других бунтовавших рабочих; у задержанных найдено несколько преступных воззваний, 19 разных предметов для нанесения побоев и много камней. От цементного завода отправилась к другим фабрикам и заводам в районе того же 2 участка Митавской части, а затем в район 1 участка той же части, где работы везде были прекращены. На цементном же заводе после ухода толпы оказалось разбросанными много прокламаций. Толпа из 1 участка Митавской части перешла через Двину, направилась на Мариинскую улицу и разошлась по разным местам. Одновременно с началом прекращения работ почти на всех фабриках и заводах 2 участка Митавской части началось прекращение работ на всех остальных фабриках и заводах Риги, за исключе-

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 11, л. 4.
[2] Там же, л. 38.

нием лишь некоторых в Московской части, в том числе завода Кузнецова и в Мюльграбене, где работы на фабриках тоже не прекращались. Толпы рабочих продолжали ходить по Александровской и другим улицам; в некоторых местах они были рассеяны чинами полиции и вызванными войсками, но никаких насилий нигде не причиняли, за исключением лишь случая разбития нескольких окон в редакции газеты «Прибалтийский край». К ночи все забастовщики разошлись.

В течение дня в разных местах из числа демонстрантов задержано было всего около 100 человек, но затем большая часть их по неимению достаточных причин к задержанию отпущены, а 44 человека оставлены задержанными при полиции.

13 января, с 6 часов утра демонстранты толпами стали являться в разных частях города, заходя на заводы и фабрики, где работы еще не были прекращены, и направились с рабочими, прекратившими на этих заводах работы; толпы все увеличивались. Хотя и редко, но были случаи насилия: так от двух постовых городовых отобраны револьверы, остановлены на Суворовской улице два вагона электрического трамвая, из коих высажены пассажиры, кондуктора и машинисты, были выбиты стекла в вагонах, в одном из них испорчен аппарат освещения. Из толпы было произведено несколько револьверных выстрелов на воздух.

В демонстративных шествиях принимали участие женщины и студенты; из числа демонстрантов задержано было 126 человек. Во многих местах толпы были рассеяны чинами полиции и войсками, а в 2 часа пополудни громадная толпа через внутренний город прошла в Московскую часть, где, принудив многие фабрики и заводы, в том числе и завод Кузнецова, прекратить работы и, увеличенная рабочими с этих заводов, около 5 часов возвращалась к городу. У железнодорожного моста толпе был прегражден путь полуротой учебного унтер-офицерского батальона, но со стороны толпы раздались крики «вперед». Несмотря на то, что чины полиции стали уговаривать толпу разойтись, один из студентов, находившихся в толпе, закричал: «Назад, бегите наверх, через мост». После этого часть толпы бросилась через мост к городу, а другая часть стала наступать на солдат и сорвала с барабанщиков тесак, набросилась на унтер-офицера и нанесла каким-то твердым предметом удар по голове офицеру. Поднявшиеся же из толпы на мост стали бросать в солдат камни и производить выстрелы, почему по команде командира полурота стала стрелять; вызванная же заблаговременно на помощь вторая полурота, встретила часть толпы, прорвавшуюся в город, на Господской улице, и встретившую солдат выстрелами. Видя, что первая полурота окружена толпою, и вторая по приказанию своего командира произвела выстрелы, после чего толпа бросилась в бегство во все стороны и скоро рассеялась. На месте из толпы оказались убитыми 20 мужчин и 2 женщины и ранеными 60 человек, которые отправлены были в городскую больницу. Кроме того был смертельно ранен помощник пристава Билев, который по доставлении в больницу тотчас скончался. Из числа нижних чинов ранено 8 человек, из них 5 человек доставлены в городскую больницу и к сегодняшнему числу один из них умер; умерло также 16 человек раненых из толпы. Кроме того студентами доставлено было в больницу красного креста 7 человек раненых, из числа которых трое умерло.

Одновременно с забастовкою фабричных рабочих, а именно 12 и 13 января, в одной из аудиторий Рижского политехнического института происходили сходки студентов, на которых присутствовало от 300—400 студентов — русских, латышей, армян и евреев. На этих

сходках было решено устроить демонстрацию и поддержать движение рабочих...

Забастовка типографских рабочих началась 13 числа, а 14-го прекратилось движение трамваев.

14 сего января от 12 до 4 часов дня, в главном здании Политехнического института в двух аудиториях происходила сходка студентов, в числе 200 человек; главными руководителями были те же студенты, которые руководили сходками 11, 12 и 13 января. Во время сходки в первом часу дня в открытое окно аудитории № 19, выходящее на бульвар наследника, на большой некрашеной деревянной палке, был вывешен черный флаг с надписью белыми буквами «Слава павшим», «Проклятие убийцам», что привлекло много публики, в числе которой преимущественно был рабочий класс. Местный пристав, вызвав помощника директора института Шварца, предложил ему принять меры к немедленному снятию флага, доставлению его ему и указанию виновных. Г. Шварц изъявил на то полную готовность и отправился к студентам, но войти к ним не мог за переполнением аудитории и отказом студентов выдать флаг; но они обещали снять флаг. В виду такого бессилия администрации Института к водворению порядка, полициею были приняты меры к удалению собравшейся около института публики, которая вскоре и была удалена, но когда по окончании сходки студенты, открыв окна, запели «вечная память», то та же публика вновь собралась к зданию Института, сняла шапки и прокричала 2 или 3 раза «ура», после чего флаг был снят и публика была удалена мерами полиции, а студенты, предполагавшие, как дознано, выйти толпой из Института с флагом, узнав о находящейся вблизи Института наготове роте Изборского полка, разошлись небольшими группами в разные стороны. Задержать выходивших демонстрантов не было возможности в виду того, что сходка разошлась одновременно с окончанием в Институте лекций. Через полчаса после того администрацией Института было вывешено на главных входных дверях объявление о закрытии Института на неопределенное время.

По слухам на сходке бурно высказывалось негодование по поводу употребления войсками оружия при скоплении демонстрантов 13 января у железнодорожного моста, во время чего был убит студент Института Печуркин...

15 сего января около 2 час. дня последовал из Александро-Невской церкви по Александровской улице вынос тела убитого, при подавлении беспорядков у железнодорожного моста 13 января, студента Печуркина. За гробом мало-по-малу собралась тысячная толпа, преимущественно рабочих и студентов; при выходе из церкви толпа приостановила на улице трамвайное движение, и, разделившись на две части, следовала по обеим сторонам улицы; в средине толпы были замечены в руках студентов венки с красными лентами, на которых, как впоследствии дознано, имелись надписи: «Убитому в бою за свободу товарищу», «Жертве произвола». Из толпы провожавших раздавались воззвания, приглашающие народ выходить на улицы...

При приближении к кладбищу толпа возросла в несколько тысяч человек. Толпа до кладбища все время шла тихо, не производя других беспорядков, кроме разбрасывания прокламаций, и так как гроб сопровождался духовенством, мною, до окончания религиозной церемонии было приказано иметь лишь строжайшее наблюдение, что и было исполнено усилением полицейских нарядов и высылкою, параллельно пути следования процессии, одной казачьей сотни. На кладбище, по опущении тела в могилу, были слышны слова: «Веч-

ная слава погибшему за свободу»; венки и ленты были разобраны толпою. По возвращении с кладбища были попытки разбрасывания прокламаций и слышались вначале крики «ура», но при подходе казачьей сотни, толпа шла спокойно, не производя беспорядков; казаки с помощью вызванных рот мало-по-малу, без употребления оружия, рассеяли толпу. Некоторое время спустя, в других местах города собирались малые группы, которыми гасились фонари, задерживались извозчики, высаживались с них пассажиры.

К вечеру все, производившие беспорядки, были рассеяны. 16 и 17 января порядок не был нарушен и на улицах города было все спокойно. Всего арестовано около 150 человек.

В целях поддержания порядка и обычного течения общественной жизни мною приняты следующие меры.

По соглашению с начальником гарнизона мною весь город, включая и окраины, разделен на районы, охрана коих поручена воинским частям. По сношении с командующими войсками Виленского военного округа гарнизон усилен одной казачьей сотней и одним 1/2 эскадроном драгун. К местам, имеющим первостепенное значение для жизни города, как-то: к мукомольням, водопроводу, газовому заводу, телефонной станции, станции электрического трамвая — выставлены караулы. По улицам, по пути следования трамваев и в местах расположения фабрик, где продолжаются или вновь начаты работы, производится патрулирование. Приняты меры к обеспечению безопасности правительственных учреждений, банков. В виду неоднократных заявлений со стороны фабрикантов о желании благонамеренной части рабочих продолжать работу, к фабрикам с 17 января выставлены воинские части, что дает, таким образом, некоторую возможность обеспечить работающих от насилий забастовщиков. Редакциям газет дана подобная же охрана. По полученным, однако, сего числа сведениям, лишь очень немногие фабрики возобновили работу, что объясняется агитацией неблагонамеренных элементов, побуждающих рабочих предъявлять все большие и большие требования фабрикантам.

Губернатор генерал-лейтенант Полибэ.

Прокламация Рижского комитета РСДРП, (январь) 1905 г.[1]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Что же дальше?

Грозная туча рабочего восстания прошумела с севера на юг по всей России. 2 января началась забастовка в Петербурге, сопровождавшаяся страшным кровопролитием; за ней последовали стачки в Москве, Риге, Либаве, Киеве, Одессе, Варшаве, Лодзи и в целом ряде более мелких городов. Почти во всех городах одновременно поднялись российские пролетарии на защиту своих попираемых правительством и капиталистами прав. Почти месяц продолжалась эта великая борьба, невиданная еще в России как по своим размерам, так и по жестокости мер, пущенных в ход правительством для подавления движения. В Петербурге за один день 9 января было убито около 1 000 чел. и ранено около 2 000, у нас в Риге только 13 января погибло до 70 и ранено до 200 человек.

На этот раз волна народного возмущения разбилась о пули и штыки царских солдат, и самодержавие снова торжествует победу. Но

[1] Инв. № 4472.

это последняя его победа, и она не может поколебать нашей решимости довести свою освободительную борьбу до конца.

Январская кровавая баня не уничтожила революционного рабочего движения; она поставила лишь перед ним задачу временного изменения способов борьбы. Январские события обнаружили громадную непобедимую силу, таящуюся в массах пролетариата, но вместе с тем они ясно показали непригодность для нас мирных демонстраций, как средства борьбы с царским правительством, пускающим в ход целые полчища казаков и регулярных войск, вооруженных по последнему слову военной науки. Всеобщая забастовка и невооруженная демонстрация рабочих масс не достигают никакой цели, раз правительство пачечным огнем разгоняет мирных демонстрантов и с оружием в руках охраняет мирных штрейкбрехеров и всяких предателей нашего общего дела. А что оно не думает отказываться от этого много раз испытанного средства, о том свидетельствует объявление петербургского генерал-губернатора, получившее подтверждение в словах самого царя: «На каждую попытку рабочих улучшить свое положение мы будем отвечать новыми массовыми расстрелами» — таков смысл этих заявлений наших правителей. И чем шире будет охватывать [движение] массы пролетариата, тем с большею жестокостью будут подавляться всякие проявления рабочей борьбы, тем большее количество рабочих будет погибать от пуль царских солдат.

Таким образом, само развитие рабочего движения и неразрывно связанное с ним возрастание жестокости правительственных мер усмирения ставят перед нами вопрос о переходе от мирных способов борьбы к вооруженной защите своих прав и интересов. Пусть каждый из участников минувшей всеобщей забастовки и происходивших в течение ее демонстраций окинет теперь умственным взором пережитые события,— и необходимость этого перехода станет для него ясна до очевидности. Теперь, когда движение охватывает десятки и сотни тысяч пролетариев, правительство может справляться с ним только потому, что эти массы выходят на улицу с голыми руками и не в состоянии оказать никакого сопротивления. Для того, чтобы разогнать 13 января безоружную толпу в несколько десятков тысяч человек, правительству потребовалось всего какая-нибудь рота солдат; но если бы эти десятки тысяч рижских рабочих, эти миллионы российских пролетариев были вооружены, для борьбы с ними понадобилось бы двинуть целые армии, что несомненно привело бы к повсеместному переходу солдат на сторону народа, следовательно, к крушению царизма.

Январское движение, в котором рабочие массы играли, главным образом, роль избиваемых, всколыхнули всю Россию и весь мир. Почти во всех городах Европы и Америки устраивались многотысячные собрания рабочих для выражения сочувствия борющимся российским товарищам и протеста против зверств самодержавия. За исключением правительств и кучки крупнейших капиталистов самые горячие симпатии всего цивилизованного мира оказались на стороне российских пролетариев. Еще большее возбуждение и еще большее негодование вызвали эти кровавые события в России. Ученые, писатели, адвокаты, студенты, все русское общество сверху до низу единодушно приветствовало смелых борцов за свободу и открыто выражало негодование гнусному правительству. Волна всеобщего возбуждения отразилась даже на солдатах, и некоторые полки в Петербурге отказались выходить против рабочих. Несомненно, что это всеобщее сочувствие, в случае вооруженного восстания пролетариата, немедленно перейдет в открытую поддержку его борьбы и самодержавие очутится лицом к лицу с страшной силой всего российского народа.

Мирные забастовки и демонстрации пережили себя, дальнейшее развитие рабочего движения требует перехода к вооруженной борьбе,— таковы итоги январских событий. И чем скорее войдет эта мысль в сознание борющегося за свое политическое и экономическое освобождение пролетариата, тем скорее и легче достигнет он своей заветной цели, тем меньше жертв поглотит его освободительная борьба.

К оружию, товарищи! Сознательные рабочие, передовой отряд борющегося пролетариата, пропагандируйте повсюду идею вооруженного восстания против самодержавия, организуйте группы борцов, приобретайте оружие, приглашайте к этому всех находящихся под вашим влиянием. Готовьтесь к бою.

Долой самодержавие!
Да здравствует народное правление!
Да здравствует социализм!

Рижский комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

Прокламация Рижского федеративного социал-демократического комитета, январь 1905 г.[1]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К о в с е м р и ж с к и м р а б о ч и м.

Товарищи! Героическая борьба ваших петербургских братьев за свободу и счастье рабочего класса России отозвалась в целом ряде городов всеобщими забастовками, имевшими целью выразить сочувствие пролетариев всей страны восставшим петербургским собратьям и поддержать их самоотверженную борьбу с самодержавным правительством и капиталистами. И мы, рижские рабочие, не могли остаться безучастными зрителями происходивших в Петербурге кровавых событий; мы все без различия народности и религии дружно бросили работу, выставив повсеместно те же самые требования, что и петербургские товарищи.

Своей всеобщей забастовкой, продолжающейся более недели, своими демонстрациями и требованиями мы открыто и единодушно выразили свою полную солидарность с теми сотнями тысяч пролетариев, которые восстали в Петербурге на защиту прав и интересов рабочего народа. Своей кровью, пролитой 13 января, мы навеки закрепили эту солидарность, эту теснейшую связь нас, рижских рабочих, с миллионами борющегося за свое освобождение российского пролетариата. Царское правительство, пулями разгонявшее мирных демонстрантов, вооруженной силой охраняющее сознательных и бессознательных штрейкбрехеров, несмотря на все свои зверства, не могло помешать этому выражению нашей солидарности и братского единения с рабочими всей России. Эти зверства, эти массовые убийства ставят перед нами вопрос о прекращении всеобщей стачки или об открытом вооруженном отпоре, открытой вооруженной борьбе с самодержавием. Для последнего мы еще не готовы, нам остается одно — прекратить всеобщую стачку. И мы, социал-демократические организации Риги, приглашая рабочих отдельных фабрик продолжать борьбу с хозяевами и добиваться от них уступок, объявляем всеобщую стачку оконченной. Но это не означает, что мы предлагаем сдаться на милость побе-

[1] Инв. № 21014.

дителей. Нет, товарищи! Борьба не кончилась. Она только еще начинается. Невинно пролитая кровь наших братьев, жен и детей вопиет о мщении. И наша борьба будет окончена только тогда, когда будут отомщены тысячи погибших от преступной руки царского правительства, когда будет низвергнут трон Романовых и иго капитала. Мы призываем всех товарищей рабочих готовиться к этой борьбе, к окончательной расплате с самодержавием.

Организуйтесь, товарищи. Собирайте силы, чтобы при первой возможности снова подняться и сбросить с себя иго царизма.

Долой самодержавие!

Да здравствует народное правление!

Да здравствует социализм!

Рижский федеративный социал-демократический комитет.

Телеграмма начальника Лифляндского губернского жандармского управления в департамент полиции, 21 января 1905 г.[1]

Значительная часть забастовавших сегодня приступили к работам, внешний порядок сохраняется.

Полковник Волков.

Телеграмма начальника Лифляндского губернского жандармского управления в департамент полиции, 31 января 1905 г.[2]

Сегодня забастовали десять механических заводов, вследствие неудовлетворения требований рабочих о девятичасовом рабочем дне и других неисполнимых требований. Возможна опять общая забастовка. Поощрением служат благоприятные рабочим вести из Петербурга и отсутствие солидарности действий заводчиков, уступчивость некоторых. Забастовавшие пока спокойны, войска охраняют заводы.

Полковник Волков.

Из донесения начальника Лифляндского губернского жандармского управления в департамент полиции, 4 февраля 1905 г.[3]

Доношу департаменту, что изложенное неопределенное положение по прекращению стачек на Рижских фабриках и заводах все еще продолжается, но рабочие входят в переговоры с владельцами промышленных учреждений об удовлетворении их требований и на большинстве фабрик и заводов пришли уже к соглашению. Главной причиной неуспешности соглашения является отсутствие солидарности действий заводчиков. Так был случай, что все заводчики согласились не соглашаться на уменьшение рабочего дня ниже 10 часов и не выдавать платы за время стачки, а между тем некоторые из них потом согласились выдать упомянутую плату, а Балтийский машиностроительный завод уменьшил рабочее время до 9 часов. Тогда и другие рабочие машиностроительных заводов стали требовать таких же уступок и 31 января забастовали вновь 10 машиностроительных заводов и шесть других производств. Десять машиностроительных заводчиков вошли в соглашение уменьшить рабочий день лишь до 10 часов, не платить за время стачки и отклонить все требования рабочих о смене мастеров

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 4. ч. 11, л. 37.
[2] ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 11, л. 45.
[3] Там же, л. 49.

и о вмешательстве в участие во внутреннем порядке, и, вывесив о сем объявление, в нем указали, что в случае невозобновления работ к 6 февраля, заводы закроют. Пока работы на этих заводах не возобновились. В общем рабочие ведут себя спокойно, но было уже восемь случаев вооруженного нападения на улицах на мастеров, при чем двое последних тяжело ранены и никто из нападавших задержан не был. Войска вновь охраняют забастовавшие заводы.

Полковник Волков.

Донесение начальника Лифляндского губернского жандармского управления в департамент полиции, 30 апреля 1905 г.[1]

Вчера и сегодня распространяются в г. Риге и других местностях губернии преступные печатные воззвания на латышском и русском языках, призывающие, от имени революционных сообществ, рабочее население, в ознаменование рабочего праздника 1 мая, сделать общую забастовку с 30 апреля по 2 мая и принять участие в противоправительственных демонстрациях. С полудня сего числа забастовали более тридцати фабрик и заводов. К сохранению порядка губернской администрацией приняты меры.

Полковник Волков.

Донесение начальника Лифляндского губернского жандармского управления командиру отдельного корпуса жандармов, 29 июня 1905 г.[2]

В г. Риге на фабриках и заводах в последние дни рабочие прекращают работы под разными предлогами, выставляют на заводах красные флаги и вчера забастовщиками была попытка произвести уличную демонстрацию, но таковая не осуществилась, так как собравшаяся на улице толпа рабочих разбежалась при приближении полиции и казаков. Пока забастовало 12 фабрик и заводов с девятью тысячами рабочих и, так как каждый день забастовка распространяется более, то можно полагать, что она станет общей для всех местных фабрик и заводов. Разнообразие причин забастовки (увеличение заработной платы, удаление мастеров и рабочих, подозреваемых в шпионстве, и тому подобное), а в некоторых случаях и отсутствие предъявления требований, указывают, что забастовка вызвана революционной агитацией. Со стороны губернской администрации приняты меры к сохранению порядка. В Рижском уезде арендаторы и батраки прекратили работы, отказываются пасти скот, поджигают сено и ходят толпами по помещичьим имениям с красными флагами, предъявляя требования об уменьшении аренды и увеличения заработной платы. В некоторых волостных правлениях толпы уничтожили портреты государя императора и мобилизационные списки. Телефоны и телеграфы демонстрантами испорчены, почему отправленные на места войска и полиция встречают затруднение в осведомленности о времени и месте демонстрации, вследствие чего участники демонстрации не встречают должного противодействия. С моей стороны приняты меры к выяснению зачинщиков и участников демонстраций.

Полковник Волков.

---

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 11, л. 107.
[2] ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 11, л. 125.

Телеграмма прокурора Рижского окружного суда министру юстиции, 15 октября 1905 г.[1]

Сегодня утром забастовали почти все фабрики в Риге, забастовщики ходят толпами по улицам, закрывают все лавки, магазины. Настроение города очень тревожное.

Прокурор Христианович.

Из представления прокурора Рижского окружного суда прокурору Петербургской судебной палаты, 2 ноября 1905 г.[2]

В дополнение к телеграммам о беспорядках в г. Риге имею честь донести вашему превосходительству, что обстоятельства, сопровождавшие эти беспорядки, представляются в следующем виде:

13 октября служащие Рижского железнодорожного узла решили присоединиться к всеобщей в империи забастовке. С утра прекратили работы телеграфисты на Двинском и Туккумском вокзалах. Около 12 часов дня было приостановлено движение поездов и забастовали служащие в управлениях и рабочие в мастерских. Из машин и паровозов были выпущены пары. Попытки продолжить железнодорожное движение не удались, так как забастовщики останавливали поезда и высаживали пассажиров, которые принуждены были возвращаться в город пешком. Станции вследствие этого были закрыты, охранены войсками и вывешено от управления дороги объявление о прекращении движения.

В тот же день служащие и рабочие собрались в количестве около 500 человек в мастерских, но, ввиду присутствия значительного числа посторонних лиц, сходке этой предложено было начальником железнодорожного отделения разойтись. Вследствие обнаружившегося нежелания исполнить это требование, начальник отделения заявил, что прибегнет к действию вооруженной силы. Услышав сигнал на барабане, данный введенной в мастерскую роте, присутствующие поспешили оставить собрание.

На следующий день, то-есть 14 октября, железнодорожные служащие собрались вновь на сходку в мастерских. На этот раз, несмотря на присутствие посторонних, сходка была допущена и получила совершенно противозаконный характер, выразившийся в распространении среди собравшихся преступных воззваний и произнесении революционных речей. Никакого соглашения на этой сходке достигнуто не было...

С утра 15 октября началась стачка рабочих на рижских фабриках и заводах и одновременно с этим возникли уличные беспорядки, производившиеся забастовщиками... Первые усилия стачечников были направлены на прекращение движения по улицам электрических трамваев. Несмотря на предъявленные требования, были сделаны попытки пустить вагоны трамвая, но к 10 часам утра движение должно было окончательно приостановиться. Одновременно с этим забастовавшие первыми рабочие фабрики «Этна» направились закрывать другие заводы. Образовав вскоре большую толпу, стачечники двинулись к заводу «Феникс». По получении об этом сведений полиция распорядилась вызовом на место отряда конных городовых и казаков для рассеивания толпы. Тем не менее забастовавшие рабочие, евреи обоего пола и студенты Политехникума успели собраться на дворе завода «Феникс» и устроили многолюдный (до 10 тысяч чело-

[1] М. Ю., 1 д-во, 1906 г., д. № 17137, л. 9.
[2] М. Ю., 1 д-во, 1906 г., д. № 17137, л. 30.

век) митинг, на котором ораторами произносились противоправительственные речи. С прибытием казаков присутствовавшие на митинге стали расходиться небольшими группами. Однако, около 8 часов утра быстро образовавшаяся толпа в 300—400 человек внезапно бросилась к казенному винному складу и заставила прекратить на нем работы, несмотря на присутствие заранее поставленного для охраны склада воинского наряда. Поспешивший на место участковый пристав с казаками разогнал толпу, но часть ее, человек в 50, направившись на Перновскую улицу, успела разгромить казенную винную лавку. Вскоре толпа вновь соединилась на другой улице и подошла к Балтийскому вагонному заводу, но предупредившие ее полицейские чины и казаки не допустили на завод и работы там продолжались весь день.

Начиная с 9 часов утра в центральных и задвинских частях города обнаружилось стремление собираться на улицах в толпы, но высланные разъезды и патрули по мере возможности рассеивали отдельные группы. В самом центре, в так называемом старом городе, торговля совершенно прекратилась, так как узкие улицы и переулки давали возможность скрываться злоумышленникам от преследовавших их патрулей и появляться в новых местах. Наряду с этим кучки евреев и студентов стали ходить по частным гимназиям и прекращать там занятия. Таким образом закрылись гимназия Тайловой, женское коммерческое училище Депрес, торговая школа, коммерческое училище Миронова и другие учебные заведения. В 2 часа дня трое студентов Политехникума явились в помещение Контрольной палаты и потребовали от служащих остановки занятий. На замечание служащих, что у них есть начальство, пришедшие пожелали видеть это начальство и, будучи введены в кабинет управляющего контрольной палатой г. Драгневича, обратились к нему с тем же требованием, г. Драгневич изъявил свое согласие, попросив лишь 1/2 часа для подписи некоторых бумаг. Студенты остались еще несколько времени в Палате и затем вместе со служащими вышли на улицу и удалились. Личности их остались невыясненными.

В Задвинской части города прекратили работы почти все фабрики. Собирающиеся на улицах толпы рассеивались полицией и казаками, причем не было допущено и устройство большой сходки у Торенсбергского кладбища...

Прокурор Рижского Окружного суда С. С. Христианович.

Из телеграммы лифляндского губернатора управляющему министерством внутренних дел, 3 ноября 1905 г.[1]

В Риге временное наружное затишье: революционная партия направила свою деятельность в уезды. В Рижском уезде состоялись несколько волостных митингов с участием революционеров; постановлено сместить всех должностных лиц крестьянского управления, что приведено силой в исполнение. Образуются особые комитеты для самоуправления; такие же случаи появились в Венденском уезде. В Вольмарском, Валкском и Юрьевском началось такое же движение. Положение нахожу чрезвычайно опасным, особенно в виду недостатка гарнизона, который, несмотря на мои просьбы, не подкрепляется. Необходимо немедленно подкрепить гарнизон двумя полками, объявить Лифляндскую губернию на военном положении с назначением временным генерал-губернатором начальника гарнизона генерал-лейтенанта Поппена, начальника сорок пятой дивизии, человека умного и энер-

[1] ДП. 1905 г., № 41, ч. 16, л. 1.

гичного; необходимо также иметь в Рижском порту надежное военное судно для помещения многомиллионных ценностей государственного и частных банков.

Войска Лифляндской губернии принадлежат Петербургскому и Виленскому округам. Следует упомянуть о подчинении их одному генерал-губернатору. Принимаю всевозможные меры разъяснением и строгостью вразумить население; успеха не ожидаю. Единственная уступка, которая могла бы быть сделана, это — издав указ о военном положении, поручить мне объявить в минуту крайности.

Губернатор генерал-лейтенант Полибэ.

Телеграмма волостного старшины Пебальгской волости Лифляндской губернии председателю кабинета министров графу Витте, 6 ноября 1905 г.[1]

4 ноября должен был состояться общий сход Ново-Пебальгской волости для обнародования высочайшего манифеста от 17 октября и обсуждения своих нужд. До открытия схода явились в волостное правление венденский уездный начальник Ник. Иванов, его помощник Витол с пьяными черкесами и казаками; хотя крестьяне не оказывали никакого сопротивления и стали уже расходиться по домам по требованию полиции, тем не менее казаки по приказанию уездного начальника Иванова избили собравшихся до крови нагайками, ружьями, саблями и ограбили своих жертв без всякого повода. Черкес в присутствии Иванова и Витоля угрожал волостному старшине дулом ружья, ударил его нагайкой и насильно удалил его и других должностных лиц из канцелярии, кроме того по дороге на расстоянии 8 верст казаки в присутствии Иванова и Витоля избивали до крови всякого встречного. Ивановым и Витолем было заявлено, что все это делается по распоряжению лифляндского губернатора, что до и после избиения крестьян казаками последние были угощены Ивановым пивом и водкой.

Просим, ваше сиятельство, сделать распоряжение о немедленном и строгом расследовании всех обстоятельств дела на предмет привлечения всех виновных к строгой ответственности.

Волостной старшина Озолин.
Члены схода выборных[2].

Телеграмма лифляндского губернатора управляющему министерством внутренних дел, 14 ноября 1905 г.[3]

Вчера штаб Виленского округа взял из Риги два батальона, не уведомив меня. В Рижский уезд необходимо выслать войска. Больше двадцати волостей отказались признавать власти, сменив всех должностных лиц. Из оставшегося гарнизона Риги невозможно взять войск. Прошу распоряжения возвратить два батальона, без которых не могу восстановить порядок и обеспечить в будущем неприкосновенность войсковых частей, высланных для содействия гражданским властям.

Генерал Поппен.

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 31, л. 94.
[2] Подписи на латышском языке.
[3] ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 22, л. 201.

Из представления прокурора Рижского окружного суда прокурору Петербургской судебной палаты, 22 ноября 1905 г.[1]

...Имею честь донести вашему превосходительству, что с раннего утра 20 октября, в городе Риге, улицы наводнила толпа, направлявшаяся на разрешенный митинг у парка Гризенберг. Отдельные группы делали попытки увести на митинг служащих в аптеках внутреннего города, но своевременно высланными нарядами полиции были предупреждены и торговля в аптеках продолжалась до вечера. Одновременно с этим другие группы входили в частные квартиры, и, не стесняясь насилием, уводили прислугу. В виду угроз толпы были закрыты четыре камеры мировых судей. Упомянутый выше митинг начался около 10 часов утра. На нем присутствовало от 60 до 70 тысяч человек. На митинге собравшиеся разбились на группы по национальностям вокруг отдельных эстрад, украшенных красными, белыми и черными флагами с революционными надписями. Многочисленные ораторы произносили с эстрад зажигательные речи на темы о свержении самодержавной власти и об учреждении демократической республики, при чем поносили особу его императорского величества и весь царский дом. Далее ораторы советовали продолжать забастовку и усиленно вооружаться для более успешного проведения задач революции. Митинг кончился около 4½ часов дня. С 6 часов вечера начались митинги в разных общественных зданиях и помещениях, а именно: в здании «Улья», в старом Латышском обществе, в Ремесленном обществе, в Немецком театре, в Латышском общественном собрании, в Весеннем обществе, в зале Карлевица, в театре «Аполло», в Московском саду и в обществе «Ионатан».

В общем на всех митингах присутствовало всего до 10 000 человек. На улицах города в этот день столкновений между полицией и войсками, с одной стороны, и толпой, с другой, не было. Полиция и войска ограничивались рассеянием отдельных групп.

21 октября состоялся в 10 часов утра второй митинг у парка Гризенберг, на котором присутствовало от 80 до 100 тысяч человек. Митинг этот прошел при тех же условиях, как и накануне. Единственным добавлением явился лишь оркестр музыки из рабочих, исполнявший на эстраде в промежутке между речами марсельезу и разные революционные пьесы. Митинг окончился к 5 часам дня, после чего публика спокойно разошлась. Одновременно с этим состоялись митинги железнодорожных служащих и рабочих в мастерских Риго-Орловской железной дороги по Мариинской улице и учащихся высших, средних и низших учебных заведений в помещении Латышского общественного собрания по Романовской улице в доме № 25. На митинге учащихся современная школа была признана неудовлетворительной и постановлено, присоединившись к общей забастовке, добиваться этим путем осуществления требований крайних партий. Вечером состоялись митинги в различных общественных зданиях и учреждениях, а именно: в зале «Улья», в русском, немецком и латышском театрах, в Ремесленном обществе, в гимнастическом обществе, в женском коммерческом училище г-жи Депрес, в зале Карлевица, в обществе «Ионатан» и в театре «Аполло». В русском театре митинг устроили студенты для интеллигентной публики. На этом митинге демонстрировали ребенка, будто-бы избитого драгунами, и в его пользу сделали денежный сбор, давший около 80 рублей.

В тот же день были попытки со стороны небольших групп неизвестных лиц врываться в гостиницы и рестораны, а также и в част-

[1] М. Ю., 1 д-во, 1906 г., № 17137, лл. 57—60.

ные квартиры для увода оттуда прислуги на устраивавшиеся митинги.

22 октября настроение в городе стало тревожнее... Вечером происходили митинги в Ремесленном обществе, в «Улье», в гимнастическом обществе, в немецком и обоих латышских театрах, в зале Карлевица, в Московском саду, в Весеннем обществе, в здании Шрейенбушского пожарного общества и в синагоге на Пейтауской улице. Все эти митинги имели революционный характер. Ночь прошла спокойно.

23 октября в течение целого дня происходили беспорядки, сопровождавшиеся убийствами, в Московском предместье.

На следующий день, 24 октября, беспорядки в Московском предместье не имели уже столь острого характера и к вечеру совершенно прекратились. Вместе с тем на большинстве фабрик и заводов возобновились работы.

Прокурор Рижского Окружного суда С. С. Христианович.

Указ Правительствующему сенату 22 ноября 1905 г.[1]

Для обеспечения общественной безопасности и прекращения происходящих в Лифляндской губернии беспорядков признали мы необходимым:

1. Объявить на военном положении Лифляндскую губернию, распространив на нее действие правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении (Прилож. к ст. 23 Общ. Учр. Губ., т. 11, св. зак., изд. 1892 г.).

2. Предоставить в отношении этой губернии командующему войсками Виленского военного округа присваиваемые в местностях, состоящих на военном положении, права военного начальства и особые права и обязанности административных органов гражданского ведомства по охранению государственного порядка и общественного спокойствия.

3. Разрешить названному лицу передавать полномочия, предоставляемые ему ст. 19 вышеназванных правил, особо для сего назначенному лицу, с тем, чтобы командующему войсками Виленского военного округа принадлежало право отменять его распоряжения, касающиеся охранения государственного порядка и общественного спокойствия.

Об исполнении сих мер мы повелели указом, сего числа данным, управляющему министерством внутренних дел.

Правительствующий сенат не оставит сделать к исполнению сего надлежащие распоряжения.

Отношение управляющего министерством внутренних дел министру финансов, 28 ноября 1905 г.[2]

Имею честь уведомить ваше превосходительство, что беспорядки среди крестьянского населения Лифляндской губернии усилились в последнее время до такой степени, что неприкосновенность жизни и имущества находящихся в губернии жителей и юридических лиц оказалась совершенно необеспеченною. В видах прекращения столь ненормального положения и скорейшего восстановления законного порядка, Лифляндская губерния объявлена на военном положении,

[1] ДП. о. о., 1905 г., д. № 41, ч. 16, л. 7.
Воспроизводится с копии. Имеется следующая помета: «Рукою его императорского величества написано: «Николай. Царское село, 22 ноября 1905 г.». Управляющий министерством внутренних дел Дурново».

[2] ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 22, л. 224.

мною сделано сношение с военным министром о присылке в помощь расположенным уже в названной губернии войскам достаточных подкреплений.

К сему считаю необходимым добавить, что вместе с сим лифляндскому губернатору вновь подтверждено о необходимости принятия с его стороны особых мер охраны казенных винных лавок и служащих в оных лиц.

Управляющий минист. вн. дел П. Дурново.

Телеграмма лифляндского губернатора Николаю II, 30 ноября 1905 г.[1]

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: Рижский и Венденский уезды объяты полным восстанием; отряды конницы понесли значительные потери, держаться более не могут; усадьбы помещиков большей частью сожжены; за малочисленностью гарнизона Риги в уезды войск выслать не могу; в Курляндской губернии восстание усилилось.

Генерал Поппен.

Телеграмма управляющего министерством внутренних дел лифляндскому губернатору, 17 декабря 1905 г.[2]

Необходимо мятежников не щадить и действовать против них силой оружия. Прошу принять это указание к непременному руководству.

Упр. министерством Дурново.

Телеграмма управляющего министерством внутренних дел лифляндскому губернатору, 18 декабря 1905 г.[3]

В Перновском и Феллинском уездах, согласно полученным мной сведениям, началось восстание, пока еще не вполне организованное. Полагаю необходимым быстрыми и решительными мерами теперь же раздавить мятежников. Прошу вас испросить разрешение генерала Соллогуба на посылку в названные уезды отдельных отрядов для исполнения немедленно указанной задачи. Если не имеете сношений с генералом Соллогубом, то быть может признаете правильным распорядиться своей властью в видах обеспечения своих сообщений.

Управляющий министерством внутр. дел Дурново

Прокламация Центрального комитета Латышской социал-демократической рабочей партии, июнь 1906 г.[4]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи! Темная ночь ужасов все еще покрывает горы и долины Балтики. Почти что возле каждой дороги валяются скелеты убитых людей, из каждой усадьбы раздаются стоны изувеченных и искалеченных, каждая тюрьма проглотила целые полки борцов за освобождение. Сироты и вдовы оплакивают отца-кормильца, седовласые родители обливаются слезами за своих цветущих сыновей. Где прежде величественно стояли постройки крестьянской усадьбы, училища и

---

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 31, л. 127.
[2] ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 22, т. 2, л. 96.
[3] ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 44, т. 2, л. 97.
[4] ДП, о. о., 1905 г., д. № 700, ч. 61, л. 6.
В июне 1906 г. прокламация была распространена среди крестьян Лифляндской губернии.

общественные здания, там теперь зияют пепелища. Драгуны и солдаты, как прожорливые полчища саранчи, опустошили нашу родину. Но больше всех от этих опричников правительства страдает рабочий народ — сельские работники. Их приговаривают к высылке из волости, травят по лесам, сбавляют уже без того низкий заработок. В самый разгар революции именно из батраков составилась народная милиция. Именно они были храбрейшими защитниками свободы народа от напора помещиков и драгун и надежная база распорядительных комитетов [1].

Во время свирепствования реакции, главным образом, пострадала милиция, и еще теперь карательные экспедиции не прекращают ловить и вешать заподозренных в хранении оружия людей.

Но теперь с другой стороны сельских работников хотят заманить в свои сети те же негодяи обещанием земли. Когда нельзя силой — надо хитростью взять, думает враг. Они спешат разбить свои земли на мелкие участки и при посредничестве земельного банка за высшую цену смазать батракам [2]. То же самое делает казна со своими имениями. И она хочет спасти то, что только еще можно,— свои деньги. Имения требуют дешевых рабочих сил и большой аренды. Они стремятся приковать к клочку земли эти рабочие силы, чтобы они не могли свободно переходить в другие места. Господа хотят отделить сельского работника от городского пролетариата, чтобы они не чувствовали себя одним телом и одной душой. Они хотят обратить сельского работника из продавца своей рабочей силы в мелкого собственника производительных средств. Для чего же это? Для того, чтобы работник не заметил, что он сам помогает себя эксплоатировать, чтобы он добровольно платил помещику или банку высокую аренду.

Когда усадьбовладелец или помещик пользуется рабочими силами работника, то последний в состоянии сопротивляться чрезмерной эксплоатации работодателя забастовкой, предъявляя свои требования. Когда работник с своим семейством уже будет обрабатывать собственный клочок земли, то ему бастовать уже не против кого. Если он не будет платить аренды, то его силой выселят из усадьбы и ее отдадут другому. Мелкий поземельный собственник не заметит, что государственные подати или выкупные платежи, продолжительный рабочий день и плохая пища медленно будут сдирать его шкуру. На невежество и рабское терпение сельского работника рассчитывают продавцы земли. К сбережениям сельского работника тянутся пальцы помещиков и чиновников. В 222 уездах внутренних губерний полный голод — там крестьянские банки уже излишни. Поэтому они выбрасывают свои удочки в Прибалтийском крае. Чего драгуны не успели силой отобрать, то правительство и помещики надеются хитростью выманить из кармана рабочего класса, чтобы было на что отливать пушки для карательных экспедиций. У нашего врага всегда два средства под рукой. Он обещает реформы и устраивает погромы, он созывает думу в Петербурге и бьет евреев в Белостоке. Будто бы либеральное министерство почти уже составлено, но и новые поезда карательных экспедиций стоят на петербургских станциях и ожидают палачей, которые бы развозили смерть и разорение по всей земле.

---

[1] Революционные выступления батраков Прибалтики в 1905 г.. начались вслед за крупнейшими стачками промышленного пролетариата после событий девятого января. Эти выступления сразу же приняли массовый характер. Наряду с экономическими требованиями батраки активно боролись с самодержавием. Они были в первых рядах повстанцев, организовали милицию, вели вооруженную борьбу с карательными экспедициями царизма.

[2] Воспроизводится с перевода прокламации; очевидно пропуск нескольких слов.

Товарищи сельские работники! Имущие классы уже извлекли и еще извлекут свои выгоды из революции. Казенные и помещичьи крестьяне освобождаются от долгов и им понижается аренда и выкупные платежи. Усадьбовладельцы пользуются голосом на выборах в Государственную думу. Но что же выпало на долю работников-батраков? До сих пор еще ничего другого, как нагайки. Государственная дума хочет дать земли тем, у которых есть деньги. О том, как высоко будет трудовое вознаграждение батраков, ни один депутат государственной думы и словом еще не упомянул.

Товарищи! Сплотимся в ряды и снова напомним всем работодателям наши требования. Теперь по всей России измученный труженик просыпается от тяжелого сна. Забастовки сельских работников начались в Полтавской, Харьковской, Тамбовской и других губерниях. Объединимся и организуемся и мы, чтобы защитить свои требования.

Мы требуем:

1. Плата семейного работника при собственных харчах должна быть не менее 300 рублей в год, которые должны выдаваться наличными деньгами. Все виды вознаграждения натурой должны быть отменены.

2. Отменить женский труд. Если же женщина нанимается на работу, то наименьшая плата должна быть 70 коп. в день. Если же она в другом месте получает больше, то нельзя принудить ее работать дешевле. Если женщина и нанимается на весь год, то наименьшая плата должна быть 225 рублей в год.

3. Плата холостых работников и работниц должна быть повышена на 20%, т. е. по 20 коп. на каждый рубль. Поденная плата мужчин 1 руб., женщин 70 копеек.

4. Работникам, нанимающимся на год, жалованье должно выплачиваться в конце каждого месяца.

5. Семейный работник должен получать отдельную комнату с кухней. Холостые — одну комнату. Комната должна быть достаточно обширной, светлой и снабженной деревянным полом и хорошей печкой. Отопление должно производиться за счет работодателя.

6. Рабочий день, не включая время на обед, завтрак и т. д., с Георгия до Михаила — 10 часов, а остальное время 8-часовой. Промежутки между завтраком и обедом, полудником и ужином не должны быть продолжительнее 4 часов, причем для завтрака не менее 1 часа, обеда 2½ часов, полудника ½ часа.

7. Сверхурочные работы допускаются лишь с согласия большинства работников в каждом отдельном случае, при чем работник или работница должны получать по 15 копеек за каждый час.

8. Отменить все поштучные работы, партионные и т. д.

9. В праздничные дни работники совершенно освобождаются от работы. В необходимых случаях, если работник согласен, могут быть произведены работы, но никак не более двух праздников в месяц, при чем за каждый такой день работник должен получить по 1 рублю 50 коп.

10. Все сельско-хозяйственные орудия должны быть хозяйские.

11. Все денежные штрафы должны быть отменены.

12. В случаях болезни врач и лекарство за счет работодателя, и за все время болезни должен быть выдан полный заработок.

13. Женщины должны быть освобождены 6 недель до и 6 недель после родов, причем они должны получать полный заработок за все это время.

14. Лица моложе 16 лет не могут быть нанимаемы в пастухи; наименьшая плата пастуху 50 коп. в день.

15. Приличное обращение с работниками: нельзя говорить с ними на «ты», нельзя вмешиваться в их частную жизнь.

16. В имениях, где женщины нанимаются на работы, должны быть устроены ясли для детей, наблюдение за которыми должно вверяться выбранной самими работниками учительнице.

17. Завести при квартирах работников отхожие места, колодцы и т. д.

Ведя борьбу со своими работодателями, не забудем злейшего врага всего рабочего класса, защитника богачей и помещиков — царского самодержавия.

Волостное самоуправление опять находится в руках шпионов и царских приспешников, во всех больших имениях опять стоят солдаты и драгуны; они выслеживают, кого бы только убить.

Мы приглашаем все сельское население:

1. Бойкотировать все правительственные учреждения: а) не платить общественных сборов, б) не отпускать подводы жандармам, полиции и войскам, в) не платить аренду или выкупные платежи ни казне, ни помещикам, ни банкам.

2. Позаботиться, чтобы все казаки и солдаты были отозваны, чтобы были отменены смертная казнь, военные суды и карательные экспедиции.

3. Позаботиться об освобождении всех политических арестованных, обвиняются ли они в нападениях, грабежах, поджигательствах — безразлично, потому что их преступления вызваны политическим неустройством.

4. Чтобы все высланные и убежавшие были возвращены за счет казны.

5. Вознаграждение всем пострадавшим от произвола помещиков, солдат и полиции. Суд над народными убийцами.

6. Чтобы избранные от народа судили всех тиранов, шпионов и предателей.

7. Чтобы были объявлены новые выборы волостных самоуправлений на основании всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

8. Чтобы за счет волостного общества обрабатывались все покинутые помещиками имения.

Товарищи, сельские работники! Существующее правительство добром ни одно наше требование не исполнит. На протесты думы оно отвечает издевательствами. Вся наша сила в нашей организации. В руках самого народа его судьба. Только созыв Учредительного собрания укрепит за нами уже завоеванные свободы. За созыв этого учредительного собрания борются все сознательные российские рабочие. В скором времени в их ряды поступят миллионы крестьян,— пламя восстания уже вспыхивает и между армией. Будем же готовы по первому призыву организации снова вступить в решительную борьбу.

Долой военное положение!
Долой карательные экспедиции!
Долой шпионов и предателей!
Долой самодержавие!
Да здравствует революция!
Да здравствует учредительное собрание!
Да здравствует 8-ми часовой рабочий день!

Центральный комитет Латышской социал-демократической рабочей партии.

ЭСТЛЯНДСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Телеграмма эстляндского губернатора в департамент полиции, 12 января 1905 г.[1]

Доношу, что сегодня в 6 часов утра забастовали рабочие на заводе Вольта и направились к другим ревельским заводам. К 10 час. утра все заводы прекратили работу; лично вел переговоры со стачечниками, настроение пока спокойное, имеется намерение прислать мне по три выборных с каждого завода для дальнейших переговоров; сегодня же, в случае надобности, приму самые решительные меры. О дальнейшем ходе дела своевременно подробно донесу.

Вице-губернатор Гирс.

Из донесения начальника Эстляндского губернского жандармского управления в департамент полиции, 18 января 1905 г.[2]

12 января утром перед началом работ на вагоностроительном заводе «Двигатель» толпа рабочих в 300 человек, не приступая к работе, выпустила пар и, не допуская остальных рабочих начинать работы, двинулась к целлулоидной фабрике, где, испортив машины и выпустив из чана массу жидкого целлулоида, прекратила начатую работу и с присоединившимися рабочими тронулась к фабрике механической обработки дерева Лютера, где таким же образом также были работы приостановлены. К забастовавшим рабочим присоединилась масса постороннего люда и подростков и, таким образом, толпа составилась в несколько тысяч человек и обошла все ревельские фабрики, заводы и незначительные мастерские, везде требуя прекращения работ. Вся громадная толпа вела себя очень сдержанно. К 11 час. утра все фабричные и промышленные заведения города были закрыты. Большая часть лавок закрылась, некоторые были заколочены досками. Конно-железная дорога прекратила движение. Директор газового завода Трошетер дал слово явившимся организаторам забастовки выпустить газ, что и было им исполнено.

В 12-м часу дня громадная толпа около десяти тысяч человек направилась за город к бумагопрядильной фабрике, которая еще продолжала работать. Встреченная у ворот фабрики ротой 89 пех. Беломорского полка толпа заявила, что желает только прекращения работ на фабриках, и, проникнув на фабрику, приостановила работы. Одновременно с этим получилось предложение временно-управляющего губернией выбрать депутацию для изъявления причины забастовки, с каждого завода и фабрики по одному человеку. В 4 часа дня на лугу у завода Лаусшана собралась громадная толпа тысяч десять, где и выбрала депутацию, которая явилась к временно-управляющему губернией в тот же день вечером. Для объявления результата этого совещания рабочим было разрешено собраться на 13 января к 10 час. утра на то же место. Целый день по городу ходили толпы народа. Учебные заведения были закрыты, кроме реального училища, директор которого отказался исполнить требование о закрытии училища. С утра этого дня все войска, оставшиеся в городе, в числе 6-ти рот, по две от каждого квартирующего здесь полка, батальон моряков и полусотня пограничной стражи — были вызваны в центр города и начальником гарнизона распределены по более важным местам. Во время пожара был легко ранен ударом в голову бутылкой полиц-

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 31. л. 1.
[2] ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 31, л. 28.

мейстер Норбеков. Задержанных полицией за беспорядки в этот день было 18 человек. Рядовому 91 пех. Двинского полка сильно поранены крестьянином Пиншем ножом два пальца правой руки. В то же время по Большой Юрьевской улице были разбиты постоялый двор и пивная.

12 января утром в 10 часов, как было разрешено накануне, рабочие собрались на лугу у завода Лаусмана, чтобы узнать результат переговоров выборных с временно управляющим губернией. В половине 12-го толпа разошлась. Во время сборища тремя интеллигентными лицами были разбросаны пачки прокламаций на эстонском языке. Двое из разбрасывающих были русские. В 4 часа на том же месте было разрешено опять собраться, но, не придя ни к какому решению, толпа рабочих разошлась около 6 часов.

Днем на улицах было значительнее спокойнее, чем накануне 12-го числа.

14 января утром в 10 часов рабочие опять собрались на прежнем месте для объявления им результата совещания выборных с временно-управляющим губернией. Ответа не получено было никакого. В этот же день в 10 часов прибыл из отпуска в город начальник губернии. В 12 часов дня толпа рабочих разошлась, часть ее около тысячи человек направилась на фабрику Лютера, где выпустила пары, которые разводились для поддержания известной температуры в котлах и паровых трубах. Выйдя из фабрики, толпа направилась через весь город к газовому заводу, где начались работы матросами Ревельского флотского пол-экипажа, но прибывшею ротою толпа не была допущена до завода. Миновав газовый завод, толпа появилась перед элеватором, где выпустили пары, но в это время прибывшая рота 91 пех. Двинского полка и конный взвод пограничной стражи ударили в штыки, толпа разбежалась, оставив на месте одного убитого и четырех тяжело раненых, один из которых на другой день умер. Легко раненых разбежалось около 20—25 человек. Вечером в 7 часов 40 человек вооруженных палками явились к директору фабрики Лютера Христиану Лютеру, в квартире которого выбили стекла, и начали бить на этой улице фонари. Прибывшими городовыми толпа была разогнана. Задержанных полицией в этот день было 7 человек. В тот же день вечером было вывешено объявление г-на начальника губернии, приглашающее рабочих прекратить забастовки и начать работы.

15 января утром, с разрешения начальника губернии, рабочие опять собрались, но переговоры остались также без результата, так как требования их, одинаковые с таковыми же требованиями с.-петербургских рабочих, неисполнимы. После сборища толпа человек тысячи три направилась по Балтийско-Поршской улице к химическому заводу Майера, находящемуся за городом, где в то время начались работы на переезде железной дороги. Толпу встретил взвод, высланный от роты 90 пех. Онежского полка, помещавшийся на заводе, который в виду того, что из толпы раздалось несколько выстрелов, дал два залпа, которыми убит один и ранено 12 человек. Из числа раненых вечером умерло двое, затем в одну из больниц доставлен еще один тяжело раненый двумя пулями в живот. Всех раненых подобрала сама толпа. При приближении толпы к заводу впереди ее шел человек, одетый в черное пальто со светлыми пуговицами и в студенческой фуражке. За ним шла цепь из сорока человек, затем колонна ввиде резерва и сзади отдельные люди, которые после залпов подбирали раненых. Ночью на ту же фабрику сделано покушение с целью поджога, но одиночными выстрелами солдат приближающиеся к фабрике люди были рассеяны. Вечер и ночь прошли спокойно. Задержанных в этот день полицией было 5 человек.

16 января всякие сборища начальником губернии были воспрещены, но, несмотря на это, толпа в тысячу человек собралась на прежнем месте сборища, но прибывшими войсками была рассеяна. В течение дня было относительно спокойно. Задержанных полицией было 9 человек.

17 января большая часть магазинов была открыта, учебные заведения начали занятия. В 5 час. утра в гавани рабочие собрались с целью работать, если им будет прибавлена плата, но так как ответа они не получили, то толпа собралась в тысячу слишком человек и под предводительством троих рабочих обходила гавань и не давала возможности начинать работы. Была выслана казачья сотня, при появлении которой вся толпа рассеялась и попряталась по дворам, трое же зачинщиков были задержаны.

День прошел спокойно. Задержанных полицией в этот день было 3 человека.

18 января несколько фабрик приступило к работам, но с небольшим числом рабочих, так на «Двигателе» из числа 2 500 человек работает 40—50 человек.

Полковник Нитц.

Телеграмма эстляндского губернатора министру внутренних дел, 20 января 1905 г.[1]

День прошел спокойно, многие заводы приступили к работам, на других продолжаются переговоры. В течение последних четырех дней порядок не нарушался.

Губернатор Бельгард.

Из донесения начальника Эстляндского губернского жандармского управления в департамент полиции, 21 января 1905 г.[2]

Доношу, что станция Ревель с железнодорожными мастерскими, пакгаузами, материальным складом, депо и путь охранялись 17 жандармскими унтер-офицерами и 112 матросами Ревельского флотского полу-экипажа, при 4 г.г. офицерах, беспрерывным патрулированием, как днем, так и ночью. Паровозы маневрировали под охраною жандармов и матросов и так же производилась приемка и выдача товара в пакгаузе. 12 января в 8 часов вечера, когда газ везде был рабочими потушен, толпа более 1 000 человек с криком «ура» и свистом бросилась к вокзалу, но была встречена 3 взводами матросов и жандармами. Толпу предупредили, что будут стрелять при дальнейшем ее движении к вокзалу, и она разошлась по разным улицам.

16 января утром явился ко мне начальник станции Двигатель, Ринк, и заявил, что он слышал разговор между рабочими эстонцами о решении их не допустить казаков, следовавших в Ревель, до города, порчею пути[3]. О изложенном мною донесено начальнику Ревельского гарнизона, как заведующему всею охраною, предупредил машиниста воинского поезда № 103, увеличена путевая стража и посланы усиленные патрули до станции Лаакт навстречу воинского поезда. 16 января в 4 часа дня сотня л. г. Атаманского полка прибыла благополучно.

18 января половина рабочих в Ревельских железнодорожных мастерских и депо приступила к работам. 12, 13, 14, 15, 16 и 17 января к приходящим и отходящим поездам на станции Ревель собиралась

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 31, л. 46.
[2] ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 31, л. 54.
[3] Так в подлиннике.

публика в очень большом количестве, но порядок сохранен полный и каких-либо случаев, а также воровства не было.

19 января в Ревельских железнодорожных мастерских и депо рабочие более половины работали, моряки отправлены в экипаж, а вместо их прибыли онежцы и беломорцы в количестве 200 человек, которые держат ночные патрули.

20 января более ¾ рабочих в железнодорожных мастерских и депо работает, жандармские унтер-офицеры откомандированы на свои станции.

Подполковник Красногорский.

Из доклада эстляндского губернатора министру внутренних дел, 21 января 1905 г.[1]

В городе Ревеле с 15 января спокойствие не нарушалось, но забастовка не может еще считаться оконченной.

С 20 января на всех фабриках сделана энергичная попытка приступить к работам и в то же время начаты переговоры между выборными от рабочих и фабрикантами по существу предъявленных рабочими требований, причем на большинстве фабрик работы возобновились со сравнительно небольшим числом рабочих.

Начатая несомненно извне общая забастовка по тому, как она возникла, и по тем требованиям, которые были первоначально заявлены рабочими, имела политический характер. Агитация встретила среди ревельских рабочих благоприятную почву, и изумительно быстро и неожиданно для самих рабочих начатая забастовка приняла сразу громадные размеры, сопровождаясь насилием и устрашением мирного населения.

Настроение первого дня забастовки и особый характер первоначальных беспорядков, выразившихся в насильственном прекращении работ, хождении толпами по улицам, тушении фонарей, выпускании пара из фабричных котлов, криках, револьверных выстрелах, полном прекращении деятельности газового завода, поджоге публичного дома, попытке проникнуть в следственную тюрьму и т. п. произвели огромное впечатление и на рабочих и на фабрикантов и других жителей г. Ревеля.

Не взирая на действительно искреннее и сознательное желание большей части рабочих прекратить забастовку и несмотря на то, что при бывших уже предварительных переговорах почти на всех фабриках было достигнуто соглашение с фабрикантами, вся масса рабочих до сих пор не может еще успокоиться.

В настоящее время возобновили из числа крупных промышленных предприятий работы от 80 до 100% действительного числа рабочих: железнодорожные мастерские Балтийской железной дороги, Балтийская бумагопрядильная мануфактура, химический завод Майера, писчебумажная фабрика Иогансона и целлулоидная фабрика Оссе. Очень ограниченное число рабочих явилось на все металлические заводы, на которых хотя было приступлено к работам, но работы возобновленными считать нельзя. Совсем не приступают к работам рабочие фабрики Лютера и электротехнического завода Вольта, причем на Вольте достигнуто, по уверению администрации, полное соглашение с рабочими, а у Лютера рабочие никаких определенных требований не заявляют.

В гавани работы возобновились со вторника.

Губернатор Бельгард.

---

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 31, л. 50.

Телеграмма эстляндского губернатора министру внутренних дел, 22 февраля 1905 г.[1]

Вчера начавшиеся было на некоторых металлических заводах работы снова прекратились. Рабочие Вольта выпустили пар и заставили прекратить работы на трех ближайших заводах. После долгих переговоров с явившимися ко мне старостами я обещал сегодня лично приехать на Вольту. Сейчас в моем присутствии состоялось полное соглашение. Работы на всех металлических заводах начаты. Войска со всех металлических заводов отпущены по домам, не работают только две фабрики — Лютера и Балтийская мануфактура, на которых производится расчет и фабриканты решили на некоторое время эти фабрики закрыть.

Губернатор Бельгард.

Из доклада эстляндского губернатора министру внутренних дел, 3 мая 1905 г.[2]

Считаю долгом довести до сведения вашего высокопревосходительства о тех проявлениях волнения в среде фабрично-заводских рабочих г. Ревеля, которые наблюдались в течение последнего месяца. Происшедшие в Ревеле в январе текущего года беспорядки, начавшиеся почти при полном отсутствии войск и безнаказанном хозяйничанье рабочих на фабриках и заводах, решительно затем подавленные военной властью и сопровождавшиеся крупными уступками требованиям рабочих, оставили в них убеждение, что они представляют из себя силу, с которой можно справиться только при помощи значительных воинских команд. Вследствие этого тотчас по вступлении моем в должность мне пришлось наблюдать, с одной стороны, непрестанные толки в рабочей среде о готовящейся стачке, толки, носившие характер запугивания хозяев, а с другой, частые явки ко мне скопом старост разных промышленных заведений с различными требованиями, предпринимавшиеся с очевидной целью испытать степень моей снисходительности. Требования эти, дошедшие до настоящий об освобождении из-под стражи рабочего, арестованного по моему распоряжению за революционную агитацию, были все неосновательны и были все мною отклонены.

К пасхе настроение рабочих стало несколько повышаться и появились данные, дававшие возможность предполагать, что 1 мая рабочие попытаются рядом с забастовкой устроить если не беспорядки, то внушительную демонстрацию, с ношением по городу толпой красного знамени, дабы, в расчете на безнаказанность, показать свою силу.

Я дал полицеймейстеру указания по возможности не допускать рабочих на сходки и тем, не давая им сговориться, вселять в них дезорганизацию. Указания мои были выполнены в точности. Утром 24 апреля полицеймейстером были получены сведения о том, что в этот день масса рабочих соберется верстах в 7 от города, в дачной местности под названием «Нэммэ» для того, чтобы решить порядок демонстративного празднования первого мая. Своевременно посланный в означенное место полицейский наряд застал там, повидимому, недавно прибывшую кучку человек в полтораста, стоявшую около дерева, на котором висел красный флаг, и певшую по-эстонски какой-то гимн. Кучка эта немедленно рассеялась, а тянувшиеся к Нэммэ из города небольшими группами рабочие, числом более тысячи, не были полицией допущены собраться толпой и сходка не состоялась. Через три дня полиции удалось выяснить и арестовать рабочего, ко-

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 31, л. 77.
[2] ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 31, л. 87.

торый 24 числа принес в Нэммэ красный флаг и роздал товарищам гектографированные экземпляры революционного гимна на эстонском языке.

29 апреля вечером в одном из трактиров собралось 12 человек рабочих разных заводов, долженствовавших решить, как ознаменовать празднование 1 мая. Эта сходка, дававшая о намерениях рабочих полицеймейстеру осведомленность, не была им рассеяна, и благодаря этому удалось узнать, что на следующий день рабочие предполагают забастовать, а вечером отправиться в непосредственно примыкающую к городу рощу Екатериненталь, там по обычаю местного населения праздновать 1 мая, а затем уже ночью двинуться толпой в город с пением революционной песни.

В виду того, что устранить скопление народа в Екатериненталe представлялось невозможным, ибо сборища там в ночь на 1 мая являлись давним обыкновением не только рабочих, но и большинства городских обывателей, я вменил полицеймейстеру в обязанность ни под каким видом не допускать в город рабочих толпой, приказав в случае надобности прибегнуть к содействию вызванных по моей просьбе начальником гарнизона двадцати четырех нижних чинов пограничной стражи при двух офицерах, которые с вечера держали лошадей в седлах. 30 апреля все промышленные заведения, кроме одного завода, с согласия хозяев прекратили работы с 2-х часов, а вечером рабочие собрались в Екатериненталe. В первом часу ночи какой-то человек, взобравшись на самую высокую часть находящегося в Екатериненталe на берегу моря памятника броненосцу «Русалке», повидимому, заранее условленным двукратным свистом собрал около себя группу человек в 200, произнес им речь на эстонском языке, по окончании коей толпа, выкинув красный флаг, двинулась к городу; у самой черты его полицеймейстер встретил ее и, несмотря на угрожающие крики по его адресу, вошел в толпу, требуя, чтобы она разошлась. Увещание не подействовало, несколько человек даже вырвали из тротуара плиту, разбили ее и стали осколками камней бросать в полицеймейстера и сопровождавших его чинов полиции; тогда вызванная при первом движении толпы от Екатериненталя конная команда пограничной стражи кинулась на толпу и рассеяла ее нагайками. Маневр этот был выполнен настолько удачно, что через несколько минут на месте уже не оставалось ни одного участника беспорядка.

С. Петербургское телеграфное агентство в телеграмме по этому поводу сообщило, что убитых и тяжело раненных не было; с своей стороны считаю долгом пояснить, что и легко ранен при этом также никто не был.

Днем 1 мая совершенно неожиданно забастовал весь состав (36 человек) кондукторов и кучеров городской железной дороги. 2 мая трое из них по поручению товарищей явились ко мне вместе с представителем хозяина дороги Бельгийской компании и просили моего вмешательства в происходящие между ними недоразумения. Я по просьбе обеих сторон обещал назначить подробное исследование дела, но под условием, чтобы и кучера и кондукторы возобновили занятия, что они с 5-ти часов дня 2 мая и исполнили.

Сего числа все промышленные заведения г. Ревеля работают.

В полученном мною сего дня по почте бюллетене С. Петербургского телеграфного агентства помещена телеграмма о том, что 30 апреля в Нэммэ толпа была рассеяна залпами пехоты. Считаю нужным сообщить, что ни войсками, ни полицией не было сделано ни одного выстрела.

Губернатор Лопухин.

Из донесения начальника Эстляндского ГЖУ командиру отдельного корпуса жандармов, 15 октября 1905 г.[1]

14 октября с 12 часов дня стало известно, что рабочие завода «Двигатель» прекратили работу и намереваются толпой итти в город, вследствие чего ревельским полицеймейстером около 2-х часов дня были вызваны войска в количестве 2-х рот, которые и сосредоточились около завода «Двигатель».

Около трех часов дня толпа рабочих названного завода направилась к забастовавшему заводу «Вольта», а затем, совместно с рабочими завода «Вольта», двинулась в центральную часть города.

Полковник барон Нольде.

Из донесения начальника Эстляндского ГЖУ командиру отдельного корпуса жандармов, 22 октября 1905 г.[2]

День 21 октября прошел спокойно. Фабрики и заводы не работают. Днем на улицах было довольно оживленное пешеходное движение, вечером же улицы города были пусты. Радостного или праздничного настроения не проглядывало. В продолжении дня в разных местах города происходили сходки и сборища людей разных слоев общества и рабочих, обсуждавших разные вопросы экономического и политического свойства. Уловить точность обсуждаемых вопросов пока не представляется возможным, за непринятием окончательных решений, но более или менее определилось, что созрело намерение учинить против всех г.г. офицеров гарнизона бойкот и тем побудить их произвести суд над капитаном Мироновым и другими офицерами, бывшими в наряде с ротою 16 октября, при столкновении ее с толпою. Настоятельно проводится также мысль об отмщении администрации и полиции за жертвы 16 октября... Железнодорожные служащие пока не у дел, выжидают распоряжений и указаний из Петербурга, ведут себя хорошо, оберегая казенное имущество.

Полковник барон Нольде.

Отношение окружного генерал-квартирмейстера Петербургского военного округа директору департамента полиции, 23 ноября 1905 г.[3]

В виду тревожного положения в городе Ревеле туда направлен эскадрон л. гв. драгунского полка и вместе с тем приняты некоторые особые меры.

Одновременно считаю долгом добавить, что 21 ноября в штабе округа относительно города Ревеля получено от командира 18-го корпуса донесение самого успокоительного характера.

Раух.

Из донесения начальника Эстляндского ГЖУ командиру отдельного корпуса жандармов, 9 декабря 1905 г.[4]

8 сего декабря около 3 часов дня рабочие на всех Ревельских заводах и фабриках прекратили внезапно работы, собравшись на некоторых на митинг.

Поводом к прекращению работ послужила агитация представителей социал-демократического комитета, который получил на предмет

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 50, л. 11, 12.
[2] ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 50, л. 67.
[3] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 35, л. 38.
[4] ДП, о. о., 1905 г., д. № 1360, ч. 50, л. 99—100.

этот соответствующие распоряжения. В тот же день означенный комитет выпустил прокламации, в которых призывает рабочих и граждан к вооруженному восстанию, для полного достижения политических прав. Прокламации эти немедленно розданы были для расклеивания по городу, что в некоторых местах им и удалось сделать.

Одновременно с забастовкой в г. Ревеле началась агитация и в губернии, при чем на станции Везенберг из толпы, которая буянила и намеревалась накинуть мешок на станционного жандарма и кондуктора поезда № 7, жандармскому унтер-офицеру едва удалось задержать агитаторов крестьянина Александра Лемберга и мещанина Александра Грюнфельдта, при содействии вызванных воинских чинов.

Негласным путем получены сведения, что местный Ревельский социал-демократический комитет ожидает сообщений из других городов, чтобы приступить к вооруженному восстанию, как в городе, так и в губернии.

9 сего декабря работы на ревельских фабриках не возобновились, при чем часть рабочих вновь собралась в некоторых местах, а Ревельский социал-демократический комитет выпустил новые прокламации, в которых вторично призывает рабочих, солдат и всех граждан к вооруженному восстанию, в виду ареста депутатов совета рабочих и для свержения правительства.

Брожение усиливается ежечасно, и можно ожидать в самом ближайшем времени серьезных беспорядков.

Донося об изложенном, докладываю, что для подавления восстания во всей губернии наличного количества войск совершенно недостаточно.

Полковник барон Нольде.

Телеграмма эстляндского губернатора управляющему министерством внутренних дел, 14 декабря 1905 г.[1]

Движение эстонцев в уездах против помещиков, законных властей принимает с каждым днем все более широкие размеры, грозя развиться по всей губернии, перейти в самом близком будущем в общее народное восстание против правительства. Располагая для города Ревеля и всей губернии лишь тысяча двухстами солдатами, никакой помощи уездам оказывать не могу. Обращался с ходатайством к военному начальству об увеличении числа войск, получил отказ. Немедленная присылка кавалерийского полка в губернию для подавления начала восстания необходима.

Телеграмма эстляндского губернатора управляющему министерством внутренних дел, 18 декабря 1905 г.[2]

Сего числа я вступил в управление Эстляндской губернией. Нахожу положение дел весьма серьезным. Большинство имений Ревельского уезда разгромлены; пострадала часть имений Гапсальского и Вейсенштейнского уездов, пограничных с Ревельским. Шайки мятежников, преимущественно городских рабочих, пополняются крестьянами. Район восстания быстро увеличивается. Есть общий руководитель. Подымается эстонское население Лифляндской губернии. В Нарве, Кренгольме настроение угрожающее; в Ревеле крайне тревожное. Подавить восстание наличными силами невозможно. Единственным исходом признаю необходимость поспешной присылки в Эстляндию значительного отряда под командой энергичного самостоятельного воен-

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 50, л. 114.
[2] ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 50, л. 136.

ноначальника. Прошу содействия вашего высокопревосходительства. Об изложенном телеграфирую генералу Соллогубу, прося его также отряд генерала Орлова подвинуть в северную часть Лифляндской и южную Эстляндской губерний.

Губернатор Бюнтинг.

Телеграмма эстляндского губернатора управляющему министерством внутренних дел, 19 декабря 1905 г.[1]

Ввиду быстрого распространения восстания за пределы Ревельского уезда по всей губернии, ожидаемого прибытия войска и назначения генерала Воронова командующим всеми воинскими частями Эстляндии, признаю настойчиво необходимым введение военного положения во всей губернии, в целях единообразия действий, объединения, ускорения распоряжений и своевременности принятия военным начальством самостоятельно самых решительных действий для подавления восстания. Об изложенном телеграфирую генералу Соллогубу.

Губернатор Бюнтинг.

Телеграмма эстляндского губернатора министру внутренних дел, 25 декабря 1905 г.[2]

По заявлению местного предводителя дворянства, восстание в Эстляндии локализировано; значительные вспышки можно ожидать только на границе с Лифляндией. Поэтому сегодня организуется и выступает отряд из полутора эскадронов, роты на подводах и взвода артиллерии для энергичных действий в пограничной с Лифляндией полосе. Военный суд открыт сегодня.

Губернатор Бюнтинг.

КУРЛЯНДСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Телеграмма начальника Курляндского губернского жандармского управления в департамент полиции, 14 января 1905 г.[3]

Сегодня в Митаве началась забастовка, вооруженные палками рабочие переходят с фабрики на фабрику, останавливая работы.

Полковник Дремлюга.

Телеграмма начальника Курляндского губернского жандармского управления в департамент полиции, 17 января 1905 г.[4]

Забастовка в Митаве продолжается. Сегодня рабочие предъявили хозяевам требования. На улице выстрелом из толпы ранен городовой. Пока особо серьезного нет. Сегодня забастовка началась в Виндаве. Командирован мной подполковник Сафонов и выехал начальник отделения Петров.

Дремлюга.

Телеграмма начальника Виндавского отделения жандармского полицейского управления железных дорог в департамент полиции 17 января 1905 г.[5]

Сегодня рано утром толпа рабочих человек двести, окружив контору агентства на Виндавском элеваторе, предъявила администрации

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 50, л. 138.
[2] ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 50, л. 152.
[3] ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 13, л. 12.
[4] ДП о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 13, л. 16.
[5] ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 13, л. 19.

какие-то требования. На предложение стать на работы толпа с криками двинулась к железнодорожному порту, разогнала рабочих, вышедших на работу. Работа прекращена. Толпа с шумом направляется к станции Виндава, работа в депо мастерских и на пути прекращена [1].

Подполковник Петров.

Из доклада курляндского губернатора министру внутренних дел, 17 января 1905 г. [2]

В 9 часов утра 14 сего января на чугунно-литейный завод Фетте, по Гривскому шоссе г. Митавы явились, как впоследствии установлено, политические манифестанты из гор. Риги и потребовали прекращения работ. Рабочих на заводе всего около 40 человек, и они подчинились требованию. Усиленные этими рабочими манифестанты направились к замочной фабрике Крамера по Добленской улице Митавы, где рабочие, в количестве уже около 300 человек, также немедленно прекратили занятия, и затем толпа манифестантов и забастовавших направилась к клеенчатой фабрике Гребнера с целью подговорить рабочих и этой фабрики к забастовке, что им также удалось. Соединенная толпа фабричных рабочих обошла после этого другие фабрики Митавы, требуя остановки работ.

Рабочих сопровождала толпа городских жителей. Активных беспорядков и насилий произведено не было. Когда толпа проходила мимо губернской тюрьмы, митавский полицеймейстер, по моему приказанию, просил начальника местного гарнизона выслать роту, но толпа проследовала дальше. Всю ночь с 14 на 15 января по городу ходили военные и полицейские патрули.

15 января 1905 г., с 9 часов утра, ко мне стали поступать от полиции сведения о том, что рабочие опять собираются на городских улицах. К 10 часам утра толпа возросла до 800—1 000 человек, и состояла из рабочих, городских жителей, женщин, детей и опять учащихся.

Руководимые политическими манифестантами рабочие, не производя насилия, вновь переходили от фабрики к фабрике с целью прекратить работы; но в этот день фабрики были закрыты.

Из участвовавших в толпе учеников гимназии — двое литовцы — советом последней, по выяснении их фамилий, были предположены к исключению; но мною предложено директору гимназии не обострять этой мерой положения города и вообще до прекращения беспорядков не принимать решительных мер против учащихся, если и будет обнаружена какая-либо прикосновенность их к беспорядкам. Об участии учеников директором гимназии будет доложено попечителю Рижского учебного округа.

15-го и в ночь с 15 на 16 января манифестанты ходили небольшими толпами и разбили в нескольких местах окна, но мерами полиции, при содействии военных патрулей, были рассеяны. 15 января же, ввиду сообщенных мне начальником жандармского управления слухов, что из гор. Риги вышли до 500 человек в гор. Митаву для поддержания стачечников и что в 3 часа ночи предполагается произвести нападение на губернскую тюрьму, причем слухи эти подтвердили мне как митаво-бауский уездный начальник, так и митавский полицмейстер, я просил начальника местного гарнизона задержать, если представится возможным, две роты, пришедшие из Швегофа и Вюрпау и остановившиеся в Митаве на отдых. Эти войсковые части прибыли в город по распоряжению генерала Иевреинова, приказавшего

[1] Работы возобновились 18 января.

[2] ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 13, л. 28.

им, согласно моей просьбе, при совершении обычной прогулки, отправиться по дороге в Митаву.

Из местных войск для охраны города 15 января одна рота расположена была в замке для охраны помещающихся в нем казенных учреждений (казначейства и пр.), а также с целью задержать толпу, если бы таковая прибыла из Риги, а из других войск были оставлены патрульные и сторожевые отряды; последние охраняли водопровод и пожарный обоз и не допускали толпу к губернской тюрьме. 15 же января на некоторых фабриках была выдача фабричным жалованья; но выданы были деньги лишь за прослуженные дни, за прогульные же дни 14 и 15 января деньги не выдавались; беспорядков по этому случаю не было произведено.

Около 8½ часов утра 16-го сего января собралась толпа на улицах города Митавы, но скоро разошлась. К полудню стало известным, что главари забастовавших рабочих объявили им, чтобы они 17 января в 8 часов утра явились на ту фабрику, где каждый из них работал до забастовки, и что там будут предъявлены фабрикантам требования об улучшении положения рабочих. Меры охранения города на 17 число приняты те же, что и 16 января.

За губернатора вице-губернатор Коростовец.

Из донесения Либавского отделения Минского жандармского полицейского управления шефу отдельного корпуса жандармов, 13 января 1905 г.[1]

Доношу, что 13 сего января, около 9 часов утра, рабочие, забастовавшие на городских фабриках и заводах, явились в числе более 200 человек в Либавские железнодорожные мастерские и угрозами потребовали прекращения работ в мастерских. Рабочие железнодорожных мастерских в числе 800 человек прекратили работы и спокойно удалились. Беспорядков при этом никаких не было. Забастовавшие рабочие в городе Либаве повсеместно прекратили работы. Войска вызваны.

Начальник отделения ротмистр Кальницкий.

Из доклада помощника начальника Курляндского губернского жандармского управления в департамент полиции, 23 января 1905 г.[2]

13 января в 6 ч. утра ко мне по уцелевшему проводу дежурный агент центральной телефонной станции Николай Ивашкевич сообщил, что только что к нему на станцию ворвалось 5 или 8 человек, якобы рабочих, лица и руки которых, видимо нарочно, были замазаны черным, но личности были несомненно интеллигентные. Прибывшие задержали Ивашкевича, грозили револьвером, если он двинется, а один из них топором начал сбивать кнопки для соединения проводов, а затем перерубать и самые провода, часть которых была испорчена, после чего нападавшие скрылись, никем не задержанные. У двух сторожей внизу в то же время стояли трое лиц, не допустивших их дать куда-либо знать...

Спустя полчаса после посещения телефонной станции группа неизвестных лиц 25—30 человек ворвалась на крупнейший завод акционерного общества «Беккер и К°» и согнав рабочих вывела их на улицу, погасили огни, спустили пар, затем часть забастовавших рабочих и толпы прошла на соседний завод «Везувий», где также заставила бросить работы, угрожая палками, кусками железа, камнями; другая

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 13, л. 7.
[2] ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 13, л. 47—50.

же часть с криками, гамом и звуками рожка направилась к железнодорожным мастерским Либаво-Роменской ж. д. и там сняла рабочих. Толпа шла с красным большим флагом. После этого забастовали все заводы и фабрики г. Либавы, ремесленные заведения (около 60), обе типографии местных газет, «Либавского вестника» и немецкой, куда последовательно являлись толпы стачечников и прекращали работы.

Около половины 10-го утра, когда толпа с красным флагом и пением шла от скотобойни Зелигмана и Марриота и проходила по площади у Газенпотского вокзала, она встретила подчиненного мне унтер-офицера Христиана Рушевица, бывшего в этот день одним из дежурных по торговому порту. Пока не выяснено с точностью, что произошло; по некоторым рассказам ун.-оф. Рушевиц бросился выхватить флаг, по другим, увидя его, пять человек (также с вымазанными лицами) окружили его, сорвали казенный револьвер, бывший при нем, как у дежурного, и начали бить, пригнув к земле, а когда он вырвался и бросился к близ стоящему пароходу «Эклиптика», то в него произведено было пять выстрелов...

Толпа прошла по северной стороне канала гавани, прогнав портовых рабочих с судов и погрузки, которые в большинстве присоединились к толпе.

К этому времени выведены были на определенные места войска, но, заняв городской мост, они не поспели к большому железнодорожному мосту, и толпы рабочих с криками, гамом, перешли в старый город частью по этому мосту, частью по льду замерзшего Либавского озера. Паника охватила базар и ближайшие магазины.

Толпы прошли к фабрикам и типографиям на этой стороне. Затем центральная группа спустилась на Вилавское озеро, где несколько ораторов произнесли речи, сделали распоряжения на следующий день, и после этого толпа двинулась в Новую Либаву, где большая часть, собственно рабочих, пошла по домам...

В пятницу 14 января утром, прибыл в Либаву г. курляндский губернатор, и, ввиду выяснившегося крайнего недостатка наличных в Либаве войск, обратился к командующему войсками Виленского военного округа о высылке войск. Явный недостаток вооруженной силы, разбитой к тому же по отдельным местам в виде охранных караулов (банки, казначейство, почта и др.) повел к тому, что войска в первые два дня только следовали за толпой, не решаясь задерживать ее и не имея распоряжения употреблять в дело оружия против скопищ в несколько тысяч человек.

Демонстрантами в первый же день поднят был большой красный с лентами флаг с надписями по латышски: «Долой войну! Да здравствует 8-ми час. рабочий день! Да здравствует генеральная стачка!». Разбрасывались массами прокламации печатанные и гектографированные и пелись революционные песни (вроде марша «Красное знамя»), раздавались крики: «Долой самодержавие!» — «Долой царя!».

В пятницу вечером и субботу (14,15) те же толпы шумно ходили по городу, не допуская никаких работ на фабриках и заводах, и с насилиями сгоняли рабочих в тех местах, где производилась какая-либо работа (например, в типографии Мейера).

Того же числа прибыл из г. Вильно помощник командующего войсками Виленского военного округа, ген.-лейт. Кршивицкий, вступивший в и. д. начальника гарнизона.

За эти дни издано было г. губернатором три объявления с обращением к населению и стачечникам.

14-го же числа появились небольшие гектографированные прокламации со штемпелем «Либавского комитета Латышской социал-демократической рабочей партии», излагавшие восемь пунктов требований

стачечников, заканчивающиеся словами: «Смерть варварам! Долой самодержавие! Да здравствует генеральная стачка!».

Электрическое освещение в городе, благодаря охране центральной станции, действовало; газовое, прекратившееся 13 и 14-го числа, 15-го имелось, но по распоряжению полиции, фонари зажигались домовладельцами. Телефон к 14-му числу был почти исправлен. 13 и 14 числа по линии Либаво-Роменской ж. д. на 9-й и 13-й верстах подпилены были телеграфные столбы и порваны провода правительственной и железнодорожной линий; первый восстановлялся почти немедленно (дважды), второй же почти два дня бездействовал.

В субботу (15) прибыл из Митавы Виндавский пех. полк, затем два эскадрона 7-го драгунского Новороссийского полка, а в воскресенье утром два батальона Новотроицкого пех. полка и два пеших полевых орудия (последние специально для охраны крепости).

За эти дни трамвай по улицам не ходил. Вечером толпа принудила закрыть местные пекарни и кондитерскую Бонница.

16-го числа, в воскресенье, толпы начали группироваться на площади Анненской латышской церкви (старый базар) и после богослужения направились на Сенную площадь, где, разбросав массу прокламаций, подняв красный флаг, двинулись общей толпой по Береговой улице с криками, желая пройти по старой Либаве, но подоспевшими в это время войсками были загнаны на берег моря, где спустя некоторое время окружены в количестве более 600 человек, при чем, однако, многие успели скрыться через забор, граничащий с городской больницей.

Из числа задержанных по указаниям чинов полиции и войск отделено было 57 чел., якобы из центра толпы, которые после обыска на месте были препровождены в местную тюрьму, остальные по одиночке проверялись и обыскивались чинами полиции, мною и подчиненными мне унтер-офицерами, причем из числа их арестовано еще 30 чел., всего 87 лиц.

В толпе взят красный флаг, несколько ножей, кинжалов, палок, револьверов, боевых патронов, причем большую часть оружия демонстранты успели выбросить или в море или за забор Городской больницы, где оно было расхищено посторонними лицами.

С воскресенья по сие число (16—23) на большой части фабрик и заводов забастовка продолжается, убытки весьма значительны, экспорт прекратился, в торговой гавани более 42-х пароходов ожидают нагрузки.

К предыдущим требованиям рабочих присоединено требование о надбавке заработной платы вообще на 20%.

С 16-го числа демонстраций политического характера не наблюдалось, остался неразрешенным экономический вопрос. Войска в городе. Циркулируют слухи о могущих возникнуть демонстрациях или немедленно по уходе войск (в особенности «Красных шапок», т. е. драгун), или при длительном неразрешении экономических вопросов, или же, наконец, о переносе беспорядков на 1 мая (17 апреля); упорно держится слух о готовящемся разносе моей канцелярии.

Войска огнестрельного оружия пока в дело не употребляли, но прикладами и штыками разгоняли толпы, серьезно раненых до сего не выяснено.

На заводах и фабриках вывешено объявление о категорическом приглашении рабочих стать на работы 25-го числа, а неявившиеся с этого числа будут уволены. На своих совещаниях фабриканты постановили никаких уступок не делать, требований об уплате денег за дни забастовки не удовлетворять.

Подполковник Мезенцев.

Из донесения помощника начальника Курляндского губернского жандармского управления в департамент полиции, 30 апреля 1905 г.[1]

С сего 30 апреля в Либаве прекратили работы все без исключения фабрики, заводы и оба порта торговый и военный императора Александра III. Рабочие пока совершенно мирно оставили работы, где полагалось, получили платежи и заявили, что начинают с сегодня празднование 1 мая, а так как оно пришлось в текущем году на воскресный день, то дабы это не сочли обычным праздничным днем, будут праздновать еще и 2-е число, понедельник.

Сегодня уже рабочие группами гуляют по улицам, пока не нарушая порядка. В военном порту, где при выдаче срочных платежей рабочие требовали прибавок, им таковые сделаны, и они большой толпой, выкинув русские национальные флаги, с пением пошли в город по домам.

Об изложенном имею честь доложить департаменту полиции.

Подполковник Мезенцев.

Из донесения пом. начальника Курляндского губернского жандармского управления в департамент полиции, 13 мая 1905 г.[2]

За последний период забастовки фабричных рабочих в Либаве не прекращаются, одновременно бастовали все заводы, затем часть приступала к работам, снова их бросала и ныне работают некоторые только заводы, в том числе крупнейший Проволочный. Приказчики бастовали полностью только три дня, ныне большинство приступило к работам. Стачка извозчиков пока не приведена в исполнение, они желают праздничного отдыха и вознаграждения от чинов полиции и возмещения убытков при порче этими седоками обивки и пр. экипажей. Портовые рабочие не бастовали.

Во время забастовки рабочих железоделательного завода «Везувий» кем-то с ночи прикреплен был красный флаг с надписями: «Да здравствует революция» и «Долой самодержавие» — на самом верху заводской трубы, который и провисел полдня, пока не был снят чинами полиции под охраной казаков.

12 мая происходили похороны одной из работниц Пробочной фабрики на Барнбушском кладбище, чем воспользовались рабочие, устроив демонстрацию на кладбище, разбрасывали прокламации, возложили венок с красными лентами, а затем толпой более 1 500 чел. отправились по городу, распевая революционные песни. Ни полиция, ни казаки не препятствовали движению.

Подполковник Мезенцев.

Доклад курляндского губернатора министру внутренних дел, 21 мая 1905 г.[3]

Беспорядки, вызываемые забастовками, как сельских рабочих, так и фабричных, во вверенной моему управлению губернии все еще не только не прекратились, но в последние дни даже снова возобновились и начинают принимать все большие и большие размеры.

Особенно острую форму имеют движения рабочих в городах Виндаве, Либаве и Митаве.

В Виндаве забастовали каменщики, в Либаве работы продолжаются лишь на нескольких фабриках, в Митаве же снова забастовали рабо-

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 13, л. 93.
[2] ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 13, л. 95.
[3] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2650, ч. 8, л. 24.

чие с фабрики Крамера, до сих пор являвшиеся вожаками в деле забастовки рабочих в гор. Митаве.

Забастовавшие рабочие, не имея занятий, собираются в толпы и производят демонстрации.

В Виндаве, опасаясь насилия со стороны забастовщиков, считаю нужным усилить находящийся там военный отряд присылкой в город драгун. В Либаве для рассеяния толпы необходимо было прибегнуть к вызову войск, причем, при водворении порядка, было ранено четыре человека, а в полицеймейстера произведено несколько выстрелов. В Митаве забастовавшие рабочие, хотя и ведут себя пока еще сравнительно спокойно, но рассчитывать на возможность поддержать порядок одними полицейскими силами нельзя и здесь и спокойного течения жизни можно достигнуть лишь при помощи военной силы.

Представляя об изложенном на благоусмотрение вашего высокопревосходительства, сообщаю, что я с своей стороны нахожу безусловно необходимым дальнейшее пребывание в губернии войсковых частей, призванных для содействия гражданским властям в деле охранения порядка и спокойствия от нарушения их забастовщиками.

Управляющий канцелярией Мауринг.

Телеграмма курляндского губернатора товарищу министра внутренних дел, 27 июля 1905 г.[1]

Начавшиеся вчера крупные беспорядки в Митавском, Баусском и Туккумском уездах принимают до такой степени охватывающие всю эту местность направления, что местных войсковых средств оказывается далеко недостаточно. В случае прибытия сильных, прошенных[2] конных частей положение может измениться. Все что можно, не ослабляя защищенность города Митавы, начальником гарнизона выпущено, причем сделана, по моему мнению, ошибка в том, что из числа прибывшего в воскресенье в Митаву Виндавского полка две роты направлены для замены ранее поступивших рот Донданген Экенграф. По дошедшим сведениям, недалеко от Ковенской границы вчера собралась из разных сторон толпа в несколько тысяч человек. В направленный туда взвод казаков было в лесу сделано до 60 выстрелов ружейных. Казаки дали пять залпов, причем часть толпы рассеялась, остальная засела в лесу, туда отправлена одна рота. По сведениям раненых с обеих сторон не было. Произошло это вчера при наступлении сумерок. Сегодня железнодорожный жандармский надзор сообщил, что по Виндавской железной дороге движется толпа, разрушая полотно и телеграф. Замещающий подполковника Петрова направлен начальнику гарнизона на предмет отправления туда экстренного поезда с воинской частью.

Губернатор Свербеев.

Из телеграммы товарища министра внутренних дел министру внутренних дел, 6 августа 1905 г.[3]

Из совокупности данных, выясняющихся на месте, я прихожу к заключению, что возлагаемые шталмейстером Свербеевым надежды на успокоение [Курляндской] губернии, в зависимости от прибытия новых войсковых частей в Митавский и Баусский уезды, не имеют достаточных оснований. Единственным средством, по моему мнению, являлось бы введение военного положения одновременно с значи-

[1] ДП, о.о., 1905 г., д. № 2550, ч. 8, л. 54.
[2] Так в подлиннике.
[3] ДП, II, 1905 г., д. № 41, ч. 5, л. 8.

тельным усилением средств розыска[1], ибо доныне местным властям не удавалось вовсе обнаруживать ни виновников насилий, ни революционной организации.

Ватаци.

Из рапорта коменданта Либавской крепости Курляндскому временному генерал-губернатору, 21 октября 1905 г.[2]

О событиях в Либаве за истекшую неделю с 17-го сего октября имею честь доложить вашему превосходительству нижеследующее.

Настроение в Либаве продолжало оставаться крайне тревожным еще со времени 9-й частной мобилизации, т. е. с половины августа[3]. Данный 20 августа войсками гарнизона нагло бесчинствующим революционерам кровавый урок первоначально несколько их озадачил, но затем отсутствие на месте скорого суда и известные недостатки полиции дали им возможность очнуться, почему уже в начале октября стали заметными признаки быстрого пробуждения их антиправительственной деятельности. В половине же октября стали повсюду циркулировать тревожные слухи об общей забастовке и о возможности со стороны революционных элементов активных действий в виде насилий, нападений и бесчинств.

Эти обстоятельства побудили меня еще 15 октября созвать совещание из начальников крепостных управлений и штаба и командиров 178 пехотного Венденского полка и Либавского крепостного батальона. На этом совещании был разработан план действий войск гарнизона и общей тревоги, сигналом для которой должны были послужить 6 боевых выстрелов из орудий Канэ на батарее № 6. По этому сигналу все войска Либавского гарнизона должны были выступить из казарм и двигаться по заранее выработанным указаниям начальников охранных отрядов в Новой и Старой Либаве. При общей тревоге имелось в виду привлечь и 2 роты флотских экипажей из порта императора Александра III и 2 эскадрона Смоленских драгун, расположенных в вышеназванном порту и в городе Гробине. Дабы сохранить все приготовления в тайне и подействовать в нужную минуту на мятежников ошеломляющим образом, все подготовительные распоряжения были отданы словесно.

Необходимость заблаговременно выработанного плана подавления бесчинства революционных элементов скоро оправдалась.

Уже с 17 октября вечером быстро распространились слухи о высочайшем манифесте, даровавшем русским гражданам новые права: революционеры собрались на совещания и объявили на 18 октября общую забастовку.

Рано утром 18 октября в Новой Либаве быстро образовались огромные толпы с намерением двинуться на Старую Либаву. Тогда я объ-

---

[1] В Курляндской губернии военное положение было введено 6 августа 1905 г.

[2] ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 51, л. 16.

[3] 16 августа 1905 года в Либаве, в связи с русско-японской войной, была объявлена очередная мобилизация запасных ратников ополчения, в этот же день в знак протеста против мобилизации забастовали рабочие всех либавских предприятий, объявив всеобщую политическую забастовку. Состоялись многотысячные митинги и демонстрации рабочих под лозунгами «Долой самодержавие», «Долой мобилизацию». 20 августа из Либавы отправлялась партия мобилизованных, выйдя из сборного пункта, призывники совместно с провожающими их организовали демонстрацию с пением революционных песен, выкинув красные флаги. Произошло столкновение демонстрантов с войсками. Пустив в ход обнаженные шашки, казаки разгоняли демонстрантов, избивая женщин и детей. В ответ на одиночный провокационный выстрел из окна одного из домов войсками было дано несколько залпов, в результате 10 убитых и 60 раненых.

явил тревогу и, вслед за орудийными выстрелами с батареи № 6, все войска гарнизона мгновенно и с разных сторон выступили к намеченным пунктам. Первые натиски толпы были остановлены донскими казаками под начальством есаула Коробченко, причем был ранен 1 казак и одна казачья лошадь, а из толпы были ранены несколько человек. Затем революционеры, видя и встречая повсюду полную готовность войск, к коим были приданы и пулеметы, далее итти не решились и обратили свои сборища в митинги возле железнодорожных мастерских, на которых собрались также и фабричные рабочие и железнодорожные служащие...

Подобные митинги продолжались возле железнодорожных мастерских 19, 20 и 22 октября.

В эти же дни продолжалась и общая забастовка: железные дороги, трамвай, извозчики и типографии не работали, торговли закрывались, были попытки принудить закрыть и гостиницы, а врывавшиеся в частные дома революционеры заставляли прислугу итти на митинги: улицы по окончании митингов наполнялись толпами с красными флагами и ораторами, произносившими возбуждающие революционные речи, эти ораторы позволяли себе обращаться с речами даже непосредственно к войскам и только удивительные такт и самообладание войск не довели дела до кровавых столкновений. В толпу входили и забастовавшие воспитанники местных гимназий, реального и, особенно, коммерческого училищ. Постоянная готовность войск дать толпе отпор и охрана наиболее важных учреждений (банков, электрической и телефонной станций, газового завода, некоторых консульств, почты и телеграфа и т. п.) поддерживали в городе относительный порядок и не допускали до крупных насилий и бесчинств, причем войска действовали преимущественно напором и прикладами.

Из событий этих дней заслуживает внимания случай вызова войск 19 октября для охраны Николаевской классической гимназии.

В средне-учебных заведениях Либавы занятия учащихся прекратились еще 14 октября. Начало забастовке подало коммерческое училище, среди воспитанников которого более 40% евреев. С этого времени настроение учащихся было крайне возбужденным.

19 октября, около 4 часов дня, толпа из 500 человек, на половину учащихся, наполовину посторонних двинулась из Новой Либавы в Старую к зданию Николаевской классической гимназии. Проникнуть в здание через закрытый парадный ход толпе не удалось, почему часть толпы проникла на гимназический двор через ворота в деревянном заборе. Приближение толпы заставило директора гимназии г. Смирнягина, опасавшегося насилий, предупредить о движении толпы 2-й полицейский участок, а затем когда толпа ворвалась во двор, потребовать и военной защиты против насилий. Пристав 2-го участка через городового потребовал от бывшей при участке в наряде полуроты 178 пехотного Венденского полка отправления военной силы для охраны гимназии, вследствие этого к последней отправился 1 взвод под командой офицера. Прибыв на место происшествия, взвод увидел, что во дворе гимназии уже находилась ворвавшаяся толпа в 250 человек, которая шумела. Офицер, не прибегая к насильственным действиям, начал уговаривать толпу разойтись; толпа же, по преимуществу посторонние лица, окружила офицера, отделила его от взвода и с криками и угрожающими жестами стала требовать немедленного удаления военной силы. Видя своего офицера отрезанным и в опасности и уже слыша крики «бери его», нижние чины бросились на выручку своего начальника, действуя против толпы напором и прикладами. Никаких других насильственных действий со стороны взвода не

было, но, тем не менее, руководившие толпой агитаторы (из посторонних лиц, учащихся и даже учителей) обвинили войска в избиении учащихся штыками. Вследствие этого, возбужденная толпа отправила ко мне нескольких человек с протестом против действий войск и с требованием удаления взвода из двора гимназии. Для выяснения обстоятельства дела я командировал на место происшествия начальника инженеров крепости, генерал-майора Порошина, который и успокоил толпу.

Произведенное после подробное дознание выяснило совершенно корректное поведение офицера и его взвода. При этом оказалось, что вызвавшая войска полиция не имела на месте происшествия своего представителя, за исключением постового городового.

В вышеуказанные дни с 19 по 21 октября включительно на митингах собирались до 25—30 тысяч, часть которых составляли любопытствующие из населения, а равно и притянутые на сходку насильно; на митингах принимали участие и ученики местных средне-учебных заведений...

Старший адъютант капитан Толоконников.

Выписка из «возражений» на запрос членов Государственной думы министрам: внутренних дел, военному, морскому и юстиции, по поводу правительственных репрессий в Прибалтике в 1905—1906 г.г. от 18 октября 1910 г.[1]

24 ноября 1905 года последовал высочайший указ об учреждении временного Прибалтийского генерал-губернаторства и на должность генерал-губернатора назначен 4 декабря генерал-лейтенант Соллогуб, за перерывом сообщения, кружным путем через Двинск, Штокмансгоф и Ремерсгоф.

Одновременно с сим министерство внутренних дел вошло в сношение с военным министерством о немедленном командировании в Лифляндскую губернию для подавления крестьянского бунта свободных воинских частей Петербургского военного округа, а по всеподданнейшему докладу управляющим министерством внутренних дел сенатором Дурново телеграммы лифляндского губернатора о том, что войска при столкновениях с мятежниками несут потери офицерами и нижними чинами, последовала высочайшая резолюция: «Не следует дробить войска мелкими частями, а держать их вместе и действовать решительно».

В виду слабого состава частей — 20—40 человек в ротах, эскадронах и сотнях — для подавления вооруженного восстания в Прибалтийском крае были организованы в декабре 1905 года следующие отдельные экспедиционные отряды:

1) Северный, под командой свиты его величества генерал-майора Орлова, в составе 1 батальона пехоты, 8 эскадронов конницы, 6 орудий и 4 пулеметов, для действий в Валкском, Вольмарском и Венденском уездах Лифляндской губернии.

2) Южный, под начальством генерал-майора Мейнарда, из 6 эскадронов, 2 сотен и 2 конных орудий, сосредоточенный у Штокмансгофа.

3) Отряд генерал-майора Вендта из 2 батальонов, 2 эскадронов, 6 орудий и 2 пулеметов, расположенный в окрестностях Крейцбурга и предназначенный специально для восстановления движения по Риго-Орловской железной дороге.

---

[1] ДП, IV, 1908 г., д. № 231, ч. 2, л. 4.

Заявление 31 члена Государственной думы о запросе министру внутренних дел, военному, морскому и юстиции по поводу правительственных репрессий в Прибалтике в 1905—06 гг. было внесено 2 мая 1908 г.

Кроме того направлены:

1) В Митаву 4 батальона пехоты, 6 эскадронов кавалерии и 2 батареи артиллерии.

2) В Эстляндскую губернию — 2 батальона моряков с пулеметами.

3) На остров Эзель, по высочайшему повелению 24 декабря 1905 года, отряд моряков в 218 человек с 2 пулеметами при 8 офицерах.

4) На станцию «Пыталово», для наблюдения за примыкающим к ней участком Варшавской железной дороги, отряд есаула Граббе, в составе 2 рот пехоты и 1 сотни казаков при 2-х пулеметах.

Командированные военные отряды, принадлежа к различным войсковым частям, прибывали в охваченные восстанием местности на короткое время и по прекращении беспорядков получали другое назначение, а на смену их формировались новые отряды.

Все эти отряды руководствовались в своих действиях инструкциями временного Прибалтийского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Соллогуба, которые разновременно дополнялись высочайшими указаниями, постановлениями совета министров и разъяснениями тогдашнего председателя совета министров графа Витте.

Впоследствии малочисленность полиции и нерешительность уездных властей, обращение населения к военным начальникам и необходимость производства целого ряда дознаний с направлением их к судебным властям вынудила генерал-лейтенанта Соллогуба расширить полномочия отрядных начальников и предоставить им, на основании статей 19 и 21 военного положения, генерал-губернаторские права и обязанности. Таким образом, в крае, независимо от временного прибалтийского генерал-губернатора, стали действовать на одинаковых с ним правах: 1) начальник Северного отряда генерал-майор Орлов, 2) начальник войск в Юрьевском и Феллинском уездах генерал-майор Клоченко, 3) начальник Виленского летучего отряда генерал-майор Вендт. Кроме того, в некоторой части Лифляндской губернии был снабжен теми же правами губернатор и продолжены были полномочия курляндского и эстляндского генерал-губернаторов.

Во исполнение этих указаний военные отряды прибегали, в случае надобности, к воздействию строгими мерами, имея в виду главную цель своего назначения — восстановление правительственной власти и водворение спокойствия в крае.

Всего за время действия отрядов в 1905—1907 годах убито 625 мятежников... [1]

---

[1] Эти так называемые «оффициальные» сведения о количестве убитых во время карательных экспедиций в Прибалтике ни в какой степени не соответствуют действительности. Достаточно указать, что с первых дней выступления прибалтийского пролетариата в 1905 году, в январские дни, только в одной Риге было убито 80 человек и ранено 300. Там же в июльские дни 1905 года было убито 52 человека и ранено 117 (см. газету «Вперед» № 5 и «Пролетарий» № 13 от 9/I ст. ст. 1905 г.).

Эта «сводка» совершенно умалчивает о тысячах революционеров Прибалтики, преследуемых царизмом и погибших в тюрьмах и ссылках.

К истории революции 1905—1907 гг. в Белоруссии

Первая революция в России в 1905—1907 гг.— это героическая эпоха борьбы в истории нашей страны.

Начиная с кровавого воскресенья — 9 января, революционное движение охватило всю страну, идя на подъем через всеобщую октябрьскую политическую стачку к декабрьскому вооруженному восстанию.

Рабочий класс крупнейших промышленных центров России — Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенска, Баку, Лодзи, Одессы, Варшавы, Донбасса — был инициатором движения, за которым поднимались на борьбу рабочие и крестьяне других областей и городов.

Вдохновленные революционными событиями в центре страны, рабочие и крестьяне Белоруссии, под руководством большевистской партии, выступили на борьбу против самодержавия.

Известие о кровавом воскресенье — 9 января в Петербурге вызвало массовую волну протеста в Белоруссии.

Движением были охвачены почти все города и местечки, но наиболее решительно выступали рабочие Минска, Гомеля, Полоцка, Могилева, Лиды, Сморгони, Витебска, Белостока, Гродно и др.

«Большевики звали массы к вооруженному восстанию против царя и помещиков, разъясняли им его неизбежность. Не покладая рук, большевики подготовляли вооруженное восстание. Велась революционная работа среди солдат и матросов, были созданы в армии военные организации партии» [1].

Полесский комитет РСДРП, Минская, Брест-Литовская и др. социал-демократические организации, руководимые большевиками, призывали и организовывали рабочих на борьбу — выпускали прокламации, разъясняли рабочим, крестьянам и солдатам задачи политической борьбы, неизбежность вооруженного восстания.

За январскими политическими стачками и демонстрациями прокатилась широкая волна массового революционного движения рабочих и крестьян, развивавшегося вширь и вглубь.

Публикуемые документы отражают лишь отдельные эпизоды массовой борьбы рабочих, крестьян и солдат в Белоруссии в первой русской революции и охватывают период, начиная с предреволюционных событий и кончая августом 1906 г.— моментом упадка революции.

История революционного движения 1905—1907 гг. в Белоруссии довольно полно отражена в ряде сборников документов и статей.

Однако часть сборников («1905 г. у Беларуси»; «Зборник архиуных дакумэнтау» Мэнск, 1925 г.; «Соцыялістычны рух на Беларусі у прокламацыях 1905 г.» Мэнск, 1927 г.)— являются сырым материалом.

Другие сборники, как например: «1905 г. в Белоруссии. Сб. статей и воспоминаний и материалов под ред. М. Шульмана» Минск 1925 г., «1905 г. в Гомеле и Полесском районе» под редакцией Истпартотдела и др.,— освещают лишь отдельные районы Белоруссии и ни в какой мере не могут дать полной картины революции 1905—1907 гг. в Белоруссии.

---

[1] «История ВКП(б)», краткий курс, стр. 77.

Настоящая же публикация включает в себя лишь отдельные неопубликованные документы, по преимуществу жандармские донесения и часть прокламаций с.-д. организаций и имеет вспомогательное значение для изучения истории революции 1905—1907 гг. в Белоруссии.

Рабочий класс и крестьянство Белоруссии, боровшиеся против царизма в первой революции, добились своего окончательного освобождения после Великой Октябрьской революции.

Однако западная часть Белоруссии еще на протяжении 21 года угнеталась польскими панами.

Восстановить в памяти историю героической борьбы рабочих и крестьян Белоруссии особенно важно теперь, после того как 17 сентября 1939 г. открылась новая страница в жизни народов Западной Белоруссии, освобожденной с помощью великого советского народа от польских панов и воссоединенной с Советским Союзом для строительства новой жизни.

А. Кобяко.

Отношение гродненского губернатора министру внутренних дел, 18 февраля 1904 г.[1].

8 сего февраля, вечером, в лесу частного имения Крынок, расположенного на расстоянии 1½ верст от местечка того же наименования Гродненского уезда, произошла сходка рабочих крынских кожевенных заводов, в которой, кроме сих последних, приняли участие и женщины-ремесленницы и прислуга, всего более 300 человек. Во время этой сходки были произнесены речи, подстрекавшие участников сходки к противодействию мерам правительственных органов. По окончании речей собрание разошлось с криками «ура» и «долой полицию и жандармерию», причем одним из участников был произведен выстрел из револьвера. Полицейским дознанием пока установлены личности только 23 участников означенного сходбища, которые и подвергнуты мною, в административном порядке, за нарушение 2 п., изданного главным начальником края 1 ноября прошлого года обязательного постановления, аресту при полиции: 15 мужчин рабочих — на трехнедельный срок, 6 женщин — на двухнедельный и двое мужчин, уличенных вторично в нарушении того же пункта упомянутого обязательного постановления, на полуторамесячный срок.

Об изложенном считаю долгом донести до сведения вашего высокопревосходительства.

Губернатор Осоргин.

Отношение минского губернатора в департамент полиции, 15 апреля 1904 г.[2]

Имею честь сообщить департаменту полиции, что в городе Бобруйске подмастерья и рабочие мужских и дамских портных, а также рабочие портнихи с 25 числа истекшего марта прекратили работу, предъявив к своим хозяевам требования о том, чтобы рабочий день был ограничен временем с 7 часов утра до 7-ми часов вечера с двухчасовым перерывом на обед и чтобы заработная плата производилась не от сработанной штуки платья, как это было до сих пор, а понедельно или помесячно, независимо от того, будет-ли у хозяев работа или нет, при чем размер определялся бы не хозяевами, а самими рабочими. На эти требования портные-хозяева не согласились, и, с целью выдержать стачку, рабочие предполагают создать между собою рабочую артель и открыть в городе мастерскую.

---

[1] ДП, о. о., 1904 г., д. № 4, ч. 12, л. 4.
[2] Там же, ч. 7, л. 9.

Впоследствии к стачке примкнули рабочие булочники, потребовавшие от хозяев, чтобы выпечка хлеба производилась исключительно днем от 7 часов утра до 7 часов вечера[1].

Всех забастовавших рабочих евреев около 350 человек, которые до сих пор никаких насилий не позволили себе.

За губернатора, начальник управления земледелия
и государственных имуществ Базилевич.

Из донесения Гродненского губернского жандармского управления в департамент полиции, 3 мая 1904 г.[2]

Празднование рабочими дня 1 мая (18 апреля) сего года во вверенном мне районе в общем прошло спокойно и никаких крупных беспорядков или демонстраций не было. Тем не менее нельзя сказать, что рабочее население, в особенности еврейское, было спокойно, так как в нижепоименованных местностях Гродненской губернии проявились некоторые факты, указывающие на усилия подпольной агитации к побуждению рабочих демонстративно праздновать 1 мая:

гор. Гродно.— В течение 16, 17 и 18 апреля, в разных частях города, были обнаружены чинами управления и полицией разбросанными 232 экземпляра преступного содержания воззваний... В воззваниях этих приглашались рабочие к празднованию дня 1 мая. В этот день, с утра, все рабочие на фабриках явились на работу, но после обеда на фабриках — переплетной Харина и альбомной «Неманской» работ не было, за неявкой рабочих. На улицах и в садах сборищ не было.

гор. Белосток.— День 1 мая прошел спокойно и только 21 апреля по Суражской улице собралась толпа евреев, человек около 200, и на предложение городового Димидюка разойтись, из толпы бросали в него камни и кричали «Бей их, ура». Когда-же городовой произвел выстрел, толпа разошлась.

гор. Слоним.— 18 апреля сего года фабрики, заводы и мастерские остановились, так как рабочие не прибыли на работу. С раннего утра на дамбе реки Шары собралась толпа, которая требование полиции разойтись не исполнила, а при рассеянии нанесла незначительные удары полицейскому надзирателю Розенталю, сделавшему при этом несколько выстрелов вверх, не задев никого. Около 8 часов вечера, в этот же день толпа вновь собралась в городском саду и при требовании исправника разойтись вышла из сада, направляясь по Мясницкой улице с криком «ура» и редкими криками «долой самодержавие», и разошлась по домам, 19-го же апреля все рабочие в городе стали на работу в обычное время.

г. Волковыск.— Все без исключения рабочие праздновали день 1 мая, не явившись на работы, но и не нарушая общественного порядка и спокойствия.

В м. Ружаны, Слонимского уезда, не работала на фабриках и заводах только небольшая часть рабочих (все евреи).

В м. Крынках и Озерах, Гродненского уезда, в ночь с 17 на

[1] В Бобруйске большую работу проводила Бобруйская группа РСДРП, входившая в состав Северо-Западного комитета. После проведенной в апреле забастовки портных и пекарей 3 мая произошел разгром социал-демократической типографии, арест 7 членов организации и повсеместные обыски (ДП, о. о., 1904 г., д. № 15, ч. 30, л. 110). Несмотря на это, в следующем месяце организация была восстановлена и вновь приступила к работе, выпустив прокламацию «К народу» по поводу русско-японской войны. Прокламация распространилась в ночь на 6 июля в селах Новые и Старые Дороги, Горки и на ст. Старые Дороги Минской губ. (ДП, о. о., 1904 г., д. № 5, ч. 30; л. 156).

[2] ДП, о. о., 1904 г., д. № 4, ч. 12, лл. 5—6.

18 сего апреля, были обнаружены разбросанными преступного содержания печатанное на еврейском языке воззвание «К рабочим» о праздновании 1 мая, но работы на фабриках продолжались.

В м. Заблудове, Белостокского уезда, 18 апреля сего года были обнаружены прибитыми на улице два с преступными надписями флага, о чем было донесено департаменту 24 минувшего апреля, за № 2542.

День 1 мая сего года (по старому стилю) прошел спокойно и сведений о каких либо беспорядках или демонстрациях не имеется.

Генерал-майор Пацевич.

Из отношения минского губернатора в департамент полиции, 9 мая 1904 г.[1]

8-го сего мая, в 5 часов пополудни, получены были сведения, что в лесу помещика Ваньковича, вблизи урочища «Зеленый Луг» в пяти верстах от города, еврейские рабочие города Минска устроили сходку численностью до 300 человек[2].

Немедленно полицмейстером посланы были к месту сходки 2 пристава, 3 помощника и 40 человек городовых на трех фургонах, взятых из пожарного обоза, а также трое верховых. Кроме того, к месту сходки выехал уездный исправник. Прибывшими на место в 5½ часов чинами полиции собравшиеся на сходку с палками в руках рабочие до 300 человек были рассеяны и независимо от сего до 10 часов вечера установлено было наблюдение в лесу Ваньковича, дабы сходка не собралась бы вновь[3].

И. д. губернатора, вице-губернатор Вельяминов.

Прокламация Полесского комитета РСДРП, май 1904 г.[4]

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

По поводу гомельской демонстрации.

Суббота 8-го и понедельник 10 мая останутся надолго памятными всему гомельскому населению, но пусть эти дни особенно врежутся в

---

[1] ДП, о. о., 1904 г., д. № 5, ч. 30, л. 111.

[2] В марте 1904 г. оформилась Минская группа РСДРП, входившая в состав Северо-Западного комитета. «Согласно агентурных сведений за 1904 г., Минская группа имела свой местный комитет, сносившийся с другими группами, свою типографию и библиотеку. Члены группы сводились в кружки в пятьдесять человек, в которых велись занятия по экономике и истории, а в подгруппах по политике, причем ораторы произносили речи» (ДП, о. о., 1905 г., д. № 1800, ч. 33, л. 2—3).

[3] На возвращавшихся со сходки рабочих в 9 часов вечера напали городовые, чтобы арестовать кого-нибудь. В отбивавшихся арестованных полиция стреляла, ранив в ребро 20-летнего рабочего (то же дело, л. 112).

[4] Инв. № 3180. Воспроизведено с подлинника, отпечатанного в типографии комитета. На прокламации печать Полесского комитета РСДРП. Департамент полиции в отношении от 14 апреля 1904 г. № 4938 писал начальнику Могилевского губернского жандармского управления: «В г. Гомеле организовалась группа РСДРП, которая присоединилась к Полесскому комитету; хотя некоторые из членов этой группы... четверо интеллигентных лиц и 17 рабочих арестованы, но части организации уцелели и в среде заводских рабочих продолжают свою преступную деятельность (ДП, о. о., 1904 г., д. № 5, ч. 39 л. 779).

Полесский комитет РСДРП организовался в январе 1904 г., объединив Гомельскую, Новозыбковскую и Клинцовскую группы. Затем к нему примкнули Могилевская и Роменская группы. Деятельность комитета распространялась на целый ряд городов и местечек: Орша, Копысь, Шклов, Лоево, Кукуевичи, Добрянка, Ветка, Шерстин, Чечерск, Корма и др.; прекратил свое существование в сентябре 1905 г. по решению районной конференции. В Новозыбкове была поставлена типография комитета, выпускавшая многочисленные прокламации и «Листки Полесского комитета» (вышло 4 №№).

память гомельскому рабочему классу, пусть послужат они ему уроком для его дальнейшей борьбы в союзе со всем российским пролетариатом за счастье всего человечества, за социализм.

В субботу сознательная и передовая часть еврейского и русского пролетариата, рискуя своей свободой и жизнью, вышла на улицу с дружным криком: «долой самодержавие», выразив этим протест против позора и насилия, которые тяготеют над Россией, протест против того порядка, при котором 140 миллионов людей являются лишь крепостными в руках одного человека, вольного над их жизнью и смертью, распоряжающегося их судьбами при помощи наемной своры всяких чиновников.

В понедельник буржуазия под охраной городовых и полицмейстера изыскивала всяческие способы укрепить и усилить этот произвол и насилие, придти на помощь российскому самодержавию шпионством, увеличением числа полицейских и денежными пособиями.

В субботу лучшая часть гомельского рабочего класса выставила на своем красном знамени требование политической свободы, которая дала бы возможность рабочим вступить в открытую борьбу с своим непримиримым врагом — хозяевами-капиталистами, избавила бы весь народ от взяточничества чиновников и насилия полиции и жандармерии.

В понедельник буржуазия, испугавшись угрозы полицейских чиновников отвечать погромом на демонстрацию, что стало практиковать наше правительство еще с прошлого года, предлагала средства борьбы не за, а против политической свободы.

В субботу русский и еврейский пролетариат в Гомеле выступили с протестом против войны, которая уже принесла русскому народу смерть многих тысяч людей, разорение десятков тысяч хозяйств, потерю сотен миллионов народных денег, поборы на Красный крест, на усиление флота, на памятники погибшим героям, уменьшение заработка, а еще чаще — полную потерю его. Нужда, голод, лишение покрыли всю Россию по милости нашего чиновнического правительства.

В понедельник буржуазия, выступив на борьбу с пролетариатом, этим самым показала свою холопскую трусливость, не позволяющую ей заявить свой протест даже против того, что ей самой приносит невзгоды, а подчас и разорение.

В субботу гомельский пролетариат, начертав на своем знамени «да здравствует социализм», указал всему народу на ту конечную цель всеобщего счастья, когда не будет места ни безысходной бедности рабочего класса, ни безумному богатству эксплуататоров, когда все земли, все фабрики будут принадлежать не единичным личностям, а всему народу, цель, к которой стремятся все рабочие социал-демократы.

В понедельник капиталисты во главе с правительственным агентом в лице гомельского полицмейстера совещались о средствах борьбы за гнет и порабощение трудящегося класса и за свое господство над ним, за возможность богачам и чиновникам пировать на счет пота и крови рабочих и крестьян.

В субботу выступила, к сожалению, только незначительная часть русского пролетариата, а в понедельник восседала одна еврейская буржуазия[1]. Это объясняется именно незначительностью русского пролетариата, вышедшего на демонстрацию, что дало повод полиции угрожать еврейской буржуазии погромом.

[1] Еврейская буржуазия и обыватели боялись, что следствием демонстрации явится погром, поэтому на собраниях 10 мая в понедельник «отцы города» решили пожертвовать на содержание отряда конной полиции 4000 руб., а местная либеральная еврейская интеллигенция отказалась в дальнейшем от пожертвований в пользу революционных организаций.

Мы же российские социал-демократы твердо надеемся, что по мере дальнейшего роста сознания русского пролетариата, он рука об руку с пролетариатом других национальностей пойдет на борьбу с общим врагом, с царским правительством и капиталистами, и тогда раздастся победный крик.

Да здравствует политическая свобода!

Да здравствует международная социал-демократия!

Полесский комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

Отношение прокурора Виленской судебной палаты во временную канцелярию при министерстве юстиции по производству особых уголовных дел, 10 июня 1904 г. [1]

19 сего мая, в г. Брест-Литовске, вечером собралась значительная толпа гуляющих на местном бульваре. Около 10 часов вечера из этой толпы выделилась группа рабочих человек около ста, причем полиция, боясь с их стороны какой-либо демонстрации, потребовала, чтобы рабочие разошлись. Отступив на несколько шагов от городовых, рабочие-мастеровые стали бросать в полицию палки и камни и, таким образом, нанесли некоторым чинам полиции легкие ушибы. Четырех человек из этой группы рабочих успели задержать, а остальные разбежались. Спустя некоторое время, в том же месте снова стали образовываться небольшие группы рабочих, которые при приближении полицейских разбегались; из числа последних было задержано, однако, еще 13 человек.

Так как по показанию некоторых свидетелей, беспорядок был произведен по предварительному соглашению рабочих и даже, будто-бы, среди собравшихся на бульваре кто-то говорил речь о необходимости отобрать имущество богатых и раздать его бедным, то, по распоряжению начальника Гродненского губернского жандармского управления, сначала было приступлено к исследованию описанного в порядке положения об охране, а затем, по его же распоряжению, начато дознание в порядке 35 ст. Уст. Уг. Суд.

Прокурор судебной палаты Демчинский.

Телеграмма помощника начальника Гродненского губернского жандармского управления в Белостокском и Сокольском уездах в департамент полиции, 13 сентября 1904 г. [2]

12 сентября в девятом часу вечера из Белостокского леса «зверинец», по окончании состоявшейся там сходки рабочих евреев, последние направились к городу с криками «ура» и флагом; при рассеянии демонстранты стреляли в чинов полиции, которые отвечали выстрелами; задержано 28 демонстрантов, из них трое ранены пулями [3].

Ротмистр Грибоедов.

---

[1] МЮ, вр. канц., 1904 г., д. № 18431, л. 1.

[2] ДП, о. о., 1904 г., д. № 5, ч. 40, л. 72.

[3] Из дальнейших сообщений видно, что целью сходки являлось обсуждение экономического положения рабочих и форм протеста против войны. На сходке присутствовало 500 человек (то же дело, л. 75—78).

Прокламация Могилевской организации Полесского комитета РСДРП, январь 1905 г.[1]

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи! Россия переживает ужасные, кровавые дни. Всюду рекой льется русская кровь. В то время, когда сотни тысяч русских людей проливают свою кровь на полях Дальнего востока, здесь в России другая армия, армия сознательных рабочих в Петербурге, Москве, Вильно, Ревеле и многих других городах России проливают свою кровь за свободу России, за обновление нашей родины. И русское правительство их не щадит. Оно убивает русских людей не хуже японцев! Царские полководцы приказывают стрелять в безоружных рабочих и проливают их кровь!

И льется кровь рабочая, льется вольная!

Тысячи рабочих трупов застилают улицы Петербурга. Но рабочие не поддаются, они крепко держат рабочее знамя, свободное знамя. Не будем же и мы, могилевские рабочие, молчать. Пусть и наш голос присоединится к всероссийскому хору, поющему вечную гибель самодержавно-всероссийскому палачу, палачу всех свободных народов.

Ни пули, ни нагайки, ни штыки — ничто нас не может одолеть. Общими силами, товарищи, мы превратим нашу родину — тюрьму в свободную страну.

Вечная славная память петербургским рабочим, проливающим свою кровь за дорогое наше рабочее дело, за счастье, за свободу нашей родины!

Долой самодержавие!

Да здравствует свободная Россия!

Да здравствует революция!

Да здравствует Учредительное собрание!

Товарищи! Основы самодержавия уже сгнили и близок уже момент, когда оно падет, и свободно мы рабочие тогда пойдем к дальнейшим нашим завоеваниям: уничтожим старый капиталистический мир, мир горя и печали, мир, где массы изнуряются непосильным трудом, а кучка капиталистов присваивает себе все продукты труда и купается в роскоши, и устроим новый мир, мир социалистический, мир равенства, братства, свободы и любви.

Долой капиталистов!

Да здравствует восьмичасовой рабочий день!

Да здравствует социализм!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!

Могилевская организация Полесского комитета Российской социал-демократической рабочей партии.

Из донесения начальника Гродненского губернского жандармского управления в департамент полиции, 25 января 1905 г.[2]

17 сего января в м. Крынках, Гродненского уезда, произошла демонстрация, сопровождавшаяся беспорядками, устроенными местными рабочими. Означенное местечко расположено в 24 верстах от ближайшей

[1] Инв. № 8225. Воспроизведено с гектографированного подлинника. Публикуемая прокламация была выпущена 22 января, после многочисленных митингов и собраний, когда забастовка протеста должна была перейти в демонстрацию. 23 января на Ветреной улице полиция и жандармерия устроила кровавую расправу с демонстрантами (Полесский листок № 2, ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 42, л. 21).

[2] ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 21, л. 2—4.

железнодорожной станции «Соколка», в нем находится 11 кожевенных заводов, с 800 рабочими, и много мелких ремесленных заведений, приблизительно с 400 рабочими разных национальностей,— по преимуществу евреев. В местечке 6 000 жителей, из них около 4 500 человек евреев, а остальные христиане; войск нет; состав полиции весьма ограничен, а именно: жандармский унтер-офицер, пристав, два урядника и околоточный надзиратель, который 17 числа был болен и не выходил из дома.

Рабочее население местечка настроения весьма неспокойного, благодаря близости Белостока и влиянию политических агитаторов.

В текущем году, по агентурным указаниям, демонстрации ожидались 1, 6 и 15 января, но благодаря принятым мерам не состоялись. К 15 января из стана были вызваны 4 урядника и до 80 сотских и десятских, которые 17 января, ввиду благополучно прошедших дней 15 и 16 чисел, были утром распущены по домам. В тот же день вдруг стало известно, что 18 числа должна состояться демонстрация. Как ныне установлено, совершенно неожиданно для массы рабочих, после обеда, около 3 часов дня 17 января, кучка рабочих, собравшись в местной синагоге, вышла оттуда с двумя флагами и двинулась по улицам местечка.

К демонстрантам тотчас стали присоединяться прочие рабочие, причем толпа, увеличившись до 500 человек рабочих и сопровождаемая массою любопытных, двинулась к почтово-телеграфному отделению.

Немедленно по получении сведений, губернатором было предложено командиру Углицкого полка о высылке к Крынки одной роты, каковая и прибыла около 11 часов дня 18 числа. Первыми прибывшими в м. Крынки были ротмистр Мацкевич и исправник, причем, по соображении всех обстоятельств события, была вызвана еще одна рота. Когда пришла первая рота, то на улице ее встретила толпа с красным флагом, причем на требование полиции разойтись последняя не расходилась, вследствие чего рота взяла на изготовку; тогда бывшие в толпе стали просить не стрелять, заявляя, что они забастовали, будучи недовольны своими хозяевами, когда же стали обходить патрули, они разбежались.

В последующие дни порядок не нарушался и лавки были открыты. Местные же рабочие разбрелись группами по окрестным местечкам, где и стали разбивать казенные винные лавки, почему для поимки их были вызваны еще две роты, которые, составив из себя небольшие отряды, отправились по местечкам. Отряды эти действительно находили там крынских рабочих, которых и задерживали. Всего до 21 января было арестовано около 70 человек, а теперь еще более.

События 17 января, надо полагать, являются отголоском беспорядков, бывших в С.-Петербурге и Варшаве [1], найдя в кожевенных рабочих усердных исполнителей плана агитаторов. Рабочие до того терроризировали местное население, что пристав уехал из местечка в г. Гродну, якобы для доклада исправнику.— Местные чиновники акцизного ведомства, некоторые помещики и жители по первому требованию буянов выдавали им имевшееся у них оружие и беспрекословно выполняли все их требования.

По слухам, буяны намеревались обезоружить пристава, жандарма и урядника и заставить их впереди толпы нести красные флаги, а при неисполнении этого добровольно — заставить силой.

---

[1] Речь идет о баррикадных боях в Варшаве, закончивших грандиозную забастовку, начавшуюся 14 января в знак протеста против расстрела питерских рабочих.

Судебное следствие по настоящему делу ведется судебным следователем по важнейшим делам Гродненского окружного суда М. И. Ганом [1].

Генерал-майор Пацевич.

Представление прокурора Минского окружного суда министру юстиции, 16 февраля 1905 г. [2]

Доношу вашему превосходительству, что в первых числах февраля началась забастовка рабочих Пинских главных мастерских Полесских железных дорог, причем рабочие предъявили требования: 1) сокращения рабочих часов, 2) увеличения платы за работу, 3) вежливого с ними обращения старших, т. е. мастеров и подмастерьев, 4) чтобы рабочие не могли быть увольняемы и штрафованы без комиссии со стороны рабочих, 5) чтобы давалось вознаграждение семьям всех рабочих за время болезни, как это было раньше, и разные другие мелкие требования.

Приезжавшая комиссия от управления Полесских жел. дор. не могла удовлетворить всех требований рабочих, а представила таковые на обсуждение в министерство или главное управление железных дорог, от которого рабочие ожидают удовлетворения и пока ведут себя спокойно, но, по слухам, распространенным среди населения, при неудовлетворении требований рабочих, они будто бы произведут беспорядки.

9 февраля забастовали рабочие спичечной фабрики Гальперина, кожевенных заводов Чертка и Котка. От времени до времени рабочие принимаются за работу, но потом снова ее бросают. На улицах собираются иногда толпы демонстрантов человек в 500 и, прокричав несколько раз «ура», быстро расходятся [3].

Прокурор суда Бибиков.

Из донесения помощника начальника Гродненского губернского жандармского управления в Белостокском и Сокольском уездах в департамент полиции, 28 февраля 1905 г. [4]

18 февраля, в пятом часу пополудни, рабочие местных фабрик, после сходки, состоявшейся в урочище Марчук, в двух верстах от города Белостока, направились в город толпою до трех тысяч человек [5].

---

[1] Судебным следователем в качестве обвиняемых было привлечено 100 человек (то же дело, л. 5).

[2] (МЮ, I д-во, 3 уг. отд., 1905 г., д. № 16748, л. 1.

[3] Забастовку подготовила и руководила ею группа рабочих социал-демократов. Накануне забастовки группой была выпущена гектографированная прокламация «Ко всем рабочим города Пинска» с призывом к забастовке. «Все рабочие г. Пинска и железнодорожных мастерских должны непременно забастовать... Наступило время расправы с нашими врагами... К оружию товарищи! Пусть улицы г. Пинска наряду со всеми другими городами огласятся криками: «Долой самодержавие, долой войну»!... (инв. № 4699).

[4] ДП, VII, 1905 г., д. № 999, л. 4.

[5] 18 февраля началась всеобщая забастовка 10 тысяч рабочих Белостока как отклик на события в Варшаве («которая всегда служит барометром для Белостока»). Забастовавшие рабочие устроили за городом сходки, обсуждая политическое и экономическое положение страны. 21 февраля в лесу «Калиновка» собралось до 3 тысяч рабочих. Для разгона сходки послан был эскадрон драгун Харьковского полка. Когда участники сходки возвращались с песнями домой, случайным выстрелом был убит исправник, и это послужило сигналом для кровавой расправы драгун с мирной демонстрацией: ротмистр Якубовский, корнеты Пушечников и Якобсон и вахмистр Козлов произвели в толпу несколько выстрелов из револьверов,— и во главе эскадрона бросились в шашки...

По показаниям нижних чинов ими ранено шашками сто восемь и убито одиннадцать человек (ДП, VII, 1905 г., д. № 964, лл. 4—5; ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 12, л. 23—32).

Толпа состояла преимущественно из евреев; среди нее было замечено несколько учеников Белостокского коммерческого училища. Впереди шли подростки. Рабочие, с криком: «Ура! Долой правительство и войну. Да здравствует свобода и социализм!», направились по главной Базарной улице.

На углу этой и Николаевской улицы, толпа была встречена полицеймейстером Пеленкиным и сборной ротой 64 пехотного Казанского полка под командой поручика Савицкого. Кто-то из рабочих кричал: «Позвольте нам устроить демонстрацию». На требование полицеймейстера толпа не расходилась. Тогда поручик Савицкий, подав троекратный сигнал на трубе, приказал роте взять на-изготовку. В то же время к месту остановки толпы подошли три дежурные роты и эскадрон. Толпа стала осаживать и затем рассеялась по боковым улицам.

В тот же день, в одиннадцатом часу вечера, на Липовой улице собралась группа из нескольких человек. При приближении чинов полиции они удалились.

Ротмистр Грибоедов.

Телеграмма помещиков Горецкого уезда Минской губернии министру внутренних дел, 8 июня 1905 г.[1]

Революционное движение, давно существующее в Копысе, Шклове, Сметанке, выразившееся забастовками, насилиями и даже убийствами, с весны распространяется на сельские местности смежных уездов Могилевской губернии, по которым бродят агитаторы, разбрасывая прокламации и сея смуту. Результатом является самоуправная пастьба на владельческих землях. Угрозы лесной страже, объявление владельцам, что отныне крестьяне будут пользоваться землями, не спрашивая их согласия. Местами стачки с насилием, поджоги лесов, вытравливание полей и лугов. Местные власти совершенно бессильны поддержать порядок. Просим ваше высокопревосходительство о принятии мер к установлению законности.

Помещики Горецкого уезда.

Телеграмма начальника Могилевского губернского жандармского управления командующему корпусом жандармов, 18 июня 1905 г.[2]

Сейчас получено сведение об имении Гебеля Горецкого уезда. 17 июня в полдень при указании землемером границы спорного луга с крестьянами деревни Кишицы, последние оказали вооруженное сопротивление властям. При восстановлении порядка полиция была избита, внушения не действовали, призвана вооруженная сила войск, употреблено было сначала холодное оружие, но крестьяне вступили с солдатами в драку, стали отнимать ружья, после чего были сделаны два залпа. Убито 8, ранено 16 человек. Сегодня 5 тяжелых: 3 мужчины, 2 женщины привезены в Могилев. Порядок восстановлен, рота оставлена на месте. Пострадавшим оказана медицинская помощь.

Вчера возникли вооруженные крестьянские беспорядки в Оршанском уезде в имении Фон-Валя и Горецком, в имении Чачкова «Сметанке» и «Левках». Сегодня туда посланы войска.

Полковник Поляков.

---

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 6, л. 25.
[2] Там же, л. 34.

Требования рабочих экономии гр. Чернышева-Кругликова, составленное Чичерской организацией Полесского комитета РСДРП, июнь 1905 г.[1]

1) Увеличить заработную плату всем рабочим,— мужчинам, женщинам и мальчикам на каждый рубль 25 коп.

2) Полная отмена штрафов.

3) Ограничить рабочий день 14-ю часами, включая 1/2 часа на завтрак и 1 1/2 часа на обед, т. е. работа должна начинаться с 6 часов утра и до 8 часов вечера.

4) Безусловно вежливое обращение со всеми рабочими, находящимися в экономии.

5) Переустройство казарм для рабочих, т. е. исправить окна и переменить нары.

6) Улучшение пищи, так как выдаваемое сало совершенно негодно к употреблению.

7) Полная отмена праздничных работ или же, если таковые необходимы,— платить по 1 рублю в тот же день, т. е. по окончании работы.

8) Принять обратно приказчика Есиповича, уволенного без всяких уважительных причин, или же уплатить ему жалованье полностью по 1 марта 1906 г., а именно:

Оклада жалованья	115 руб.
Продовольственных	45 »
Квартира, отопление, освещение	50 »
и на отъезд	15 »
Всего	225 руб.

9) Освобождать от работы заболевших рабочих без всякого вычета жалованья.

10) За забастовку никто не должен пострадать, так как всякая инициатива принадлежит всецело организации.

11) За все дни забастовки рабочие должны получить жалованье полностью.

12) По окончании забастовки всем рабочим должно быть выдано — по 3 рубля тем, которые получают до 30 рублей, и по 5 рублей тем, которые получают свыше 30 рублей.

13) Уволить приказчика Якуховича.

Рабочие не пойдут на работу до тех пор, пока не будут удовлетворены все вышесказанные требования, а также и никто не будет допущен к работе со стороны, т. е. на поденную работу, при этом заявляем, что со стороны рабочих никаких уступок не будет.

Ведение этой забастовки взяла на себя организация Российской социал-демократической рабочей партии, которая и будет вести всякие переговоры.

Чичерская организация Полесского комитета РСДРП.

Телеграмма управляющего Гродненской губернией министру внутренних дел, 6 июля 1905 г.[2]

В Гродненском, Волковысском, отчасти Сокольском, Белостокском уездах почти полная забастовка, крестьяне не работают в экономиях

[1] ДП, о. о., 1909 г., д. № 2554, ч. 6, л. 124. Воспроизведено с машинописной копии, снятой в канцелярии могилевского губернатора.

[2] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 15, л. 21. На расшифровке телеграммы следующая резолюция министра внутренних дел Трепова: «Снестись с генерал-губернатором на предмет обеспечения притоком пришлых рабочих, а в крайнем случае уделить для сего часть войск и арестантов».

даже за отработок, положение помещиков тяжелое, в обычном отпуске солдат на вольные работы отказано; аграрных столкновений в губернии сейчас нет, в Брестском уезде тоже улажено [1]; многим помещикам грозит разорение.

Управляющий губерниею Озноби шин.

Телеграмма управляющего Могилевской губернией министру внутренних дел, 10 июля 1905 г.[2]

Аграрные беспорядки в селе Закружье Вылевской волости, вызвали необходимость подвергнуть в моем присутствии четырех крестьян телесному наказанию, а в деревне Новые Дятловичи Дятловичской волости тому же наказанию шестерых крестьян. Зачинщики арестованы. Беспорядки прекращены [3]. За принятыми мерами крестьянское население Гомельского уезда можно признать успокоенным. Возвращаюсь в Могилев.

Управляющий губернией Ладыженский.

Из донесения начальника Гродненского губернского жандармского управления в департамент полиции, 4 ноября 1905 г.[4]

27 минувшего июня в девятом часу вечера белостокский полицмейстер, получив сведение, что на Суражской улице собралась толпа [5], которая стреляет из револьверов в городовых и бросает в них камни, послал туда учебную команду 64 пехотного Казанского полка, под начальством штабс-капитана Гожинского.

Бывшая на Суражской улице толпа евреев встретила команду свистками и, отступая, остановилась в конце улицы. Здесь из толпы последовал револьверный выстрел в команду, почему штабс-капитан Гожинский, на основании имевшегося распоряжения военного начальства, открыл по толпе частый огонь из винтовок.

Толпа отвечала выстрелами из револьверов. Стреляли также с балконов и из окон домов. Никто из команды ранен не был. Перестрелка длилась несколько минут. Из нижних чинов стреляло человек пятнадцать. При проверке оказалось что выпущено 191 патрон.

---

[1] В июне из Брестского уезда сообщалось, что «не взирая на пребывание войнских сил самоволие крестьян не прекращается». В дер. Вельямовичи крестьяне упорно отстаивали свое право косить луга, а в дер. Лашицы энергично протестовали против ареста «зачинщиков» (то же дело, л. 19).

[2] ДП. о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 6, л. 132.

[3] По сообщению жандармского ротмистра, в штаб корпуса жандармов, крестьяне деревни Закружье забастовали и потребовали от помещика Домова-Сабурова выделить им 40 десятин земли, недостающих по выкупному акту до полного надела. Крестьяне заявили, что если до 8 июля земля им не будет дана, они ее возьмут самовольно, «где угодно и сколько угодно». Когда 9 июля в деревню приехал управляющий губернией и требовал выдать зачинщиков, крестьяне сказали: «Мы все зачинщики», на что и последовало распоряжение о телесном наказании.

В имении Новые Дятловичи крестьяне прирезали себе 19 десятин из усадебной земли и поставили пограничные концы, настаивая на утверждении, что «земля принадлежит им и если помещик ее возьмет по суду, то будет убит». На сходке 10 июня в присутствии управляющего губернией и войсковой части крестьяне отстаивали свое право на землю и отбивали арестованных руководителей выступления. Помимо телесного наказания несколько крестьян было арестовано (то же дело, лл. 142—143).

Рабочие Гомеля, узнав о возмутительном случае телесного наказания крестьян м. Дятловичи, на митинге 10 июля приняли резолюцию протеста.

[4] ДП. о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 21, л. 15.

[5] В Белостоке 22 июня началась всеобщая забастовка, как протест против неоднократных провокационных выступлений полиции: выстрелы из-за угла; взрывы бомб и т. д.

По негласным сведениям, всего убито 11—13 и ранено свыше сорока человек; принятыми мерами выяснить и обнаружить убитых и раненых не представилось возможным — их тщательно скрывают; одна раненая молодая еврейка в ночь на 28 июня была увезена в Варшаву.

Генерал-майор Пацевич.

Из донесения начальника Могилевского губернского жандармского управления в департамент полиции, 13 июля 1905 г.[1]

11 июля [в г. Копыси], в 4 часа утра, были замечены и подобраны разбросанные ночью гектографированные прокламации от Копысской группы Полесского комитета Российской социал-демократической рабочей партии.

Содержанием таковых был призыв почтить, прекращением работ на этот день, память убитых товарищей во время беспорядков в Петербурге, Москве, Лодзи и других городах, а также и к кровавому отмщению за них.

В 8 часов утра, в тот же день, на улицы стали выходить рабочие в праздничных одеждах и на торговой площади соединились в 2 группы по 300—400 человек каждая.

Воспрепятствовать этому со стороны полиции было невозможно, так как станового пристава в этот день в Копыси не было, а остались лишь один урядник, 4 городовых, из коих один совершенный старик, и жандармский унтер-офицер Симаш.

Вслед за этим, одна из упомянутых групп направилась к заводу Песельника на берег Днепра а за нею вскоре последовала и вторая, выделив из своего состава человек 10—20, для прекращения движения парома на Днепре. В то же время другие рабочие ходили по городу и заставляли торговцев закрывать свои помещения. Затем рабочие, соединившись вместе на берегу Днепра, провели там несколько часов, причем произносились речи, пелись революционные песни и стреляли из револьверов. Издали можно было разобрать крики «ура» и «долой самодержавие».

Около часу дня с берега Днепра рабочие двинулись в город и пошли по главной улице...

Вся эта масса, с пением революционных песен, дошла до торговой площади, откуда стала разбегаться. Оставшаяся группа человек в 200—300 прошла по той же улице далее до Пятницкой церкви и там разошлась, наконец, по домам. Местная полиция не могла по своей малочисленности воспрепятствовать демонстрации и ограничилась наблюдательною деятельностью, причем ей удалось опознать некоторых лиц, участвовавших во главе демонстрации, о коих она и телеграфировала своему начальству. Произведенное на месте 12 числа дознание подтвердило изложенные события и г. управляющий губернией приказал арестовать 12 человек из переписанных полициею главных участников демонстрации, в пор. 317 ст. т. II, свода законов Российской имп. общ. учр. губ.

Означенные лица давно известны полиции и вверенному мне управлению, как люди крайне неблагонадежные в политическом отношении. Независимо от сего помощником моим, ротмистром Баниным, приступлено к дознанию в пор. 1035 ст. уст. угол. судопр., по моему приказанию. Г. управляющим губернией кроме того оставлена одна рота 314 пехотного полка в гор. Копыси, в предупреждение там демонстраций, а другая направлена с той же целью в г. Горки, где учащаяся молодежь горецких учебных заведений вместе с еврейской молодежью, пользу-

[1] ДП, VII, 1905 г., д. № 3942, л. 3—5.

ясь малочисленностью полиции, силою парализует все ее распоряжения, клонившиеся к охранению общественного порядка и спокойствия.

Полковник Поляков.

Прокламация Оршанской организации РСДРП, октябрь 1905 г.[1]

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Требование всех железнодорожных служащих и рабочих.

Мы требуем:

1) Установления рабочего времени для всех без исключения железнодорожных работников не свыше 8-ми часов в сутки или не более 48 часов в неделю.

2) Увеличения заработной платы на 20%.

3) Образования бюро или комиссий из выборных от служащих и рабочих для совместного разрешения с администрацией дороги вопросов об увольнениях, перемещениях и приеме служащих и рабочих, а также для разрешения всех недоразумений, возникающих между служащими и администрацией дороги.

4) Уничтожение пенсионной кассы с возвратом всех взносов с процентами и учреждения взамен ее государственного страхования за счет железных дорог.

5) Коренного преобразования медицинской помощи. Бесплатного лечения.

6) Улучшения санитарного положения квартир для рабочих; теплых клозетов и ежедневной дезинфекции их.

7) Отмены всякого рода денежных штрафов.

8) Беспрепятственной выдачи разовых бесплатных билетов во всякое время и без представления свидетелей.

9) Вежливого обращения монтеров с мастерами и рабочими.

10) Смещения: начальника участка Крамольского, помощника его Снеткова, табельщика и плательщика Клюквина.

11) Утверждения выборных, выбранных большинством.

12) Выдачи жалованья 2 раза в месяц, каждого 1-го и 15 числа.

13) Вновь поступивших слесарей не посылать без очереди на должность помощника машиниста.

14) Проступки вне службы не должны разбираться начальником.

15) Выдачи всем формы за счет дороги.

16) Уплаты всем жалованья за время забастовки.

17) Открытия за счет дороги для служащих и рабочих всех семей необходимого количества учебных заведений, библиотек и читален. Преобразования церковно-приходской школы в министерскую за счет дороги.

18) Свободы собраний, сходок, союзов, организаций, слова, печати и стачек, неприкосновенности личности и жилищ.

19) Созыва всероссийского съезда делегатов от служащих и рабочих всех железных дорог для выработки нового положения о железнодорожных служащих и рабочих.

20) В виду того, что при существующем полицейско-чиновническом строе все вышеуказанные требования, как показал недавний опыт, не могут быть удовлетворены, необходим союз народных представителей с законодательной властью, выбранных всем населением страны всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием без различия нацио-

[1] Инв. № 18759. Воспроизведено с гектографированного подлинника.

нальности, пола и вероисповедания, для выработки новых основных законов страны в интересах всех трудящихся классов.

21) Неприкосновенности всех участников забастовки и возвращения всех пострадавших за участие в забастовках и союзах в других городах.

22) Отмена судебных преследований за все религиозные и политические дела. Полной амнистии пострадавшим за так называемые политические и религиозные преступления.

23) Отмены военного положения и усиленной охраны.

24) Отмены смертной казни.

Оршанская организация Российской социал-демократической рабочей партии.

Отношение минского губернатора в департамент полиции, 14 октября 1905 г.[1]

Сообщаю департаменту полиции что, согласно полученным телеграфным донесениям, 11 октября на станции Пинск, Полесских жел. дор., забастовали рабочие железно-дорожных мастерских, потребовав прекращения работ на казенном винном складе, что и было исполнено. На следующий день, утром, постепенно прекратилось движение поездов на линии Брянск — Брест. Начавшееся накануне брожение к вечеру окончилось всеобщей забастовкой фабрик, ремесленников и приказчиков и, несмотря на возбужденное настроение в городе, порядок пока не нарушен, здания правительственных мест охраняются. Того же числа на станциях Лунинец и Барановичи забастовали рабочие железнодорожных депо, а на станции Лунинец кроме того и телеграфисты, и, закрыв здание вокзала, приостановили движение всех поездов. Таким образом, в районе Пинского, Мозырского[2] и Речицкого уездов, железнодорожное сообщение прервано.

По линии Полесских железных дорог и в г. Пинске забастовка носит чисто политический характер; на станции же Барановичи рабочие предъявили требование об улучшении экономического положения.

И. д. губернатора Курлов.

Из донесения Минского губернского жандармского управления в департамент полиции, 15 октября 1905 г.[3]

11 октября забастовали рабочие Московско-Брестской железной дороги. 12 октября забастовали рабочие Либаво-Роменской железной дороги, а 13 октября рабочие мастерских в городе Минске, а также все учащиеся в средне-учебных заведениях, причем забастовку в учебных заведениях начали ученики коммерческого училища и женской гимназии.

13 же октября предполагалось устроить большую демонстрацию, каковая не удалась, благодаря принятым мерам, согласно переданных мною агентурных сведений.

12 октября с разрешения губернатора в помещении управления железных дорог состоялась сходка служащих и представителей рабочих железных дорог... Обсуждались вопросы политического и экономиче-

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2555, т. 2, л. 178.

[2] В г. Мозыре 17 октября на большом митинге «была объявлена политическая забастовка, вечером повреждены телеграфные столбы и город отрезан». 18 октября началась всеобщая забастовка. Днем состоялась вооруженная демонстрация и многолюдный митинг (ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 40, лл. 201—202).

[3] ДП, о о., 1905 г., д. № 2555, т. 2, лл. 250—251.

ского характера, но ни к каким результатам не пришли. Около помещения собрались на улице рабочие, но были разогнаны казаками.

13 октября была разрешенная губернатором сходка на Виленском вокзале и около строящегося здания под коммерческое училище.

На вокзале собрались рабочие, служащие и несколько ораторов евреев и христиан, не принадлежащих к числу служащих Либаво-Роменской железной дороги. На сходке приступили к решению резолюции по политическим и экономическим вопросам...

Около здания коммерческого училища собрались рабочие и учащиеся. Ораторы говорили речи политического характера и возбуждали вопрос о выдаче денег забастовщикам.

13 же числа явилось желание устроить и забастовку прислуги, почему агитаторы, по большей части 15 и 16-летние евреи и еврейки, обхаживали дворы и усиленно старались возбудить прислуг против хозяев и вызвать ее на улицу. Успеха агитация не имела.

14 октября снова было собрание рабочих и служащих на Виленском вокзале...

Резолюция была выработана приблизительно в таких положениях:

1) Всеобщая, прямая, тайная подача голосов.
2) Свобода печати, совести, сходок, союзов, неприкосновенность личности и жилища.
3) 8-часов. рабочий день.
4) Избрание от каждой дороги по пятнадцати делегатов от служащих и рабочих для образования комиссии, обсуждавшей бы железнодорожные дела.
5) Бесплатное обучение.
6) Медицинское пособие.
7) Возвращение денег с процентами, внесенных в пенсионную кассу.
8) Выразить губернатору протест за политические аресты.
9) Снять с вокзала охрану.

На том же собрании было прочтено письмо гимназистов, в котором последние высказывают свою солидарность в борьбе рабочих за политическую свободу и указывают, что они всегда будут итти с ними рука об руку, чтобы взаимными усилиями достигнуть желанной цели...

14 же октября было решено заявить, что политическая забастовка прекращена и будет продолжаться одна экономическая.

Цель этого заявления убедить в ненужности бдительного надзора, чем явится возможность устроить демонстрацию, которая до последнего времени не удавалась.

Ежедневно по Губернаторской и по Захарьевской улицам ходят толпы евреев и учащейся молодежи, готовых каждую минуту устроить демонстрацию. Препятствуют им казачьи разъезды и усиленный наряд полиции.

По окраинам города в разных местах происходят сходки.

Полковник Всесвятский.

Телеграмма начальника Виленского жандармского полицейского управления железных дорог в департамент полиции, 19 октября 1905 г.[1]

12 октября движение поездов Либаво-Роменской дороги остановилось, допустив поезда до больших станций. На ст. Минск разрешались губернатором сходки, принимавшие все более угрожающий характер. 18-го сходка в несколько тысяч, собравшись в 5-м часу вечера у вокзала

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2555, т. 3, л. 158.

Либаво-Роменской дороги, хлынула всей массой в вокзал, разбивая окна и двери. Передал власть войскам, которые для укрощения толпы открыли огонь и разогнали толпу. Имеются убитые и раненые [1].

Полковник Вильдеман

Телеграмма витебского губернатора министру внутренних дел, 18 октября 1905 г. [2]

Сегодня утром около губернской типографии собралась толпа народа, преимущественно евреев, требовавшая прочтения манифеста. Собрание привлекло казачий разъезд, начавший разгонять нагайками толпу. Из последней последовали выстрелы. Отъехав, казаки открыли огонь по толпе. Звуки выстрелов привлекли наряд пехоты, которая также стреляла. Есть убитые, раненые,— точное число не выяснено. Убрав с улиц войска, объехал город; все спокойно, происходят мирные манифестации. В казначействе, банках, телеграфе, водопроводе внутренняя военная охрана оставлена [3].

Губернатор Гершау Флотов.

Из донесения начальника Гродненского губернского жандармского управления в департамент полиции, 19 октября 1905 г. [4]

Со времени начала забастовки на железных дорогах в г. Гродне все было спокойно, вплоть до вечера 18 октября, когда по городу стали ходить группы еврейской молодежи, требуя закрытия лавок и магазинов...

Сегодня с утра забастовали фабрики и все рабочие вышли на улицу...

В 2 часа дня в Гродненском кафедральном соборе был отслужен благодарственный молебен и был прочтен высочайший манифест 17 октября. По окончании богослужения тот же манифест был прочитан лично губернатором народу, собравшемуся на площади в количестве 3—5 тысяч. Во время чтения в толпе появился красный флаг, а затем какие-то ораторы из евреев начали произносить речи на жаргоне. После отъезда губернатора домой, толпа двинулась к его квартире. Не доходя до дома губернатора, толпа была остановлена полицией и казаками, а лично прибывшему губернатору со стороны демонстрантов было заявлено требование о немедленном освобождении всех политических арестованных. Получив отказ в исполнении требования и обещание губернатора телеграфировать высшему правительству об их требовании и объявить им полученный ответ, толпа вернулась на Соборную площадь. В 7 часов вечера около тюрьмы снова собралась значительная толпа с флагами и пением революционных песен; в стоявшего у ворот тюрьмы часового был брошен камень, которым он неопасно ушиблен в руку. Часовой сделал выстрел в воздух, вследствие чего выведен был весь караул, а толпа направилась на другие улицы. Хождение по улицам с красными фонарями и пением песен продолжалось весь вечер. Завтра можно ожидать новых демонстраций, к прекращению которых приняты меры и вызваны войска.

Генерал-майор Пацевич.

---

[1] Минская группа РСДРП по поводу расстрела демонстрации выпустила прокламацию «К гражданам г. Минска» с призывом «к борьбе и оружию». В прокламации перечислялись требования населения всего города.

[2] ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 25, л. 73.

[3] На следующий день 19 октября состоялись похороны 18 убитых демонстрантов, вылившиеся в большую 8-тысячную демонстрацию.

[4] ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 21, л. 27.

Из донесения помощника начальника Гродненского губернского жандармского управления в Белостокском и Сокольском уездах в департамент полиции, 1 ноября 1905 г.[1]

20 октября текущего года, в четвертом часу пополудни, в м. Городке, Белостокского уезда, рабочие суконных фабрик и ткацких заведений собрались на площади. Здесь к ним присоединились некоторые из местных жителей. После произнесения речей толпа численностью до 1500 человек, состоявшая из лиц обоего пола, преимущественно еврейской молодежи, двинулась с песнями по улице в направлении к почтово-телеграфной конторе. Демонстранты несли два красных флага, на одном из них имелась надпись: «Да здравствует демократическая республика. Да здравствует социализм», и кричали: «Долой самодержавие». В толпе раздавались револьверные выстрелы в воздух...

Несмотря на неоднократные требования урядников остановиться и разойтись, толпа продолжала надвигаться, при чем в чинов полиции было произведено несколько револьверных выстрелов. Тогда урядники и стражники открыли огонь из ружей, заряженных дробью, и револьверов, после чего демонстранты быстро разбежались.

При рассеянии толпы: двое (из них одна женщина) убиты и двадцать шесть (из них десять женщин) ранено, преимущественно дробью. В числе пострадавших одна (ранена) христианка.

Донося об изложенном департаменту полиции, имею честь присовокупить, что по этому делу мною возбуждено дознание в порядке 1035 ст. уст. угол. суд., производство коего поручено прикомандированному ротмистру Никольскому.

Ротмистр Грибоедов.

Из отношения могилевского губернатора министру внутренних дел, 3 ноября 1905 г.[2]

От одного из земских начальников управляемой мною губернии (6 участка Оршанского уезда) я получил следующее донесение, весьма рельефно рисующее начинающуюся крестьянскую смуту. Привожу это донесение целиком.

«Честь имею представить, что среди крестьянского населения 6 участка замечается брожение, в смысле критики всего существовавшего строя жизни. Особенно сильной степени достигло брожение в Микулинской волости, по селениям которой идет сильная агитация на почве дискредитирования изданных манифестов, порядка выбора представителей в думу и т. п.

28 октября в Микулинское волостное правление, где у меня был судебный разбор дел, явилось человек 200 крестьян, шумели, мешая производству разбора, а затем, по закрытии судебного заседания, плотной толпой кричали, что крестьяне в рабстве, что их правительство раздевает до гола, что все лишь богатым, что надо сделать всем ровно землю тем, кто сам работает. Затем просили прочесть манифест. После прочтения мною им манифеста и указания, что надо спокойно ожидать изменения Думой гражданских правоотношений подданных между собою и по отношении обязанностей их к государству,— кричали: «такой Думы не надо, крестьян в ней мало будет, опять все будет делать для дворян; долой самодержавие, подайте демократическую республику, выборы всеобщие, равные, прямые и тайные. Надо самим все взять». На

---

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 21, л. 34.
[2] Там же, д. № 2550, ч. 6, лл. 272—273.

спокойные мои разъяснительные возражения неистово орали, кричали «долой земских начальников»; наконец, из разных мест толпы прямо ругали как площадными словами, так и клеветническими выкриками по существу деятельности волостного правления и моей по крестьянскому управлению. Кричали, что денежный продовольственный сбор их с волости 1903—1905 гг. украден и т. п.

Затем объявили, что всем надо забастовать, не платить никаких налогов, не слушаться никого, не платить окладных сборов, мирских. По одному сельскому обществу (Тубольскому) сборы окладные не поступают, крестьяне отказываются платить; подождем, говорят, Дума сбросит все выкупные платежи. Группа агитаторов, каковых в одном местечке Микулино тесно сплоченных крестьян и евреев до 70 человек, постоянно демонстрациями нарушают покойное течение жизни; отправляются агитировать повсеместно в участке, приезжают группами в Руднюю и Лезно, имеют в каждом селении единичных единомышленников...

Наверное в январе ни в одной волости волостные сходы по мирскому самообложению не пройдут, если пропаганда не остановится. Пример Тубольского общества, отказавшегося от уплаты окладных и иных сборов, заразителен; пристанут и другие. Пока в Руднянской и Лезнянской волостях неизмеримо спокойнее Микулина, где тесная дружба между евреями и молодежью русскою и где действуют местные интеллигенты вместе с ними. При угрожающей дерзости поступков со стороны части крестьян против земского начальника, его личности, волостных и сельских властей деятельность их, исполнение служебных своих обязанностей невозможны. Вместе с тем множатся преступные посягательства на чужую собственность; порубки единичные, но дерзкие, как бы с сознанием своего права рубить чужой лес, пасти скот на чужой земле; такие проступки не наказываются, так как почти все предпочитают не возбуждать судебного преследования».

Смею заявить, что в настоящее время нужны решительные меры, нужны исключительные по строгости законы, нужны полномочия, а иначе грозит разростись чрезвычайное народное бедствие. При настоящих законах и средствах администрация бороться не в силах. Войск и сейчас совсем недостаточно. Считаю своим священным долгом донести о сем до сведения вашего превосходительства.

За губернатора вице-губернатор Ладыженский.

Телеграмма начальника Могилевского губернского жандармского управления в департамент полиции, 6 ноября 1905 г.[1]

5-го около 8 вечера нижние чины 1 и 2 батальонов Кадниковского полка в Могилеве, преимущественно из 161 запасного батальона, латыши, 900 человек, произвели беспорядок скопом, требовали увольнения в запас, не посылать на учение, усмирение[2], прибавки жалования, прочее; временно успокоены. Общее настроение полка плохое, распущенность запасных вносит анархию даже в хорошие воинские части.

Полковник Поляков.

---

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 1877, ч. 39, л. 9.

[2] Весь октябрь солдаты Кадниковского полка использовались гражданской властью Могилевской губ. для подавления революционного движения рабочих и крестьян.

Прокламация Брест-Литовской военнореволюционной организации РСДРП, 21 ноября 1905 г.[1]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем солдатам Брест-Литовской крепости и гарнизона[2].

Братья-солдаты! Настало, наконец, время, когда к восставшему народу присоединилось и измученное невыносимой жизнью войско. Повсюду уже начинает проникать свет и правда в заколоченные наглухо окна наших казарм; и напрасно начальство старается, чтоб не видели мы света божьего, чтоб не знали о том, что творится сейчас на родине нашей и по всей России. Но несмотря на это, долетели и до нас вести, одна другой страшней, одна другой ужасней. Крепко прислушайтесь к ним, товарищи.

Знаете ли, что во всех деревнях и селах теперь крестьяне волнуются и поднимаются против помещиков и всякого начальства, пиявкой присосавшихся к измученному и исхудалому телу мужика. Из года в год царские чиновники забирали у него весь хлеб, последнюю лошадку да коровенку продавали за неуплаченные подати, которыми обложены наделы крестьянские; издевались над крестьянами земские урядники, сажали его в кутузку, секли и били смертным боем и не было на этих иродов ни суда, ни управы. А тут еще подоспела несчастная война, оторвали от земли лучших работников и оставили только калек, стариков, баб да детей; плохо обработанная земля родила мало, и пошел по всей земле голод страшный, да болезни повальные. Невмоготу стало жить голодному крестьянину, поднялся он тогда на лиходеев-помещиков да дворян-чиновников и стал отнимать у них землю, потом его орошенную, и хлеб, трудами его посеянный и собранный. Обратились тогда помещики к царю за помощью, и послал он генералов с войсками народ расстреливать. И полилась по всей земле русской горячая кровь крестьянская. Во всех почти губерниях, особенно в Черниговской, Саратовской, Курской, Тамбовской и Пензенской, войско, казаки, как звери дикие, калечат и убивают наших отцов и братьев, насилуют жен и сестер наших. Беззащитные, безоружные, они падают от рук таких же солдат, как и мы, и перед смертью вспоминают, что где-то далеко у них имеются защитники и кормильцы, но царь да начальство услали их убивать других. И когда мы вернемся домой, многих не застанем в живых из наших родных и близких, многих не досчитаемся.

А в городах рабочий люд не желает больше изнывать в непосильной работе, пухнуть от голода, чахнуть от болезней. И борется он с богачем-фабрикантом, разжившимся за его счет, с полицией да царскими чиновниками, которые грабят и разоряют народ. И прогнать он хочет кровопийц, поставленных царем; а на их место послать выборных от всего народа, чтобы управляли они страной по справедливости, издавали законы на пользу и благо рабочего люда. Все рабочие, и русские, и поляки, и евреи — все они борются за счастье и вольность народную. Вот почему они побросали работы, вышли на улицу с красными знаменами и выставили свои требования — хлеба, лучшей жизни и воли. «Рабочий бунтует»,— говорит начальство и посылает нас, солдат, про-

---

[1] Инв. № 11935. Воспроизведено с подлинника, оттектографированного в количестве 2000 экз.

[2] В конце ноября начальник Брест-Литовской крепостной жандармской команды сообщал в департамент полиции, что революционная пропаганда проникла в войска крепости, в артиллерийских и саперных частях появилось брожение, солдаты предъявили требования улучшения пищи, выдачи обмундирования, газет и книг и отказались выходить на работы во время послеобеденного отдыха (ДП, о. о., 1905 г., д. № 1877, ч. 18, лл. 14—16).

тив восставших братьев наших, которые жизнь свою отдают за свободу и лучшую долю всего народа.

Неужели же мы, солдаты, потеряли и совесть и память и стали бесчувственными, как штык холодный. Ведь мы дети того же народа, ведь мы те же крестьяне и рабочие, только переодетые в мундиры солдатские. Неужели же мы станем каинами, идущими на братоубийство. И всякий, в ком начальство не успело убить человеческой души, в ком сохранилось еще сердце под серой солдатской шинелью, должен ответить: «Нет, тысячу раз нет. Не разгонять, не стрелять должны мы в народ, добывающий волю себе и нам; с ним вместе и в его рядах должны мы бороться против врагов наших — кулака-мироеда да богача-фабриканта, царя с генералами и всяким другим начальством». Поняли уж это солдаты во многих местах; заволновалось, поднялось войско в Кронштадте, Севастополе, Владивостоке, Гродне, Харькове и других городах[1], отказалось нести службу солдатскую, стало устраивать собрания с рабочим народом и обсуждать нужды народные и свои, солдатские.

Кто из вас, товарищи, не чувствует, как тяжела и невыносима наша жизнь горемычная. Кормят нас червивой говядиной, тухлой капустой, одевают в рвань и гниль. Нас не считают людьми, ни за что, ни про что отдают под суд, бьют и издеваются над нами. Нас не выпускают на улицу в свободное время, держат, словно собак на цепи, в казармах. Всего солдатского горя и не перечтешь... Чего же мы молчим, и покорно гнем свои головы?.. Иль кровь народная не поднимет нас на борьбу с царскими убийцами и насильниками, иль стоны кронштадтских матросов и солдат, томящихся в тюрьмах и ожидающих себе смертной казни, не найдут отклика в наших сердцах?..

Товарищи-солдаты! В Севастополе идет теперь бой между войсками и флотом, перешедшими на сторону народа, и царским каиновым войском. Тысячи убитых и раненых борцов за свободу, реки крови солдатской и народной покрыли улицы этого города. Не спокойно смотреть должны мы на эту бойню, а с оружием в руках присоединиться ко всем, кому дорога жизнь и вольность народная, кому близко горе и нужды земли народной. Соберемся, товарищи, по частям, по ротам, батальонам, батареям, а потом и по полкам, подумаем о том, как помочь восставшим рабочим и крестьянам, обсудим свои нужды, выработаем требования и предъявим их своему начальству. Откажемся нести солдатскую службу до тех пор, пока требования наши не будут исполнены. А пуще всего будем держаться требования — не посылать нас на усмирение крестьян, рабочих и восставших солдат. Если же пошлют нас и прикажут стрелять в них, тогда должны мы убивать свое начальство, принуждающее нас стать братоубийцами, перейдем на сторону народа, борющегося за свободу, и тогда мы станем народным войском, а не прислужниками царскими.

---

[1] 5 ноября солдаты 4-х батарей 72 артиллерийской бригады, стоявшей в г. Гродно, потребовали, чтоб их уволили в запас. Солдаты 1 и 2 батарей 26 артиллерийской бригады отказались итти на занятия и в наряды, предъявив требования: 1) увеличения жалования, 2) выдачи всего полагающегося обмундирования и улучшения пищи, 3) сокращения сроков службы и немедленного увольнения в запас призванных из запаса, 4) уничтожения должностей фельдфебелей и 5) ослабления вообще воинской дисциплины. При отказе им в этих требованиях нижние чины пригрозили двинуться к пороховым погребам и разнести начальство и весь город.

6 ноября было обезоружено и арестовано 200 солдат 26 бригады (ДП, о. о., 1905 г., д. № 1877, ч. 18, лл. 7—8).

28 октября было подавлено восстание кронштадтских моряков. 10 ноября начались волнения в севастопольских флотских экипажах и во владивостокских воинских частях.

Крепко держитесь друг за друга, помните — все за одного, один за всех.

Да здравствует революция!

Да здравствует войско, перешедшее на сторону восставшего народа!

Брест-Литовская военно-революционная организация РСДРП.

Из донесения начальника Минского губернского жандармского управления командиру отдельного корпуса жандармов, 1 декабря 1905 г.[1]

22-го сего ноября, среди заключенных нижних чинов 2, 3 и 4-й роты Бобруйского дисциплинарного батальона с утра началось волнение, выразившееся в том, что заключенные, сговорившись между собою, предъявляли своему начальнику батальона, полковнику Шанскому, требование послать ходатайство об освобождении из батальона всех заключенных с тем, чтобы освобожденным дана была возможность ставшийся срок службы дослужить в войсковых частях, исходя из того соображения, что всем политическим преступникам государь император дал амнистию, себя же заключенные считают наказанными за менее важные проступки. Просили начальство передать их просьбу об освобождении государю императору в пятидневный срок, в противном случае угрожали беспорядками...

В пятницу утром (25 ноября) командир батальона, собрав людей 2, 3 и 4-й роты во дворе помещения, стал вновь уговаривать их сдать беспрепятственно свои винтовки и показать тем свое миролюбивое ожидание монаршей милости; но увидя, что к зданию батальона собираются войсковые части, они в сдаче оружия наотрез отказались. По прибытии в батальон начальника 60-й пехотной дивизии и коменданта, и несмотря на резонные убеждения и уговоры его, заключенные колебались, но голоса более решительных и упорных оказывали свое влияние на остальных и в результате ничего не выходило, люди упорствовали и кричали «не дадим оружия»...

В виду выраженного заключенными упорства смириться и сдать винтовки, по распоряжению начальника 60-й пехотной дивизии, генерал-лейтенанта Ильинского, с утра 25-числа перед казармами дисциплинарного батальона были выстроены по две роты от расположенных в Бобруйске 237 пехотного Кремневского и 238 Клязминского полка[2], и на двух выходящих к казармам дисциплинарного батальона улицах были поставлены по два оружия 1-й запасной батареи. Мера эта несомненно подействовала на заключенных внушительно...

Бобруйский дисциплинарный батальон состоит из четырех рот, в коих вмещается около 900 человек, вместо 600 штатного состава, из них до 300 человек моряков матросов Балтийского флота. Матросы — это люди в высшей степени дерзкие, недисциплинированные, проникнутые ложными идеями и в общем дурно влияющие на остальных людей. Неоднократно начальник батальона обращался с просьбами по начальству не присылать к нему в батальон матросов, но на это никто не обращает внимания.

Этапные дни по вторникам каждый раз вносят новых пришельцев из Петербурга, Ревеля, всех негодных моряков, и, конечно, распространяют все новости текущей жизни, может быть даже и в превратном виде.

[1] ДП, ю. о., 1905 г., д. № 1877, ч. 38, лл. 16—20.

[2] 6 декабря солдаты Кремневского полка предъявили требования: 1) немедленное увольнение в запас армии, 2) улучшение пищи, 3) выдача теплой одежды, 4) увольнение ротного командира Сержбутовского и отказались итти в караул и в церковный парад. 7 декабря аналогичное требование предъявили солдаты Клязминского полка. 9 и 10 декабря все запасные были уволены в запас армии (то же дело, л. 23).

Последние два этапа принесли известие о беспорядках в Воронежском батальоне [1] и как раз поведение людей Бобруйского батальона с этого дня и начало обостряться.

Полковник Всесвятский.

Донесение начальника Гродненского губернского жандармского управления в департамент полиции, 14 декабря 1905 г. [2]

В гор. Гродно 9 сего декабря, в пятницу, с 8-ми часов вечера до 11½ часов ночи на Школьном дворе, в помещении главной синагоги, в верхней ее части, был митинг рабочих и других гродненских жителей, числом до 700 человек, на котором ораторствовали 3 неизвестных прибывших петербургских революционера, будто бы уполномоченных и посланных «советом рабочих депутатов». Они разъясняли значение и цель наступающей всеобщей в России забастовки и приказали присоединиться к этой забастовке пролетариату и жителям г. Гродно с понедельника, 12-го сего декабря. По их словам, только дружным натиском по всей России пролетариат свергнет самодержавное правительство и возьмет власть в государстве в свои руки.

Выяснить упомянутых ораторов не удалось.

Митинг состоялся, несмотря на свою многочисленность без ведома и разрешения полиции, хотя около синагоги имеется пост городового.

В то же время на Купеческой улице в зале Сапочинского был митинг всех профессий, на котором произносились речи того же характера. Митинг состоялся без разрешения полиции. Вообще полиция не обращает внимания на преступные митинги и таковые за последнее время участились и проходят беспрепятственно.

Генерал-майор Пацевич.

Из представления прокурора Гродненского окружного суда министру юстиции, 24 декабря 1905 г. [3]

Имею честь донести вашему превосходительству, что на участке Полесских железных дорог Белосток—Барановичи, расположенном в пределах Гродненской губернии, с 8 по 14 декабря была забастовка [4]. Произведенным по сему поводу чинами Гродненского губернского жандармского управления первоначальным расследованием установлено, что в г. Волковыске в начале текущего декабря организовался забастовочный подкомитет Всероссийского железнодорожного союза, центральный комитет коего находится в Москве, а местные комитеты и бюро почти на всех узловых пунктах и при управлениях дорог [5].

Прокурор Чаплинский.

Телеграмма минского губернатора министру внутренних дел, 12 декабря 1905 г. [6]

В местечке Барановичах солдаты железнодорожной бригады отбивают арестованных; полная забастовка Полесских дорог. Объявляю Бара-

[1] 18 ноября начались волнения в Воронежском дисциплинарном батальоне: произошел разгром офицерских квартир, демонстрация солдат была разогнана войсковыми частями.

[2] ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 21, л. 50.

[3] МЮ, 2 д-во, 3 уг. отд., 1906 г., д. № 19199, лл. 1—2.

[4] 8 декабря из управления Полесских железных дорог на ст. Волковыск была прислана телеграмма за подписью председателя и секретаря местного комитета железнодорожного союза следующего содержания: «Объявлена забастовка, товарищи, за правое дело идем смело в борьбу».

[5] Определением Гродненского окружного суда 4 октября 1906 г. все обвиняемые по делу забастовки были оправданы (тю же дело, лл. 226—30).

[6] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. I, л. 116.

новичи на военном положении. В Минске забастовка продолжается от слабости гарнизона. Все уезды объяты беспорядками. Войск почти нет; нет их в распоряжении командующего войсками. Необходимо сношение с военным министерством, усиление войск полком пехоты, регулярной кавалерии. Порядок удержать можно. Считаю долгом доложить, что при опоздании ждет участь Ковенской губернии [1]. На митинге в Барановичах солдаты оборвали погоны генерала Артемьева, побили его.

И. д. губернатора Курлов.

Телеграмма помощника начальника Минского губернского жандармского управления в Пинском, Мозырском и Речицком уездах в департамент полиции, 13 декабря 1905 г. [2]

Сегодня в Пинске рабочие железной дороги, реалисты соединились с евреями, революционерами; вооружилось 10 тысяч, сформировали перевязочные пункты, насильно снята прислуга, извозчики, закрыты лавки, улицы запружены бастующими. За выделением охраны оружейного склада, правительственных учреждений, для подавления беспорядков остается... штыков казаков [3], что лишает возможности предъявить требования толпе; начальник гарнизона Есаул находит необходимым немедленно усилить гарнизон батальоном. Можно из Кобрина Варшавского округа, так как виленский губернатор отказал по неимению.

Ротмистр Нартов.

Телеграмма начальника Либаво-Роменской жел. дороги министру путей сообщения, 16 декабря 1905 г. [4]

В Гомеле образовался революционный комитет, захвативший всю власть в свои руки как в городе, так и на станции. Железнодорожное движение парализовано, пропускаются поезда лишь по указанию сего комитета. К служащим, желающим приступить к занятиям, применяют вооруженное насилие и аресты. Два раза обращался к начальнику жандармского отделения ст. Гомель с просьбой немедленного ареста членов комитета, но безрезультатно. Покорнейше прошу вас принять самые энергичные меры к ограждению служащих от насилия агитаторов и к скорейшему восстановлению порядка в Гомеле. Сообщено могилевскому губернатору и начальнику Виленского жандармского управления.

За начальника Либаво-Роменской ж. д. Михайлов.

Телеграмма минского губернатора министру внутренних дел, 23 декабря 1905 г. [5]

На телеграфный запрос графа Витте «Благоволите протелеграфировать положение дел губернии» подпись Витте,— протелеграфировал: «Аграрные беспорядки во всех уездах губернии выражаются в массовых порубках, похищении сена, насильственном снятии рабочих экономий, заводов, фабрик. Недостаток войск мешает быстрому подавлению. Со-

[1] Рабочее и аграрное движение в Ковенской губ. приняло большие размеры, при подавлении его была применена артиллерия, громившая дома руководителей и целые деревни (ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, л. 14).
[2] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2555, т. 6, л. 63.
[3] В расшифровке пропуск количества штыков.
[4] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2555, т. 7, л. 112.
[5] Там же, ч. 1, л. 132.

общение по железным дорогам, за арестованием зачинщиков, восстанавливается. В городах, местечках, особенно Минске, Пинске, сильное революционное движение. Благодаря мерам чрезвычайной охраны порядок поддерживается, несмотря на малочисленность войск. Аресты дают прекрасные результаты; малейшее ослабление и за порядок губернии отвечать будет нельзя».

Губернатор Курлов.

Из отношения гродненского губернатора министру внутренних дел 23 декабря 1905 г.[1]

Крестьяне окружающих имение Ополь сел и деревень уже давно имеют с владельцем имения разные споры на аграрной почве и предъявляли к нему неоднократно требования о предоставлении необходимых, якобы, им льгот и сервитутов. Ныне, с началом серьезного крестьянского движения в уезде и под влиянием агитаторов, требования эти, державшиеся до тех пор более или менее в правовых рамках, стали предъявляться ими в более настойчивой форме и сопровождались угрозами жизни и имуществу помещика Еленского. При этом несколько раз повторялось, что крестьяне, предъявив известные требования и удовлетворенные помещиком, который, во избежание грозящих насилий, пошел на большие уступки,— уходили вполне довольные, а на другой день являлись с еще большими требованиями и отказывались наотрез от прежнего соглашения, что явно доказывало наличность в данной местности подстрекателей и агитаторов.

Ввиду такого положения вещей, мною в имение Ополь была вызвана рота 194 пехотного Мстиславского полка, но, несмотря на это, крестьяне продолжали угрожать помещику, заставили батраков и рабочих на винокуренном заводе разбежаться, и начались всякие самоуправства их в имении. Требования их теперь свелись к немедленной уступке им 600 десятин земли и весьма значительных денежных сумм, отпуске сена и хлеба по установленной ими самими таксе и плате батракам имения по 1 рублю в день. Не взирая на все усилия властей и священника уговорить крестьян прийти к мирному соглашению с помещиком, они заявили, что если их требования не будут удовлетворены, они на другой день, 17 декабря, разгромят имение. Действительно, утром означенного числа громадная толпа крестьян, свыше 1000 человек, стала со всех сторон наступать на имение, руководимая, повидимому, отставными солдатами и запасными, и вскоре окружила усадьбу совершенно. Последняя защищалась только 35 солдатами,— всем составом роты, низведенной до этой цифры, благодаря увольнению всех запасных. Бунтовщики, очевидно уверенные, что у солдат холостые патроны или что в них стрелять не будут, приближались весьма уверенно и первый холостой залп их нисколько не остановил. Тогда по приказанию командира роты войска взяли в прицел главарей крестьян и дали подряд два залпа, в результате которых оказалось трое убитых и десять раненых, из коих 2 умерло на другой день; остальным оказывается врачебная помощь. Толпою против всех ожиданий овладела страшная паника и все разбежались.

Ночью в Ополь прибыл командированный мною для успокоения уезда непременный член губернского присутствия действительный статский советник Столяров, вместе с исправником и полуэскадроном драгун, и произвел на другой день аресты всех оставшихся в живых подстрекателей, всего 18 человек...

Губернатор Блок.

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 15, л. 51.

Телеграмма могилевского губернатора министру внутренних дел, 30 декабря 1905 г.[1]

В Климовичском уезде толпой 600 крестьян остановлен винокуренный завод помещика Комара, один стражник избит, другие обезоружены, пристав арестован буйствующими, направляющимися в другие уезды. Спешно прошу Московский штаб прислать воинскую часть Смоленского гарнизона.

Управляющий губернией Подседлевич.

Телеграмма климовичского предводителя дворянства министру внутренних дел, 6 января 1906 г.[2]

Я считаю нравственным долгом доложить вашему высокопревосходительству, не преувеличивая фактов, взвешивая с совершенным самообладанием и полным хладнокровием, что настоящее положение дел в Климовичском уезде Могилевской губернии вполне выяснилось: революционное движение со стихийной быстротой и силой охватывает крестьянские массы. Бахмутский уезд выбросил к нам несколько тысяч необузданной революционно-настроенной крестьянской молодежи, шахтеров, почти поголовно вооруженных; почва подготовлена местными и приезжими агитаторами. Доселе спокойные крестьяне старшего возраста неудержимо увлекаются новым движением; при собеседованиях они как бы соглашаются и порицают насилия, но при первом случае примыкают к нему. Погромы усадеб с разграблением имущества ежедневны, главные агитаторы и грабители, поджигатели не могут быть арестованы, ввиду их сплоченности и недостаточности наличных сил местной администрации; новоучрежденные стражники не могут быть набраны в положенном количестве, ввиду их отказа нести эту службу, но и полный комплект 72 недостаточен на уезд, радиус которого сто верст. Ожидаемая сотня драгун в настоящее время уже недостаточна; что вчера казалось невероятным, сегодня совершившийся факт, следует принятие чрезвычайных мер и присылка конных войск, ввиду отдаленности уезда от железной дороги и во избежание непоправимых бедствий, громадных убытков и разорений и разнузданной анархии.

Личным докладом выяснил бы точное положение дел и подкладку всего происходящего, но долг присяги и безвыходное положение землевладельцев, принужденных выехать из своих усадеб, заставляет меня не покидать уезд, ободряя их надеждой на присылку правительственной помощи, на которую мы, как верноподданные, надеемся. Уезд граничит с Черниговской, Смоленской и Орловской губерниями. Быстрое, неотложное и энергичное подавление движения в Климовичском уезде задержит дальнейшее и неминуемое распространение на соседние уезды Могилевской губернии. Все вышеизложенное достоверно, судьба дальнейшего зависит от вашего высокопревосходительства[3].

Климовичский предводитель дворянства Гюббенет.

Телеграмма могилевского губернатора министру внутренних дел, 20 января 1906 г.[4]

18 и 19 выезжал в деревни, окрестные имения помещика Комара, граница Чериковского, Климовичского уезда, крестьяне которых ока-

[1] ДП, о. о., 2 отд., 1906 г., д. № 700, ч. 17, л. 15.

[2] Там же, лл. 41—46.

[3] Министр внутренних дел Дурново по получении публикуемой телеграммы отдал телеграфное распоряжение командующему войсками Виленского округа «подавить самыми решительными мерами разгорающийся мятеж в Климовичском и Чериковском уездах... действовать без малейшего снисхождения и истреблять грабителей силою оружия...» (то же дело, л. 47).

[4] ДП, о. о., 2 отд., 1906 г., д. № 700, ч. 17, л. 118.

зывали сопротивление полиции, силою задержали пристава, обезоружили стражников, предъявили непомерные требования помещикам, расхитили лес, оказали мне пассивное сопротивление: приказания выдать зачинщиков не исполнили. Вынужден был прибегнуть к суровым мерам; сжег одиннадцать овинов, три дома, одну баню и один дом разрушил и наказал розгами четырех. Такие исключительные меры водворили порядок, привели крестьян к сознанию виновности. Двадцатого утром явились крестьяне трех волостей; разъяснил им законные способы улучшения их быта и последствия своеволий. Виновные принесли раскаяние и привели зачинщиков; все клялись розыскать скрывшихся подстрекателей. Арестовано пять и приведено крестьянами десять. Водворено полное спокойствие; получил вполне благоприятные сведения о Горецком уезде, поэтому выезжаю в Могилев.

Губернатор Гагман.

Донесение помощника начальника Могилевского губернского жандармского управления в Гомельском, Рогачевском и Быховском уездах в департамент полиции, 31 мая 1906 г. [1]

Из агентурных источников мне сделалось известным, что между войсками Гомельского гарнизона ведется деятельная противоправительственная пропаганда [2], при чем наиболее восприимчивым к ней представляется батальон из 500 новобранцев призыва сего года Абхазского полка, ожидающих здесь прибытия с Дальнего Востока своей части.

22-го сего мая начальником гарнизона уже получено анонимное письмо, в коем осмеивают его приказ, подтверждающий отдание чести воинскими чинами при взаимных встречах и высказывается, что «теперь же не прежнее время... береги свое пузо... и проч.», а 28-го сего мая им же получена уже печатная прокламация: «Граждане-русские» за подписью 26-ти русских писателей, издание типографии Бусселя, Невский, 126 [3], с припискою, что новобранцы вполне согласны с содержанием этой прокламации, советующей не бить, а защищать евреев от погромов, и постараются «объединиться», но только не в духе военной дисциплины и преданности престолу, а «по своему».

К выяснению агитаторов приняты мною все меры, а также усилен надзор и со стороны военного начальства.

Замечается, что нижние чины, в ночное время, начинают устраивать, правда, небольшими группами, человек в 15-ть, какие то сходки вне лагерного расположения, за чем тоже учреждено наблюдение.

Подполковник Кравченко.

---

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 1877, ч. 39, л. 23.

[2] Пропаганду среди войск Гомельского гарнизона проводила военно-революционная организация при Гомельском районном комитете РСДРП. В мае она выпустила прокламацию «К солдатам» общеполитического характера с объяснением событий, происходящих в стране и с призывом не слушать начальство, которое посылает стрелять в голодных крестьян или рабочих, борющихся за свободу и землю, не поднимать руки на своих же братьев, а протянуть им руку помощи. Прокламация отпечатана в типографии комитета тиражем в 1 000 экз. (ДП, о. о., 1905 г., д. № 1877, ч. 6, л. 26).

[3] Листок «Граждане русские» был выпущен в феврале 1906 г. за подписью 26 писателей с призывом к русским гражданам препятствовать организации погромов: «Русские граждане! помогите нам своим трезвым словом, примером и делом. Уговорите слабых, остановите пьяного, удержите руку насильника. Не оставайтесь равнодушными свидетелями: тот, кто может предотвратить убийство и не делает этого,— сам убийца!» (инв. № 21754).

Из донесения начальника Минского губернского жандармского управления в департамент полиции, 9 июня 1906 г.[1]

4-го сего июня, в лесу за еврейским кладбищем, в 2-х верстах от местечка Барановичи, состоялся митинг нижних чинов железнодорожной бригады, где присутствовало до 600 человек нижних чинов и много еврейской молодежи[2].

На митинге речи говорились по поводу неопределенного положения Государственной думы и недавних событий в городе Белостоке[3]. В последнее время означенные нижние чины открыто говорят, что «бритва настолько близка к волосу, что надо ожидать каждую минуту, что он будет перерезан и тогда последуют дальнейшие события, в которых они примут участие».

Полковник Всесвятский.

Из донесения Гродненского губернского жандармского управления в департамент полиции, 16 июня 1906 г.[4]

Доношу, что за последние дни заметно было проявление брожения среди нижних чинов Осовецкой крепостной артиллерии, которые собирались кучками и вели очень оживленные беседы. В лагерях, после переклички, нижние чины расходятся по палаткам с шумом и криком: «Домой!» 8 июня, вечером, к этим крикам прибавлялись слова: «Дайте портянки, полотенца, наволочки». Объяснение этих криков можно найти в том, что после объявления высочайших милостей крепостной артиллерии ничего не выдано, тогда как Осовецкий крепостной пехотный полк нашел возможность хозяйственным способом удовлетворить солдат.

9 июня возбужденное настроение нижних чинов крепостной артиллерии выразилось в следующем виде: в 9½ часов вечера, после зари, дежурный по лагерю капитан Осовецкого крепостного пехотного полка Маркелович, обходя лагерь, обратил внимание, что нижние чины крепостной артиллерии собираются кучками и кричат, видимо волнуясь... Нижние чины заявили неудовольствие на неполучение некоторых аммуничных денег, годовых вещей и на другие экономические нужды и на строгость и придирчивость четырех офицеров. Вместе с тем они жаловались, что в письмах с родины им сообщают о безобразиях, производимых казаками при усмирении народонаселения.

10 сего июня в 1 час дня вр. исп. должность коменданта крепости, начальник инженеров крепости генерал-майор Кюстер, посетил лагерное расположение крепостной артиллерии. В тот же день по возможности стали удовлетворять претензии нижних чинов в виде выдачи

---

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 1877, ч. 38, л. 47.

[2] Митинги происходили в течение всего мая.

27 мая состоялся в лесу близ м. Барановичи митинг 600 солдат, на котором обсуждался вопрос лишения офицеров денщиков. 1 июня солдаты предъявили требование улучшения пищи. 2 июня состоялся митинг около 900 солдат железнодорожной бригады (то же дело, лл. 44—45).

[3] 2 июня 1906 г. провокационными выстрелами в крестные ходы был вызван еврейский погром в Белостоке. Местная власть бездействовала, драгуны способствовали погрому. Сотни жертв и многочисленные протесты населения городов России вызвали расследование белостокского погрома в Государственной думе, в результате чего был снят временный белостокский генерал-губернатор и временно отстранен от должности городской голова (ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 21, лит. А).

Военно-революционная организация при областном Северо-Западном комитете РСДРП выпустила прокламацию «К солдатам» с объяснением провокационной роли полиции в белостокском погроме, с призывом обратить свое оружие против главного врага, царского самодержавия (инв. № 7522).

[4] ДП, о. о., 1905 г., д. № 1877, ч. 18, лл. 61—62.

им рубашек. Настроение среди крепостной артиллерии как у офицеров, так и у нижних [чинов] подавленное. День и ночь с 10 на 11 сего июня прошли в артиллерии спокойно. По слухам виновата в беспорядках Осовецкая крепостная саперная рота, которая, как говорят многие артиллерийские офицеры и нижние чины, могут и подстрекать своих соседей — 2 батальон крепостной артиллерии...

Для расследования вышеупомянутого происшествия приехал из г. Варшавы командир 1-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенант Шутлеворт[1].

Генерал-майор Пацевич.

Из отношения минского губернатора в департамент полиции, 17 июня 1906 г.[2]

Во многих имениях Новогрудского уезда с 6 сего июня начались забастовки рабочих-батраков; крестьяне в нескольких случаях насильно заставляли рабочих прекращать полевые работы и сами также не являлись на поденные работы в имения. В большей степени такое явление выразилось в районе 5 стана того же уезда и в фольварке «Малявко» князя Святополка-Мирского, где 8 сего июня прибывшими туда приставами 4 и 5 станов с отрядом стражников застигнута толпа крестьян, мужчин и женщин, с подводами на поле при скошенном клевере. С появлением полиции многие из толпы скрылись в лес, оставшиеся же в числе 20—30 человек, преимущественно женщины, кричали и размахивали кольями, а на требование разойтись — отвечали отказом, в виду чего отрядом стражников они были удалены с поля.

По получении об этом сведений новогрудский уездный исправник в ночь на 9 июня с новым отрядом стражников выступил в местности, охваченные стачками против помещиков, при чем посещены были Уша князя Святополка-Мирского, где батраки приступили уже к работам, и имение Городея того же владельца, крестьяне отдельных селений которого в большей степени проявляли стремление к прекращению работ в имениях. В соседних деревнях: Деречинцах, Заречье и Малявщине арестовано шесть человек крестьян, агитировавших к насильственному прекращению работ. При аресте крестьяне бросились с кольями на стражников, желая не допустить ареста зачинщиков, но были рассеяны. Далее исправником посещены имения: Островики — помещика Булгака, Просцы — Протасевича и Полонечка — князя Радзивилла, где в ближайших селениях: Просцах и Репичах арестовано 4 агитатора. Наконец в ночь на 15 июня в им. Пузиневичи-Умястовской, в дер. Новом-селе арестовано 3 агитатора. При аресте крестьяне держали себя крайне вызывающе, протестуя против ареста своих односельчан...

и. д. губернатора Курлов.

Отношение минского губернатора в департамент полиции, 24 июня 1906 г.[3]

Сообщаю департаменту полиции, что 2 сего июня в им. Корженевщина, Слуцкого уезда, владельца Лопата, явились крестьяне соседней деревни Прончаков, Даревской волости и, потребовав от нахо-

[1] Расследование о руководителях движения не дало никаких результатов, т. к. «среди нижних чинов полная сплоченность и добиться ничего нельзя; между ними решено ни под каким видом ничего не выдавать и умалчивать даже при разговорах между собой о фамилиях солдат, принимавших участие в движении».

[2] ДП, о. о., 2 отд., 1906 г., д. № 700, ч. 8, л. 50.

[3] Там же, л. 62.

дившихся на полевых работах того имения крестьян с. Подлесья прекращения работ, поломали им косы. Последние, возвратившись домой, рассказали о происшедшем своим односельчанам, объявив цель и причины бывшего там случая. Крестьяне решили прекратить полевые и другие в соседних имениях работы до назначения рабочей платы: мужчинам 1 р. 50 коп. и женщинам 1 р. в день, тех же, кто не исполнит такого постановления, удалять силою с работ, и для наблюдения за исполнением такого постановления выбрано из среды крестьян несколько лиц «попечителей», беднякам же решено выдать ссуды из хлебозапасного магазина.

В силу означенного постановления крестьян, на следующий день 5 июня толпа крестьян с Полесья явилась в им. Старые Ляховичи в отсутствии арендаторов, предложила батракам прекратить работы, после чего с шумом удалилась, и в течение нескольких дней на частные работы почти никто не ходил, опасаясь угроз расправиться по своему. В субботу 10 сего июня семь человек крестьян того же села явились к 4 батракам фольварка Свисковщины на клеверное поле, которое они косили, и насильно прекратили работы, поломав рабочим косы.

Выезжавшим на место беспорядков 11 июня слуцким исправником и земским начальником 6 участка разъяснена крестьянам незаконность их действий и ответственность за это. По выслушании заявлений крестьян о нужде, им предложено было прислать в местное волостное правление уполномоченных лиц для совместного с соседними землевладельцами установления нормальных цен на все виды труда, но один из пользующихся среди населения уважением крестьянин громогласно заявил, что крестьяне не пойдут в экономии на работы дешевле, как по 1 руб. 50 коп. в день, бедным же крестьянам будет выдана ссуда из хлебозапасного магазина, а если арендатору или владельцу имения это не выгодно, то пусть продают имения им же крестьянам. Такая речь поддержала в крестьянах твердость настоять на своем и действительно на предложение прибыть для переговоров об установлении цен никто не явился.

На следующий день 12 июня, под влиянием общего возбуждения крестьян к увеличению заработной платы[1], прекратили работы батраки в им. Старые Ляховичи; забастовка продолжалась всего лишь один день, так как арендатором увеличена плата на 35 рублей в год. Главные руководители забастовки и подстрекатели арестованы и вместе с произведенным полицией по сему делу дознанием переданы судебной власти.

и. д. губернатора Курлов.

Донесение начальника Гродненского губернского жандармского управления в департамент полиции, 24 июня 1906 г.[2]

21 сего июня в гор. Гродно на Неманской переплетной фабрике Лангборта рабочие прекратили работу и объявили забастовку, предъявив нижеследующие требования:

1) Уменьшение рабочего дня на ½ часа, вместо 9½ — 9 часов работы.

2) Увеличение заработной платы:

а) получающим от 3—10 рублей на 3 рубля в месяц.

б) от 10—25 — 4 рубля.

---

[1] Так в подлиннике.

[2] ДП. о. о., 2 отд., 1906 г., д. № 4, ч. 12, л. 6.

в) от 25 и больше — 3 рубля.

женщины:

г) от 3—10 рублей — 3 рубля.

д) от 10 и более — 2 рубля.

3) Минимальная плата поступающим мальчикам и девушкам — 6 рублей.

4) Плата за время забастовки и

5) Никто не должен пострадать за забастовку.

Администрация этой фабрики ответила забастовщикам представляемым при сем объявлением, отпечатанным с разрешения полицеймейстера [1].

Пропагандировать это объявление и воздействовать на рабочих добровольно приняли на себя служащие в конторе фабрики.

23 сего июня в гор. Брест-Литовске забастовали типографские рабочие, требуя 8-ми часового рабочего дня; до сего времени работали 9 часов [2]. Обе забастовки проходили мирно без насилий.

Генерал-майор Пацевич.

Отношение минского губернатора в департамент полиции, 1 июля 1906 г. [3]

26 истекшего июня в г. Борисове рабочие спичечных фабрик «Виктория» Соломонова и «Березина» Лурье прекратили работы, требуя 10% прибавки к заработной плате и кроме того, чтобы фабрики были посещаемы врачем не менее двух раз в неделю и ежедневно фельдшером. На фабрике «Виктория» в лесопильном отделении работы не прекращались и желающим работать бастующие не препятствовали.

Администрация обеих фабрик изъявила готовность увеличить плату до требуемого размера, но по истечении лишь шести месяцев и при условии существования синдиката спичечных фабрикантов, на что рабочие не согласились, настаивая на ежемесячной уплате денег.

Об изложенном сообщаю департаменту полиции; присовокупляю, что никаких насилий со стороны рабочих проявлено не было и все они мирно разошлись по домам [4].

И. д. губернатора вице-губернатор Чернцов.

Из донесения начальника минского губернского жандармского управления в департамент полиции, 17 августа 1906 г. [5]

Забастовки крестьян в Еремичской и Кореличской волостях Новогрудского уезда продолжаются; особенно в Еремичской волости таковые пустили широкие корни, там образовались забастовочные комитеты из местных крестьян, которые, посредством распространения прокламаций и устных речей, поддерживают забастовку в самых широких размерах, так что крестьяне не желают итти на работы к помещикам ни за какое вознаграждение, особенно в имениях Обрина — поме-

[1] В объявлении администрации Неманской фабрики осуждаются предъявленные рабочими требования во время стачки, утверждается неисполнимость их и требуется от рабочих безусловное повиновение фабричной администрации (то же дело, л. 7).

[2] Типографские рабочие выиграли стачку, добившись 8-ми часового рабочего дня (то же дело, л. 9).

[3] ДП, о. о., 2 отд., 1906 г., д. № 4, л. 6.

[4] Забастовка окончилась 5 июля соглашением с фабрикантами о прибавке 10% к зарплате в виде премии, которая будет выдаваться по истечении каждого месяца и кроме того об уплате половины жалованья за время забастовки (то же дело, л. 7).

[5] ДП, о. о., 2 отд., 1906 г., д. № 700, ч. 8, лл. 115—116.

щика Касчица и Пузиневичи — помещика Умястовского, арендуемое дворянином Дзерзиевским; даже за половину сенокоса не желают работать, который в прежнее время они работали за шестую — девятую части и без которого ни одна деревня не может обойтись. В рабочих особенно нуждаются вышеназванные имения Обрина и Пузиневичи, в которых, несмотря на пришлых рабочих, полевые работы и уборка хлеба очень медленно подвигаются. Местный священник Алексей Русецкий, живя в хороших отношениях с помещиком Касчицом, старался уговорить крестьян прекратить забастовки...

В ночь на 23 того же июля, по полученным негласным сведениям, приезжал из города Минска в местечко Еремичи какой-то молодой человек, повидимому студент, еврей, который в ту же ночь устроил на пастбище, вблизи местечка Еремичи при реке Немане, большой митинг, на котором кроме съехавшейся молодежи присутствовало много крестьян из деревень Еремичской и соседних волостей, которые по слухам раньше оповещены были об этом.

На митинге оратор говорил пламенные речи, крестьяне качали его на руках. Он в своих речах нападал на правительство и порицал верховную власть и в ту же ночь уехал из местечка Еремичи обратно на станцию Столбцы.

2 сего августа Новогрудский уездный исправник Соколов, с полицейским надзирателем Орловым, командою конных стражников и при содействии жандармского унтер-офицера Валенцюкевича, произвели обыски в местечках Еремичах и деревнях Бычковичах и Малосельцах, арестовали трех крестьян, заподозренных в подстрекательстве крестьян к забастовке и в участии в митингах... У всех арестованных найдены прокламации социал-демократической рабочей партии [1].

Арестованные содержатся при Новогрудском уездном полицейском управлении.

Вследствии изложенного мною сделано распоряжение о производстве дознания в порядке 1035 ст. уст. угол. судопр.

Полковник Всесвятский.

---

[1] В газете «Социал-демократ» № 2 от 6 октября 1906 г. помещена корреспонденция отчетного характера о работе в деревне Минской окружной крестьянской организации РСДРП: ...«Связей у нас много. Почти во всех городах и местечках имеются небольшие группы или отдельные работники с.-д., занимающиеся агитацией среди крестьян, распространяющие литературу, организующие крестьянские комитеты по деревням. Местами у нас есть даже волостные крестьянские комитеты, которые сами собирают со своих членов деньги, выписывают из Минска литературу и агитаторов, заказывают для себя печати.

За минувшее лето Минский окружной комитет провел не менее 50—60 митингов, распространил в нескольких тысячах экземпляров «Выборгское воззвание», «Манифест к крестьянам», подписанный 7-ю организациями, воззвание к армии и флоту от трудовой группы и с.-д. фракции, рассылал по деревням множество легальных брошюр, организовал ряд крестьянских комитетов. То же самое делали и наши местные группы (районные и волостные комитеты). Наши агитаторы местами проводили или поддерживали стихийно вспыхнувшие сельско-хозяйственные забастовки, вели кампанию против «монополий», боролись со стражниками и сельской администрацией»...

21 сентября были арестованы крестьяне деревни Грусково, Сновской области Новогрудского уезда, при обыске у коих взят был проект устава Минской окружной крестьянской организации при РСДРП и печать Сновского волостного комитета организации (ДП, о. о., 1907 г., д. № 5, ч. 32, лл. 19—31.)

Англо-русский инцидент со шхуной „Виксен“

(1836—1837 гг.)

В истории международных отношений англо-русский инцидент со шхуной «Виксен» в 1836—1837 гг. занимает видное место. Захват русскими военными властями английской шхуны «Виксен» у восточных берегов Черного моря в 1836 г. вызвал резкое обострение англо-русских отношений.

На этот важнейший этап во взаимоотношениях Англии и России обратил в свое время внимание К. Маркс в своих статьях, посвященных лорду Пальмерстону[1], виднейшему «english statesman» в области внешней политики. К. Маркс в этих статьях всесторонне осветил традиционную политику Англии и России на Ближнем Востоке, англо-русские противоречия и инцидент со шхуной «Виксен». Ленин в статье «О сепаратном мире» подчеркивал захватнический, разбойничий характер внешней политики Англии и России на Востоке: «...за все это долгое время Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов»[2].

Дворянская и буржуазная историография в России всячески избегала освещения «щекотливых» вопросов из истории внешней политики. Истории англо-русского инцидента со шхуной «Виксен» в русской литературе посвящены, в полном смысле этого слова,— одни отрывочные сведения, заметки в работе С. С. Татищева,— Внешняя политика императора Николая I (1887 г.), и в документальных обзорах Мартенса Ф.,— Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. XII.

Более или менее обстоятельная статья об этом инциденте «Английская шхуна «Виксен» военный приз, взятый бригом «Аякс» у берегов Кавказа в 1836 году», написанная капитаном этого брига П. Вульфом, с разрешения цензуры дозволена была к печатанию только в специальном техническом журнале — «Морском сборнике» за апрель 1886 года.

Не лучше обстоит дело с публикацией архивных документов. Научной, полной публикации по этому вопросу у нас еще нет. Отдельные документы о захвате шхуны «Виксен» были опубликованы в разное время и в различных изданиях — Кавказском сборнике (т. III), Актах Кавказской археографической комиссии (т. IX), Архиве Раевских (т. II, III). Вот и все, что мы имеем по данному вопросу.

Изучение этих вопросов базировалось до сих пор на английских публикациях «Portofolio», издававшихся Давидом Уркартом, который в течение пятидесяти лет «неустанно работал над тем, чтобы ознакомить своих соотечественников с целями и методами русской дипломатии, которые он понимал в совершенстве»[3].

Англо-русский инцидент со шхуной «Виксен» имел место у северо-восточных берегов Черного моря. Эта территория, искони населенная многочисленными черкесскими воинственными племенами (шапсуги, натухайцы, абадзехи, бжедухи, темиргоевцы, гатюкайцы, гуаие, жанеевцы, бесленейцы и др.), занимала

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 484—584.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 281—282.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 5.

весьма выгодное положение — в экономическом, политическом и военно-стратегическом отношениях.

В экономическом отношении Черкесия представляла собой богатый край (замкнутый в форме треугольника между Анапой, Екатеринодаром и Гаграми), изобиловавший разнообразнейшими естественными и сырьевыми источниками и ресурсами. Царская Россия издавна стремилась к тому, чтобы овладеть этим лакомым куском.

В торговле с Черкесией была заинтересована самая богатейшая в мире страна, «мастерская мира» — Англия. Английская торговля, подобно року, неумолимо наступала «на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Инда и с Черного моря» [1]. Английский экспорт в гавани Черного моря в 40-х годах XIX в. составлял примерно около 2 мил. фунтов стерлингов. В частности, в Черкесии открывалось новое поле для английской торговли. В статье под заголовком — «Чего стоит нам лорд Пальмерстон» уркартовский орган «The Free Press» указывал, что отказ от права торговли с Черкесией обходится Англии в 100 тысяч фунтов стерлингов в год [2].

В Константинополь ежегодно приходило 200 судов с местными черкесскими товарами, при чем все импортные товары были английского происхождения. Не менее крупное значение имела Черкесия и в политическом отношении, как составная часть т. н. Восточного вопроса. Английский посол в Турции — Понсонби, в 1837 г. писал Пальмерстону: «никто из людей не оценивает так высоко значимости Черкесии для сохранения политического равновесия в Европе, как я».

С конца XVIII в. Черкесия приобретает и первостепенное военно-стратегическое значение.

Для султанской Турции Черкесия, как ее полувассальное владение, в течение веков рассматривалась так же, как и Англией с конца XVIII в. (с момента захвата Индии), как существенный фактор в борьбе, в соперничестве с Россией. Для царской же России Черкесия являлась ключем к эффективной обороне против Турции. Черкесия, по замечанию Маркса, представляла одну из важнейших «горных крепостей Кавказа» [3]. Черкесия являлась, как бы «барьером, разделяющим кавказские владения России и делающим непрочными приобретения на границе с Турцией» [4].

Об огромном стратегическом значении Черкесии Давид Уркарт писал: «Если Персия является заставой Индии, то еще в большей мере ею является Черкесия, которая защищает Афганистан и которая наравне с Персией защищает и Индию» [5].

В целом ряде речей этот «пророк Востока» заявлял (имея ввиду более далекие перспективы расширения и усиления господства Англии в Азии), что Черкесия должна быть превращена в колонию Англии, ибо она по своему стратегическому значению есть «непосредственный форпост Турции и Персии, «бастион Индии», «охрана доступа в Азию», «необходимый для английских азиатских владений защитный барьер» [6].

И неудивительно, что борьба за обладание черкесским побережьем велась между этими странами с таким упорством, хитростью, лукавством, подкупом, мошенничеством, традиционными кознями и отыскиванием слабых сторон противника, вероломством, убийствами. Черкесский вопрос порождал многочисленные споры, тяжбы, дипломатические конфликты, инциденты, особенно в период одной из самых продолжительных, мучительных, кровавых и опустошительных войн (Кавказской войны) в истории колониальных захватов и грабежей. Эту примечательную особенность «черкесского вопроса» удачно схватил

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 383.
[2] The Free Press, № 29, 1857.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 13.
[4] The Free Press, vol. III, № 15, p. 116.
[5] Ibid., № 15, p. 115.
[6] Ibid., vol. VI, № 16.

французский посол в Вене Сент-Олер в своей депеше от 1/II 1837 г. французскому послу в Петербурге барону Баранту: «Если я замечаю на горизонте небольшое облачко, то это там, на берегу Черкесии»[1].

Обострение англо-русских отношений в области восточного вопроса, вообще, в его составной части — черкесском вопросе — в частности, началось уже после заграничных походов России 1813—1814 гг. против английского соперника — Франции. Уже в 1815 г., несмотря на крепкий союз и тесную дружбу Англии с Россией, английские офицеры, агенты всячески противодействовали ген. Ермолову в деле ведения Кавказской войны. Это был уже симптом коренных разногласий между Англией и Россией задолго до шумного и крикливого инцидента со шхуной «Виксен» в 1836 г. В ответ на активизацию английских агентов на Кавказе английскому правительству сделано было представление, в котором русское правительство изложило свои основные аксиоматические принципы отношений к азиатским народам: «никогда не допускать в отношении подобных столкновений ни посредничества, ни вмешательства, ни даже добрых услуг иностранной державы и рассматривать эти отношения скорее как домашние дела»[2]. После представления этого документа лорд Кастльри — английский министр «весьма красноречиво промолчал»[3].

Сохраняя внешне дружественные отношения с Россией, Англия весьма умело использовала и Турцию — эти чужие руки для ослабления России на Кавказе. Особенно много было турецких, английских и иных агентов в Анапе.

Когда Туркманчайский договор (1828 г.) превратил Иран в вассала России, а Адрианопольский мир (1829 г.) санкционировал притязания России на Кавказ, Англия в лице Пальмерстона, Понсонби и Давида Уркарта начала переходить от эпизодических наскоков, от отдельных кампаний к широкой системе наступательных действий, которые должны были бы отбросить Россию за Кубань, за Азовское побережье к т. н. границам допетровской Московии.

В связи с усилением России в Турции, английское правительство принимало меры предосторожности и готовилось к серьезной борьбе против России. 15/27 ноября 1829 г. Николай I узнал, что английский военный фрегат «Blonde» проскочил через проливы в Черное море и вошел в Севастопольскую гавань.

Принято было решение отправить линейный корабль и фрегат в Босфор и потребовать объяснения от английского кабинета. С этого момента наступает полоса напряженных отношений между Англией и Россией, когда «всякое тесное сближение между обеими державами сделалось совершенно немыслимым»[4]. Начавшееся систематическое завоевание северо-западного Кавказа, Черкесии Россией подрезывало выгодный промысел Турции — вывоз черкесского «живого товара» на невольничьи рынки Востока. Действия русского флота у северо-восточных берегов Черного моря сократили сравнительно обширную торговлю Англии с Черкесией.

Особенно обострились противоречия между Россией и Англией после 1833 г., когда Россия приступила к решению своей «главной задачи» — завоеванию и руссификации Кавказа. Англия, ущемленная Россией на черкесском побережьи и в проливах, считала тоже главной своей задачей — оттеснить Россию с Кавказа и свести на нет ее влияние в Турции. Противоречия между этими двумя державами превращали их в яростных врагов на Ближнем Востоке. «Эти страны есть и всегда будут противниками на Востоке»[5] — писали основоположники марксизма. Доктрина Нессельроде (отношение к азиатским народам — домашнее дело России), интриги Англии в русско-иранских и русско-турецких отношениях, Адрианопольский мир, ограничение англо-турецкой торговли на черкесском побережьи, Ункиар-Искелесси — это не что иное, как основные

[1] См. ниже, стр. 227.
[2] Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, т. XI, стр. 265.
[3] Там же, стр. 266.
[4] Там же, стр. 417.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 384.

вехи, по которым можно проследить нарастание кризиса в англо-русских противоречиях вплоть до его трескучего проявления в инциденте со шхуной «Виксен», посланной Англией к берегам Черкесии с провокационной целью — вызвать Россию на военный конфликт.

Одной из примечательных черт английской внешней политики на Кавказе является подготовка различных провокационных приемов. К числу таких тщательно подготовленных провокаций относится непрерывная посылка шхун и бригов к черкесским берегам, особенно после 1833 г., именно с того момента, когда виднейший английский деятель, активный агент, русофоб — Давид Уркарт [1] посещает Турцию и Черкесию. В результате своей агентурной поездки на Кавказ в 1834 г. он написал книгу «England, France, Russia and Turkay», вызвавшую интерес в английском обществе. Назначенный в 1835 г. на пост секретаря английского посольства в Константинополе, он развертывает активную деятельность против России, налаживает связи с горцами Кавказа на предмет использования их, как английского орудия в борьбе с Россией.

В 1835 г. с его ведома к восточным берегам Черного моря прибывает капитан Лайонс с поручением возбудить горское население против России. Английский агент — капитан Дринкватер, на пароходе «Плутон», на котором прибыл английский посол в Петербурге лорд Дюрем в Одессу, тщательно осматривал и изучал северо-восточные берега Черного моря. 17 мая 1835 г. в 9 милях от Геленджика была задержана русским бригом «Кастер» английская шхуна «Lord Charles Spencer». По прибытии в Геленджик шхуна подверглась осмотру и затем была освобождена, поскольку на ней не оказалось оружия и военных припасов, предназначенных для горцев. Но освобожденная шхуна «Lord Charles Spencer» на обратном пути «высматривала тамошние укрепления». С этой целью она «намеренно держалась ближе к берегам для высматривания» [2]. По всей вероятности на эту шхуну и были возложены задачи разведывательного порядка.

Не довольствуясь собиранием агентурных сведений с черкесского побережья, английское правительство искало повода спровоцировать Россию на военный конфликт. Во имя этого нужно было бросить перчатку своему сопернику — царской России, которая тоже угрожала десантом на Босфоре. И эта перчатка была брошена. Английское правительство, не считаясь с русскими правилами плавания по Черному морю, посылает к черкесским берегам вооруженную шхуну «Виксен», которая была обнаружена бригом императорского флота «Аякс» на якоре в глубине бухты Суджук-Кале, в том месте побережья, где не было ни таможни, ни карантина. К этому времени экипаж шхуны сумел выгрузить и сдать черкесам груз, состоявший из пороха, пушек, оружия и соли.

Английское правительство, снабжая черкесов оружием, имело своей целью затянуть Кавказскую войну и тем самым обессилить «Россию в экономическом и финансовом отношениях» [3]. Англия принимала все меры к тому, чтобы расстроить действия русского военного флота у черкесского побережья. Царизм считал своей основной задачей — ускорение завоевания Черкесии с тем, чтобы превратить ее в колонию. Черноморский флот должен был пресекать контрабандную торговлю Англии и Турции с Черкесией, охранять свои владения от занесения чумной заразы (из Турции) и наконец задерживать иностранных агентов-шпионов.

По получении сведений о нарушении английской шхуной «Виксен» таможенных и карантинных правил Николай I приказал объявить шхуну призом. Захваченная в качестве приза шхуна «Виксен» была передана в состав Черноморского флота и получила новое название «Суджук-Кале». Капитан шхуны

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 390—391; т. XXV, стр. 203, 361—362.

[2] Архив внешней политики, МИД, Азиатский департамент, д. № 6, л. 11—12.

[3] ЦВИА, ВУА, д. № 49741, л. 13.

Чайлдс и купец Белль, зафрахтовавший шхуну, со всем экипажем были отправлены на казенный счет в Одессу, а затем в Константинополь.

В своих протестах по поводу захвата русскими властями шхуны «Виксен» английское правительство угрожало войной. Пальмерстон в беседе с русским послом Поццо-ди-Борго по вопросу об инциденте со шхуной «Виксен» разразился невероятной филиппикой против России: «Да,— сказал он,— Европа слишком долго спала. Она наконец проснулась, чтобы положить предел захватам, которые император намерен привести в исполнение на всех границах своей обширной империи» [1]. Этот разговор привел Поццо-ди-Борго «к твердому убеждению, что английский министр желает войны, и если он еще долго останется у дел, то достигнет своей цели» [2].

Инцидент со шхуной «Виксен» вызвал шумную мировую сенсацию и втянул Россию в войну дипломатическую, в войну за привлечение на свою сторону т. н. общественного мнения. «Этот инцидент,— доносил Нессельроде русский посол в Константинополе Бутенев,— возбудил шум в прессе и напыщенные речи против прав России на восточном побережье Черного моря».

Русская дипломатическая агентура подкупала иностранных журналистов, которые писали статьи в защиту России, рисуя ее как страну, несущую истинную цивилизацию в Азию, где народы издревле прозябают и коснеют в невежестве. Русские послы сочиняли исторические записки, где доказывались законные права России на Черкесию со ссылкою на русско-турецкие мирные договоры XVIII—XIX вв., особенно на Адрианопольский. В исторических сочинениях указывалось, что Россия ведет войну с Черкесией во имя прекращения хищничества, разбоя, пресечения постыдного и варварского торга людьми, внедрения «мира и гражданского порядка».

Иностранная пресса того времени изобиловала различного рода статьями о правомерности русских притязаний на Черкесию. Меттерних считал, что право на стороне России и что этот инцидент вызван к жизни по его мнению «злой волей Понсонби и еще более ненавистнической волей господина Уркарта» [3]. Он склонен был предполагать, что этот инцидент рассчитан на то, чтобы вызвать прения в английском парламенте. И действительно в английской прессе по поводу захвата шхуны «Виксен» был такой шум, что это любому напоминало о большом значении тех событий, которые были связаны с Кавказской войной и укреплением России на Черном море. В этой многоголосой и многоликой шумихе раздавались голоса и за и против России, но более — против. Но самыми яростными нападками против России и тех английских деятелей, которые поддерживали царя, были острые стрелы, язвительные филиппики, угрозы, исходившие от Уркарта, который считал, «что для действительного отпора наскокам России надобно быть тори (или же турком)» [4]. Война за общественное мнение Европы принимала широкие размеры.

Царское правительство, считая себя неподготовленным к войне с Англией, стремилось локализовать возникший инцидент, не дать ему разрастись до военного конфликта. Царская дипломатия, которая, по определению Энгельса, была «настолько же бессовестна, насколько и талантлива» [5], хитроумно повела дело о захвате шхуны «Виксен», в посылке которой принимало участие,— это было известно царским дипломатам,— английское правительство в лице Пальмерстона, Понсонби и др. Прежде всего, царское правительство позаботилось о том, чтобы возложить ответственность за это предприятие только на Белля, сняв, таким образом, с английского правительства подозрения в его соучастии в этом деле и давая возможность английскому правительству воспользоваться

[1] Мартенс, Собрание трактатов и конвенций..., т. XII, стр. 62—65.
[2] Там же.
[3] ГАФКЭ, ф. 1, д. № 133, л. 63.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 5—6.
[5] Там же стр. 7.

этим, чтобы снять с себя ответственность перед общественным мнением. Кроме того царское правительство вынуждено было без широкой огласки пойти на известные уступки,— изменение тарифа в сторону некоторого благоприятствования индустриальным и торговым интересам Англии. Вести войну с Англией, когда Кавказская война была в полном разгаре, значило бы итти на явные неудачи. Идя на целый ряд уступок, царское правительство тем не менее не считало возможным согласиться на возвращение шхуны «Виксен».

После длительной дипломатической переписки, колких разговоров между руководителями внешней политики Англии и России, шумных сенсационных дебатов в европейской прессе английское правительство признало за Россией законное право объявления шхуны «Виксен» законным призом и отказалось от своих претензий.

Но могущественная капиталистическая, индустриально-развитая Англия не думала о прекращении войны с крепостнической, экономически отсталой страной — Россией. Английское правительство пришло к убеждению, что, помешав планам России на Кавказе, можно расстроить и все ее завоевательные планы вообще, и неуклонно проводило политику, рассчитанную на ослабление России на Кавказе, не в целях освобождения народов от ига самодержавия, а в интересах использования их для укрепления своего господства на Востоке.

Еще не успел затихнуть инцидент со шхуной «Виксен», как английское правительство снаряжает целые экспедиции судов к черкесским берегам. 29 мая 1837 г. царское правительство получило секретные сведения, что тот же самый Белль прибыл на Кавказ из Трапезунта с грузом военных снарядов. Царское правительство предписало «захватить этого злобного английского банкрота, который мечется как чума из угла в угол» [1].

По своем прибытии в Черкесию Белль вместе с корреспондентом Лонгвортом обосновались недалеко от Геленджика, на Пшаде. Это была своеобразная резиденция английской агентуры. Отсюда Белль (выдававший себя за посланника английского короля) и Лонгворт (именовавший себя секретарем этого посланника) — распространяли свое влияние на черкесских князей и старшин, выполняя при этом директиву Уркарта — использовать воинственный черкесский народ для превращения Черкесии в колонию Англии. Белль, Лонгворт собирали подробные сведения об экономическом и политическом положении Черкесии и о соседних областях России. Особенно интересовали их укрепления Черноморской береговой линии, находившиеся тогда в крайне тяжелом состоянии. Это знал Белль, который продолжительное время обдумывал план использования черкесских войск в разгроме этих укреплений. На народных черкесских собраниях он выступал с речами о необходимости захвата русских фортов и укреплений от Геленджика до Сухум-Кале. Он считал эту меру необходимой для поднятия духа народа, а также — более удобной, чем набеги за Кубань (которые используются русскими для оправдания войны с Черкесией). Царские власти усиленно пытались пресечь деятельность Белля, за его голову была объявлена награда в 3 тысячи рублей серебром. К концу 1839 г. этот английский план разгрома русских фортов на Черноморском побережье подготовлен был к его практическому осуществлению. В этом отношении английские агенты воспользовались тяжелым положением горцев, создавшимся в результате неурожая, направили их ярость, воинственный пыл против береговых фортов Черноморской линии.

В начале 1840 г. все Черноморское побережье охвачено было всеобщим движением горцев против войск царской России.

Царизм переживал полосу чувствительных поражений от Чечни до Суджук-Кале. Черноморская береговая линия укреплений на некоторое время потеряла свое значение в обороне. Это привело к ослаблению влияния России в Турции. Чужими руками Англия добилась поставленной цели. Белль прямо ука-

[1] МИД, д. № 97, л. 42.

зывал, что черкесы боролись за дело Англии «are fighting our battles »[1]. Казалось бы, Англия в этой благоприятной обстановке должна была, в виде справедливой компенсации, помочь черкесам обеспечить их независимость в борьбе против русского царизма, жандарма Европы. Но Англия отвергла для себя этот путь и предала черкесский народ. Истощив его в достижении своей цели она бросила его в железные лапы царизма.

Черкесы посылали депутатов в Константинополь, в Лондон, но везде наталкивались на глухую стену. Вот почему в войне 1853—1856 гг. Англии не удалось поднять черкесов против царской России с таким успехом, как в 1840—1841 гг., когда планы Англии не были еще раскрыты черкесами.

Проф. *С. Бушуев.*

Депеша французского консула в Одессе Шаллэ французскому министру иностранных дел графу Моле, 23/11 декабря 1836 г. *

Спешу сообщить вашему превосходительству об очень важном, по моему мнению, событии.

В начале текущего месяца к берегам Черкесии около Суджук-кале причалило английское судно, нагруженное товарами для местного сбыта и оружием. На его борту находился судовой приказчик, англичанин по фамилии Белль. Когда он приступил к разгрузке товаров, прибыл русский военный бриг «Аякс», командир которого объявил, что он задерживает судно за нарушение блокады и дал распоряжение готовить паруса к отплытию. Англичанин ответил, что его король[1] никогда не признавал блокаду берегов Черкесии, что он протестует и будет противиться всеми возможными для него средствами насилию, которое хотят над ним совершить. Кроме того он заявил о своем решении подчиниться только силе. Русский командир ответил, что в случае сопротивления судно будет потоплено, и немедленно приступил к приготовлениям, которые показывали, что его слова не были пустой угрозой. Тогда англичанин сдался, после чего капитан «Аякса» принял на борт судового приказчика Белля, а на задержанное судно послал офицера с частью своей команды для обеспечения сохранности взятого в качестве приза судна. Затем, заручившись приказом главного командира крейсирующих там военных судов, он направился с английским кораблем по направлению к Крыму.

Ночью порыв северо-западного ветра разделил оба судна и в Феодосию прибыл один «Аякс». Г-н Белль оттуда отправил письмо сюда своему консулу с заявлением своего протеста и с просьбой покровительства. До сих пор неизвестно о прибытии туда захваченного судна. Вот факт, а вот вызванные им предположения: некоторые лица даже из высших кругов общества предполагают, что захваченное у берегов Черкесии судно было умышленно туда направлено лордом Понсонби[2], а следовательно и английским правительством, с целью решительно и остро поставить вопрос о блокаде и пересмотреть его. Верить этому дает повод выбранное англичанином место побережья для выгрузки своих товаров, потому что как раз между Суджук-кале и Геленджиком находились военные суда, ускользнуть от которых не было никакой возможности.

---

[1] S. st. Bell, Journal of residence in Circassia, vol. II, p. 168.

* ГАФКЭ, ф. I, А, д. № 133, л. 6. На французском языке. Документы подготовлены к печати Е. В. Александровой.

Отношение русского посла в Константинополе Бутенева[3] драгоману при русском посольстве в Константинополе князю Ходжери, 31/19 декабря 1836 г.*

Во время ваших последних собеседований с оттоманскими министрами и Вессаф-ефенди[4] был затронут, между прочим, вопрос относительно Черкесии с тем доверием и тою откровенностью, которые положены в основу наших отношений с Высокой Портой. Их превосходительство не преминули довести до нашего сведения те слухи и выдумки, посредством которых недоброжелательные иностранцы пытаются фиксировать общественное внимание на делах интересных по своей сущности только для России и не имеющих ничего общего с европейской политикой.

Я, с своей стороны, также получил сведения об этом отчасти из газет, отчасти из других источников, но я не придаю им большего, чем они заслуживают, значения. Я узнал, например, из английской прессы о подавлении недавно Россией очень сильного восстания черкесов[5] и других горцев на Кавказе, причем императорским правительством были двинуты многочисленные корпуса войск, были осаждены и взяты приступом крепости; при этом были принесены в жертву миллионы солдат. Есть также сообщение,— не знаю, насколько оно основательно,— о грузах оружия, которые переправляют арматоры из Европы через Константинополь в Черкесию, воображая, что им удастся обмануть бдительность русских крайсеров. Есть даже известие о том, что для черкесов придуман как бы национальный флаг[6], чтобы закрепить официальное признание их в качестве независимого народа. Нелепость этих выдумок и затей — очевидна, и как только они будут обнаружены, их подвергнут осмеянию. Ни одно правительство, как бы оно ни было дурно расположено к России, не посмеет признаться в этом и покровительствовать подобным выходкам, понимая всю их бесплодность против могущественной России. Они скорее всего являются делом лиц, ослепленных беспокойными страстями и больше всего абсолютным незнанием действительного положения дел. Авторитет России не будет поколеблен, ей нечего бояться. Можно будет пожалеть только тех безумных спекулянтов, которые предпримут посылку оружия, военного снаряжения и других контрабандных товаров на берега Абхазии и Черкесии. Они потеряют свои капиталы, их суда будут конфискованы со всей строгостью законов о контрабанде и о нарушении санитарных установлений.

Депеша русского поверенного в делах в Вене кн. Горчакова А. М.[7] вице-канцлеру графу Нессельроде, 6 января 1837 г./25 декабря 1836 г.**

Господин канцлер[8] сообщил мне о задержании английского товарного судна в черноморских водах. Господин Сент-Олер пришел ему сообщить об этом, очень встревоженный, с донесением французского консула в Одессе в руках***. Хотя я и предполагаю, что этот документ небезызвестен императорскому министерству, тем не менее прилагаю его к сему; мне удалось его достать тайным путем. Австрийский консул в Одессе сообщает, что все без исключения консу-

---

* ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон № 630, д. № 734, лл. 60—61. На французском языке.

** ГАФКЭ, Отдел личных фондов, ф. 159, д. № 324, л. 38. На французском языке.

*** См. выше, стр. 217, донесение Шалле министру иностранных дел Моле от 23 декабря 1836 г.

лы, пребывающие в этом городе, порицали попытку английского капитана, как противоречащую всем установленным правилам. Князь Меттерних, как мне показалось, не придал большого значения этому факту, вызванному к жизни, по его мнению, злой волей лорда Понсонби и еще более ненавистнической волей господина Уркарта.

Депеша французского посла в Вене графа Сент-Олера французскому министру иностранных дел Моле, 7 января 1837 г./26 декабря 1836 г. *

Вы, конечно, осведомлены нашим одесским консулом о захвате судна русским крейсером у побережья Черкесии. Г-н Меттерних очень склонен предполагать, что этот инцидент рассчитан на то, чтобы вызвать прения в английских палатах. Кроме того он, не колеблясь, заявляет, что право на стороне России и что Англии менее, чем какой либо другой стране, подобает не признавать права, являющиеся неизбежным следствием блокады, потому что она сама часто на эти права ссылалась.

Депеша французского консула в Одессе Шаллэ французскому министру иностранных дел Моле, 9 января 1837 г./28 декабря 1836 г.**

Возвращаюсь еще раз к вопросу об английском судне, захваченном у берегов Черкесии русским крейсером. Судовой приказчик судна г-н Белль после того, как он был подвергнут в Феодосии карантину, отправился в Севастополь. Оттуда он отправил одесскому английскому консулу второе письмо с протестом против нарушения, по его словам, международного права, причем он говорит даже о пиратском акте. Он заявил, что погрузка была сделана в Лондоне и что владельцы груза перед его отправкой обратились за советом к лорду Пальмерстону, чтобы выяснить разрешено ли ехать торговать на восточный берег Черного моря, кроме того он указал, что он сам с таким же вопросом обратился в Константинополе к лорду Понсонби и что последний ему ответил, что он не видит, чтобы в этом деле были бы какие-либо затруднения [9]. Все это произвело некоторое волнение в Одессе. В ее торговых кругах ожидают с нетерпением и не без беспокойства решения этого дела в Петербурге и последствий этого решения.

Выдержка из газеты «Journal de St. Petersbourg», 12 января 1837 г./31 декабря 1836 г. ***

12 декабря в английской прессе, в частности в газете «Morning Chronicle» появилось сообщение, что из Константинополя несколькими лондонскими арматорами отправлена шхуна «Виксен», причем совершенно открыто заявлено, что он отправлен с целью перевоза на берега Черкесии груза, состоявшего по большей части из пушечного пороха [10]. Кроме того в газетах было сообщено, что товар этот в русском тарифе запрещен, и что отправка «Виксена» предпринята умышленно, из нежелания считаться с установленным для борьбы с запрещенной, тайной торговлей, наблюдением, проведение которого на этой прибрежной полосе возложено на русские крейсеры.

В момент опубликования в газетах известия об этом преступном предприятии Черноморское адмиралтейство рапортовало [11] императорскому правительству, что действительно у берегов Черкесии появи-

* ГАФКЭ, ф. 1 А, д. № 133, л. 63 об. На французском языке.
** ГАФКЭ, ф. 1 А, д. № 133, л. 60. На французском языке.
*** Там же, ф. 11, д. № 1195, лл. 2—3. На французском языке.

лась шхуна «Виксен», что она захвачена нашим военным судном и отправлена в Севастопольский порт. Вот обстоятельства, при которых это произошло:

12/24 ноября вечером, около берегов Черкесии, в виду Геленджика, появился «Виксен». Бриг императорского флота «Аякс», под командованием капитана Вульф, получив от командира поста приказ следить за движением этого судна, настиг его днем 14/26. Он его обнаружил на якоре в глубине бухты Суджук-кале, в том месте побережья, где не было ни таможни, ни карантина. В момент, когда «Аякс» настиг его и захватил, находившаяся на берегу часть его экипажа бросилась на веслах догонять судно.

На вопрос о цели их прибытия капитан корабля Томас Чайльдс и собственник груза Джемс Белль заявили без всякого колебания, что они прибыли с намерением торговать с населением побережья, что груз судна состоял из соли,— товара, ввоз которого в порты Черного моря и Азовского самым определенным образом запрещен [12].

Признание было сделано, и факт контрабанды и преступное нарушение наших санитарных установлений доказан.

На основании этих двух доказанных фактов, «Виксен» был немедленно задержан и отправлен 15/27 ноября в Геленджик, куда он прибыл на другой день 16/28.

Там командир поста, контр-адмирал Эсмонт, экстренно образовал следственную комиссию, формально возложив на нее допрос экипажа и расследование обстоятельств, вызвавших задержание судна.

Следствие установило, что шхуна «Виксен», под командованием капитана Томаса Чайльдс, является собственностью господ Александра Полдена и Томаса Мортона из Лондона; она была зафрахтована бухарестским торговым домом «Белль, Андерсон и К°» для плавания в Константинополь, по Дунаю, по Черному морю, Азовскому или Мраморному и в силу этого контракта помянутое судно было предоставлено в распоряжение г-на Джемса Белля, который нагрузил в Константинополе судно солью; что этот последний скрывал от капитана цель своего путешествия до 7/19 ноября, когда они вышли из Босфора; что капитан, узнав, что он должен направиться к совершенно ему неизвестному побережью, указал г-ну Беллю на необходимость взять пилота; что г-н Белль, наняв на эту должность пилота турка из Самсуна, 11/23 ноября дал капитану распоряжение направляться к Тугхе, Пшады или Суджук-кале,— три места, где нет ни таможни, ни карантина; что благодаря ветру он не мог пристать к двум первым пунктам, и ему пришлось направиться в Суджук-кале; что корабль, по показанию капитана, стоял на якоре 36 часов до того, как его настиг «Аякс»; что в этот промежуток времени г-н Белль вошел в сношения с обитателями побережья [13], по его признанию для того, чтобы торговать с ними; что груз корабля, по заявлению капитана, состоял исключительно из ста бочек соли. Точность этого заявления еще требует проверки, но из-за санитарных предосторожностей, которые необходимо соблюдать при посещении корабля, нельзя было осмотреть то, что могло лежать в глубине трюма под объявленным грузом; что пилот-турок, нанятый в Самсуне, был высажен и оставлен на берегу Черкесии (это обстоятельство отрицал Белль, но оно удостоверено показаниями капитана и очными ставками); что в продолжении 36 часов поддерживались сношения судна с обитателями страны; что, наконец, обнаружен факт, который при настоящем стечении обстоятельств приобретает очень серьезное значение, а именно, что из 4-х пушек, которыми был снаряжен корабль, по данным его документов, на борту находились только две.

На это обстоятельство необходимо тем более обратить внимание, потому что в «Morning Chronicle» утверждали, что груз «Виксена» составляет, главным образом, пушечный порох, для выгрузки которого достаточно было 36 часов.

Для комиссии все эти соображения были решающими. Она постановила, что шхуна «Виксен» и ее груз на основании закона должны быть конфискованы [14].

В силу этого постановления помянутое судно было отведено в Севастополь, куда оно прибыло 29 ноября/11 декабря.

Как только все эти обстоятельства доведены были до сведения императорского правительства, тотчас же им был дан приказ адмиралтейству Черного моря конфисковать шхуну «Виксен» и ее груз и объявить, что они захвачены в качестве приза.

Что касается экипажа, то, несмотря на то, что он навлек на себя за нарушение санитарных законов, установленных во всех европейских странах, самое строгое наказание [15], его величество император соблаговолил принять во внимание смягчающие их вину обстоятельства, на основании которых можно считать, что капитан Чайльдс с самого начала не знал о замысле, и вся ответственность за него и стыд падает только на арматоров, пытавшихся привести его в исполнение. Вследствие этого император отдал приказ прекратить дальнейшее следствие, возбужденное против капитана Чайльдса, освободить его, так же как его экипаж. Более того, узнав из расспросов адмиралтейств о том, что эти лица дошли до полного обнищания, его величество предписал новороссийскому генерал-губернатору графу Воронцову снабдить их деньгами, нужными им для возвращения в Константинополь.

Из депеши вице-канцлера Нессельроде русскому послу в Лондоне графу Поццо-ди-Борго, 16/4 января 1837 г. *

Если вспомнить, граф, те выражения, какими «Morning Chronicle» возвестил об отправлении этого корабля, то нельзя сомневаться ни в причине, ни в цели этого преступного замысла. В самом деле оно является ничем иным, как новой попыткой политической фракции [16], состоящей из английских революционеров и осколков польского восстания, постоянно стремящихся под любым предлогом возбудить шум в парламенте против России и тем направить английское министерство по ложному пути и, наконец, посеять несогласие между двумя странами и привести их к серьезным осложнениям и даже к прямому конфликту.

Во время последней сессии эта партия придерживалась той же тактики, как во время прений, возникших в палате общин по поводу наших санитарных учреждений в устье Дуная [17]. Тогда нам удалось быстро разоблачить вероломные намерения наших противников. Мы восстановили истину, путем ясного и точного обнародования фактов, которые так сильно были извращены. Мы заявили о правах России, установленных Адрианопольским трактатом. Наконец мы заявили и о тех благожелательных намерениях, которых предполагало придерживаться императорское правительство при применении этих прав, имея в виду пользу мореплавания и торговли.

Ясным и определенным изложением установленных мер, которых мы решили придерживаться, мы преследовали двойную цель, а именно: мы стремились просветить общественное мнение Англии и облегчить

* ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон № 636 («Dépêches de la cour»), лл. 13—17. На французском языке.

британскому кабинету выход из того затруднительного положения, в которое стремились его поставить. Этого пути мы точно придерживаемся и теперь.

Мы даем самую широкую гласность фактам, вызвавшим задержание «Виксена». Мы громко заявляем о всех незаконных и постыдных намерениях арматоров, замысливших отправление этого корабля. Но, в то же время, мы совершенно отказываемся от мысли, что это отправление может быть приписано английскому правительству. Мы сознательно не произносим имя лорда Понсонби, хотя он и скомпрометирован собственными показаниями капитана «Виксена», который заявил, что Белль, на которого было возложено руководство экспедицией «Виксена», выйдя из здания английского посольства в Тарапии [18], сейчас же дал распоряжение судну сняться с якоря и держать путь к берегу Черкесии, причем это место направления судна до сих пор было капитану неизвестно. Признания последнего навлекают на посла упрек в том, что он не предотвратил поездку, цели которой ему, как будто бы, были известны. Этот упрек, повторяем, мог бы поставить министерство в затруднительное положение в глазах общественного мнения. Итак, мы предпочли оставить без внимания обстоятельство, которое бросало тень на поведение лорда Пальмерстона, восстановление же того, как все это произошло в действительности, зависело не от нас.

Вследствие этого мы ограничились тем, что возложили ответственность за это предприятие на арматоров, которые его замыслили на свой счет и риск. Кроме того, чтобы показать, что конфискация корабля сама по себе является актом высшей справедливости, и чтобы рассматривать его отдельно от всего, что могло бы с некоторым правом вызвать симпатии английского общества, наш августейший государь почел долгом распространить свое милосердие на капитана и весь его экипаж. Несмотря на то, что они навлекли на себя те наказания, которые по законодательству всех стран влечет за собой нарушение санитарных правил, император не хотел на этот раз применять к ним наши законы со всей строгостью. Его величество соблаговолил повелеть освободить их и, так как полное обнищание, в которое они впали, привлекло великодушное попечение о них императора, снабдить их средствами для возвращения в Константинополь.

Что касается судна и груза, то они были конфискованы; император не преминул применить эту меру строгости, главным образом, потому, что всякое другое решение отнюдь не рассматривалось бы в Англии как проявление доброжелательности нашего правительства, а было бы приписано слабости, что по безнаказанности первой провокации послужило бы к поощрению наших политических врагов, которые предались бы новым провокациям по отношению к нам.

Вот какие соображения, граф, руководили императором, при выборе им должного образа действий. Его величество дал мне распоряжение сообщить их во всей их совокупности лорду Дюрэм [19] и, таким образом, довести до его сведения решения, которые соблаговолило принять его величество по отношению к конфискации корабля и освобождению экипажа.

Я должен отдать должное этому послу и сказать, что когда ему было сообщено это решение нашего правительства, то он проявил в высшей степени дух примирения и искреннего уважения к принципам права.

Я имею основания думать, что в этом духе написано им письмо своему кабинету, которое он отправляет с курьером одновременно с письмом, которое получит ваше превосходительство.

С нашей стороны, граф, мы сознаем, что мы сделали все возможное, чтобы не придать этому инциденту серьезного политического значения, чтобы ограничить его, сведя все это дело к простой попытке нескольких безвестных арматоров приступить к незаконной торговле, попытке, пресеченной на законном основании строгим применением наших правил.

Британскому министерству надлежит теперь воспользоваться всеми возможностями, которые мы ему предоставляем, чтобы общественному мнению Англии было известно истинное положение вопроса, и тем прекратить шум, который хотят вызвать в парламенте, чтобы принудить правительство возбудить перед нашим кабинетом протест против конфискации «Виксена».

Мы убеждены, что министерство, ознакомившись со всеми документами, которые мы ему только что представили, будет иметь полную возможность свести на-нет этот протест, объявив, что если бы какое-нибудь судно под русским флагом приблизилось к берегам Ирландии или Индии с такими же намерениями, какие были у арматоров «Виксена», то с ним британское правительство поступило бы так же, как русские власти поступили с «Виксеном».

Этой декларации, по нашему мнению, вполне достаточно, чтобы быстро положить конец парламентским прениям по вопросу слишком простому по своей сущности, чтобы допустить малейшее возражение.

Но если, против нашего ожидания, английское министерство, вместо того, чтобы отклонить требования арматоров «Виксена», выразило бы намерение их поддержать, то было бы важно во время предупредить этот неправильный с его стороны шаг, открыто объявив ему, что наш кабинет твердо решил противопоставить решительный отказ этим требованиям подставных лиц, за которыми скрывается подлая партия, стремящаяся, главным образом, постоянно нарушать мирные сношения обоих империй.

Выступая в качестве адвоката в этом деле, английское министерство создает себе без всякого основания величайшие затруднения, потому что оно заставит тогда нас решительно отклонить его требования, что в конце концов будет способствовать только осложнению положения и послужит к выгоде его политических противников.

Необходимо, граф, чтобы вы были подготовлены к сообщению этих соображений лорду Пальмерстону, в зависимости от того найдете ли вы его склонным признать справедливость соображений, которые ему сделает лорд Дюрэм. С своей же стороны соблаговолите взять на себя инициативу откровенно выяснить это дело с главным статс-секретарем [20], чтобы вы могли когда-нибудь осведомить нас о его плане действий, которому он намерен следовать в результате рапортов г-на Дюрэма и бесед с вами. Во всяком случае, необходимо, граф, чтобы вы высказали свою уверенность в том, что решение императора останется неизменным и что его величество не отступит ни перед какими последствиями, которые могут быть вызваны актом справедливости и строгости, примененным к арматорам «Виксена», несмотря на все усилия, которые употребит Англия для того чтобы отменить приведение его в исполнение, если в переговоры об этом деле лорд Пальмерстон внесет дух враждебных противоречий, которые мы привыкли выслушивать от этого министра. Но если вы найдете его воодушевленным более примирительными намерениями, то в этом случае соблаговолите воспользоваться этим, чтобы обратить его внимание на необходимость снабдить лорда Понсонби директивами, для предупреждения возобновления таких попыток, пример к которым впервые показан отправкой «Виксена». Возможно, что если бы английское посольство, по при-

меру всех других миссий, обратилось бы формально к английским мореплавателям с предупреждениями, которые лорду Понсонби советовал сделать наш посол [21], то отправка «Виксена» конечно не состоялась бы.

Депеша вице-канцлера Нессельроде русскому послу в Константинополе Бутеневу, 17/5 января 1837 г.*

Когда это письмо дойдет до вашего превосходительства, вы уже будете знать о фактах, приведших к захвату английского корабля «Виксен», который взят в плен отрядом наших военных судов около берегов Черкесии.

Спешу, милостивый государь, довести до вашего сведения мнение императора, а также и то решение, которое его величество соблаговолил принять по этому делу. Они опубликованы в приложенной к сему газете «Journal de St. Petersbourg» от 31 декабря, а также вы их найдете в приложенной депеше, адресованной по повелению императора графу Поццо-ди-Борго **.

Все заключающиеся в них сведения сводятся к следующему: что императорское правительство, желая заставить уважать свои постановления, прибегло в отношении «Виксена» к акту строгой справедливости и озаботилось возложить ответственность за это предприятие только на замысливших его отдельных лиц, сняв, таким образом, с английского правительства подозрения в его соучастии в этом преступном деле; что в связи с этим делом имя лорда Понсонби совсем не опорочено; что желательно было бы, чтобы этот посол, так же как и его правительство с искусством воспользовались указанной нами им линией поведения, чтобы снять с себя ответственность за это дело перед общественным мнением, и предоставили бы арматорам «Виксена» понести наказание, которое они сами на себя навлекли, пытаясь нарушить принципы, положенные в основу правил, которые мы в целях наблюдения установили на восточном берегу Черного моря.

Депеша русского посла в Константинополе Бутенева вице-канцлеру Нессельроде, 17/5 января 1837 г.***

Здесь носятся слухи о задержании нашими крейсерами у берегов Черкесии английского судна. Эта новость сначала была принята с некоторым недоверием, но когда определенное и обстоятельное сообщение об этом появилось в полученном здесь «Journal de Smyrne», то это событие уже не возбуждает никаких сомнений.

И действительно, захват английского судна «Виксен» и подробности этого события только что подтверждены мне графом Воронцовым и адмиралом Лазаревым, который сообщил, что рапорты об этом уже посланы в Петербург. Мне не надлежит вдаваться в подробное изложение обстоятельств этого события, рассмотрение и разрешение этого дела передано на усмотрение императорского двора, но я с своей стороны полагаю, что я должен представить вашему превосходительству некоторые соображения и разъяснения по этому вопросу.

Факт задержания «Виксена» явился следствием применения правильных и заранее объявленных общих мер, установленных несколько

---

* ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон № 636 («Dépêches de la cour»), лл. 9, 10. На французском языке.

** См. предыдущий документ.

*** ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон № 637, д. № 3, лл. 5—8. На французском языке.

лет назад для обеспечения безопасности восточных берегов Черного моря, мер, о которых я объявлял в 1831 г. по мере их установления. Кроме того, я объявил о всех их вместе в сентябре 1836 г., так что они доведены до сведения Порты, а также и до сведения представителей тех иностранных государств, под флагом которых плавают в этом море суда.

Циркулярные ноты, разосланные мною по этому делу, не вызвали ни от кого ни малейших замечаний, а встретили единодушный прием, на который мы в праве были рассчитывать.

Правда, английский посланник в своем ответе ограничился сообщением о получении ноты и принятии ее ad referendum, не обещая, как то сделали другие посольства, немедленно известить об этом как коммерсантов, так и мореплавателей. Во всяком случае этот ответ аннулирует все ссылки на незнание мероприятий, о которых идет речь, и то, что произошло с «Виксеном», могло быть вне всякого сомнения предвидено и не может быть сюрпризом для английского посольства в Константинополе, которое, как будто, хранит до сих пор молчание об этом деле.

Кроме того, необходимо отметить в связи с этим, что в течение 1832 и 1833 годов нашими крейсерами было захвачено у берегов Черкесии большое количество турецких судов на основании тех же правил, уже тогда существовавших и опубликованных. Эти суда, также как «Виксен», были отведены в Севастополь, где их объявили захваченными в качестве приза и оттоманское правительство не пыталось оспаривать законность этого решения.

Вне всякого сомнения английское судно, о котором идет речь, открыто было нагружено солью, под солью тайно были положены боевые припасы. Отправлено оно было к берегам Черкесии с заранее обдуманным намерением. Это отправление очень похоже на путешествие лондонских арматоров, к которому поощряли их прошедшим летом с одной только целью — нарушить наши санитарные правила и спровоцировать споры между правительствами. Это предположение не вызывает никаких сомнений, потому что, судя по сведениям, полученным от адмирала Лазарева, отправка «Виксена» в Черное море состоялась под непосредственным влиянием английского посла в Константинополе.

Уже довольно продолжительное время английская пресса и британские агенты в Турции не перестают распускать нелепейшие, ненавистнические утверждения, подвергая сомнению суверенитет России над народностями Кавказа и возражая против утверждения нашей власти в этой стране; эти толки злонамеренного невежества, я должен к сожалению это сказать, подкреплялись часто плохо завуалированными намерениями и поступками английского посольства в Константинополе.

В то же время, различные британские эмиссары были направлены в те места, чтобы возбуждать восстания и раздавать горцам боевые припасы и убеждать их в том, что Порта не отказалась от своих старинных сюзеренных прав над ними и что иностранные державы поддержат их, что черкесские изгнанники, вроде Сефер-бея[22] и другие совсем неведомые, найдут здесь покровительство и поддержку английского посольства, которое пыталось разбудить давнюю ненависть турок и убедить их, что Россия никогда не сможет поставить на твердое основание свою власть над народами Черкесии. Так, например, драгоман английского посольства без всяких колебаний серьезно заявил туркам, что фактическая независимость Черкесии накануне своего установления и будет формально признана Англией и другими государствами. Эти происки и инсинуации, как можно было предвидеть, достигли высшей степени, когда совершилось странное назначение

г-на Уркарта на пост секретаря английского посла в Константинополе. Эта личность не преминула проявить себя поступками, какие можно было ожидать от автора таких выпадов против России и редактора «Portofolio». Поссорившись со своим шефом [23], протеже которого он был, он покинул здание посольства и стал кочевать из одного квартала города в другой; он завязал большие связи среди турок, часто он носит турецкий костюм и имеет вид и повадки скорее тайного эмиссара, чем дипломатического представителя. Я узнал недавно, что г-н Уркарт дошел до того, что придумал с большой экзальтацией как бы национальный флаг для черкесов и хвастался этим так открыто, что Порта была вынуждена запросить об этом драгомана британского посольства. Последний, заручившись распоряжениями посла, опроверг это смешное хвастовство, дав понять, что его шеф очень далек от одобрения повадок и поведения секретаря своего посольства. Несмотря на это порицание и расхождение, более может быть видимые, чем существующие на самом деле, можно предположить, что г-н Уркарт следует по существу побуждениям сверху, внося во все свойственное его характеру сильное преувеличение, которое он обнаруживает и в своих писаниях.

Не желая вскрывать здесь того, как подобные происки мало согласуются с достоинством великой державы и с общественными функциями ее агентов, я вынужден признать, что политика Англии и Турции не пренебрегает такими средствами для того, чтобы вредить нашему влиянию и нарушить установившееся ныне согласие с Портой. Но я полагаю, что могу с уверенностью прибавить, что, теперь по крайней мере, эта злонамеренность проявляет себя осторожнее, она не так очевидна, потому что с одной стороны турки, судя по некоторым фактам, не воспринимают так легко, как раньше, направленные против России инсинуации, а с другой стороны, английская политика сама старается парализовать то зло, которое она хотела бы нам причинить, необдуманно теряя расположение Порты ничем необоснованными сплетнями, высокомерным неуместным тоном, оскорбляющими происками и бесплодными угрозами.

Таким образом, не придавая большого значения этим проискам и недоброжелательным инсинуациям английского посольства, я не пропускаю ни одного случая показать Порте, когда это бывает необходимо, что мне небезызвестны эти происки, и указываю на необходимость ей самой разоблачить их и предупредить те неприятные последствия, которые могут быть следствием очевидного безразличия или недостатка бдительности с ее стороны.

Депеша атташе при датском посольстве в Константинополе Гюбша датскому министру иностранных дел Краббе Каризиус, 18/6 января 1837 г.*

Сюда прибыл пилот задержанного Россией английского судна. Он австриец [24]. Он дал показания лорду Понсонби о всех обстоятельствах задержания корабля. Предполагают, что Англия хотела убедиться, посмеют ли русские задержать судно, которое пожелает посетить блокированные берега. В обществе говорят, что если бы Россия обнаружила в данном случае слабость, то в скором бы времени к этим берегам прибыли бы другие суда, нагруженные оружием и боевыми припасами, которых так настойчиво требуют воинственные народности Черкесии и Мингрелии.

---

* ГАФКЭ, ф. 1, д. № 133, л. 179. На французском языке.

Из письма русского посла в Лондоне Поццо-ди-Борго вице-канцлеру Нессельроде, 31/19 января 1837 г.*

...Я предполагаю, что лорд Понсонби будет заменен сэром Карлом Воган[25]; я знаю его, он был ставленником и учеником Велочи. Это человек спокойный, холодный и очень осторожный. Я не считаю его интриганом, способным на провокации и дурные дела. Лорд Понсонби отправляется в отпуск, невероятно, что он сможет вернуться в Константинополь; вопрос в том, сможет ли он жить на свою пенсию, потому что у него на этом свете ничего нет кроме долгов, или придется вернуть его на прежний пост, чтобы он мог существовать, других же оснований к оставлению за ним его миссии не имеется.

Назначение и отправление сэра Карла Воган показывает, как мало доверия питает кабинет к господину Уркарту,— протеже лорда Пальмерстона, автору «Portofolio». Говорят, что признали его неспособность; хотя он все еще одушевлен стремлением к интригам, чтобы служить своему господину во всех мерзких делах, которые им провоцируются.

Депеша ганноверского посла в Вене Боденхаузена ганноверскому королю, 1 февраля, 20 января 1837 г.**

При первых сообщениях о задержании «Виксена» все считали себя в праве признавать его законным, считая, что русские, находясь в войне с черкесами, объявили их берега в состоянии блокады. Но на основании опубликованных постановлений, можно утверждать, что не в этом дело, и что есть некоторый оттенок в том, что Россия не произнесла слово «блокада», а ограничилась только словами «карантин» и «таможня» и, исходя из этого, она разрешила иностранным кораблям заходить только в два порта — Анапу и Редут-кале.

Вопрос этот тем более деликатен потому, что Турция не привела еще народы Кавказа к полному подчинению себе и могла поэтому уступать России по Адрианопольскому трактату только те немногие места на побережье, которые находились в ее владении.

Депеша французского посла в Вене Сент-Олера французскому послу в Петербурге барону Баранту, 1 февраля/20 января 1837 г.***

Если я замечаю легкое облачко на горизонте, то это там, на берегу Черкесии. Английский посол утверждает, что на его стороне принципы морского права и что в действительности русским всегда принадлежали только три небольших пункта на расстоянии 50 миль друг от друга, на протяжении побережья от Анапы до Поти; для того чтобы сделать обязательные таможенные и карантинные постановления, нужно владеть всем побережьем de facto и de jure. Если хотят говорить о блокаде, о состоянии войны, то, по его словам, объявления о них не было сделано и что если объявят войну, то этим будет констатирована независимость Черкесии, что очень изменит основное положение и вызовет новую серию аргументов.

На все это г-н Меттерних ответил, что как только встанет вопрос о праве, то надо его рассматривать с беспристрастием и без всякого предубеждения. Мне еще ничего не написали об этом деле из Парижа; если говорят о нем там, где вы находитесь, то что?

---

* ГАФКЭ, ф. 3, д. № 89, ч. 2, л. 3. На французском языке.
** ГАФКЭ, ф. 1 А, д. № 133, л. 170. На французском языке.
*** ГАФКЭ, ф. 1 А, д. № 133, л. 175. На французском языке.

Депеша французского посла в Вене Сент-Олера французскому послу в Константинополе маркизу д'Эйраг, 7 февраля/26 января 1837 г.*

Захват английского судна «Виксен» произвел здесь некоторую сенсацию. Русское посольство, сообразуясь с сообщением об этом петербургской газеты, рассматривает этот факт, как контрабанду и нарушение санитарных установлений, что не может как будто бы вызывать никаких дискуссий. Но г-н Меттерних, хотя и порицает поступок арматоров «Виксен», все же полагает, что необходимо рассмотреть вопрос с правовой точки зрения.

Весь вопрос, действительно, только в выяснении происхождения власти России над кавказскими провинциями; по Адрианопольскому трактату императору Николаю I уступлено все побережье Черного моря до Поти. Но имела ли эта уступка какое-нибудь реальное основание? Действительно ли султан владел той страной, главенство над которой он уступил, и были ли народности Кавказа издавна фактически и юридически независимы?

Прибегаю к вашей предупредительности и к вашей просвещенности, г-н маркиз, и прошу дать мне разъяснения на эти вопросы.

До моего сведения дошло, что лорд Дюрэм предъявил императору достаточно сильный протест[26]. В нем утверждается, что Россия, не имев ни фактически ни юридически права на владение этими странами, не могла устанавливать пунктов карантина и мест для выгрузки товаров. Если же она опирается на право блокады, то тем она объявляет себя в состоянии войны с независимой державой, откуда вытекает право Англии и Европы рассмотреть этот вопрос со всех сторон, прежде чем дать возможность России завоевать побережье Черного моря на протяжении больше 100 миль. Хотя сообщение английских правительственных газет, как будто бы, противоречит этим сведениям и говорит о том, что правительство не намерено доводить это дело до его конечных выводов, все же я полагаю, что эти подробности будут иметь для вас некоторый интерес.

Письмо русского посла в Лондоне Поццо-ди-Борго вице-канцлеру Нессельроде, 7 февраля/26 января 1837 г.**

С этим куьером вы получаете продолжение той депеши относительно задержания «Виксена», которая была переслана мной с курьером, отправленным раньше. Хотя сведения, которые я вам сообщаю, не прибавляют ничего нового о способах разрешения вопроса, но они содержат сообщение о моих попытках осведомить расположенных к нам людей, с мнением которых, мне кажется, надо считаться. Все те, с которыми я говорил об этом деле, не выражали по отношению к нам никаких враждебных предубеждений, но вместо того, чтобы сразу же отнестись к делу так, как должно, они хотят рассмотреть его в зависимости от решения королевских адвокатов. Нет установлений более шатких и возбуждающих больше споров и толкований, чем те, совокупность которых называют «международным правом». В самом деле оно не является установленным законом, представляет собой только коллекцию правил и относящихся к этикету положений общего характера, классифицированных разными авторами. Их подвергают всевозможным толкованиям, применительно к отдельным государствам, в зависимости от имеющихся у них своих мотивов, которые они выдвигают при своих ссорах друг с другом. В доказательство этой

* ГАФКЭ, ф. 1 А, д. № 133, л. 177. На французском языке.
** ГАФКЭ, ф. 3, д. № 89, ч. 2, л. 4. На французском языке.

истины можно привести любой манифест с объявлением войны. Таким образом лорд Пальмерстон и коронные адвокаты [27], поскольку они не пожелали признать, что отправка «Виксена» сама по себе была незаконна и преступна, как только захотят обвинить нас, смогут сослаться формально и по существу на ту или иную его статью. Мы должны ожидать, что поставят вопрос, который по отношению к нам не является уместным. Разногласие тогда станет серьезным и неизбежным, я говорю серьезным потому, что повод к спорам является результатом заговора агитаторов и провокаторов войны. Хотя лорд Пальмерстон прямо замешан в этом заговоре, но он не пытался разубедить его участников и поощрял их соблазнительными подкупами, вызывая выступление против России и ненависть к ней.

Как бы то ни было, мой дорогой граф, теперь перчатка брошена, отступить мы не можем, раз мы поставлены в такую необходимость.

Депеша вице-канцлера Нессельроде русскому послу в Константинополе Бутеневу 14/2 февраля 1837 г.*

Милостивый государь!

Со времени отправления мною вам депеши от 19 января все ваши депеши, адресованные мне, включая № 12, мною сполна получены. Они укрепляют во мне уверенность, что наши сношения с Портой теперь установлены самым желательным для нас образом и в настоящий момент нам не надо желать большего и не надо требовать никаких изменений в направлении политики императорского кабинета. Теперь все наши заботы должны быть направлены на поддержку и укрепление этого положения вещей.

Мы имеем все основания надеяться, что, неизменно направляя к этой цели все ваши старания, вы достигнете еще большего укрепления спокойствия в лоне Оттоманской империи, которое царит в ней, благодаря тесному союзу ее с Россией, и тем вы обеспечите покой на востоке, предотвращая все попытки нарушить его в дальнейшем. Необходимость поддерживать это спокойствие, связанное так тесно с поддержкой всеобщего мира, наконец осознана Англией. Доказательством этого служит необычайное спокойствие, проявленное лордом Пальмерстоном при переговорах по поводу захвата «Виксена». Возвратившийся на свой пост наш посол в Англии уже имел с главным статс-секретарем первую беседу о конфискации этого корабля. Все высказанное по этому случаю лордом Пальмерстоном было проникнуто большой умеренностью. Он ограничился только заявлением, что полученные им документы переданы на рассмотрение коронных адвокатов, и, что прежде чем высказываться по этому поводу, ему надо знать их мнение.

С своей стороны граф Поццо-ди-Борго ответил, что по повелению императора он должен заявить следующее: император никогда не поставит своих прав в зависимость от мнения каких-либо иностранных авторитетов и что император решил защищать свои права и поддерживать их в данном случае, так, как он сам это находит нужным, не взирая на возражения и препятствия, которые хотят несправедливо ему противопоставить.

Беседа продолжалась без всяких колкостей, и граф Поццо-ди-Борго почел необходимым дать понять лорду Пальмерстону, что в высшей степени желательно положить конец предприятиям, подобным попытке

* ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон № 636, лл. 31—34. На французском языке.

«Виксена», которые имеют одну только цель — нарушить сношения между двумя правительствами.

Наш посол присовокупил, что в данном случае отправка «Виксена» была очевидно предпринята умышленно с намерением возбудить ссору между Англией и Россией, что британское посольство в Константинополе могло бы предупредить этот инцидент. Кроме того он заявил, что желательно, чтобы английское министерство впредь давало бы инструкции, имеющие целью устранить повторение таких недоразумений. Лорд Пальмерстон не возразил на эти соображения, но он воздержался от объяснений и ничего не обещал.

Таково вкратце содержание первых переговоров главного статс-секретаря и нашего посла. От последнего только что получен нами с курьером отчет о них, отправленный 19/31 января и полученный здесь третьего дня. Спешу, милостивый государь, сообщить подробности происшедших в Лондоне переговоров, потому что они показывают, что дело о захвате «Виксена» хотя и может вызвать претензии со стороны английского министерства, которые нам будут предъявлены дипломатическим путем, но оно не должно стать ни предметом серьезных обсуждений, ни поводом к прямому конфликту между обоими правительствами.

Это наше мнение подкрепляет присоединенная к сему статья «Курьера», опубликованию которой придает большое значение лорд Дюрэм, потому что ему известны связи редакции этой газеты с бюро министерства.

В добавление к моим разъяснениям я должен еще заметить, что изменения, только что внесенные в наш тариф, и облегчения в результате их в пользу английской торговли [28] произвели в Лондоне большое впечатление; вы убедитесь в этом при чтении последних статей об этом в «Morning Chronicle», в котором вам не трудно будет усмотреть влияние личных мнений лорда Дюрэма.

Благоприятное положение, в которое этот посол стремится поставить английскую торговлю с Россией, служит в некотором роде противовесом усилиям наших политических противников, которые непрестанно пытаются возбудить против нашего правительства общественное мнение. Таким образом, счастливое стечение обстоятельств, а именно изменение нашего тарифа, предшествующее отправке «Виксена», сильно способствовало умеренности британского министерства и препятствовало проявлению им враждебности по отношению к нам из опасения встать в противоречие с индустриальными и торговыми интересами своей страны. Я почел необходимым сообщить все это вам, чтобы вы могли вынести верное суждение о вопросе, связанном во всех отношениях с политическими интересами, заботы о которых возложены на вас.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем уважении.

Нессельроде.

Выдержка из венской газеты «Staatszeitung» от 6 февраля/25 января 1837 г.*

После того как статья, помещенная в «Journal de St. Petersbourg», посвященная задержанию английского купеческого судна «Виксен» русским военным кораблем, стала известна в Лондоне, «Курьер» высту-

* ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон № 636 («Dèpêches de la cour»), л. 35. На французском языке. Приложение к депеше Нессельроде Бутеневу от 14/2 февраля 1837 г.

пил со следующим заявлением об этом событии: «Мы надеемся, что официальное сообщение об этом деле положит конец опасениям, что конфискация этого судна может иметь серьезные и неприятные последствия. По русской версии, «Виксен» нарушил таможенные карантинные законы Российской империи. Этот случай аналогичен тому факту, если бы французское судно тайно выгрузило груз водки на остров Уайт. Без сомнения Россия имела право устанавливать по своему усмотрению подобные правила, но возбуждает сомнения вопрос, действительно ли подвластна ей та территория, на которую она распространяет свои претензии. Однако необходимо отметить, что она основывает свое право на Адрианопольском трактате [29], переговоры о котором велись при нашем посредничестве. В конце концов все вопросы, которые могут быть вызваны этой конфискацией, по своей сущности, по нашему мнению, не могут вызвать пререканий между обоими правительствами, также как их не вызвал бы захват у наших собственных берегов французского судна, которое было бы виновно в нарушении таможенных правил...»

Из депеши вице-канцлера Нессельроде русскому поверенному в делах в Вене Горчакову А. М., 15/3 февраля 1837 г.*

Кажется, что дело «Виксена» продолжает беспокоить г-на Ламба [30], вернее сказать этот посол настойчиво преувеличивает важность этого дела перед венским кабинетом.

В моей депеше от 27 января я просил вас проверить правдивость некоторых его утверждений и затем исправить их перед канцлером двора и государства. Известия из Лондона наверное докажут самому английскому послу ошибочность точки зрения его правительства на задержание «Виксена». Передо мной сейчас лежит статья «Английского курьера» от 28 января.

Содержащиеся в ней рассуждения вполне приемлемы для императорского кабинета, если исключить соображения о возможности подвергнуть сомнению права России на владение азиатским побережьем Черного моря, и мы можем надеяться, что интрига, которая имела целью скомпрометировать наши политические отношения, будет разоблачена к стыду и наказанию тех, кто в ней участвовал.

При всех переговорах, происходящих по этому поводу в Вене, о которых вы даете отчет, ваше поведение и объяснения встретили полное одобрение императорского министерства.

Письмо русского посла в Лондоне Поццо-ди-Борго вице-канцлеру Нессельроде, 24/12 февраля, 1837 г.*

Сегодня утром в газетах появились корреспонденции г-на Уркарта — константинопольского любимого агента короля и лорда Пальмерстона. Посылаю Вам «Times» и «Morning Chronicle», в них помещены два письма, написанные, хотя в разных выражениях, но в одном духе. Их главная цель возбудить общественное мнение против нас и уколоть тщеславие и самолюбие нации и правительства. Они направлены против лорда Понсонби, который удалил от себя этого негодяя (Уркарта), и против лорда Дюрэма, хотя последний в них не назван. Какие раздоры и какой скандал в английском посольстве в Константинополе! Интриган низкого пошиба послан для контроля над послом,

* ГАФКЭ, отдел личных фондов, ф. 159, д. № 198, л. 66. На французском языке.

** ГАФКЭ, ф. 3, д. № 889, л. 7. На французском языке.

при котором он состоит, а также и над английским представителем в Петербурге!

Прочтите эти письма в вышеупомянутых журналах, и вы будете удивлены. Они появились в печати не без злого умысла, в них порицаются осторожность и бдительность, проявленные при этих событиях, которые изображены так превратно и так подло, что они неизбежно произведут очень дурное впечатление и ими воспользуются, как средством и как аргументами все те, которые хотят нарушить мир.

Депеша французского посла в Вене Сент-Олера французскому министру иностранных дел Моле, 2 марта/18 февраля 1837 г.*

Ламб сказал мне, что он очень доволен переговорами с князем Меттернихом по делу «Виксена». Он прибавил поразительно уверенным тоном: «Это будет всегда так, надо, чтобы это было так».

Я спросил, большое ли значение имеют переговоры, которые сейчас идут. «Да, огромное,— ответил он мне,— дело идет о спасении Азии». Затем, развернув карту, он объяснил мне, что в том случае, если народы Черкесии будут покорены Россией, то Персия совсем перестанет существовать. Черкесов может поддержать в их борьбе против России только то доверие, которое внушила им к себе Англия. Но захват «Виксена» может ослабить это доверие, вот почему Россия дала такую широкую огласку этому факту, надо, чтобы Англия, выдвинув во время переговоров правовой вопрос, ограничила его, с тем чтобы после, когда победа будет одержана, поднять большой шум и возвеличить важность этой победы. Намерения английского посланника вполне совпадают с теми, которые, по моему наблюдению, выражены в памфлете, опубликованном несколько месяцев тому назад стараниями г-на Реинг. Я советую вашему превосходительству распорядиться, чтобы его нашли для вас. Вот его заглавие «Progress and present position of Russia. London, John Murray, 1837» [31].

Князь Меттерних, придерживаясь точки зрения права, рассматривает вопрос очень наивно, не замечая его политической стороны. Однажды он мне сказал: «Надо согласиться, что выступление России некорректно. Г-н Бутенев говорил о санитарных и таможенных правилах, а русский адмирал говорил о блокаде [32]. Кроме того, эти меры были бы очень хороши каждая в отдельности, но нельзя к ним прибегать одновременно, потому что одни применяются в состоянии мира, другая же — в состоянии войны, так что сосуществовать они не могут».

Депеша французского консула в Одессе Шаллэ французскому министру иностранных дел Моле (3 марта/19 февраля) 1837 г.**

Честь имею сообщить вашему превосходительству те немногие сведения, которые можно было получить здесь о происходящем на Кавказе. Кажется, решено в предстоящую кампанию очистить все побережье и утвердиться на нем. С этой целью генерал Вельяминов выступит из Анапы со своим корпусом. На соединение с ним будет направлен из Редут-кале кружным путем другой корпус, состоящий из грузинских войск, которые набираются в Мингрелии. Мой тифлисский коллега лучше меня осведомлен, и он наверное сообщит вам более ценные сведения обо всем этом. Но вот некоторые подробности, которые может быть не будут ему известны. В свое время я сообщил вам, что видели среди черкесов двух английских офицеров; теперь я узнал, что один из них носит фамилию Стюарт, при нем и его товарище со-

* ГАФКЭ, ф. 1 А, д. № 137, л. 4. На французском языке.
** ГАФКЭ, ф. 1 А, д. № 133, л. 329. На французском языке.

стоит переводчик — по слухам итальянец матрос, когда то взятый черкесами в плен. Всем известно, как трудно проникнуть в глубь Кавказа; если не иметь защитника, покровителя, так называемого «кунака» в каждом кавказском племени, то неминуемо можно быть взятым в плен; можно предположить, что для господина Стюарта все было заранее подготовлено. Вот уже в течение восьми месяцев он вдоль и поперек изъездил всю страну и нигде не встретил никаких затруднений, его сопровождала везде толпа князьков и их вассалов. Однажды, когда эта свита приблизилась к русскому авангарду, было обнаружено, что она достигает пяти тысяч человек. Говорят, что Стюарт имел определенную миссию, что миссия эта — точная копия той, какую дал Наполеон господину Ласкарису [33] при отправлении последнего к бедуинам, она имела целью внушить многочисленным народностям Кавказа, что их спасение зависит от их союза, что единственным средством сопротивления русским является их объединение и создание центрального правительства, которое будет координировать и направлять к одной цели усилия отдельных племен, силы которых до сих пор были разрознены и потому бесплодны.

Уверяют, что господин Стюарт имел успех. Надо отметить, что господин Стюарт уже давно поддерживает тесную связь с другим англичанином — господином Спенсером [34], которому с большим искусством удалось попасть в число лиц, сопровождающих графа Воронцова во время его путешествия по берегу Черкесии.

Господин Белль, собственник груза «Виксена», ждет в Одессе открытия навигации, чтобы отправиться в Константинополь. В понедельник я очень был удивлен (и мое удивление разделяли все), когда я увидел его на вечернем парадном приеме у графа Воронцова, и тем, что он был приглашен английским консулом по просьбе Воронцова: уверяют, что в Севастополе и Николаеве он был очень предупредительно принят флотскими офицерами.

Депеша датского посла в Константинополе Гюбш датскому министру иностранных дел Краббе Каризиус, 8 марта (24 февраля) 1837 г. *

Посол, назначенный на пост лорда Понсонби, еще не приехал. Г-н Уркарт еще здесь. Предполагают, что если даже он будет удален, он не уедет отсюда, а останется жить в Турции, как частное лицо. Всем хорошо известно, что он отправил «Виксен» в Черное море, причем все, которые способствовали отправлению этого судна, конечно, полагали, что человек, занимающий высокий пост в государстве в качестве должностного лица, не мог участвовать в этом деле без соглашения с министерством. Это обстоятельство не принимают сейчас во внимание. На основании частных писем из Лондона утверждают обратное, а именно, что министры очень разозлены на г-на Уркарта за то, что он их поставил в такое неловкое положение по отношению к России.

Отношение русского посла в Константинополе Бутенева командиру черноморского флота вице-адмиралу Лазареву, 17/5 марта 1837 г. **

Милостивый государь Михаил Петрович!

Недавно дошло до меня известие, будто бы со стороны английских мореплавателей готовится новое предприятие, подобное покушению захваченной нашими крейсерами шхуны «Виксен». Другая английская

* ГАФКЭ, ф. 1 А, д. № 135, л. 81. На французском языке.
** ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, св. 645, л. 29.

шхуна, именуемая «Визард» под управлением шкипера Лоней, находящаяся ныне в Наваринской гавани для отыскания потопленных в 1827 г. орудий[35], должна, если верить вышеописанным известиям, прибыть через некоторое время в Константинополь и оттуда отправиться к берегам Абхазии для тайных сношений и торговли с горцами. Шхуна «Визард» будто бы снабжена несколькими пушками и принадлежит известному секретарю английского здесь посольства Уркарту и другим лицам. Сверх того мне сообщают, что в Смирнской гавани находятся несколько купеческих судов под английским флагом, нагруженных контрабандою также для черкесского берега.

Хотя все эти уведомления недостаточно обстоятельны и нельзя положиться на совершенную их достоверность, со всем тем я счел нелишним сейчас же предварить о них ваше превосходительство, дабы наши крейсеры могли заблаговременно усилить свою бдительность. Если успею дополнительно узнать какие-либо дальнейшие подробности относительно вышепомянутых судов и в особенности шхуны «Визард», то не замедлю сообщить их для вашего, милостивый государь, сведения.

Судя по дошедшим до меня, посредством разных лиц, рассказам Белля, арестованного на шхуне «Виксен» и возвратившегося на этих днях в Константинополь, он имел около Суджук-кале короткое свидание с шапсугским начальником муллою Хаджи-оглу, прежде нежели появился российский военный бриг, захвативший помянутую шхуну. Но черкесы, повидимому, приняли англичан не весьма дружелюбно и мулла Хаджи-оглу горько укорял Белля и его спутников в суетности обещаний и надежд, которыми англичане до сих пор манили горцев и которые служат ко вреду и гибели последних. Белль впрочем выхваляет снисходительность обхождения с ним российских начальников как в Севастополе, так и в Одессе.

Депеша русского посла в Константинополе Бутенева вице-канцлеру Нессельроде, 20/8 марта 1837 г.*

В то время, когда приключение с «Виксеном» возбудило такой шум в прессе и вызвало такие пустые, абсурдные, напыщенные речи против прав России на восточном побережье Черного моря, я узнал, благодаря одному неожиданному обстоятельству, от одного осведомителя факты, разоблачающие интриги недоброжелательных иностранцев, к которым они прибегли в надежде поставить нас в затруднительное положение, возбудив восстание на Кавказе. Эти интриги, движущей пружиной которых уже давно был г-н Уркарт, не имели вне всякого сомнения большого значения, особенно с тех пор, как английский посол, шеф Уркарта, и английский кабинет стали притворно уверять, что они не одобряют поведение и злословие этой экстравагантной личности. Вменяю себе в обязанность обратить внимание вашего превосходительства на факты, о которых я узнал; я могу только представить их со всеми сопутствующими их подробностями на мудрое рассмотрение императорского кабинета, чтобы он решил — заслуживают ли они интереса и стоит ли выяснять, как намерения английского правительства, так и те побуждения отдельных лиц, которые влияли на его действия.

В то время, как я был подвергнут в Буюкдера[36] карантину после случая заболевания чумой в здании, занимаемом нашим посольством, ко мне явился человек по имени Андрей Хай, назвавший себя урожен-

* ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон № 637, VIII, лл. 1—16.

цем Кавказа, и предъявил мне письмо, подписанное г-ном Сэрл, майором английской службы в отставке. В письме этом, копию которого я к сему прилагаю *, в таинственных терминах было выражено предложение сообщить мне важные сведения. Я не был знаком с автором этого письма и я не мог, следовательно, рассчитывать на доброжелательство незнакомца, потому я отослал его посланца с моим словесным ответом.

Не слишком поощряя проявленную им откровенность, я все-таки предоставил ему полную свободу действий для доставления мне сведений в более удобное время. Несколько дней спустя, я через этого же посредника получил второе письмо от г-на Сэрл, копию которого я также прилагаю к сему **. Меня удивило, что это письмо, более ясное по своему содержанию, исходит от английского офицера. На всякий случай мне казалось, что из осторожности надо избегать сношений с этим лицом и под предлогом, что я поставлен в необходимость соблюдать строгое уединение, я возложил это дело на первого секретаря посольства Титова, который имел несколько свиданий подряд, сначала с подателем упомянутых писем, который как будто бы пользуется полным доверием майора Сэрл, а затем и с самим этим офицером.

Сущность объяснений, данных им во время свиданий, убедила меня, что г-н Сэрл, несмотря на очень тяжелое материальное положение, действует, главным образом, под влиянием злопамятности и разочарования, жертвой которых он стал благодаря г-ну Уркарту, а также благодаря отказу лорда Понсонби удовлетворить его жалобы на секретаря посольства.

Обуреваемый желанием отомстить во что бы то ни стало, г-н Сэрл рассчитывал только на мою официальную поддержку его перед Портой, чтобы или здесь или в другом месте удостоверить, что судно было вооружено г-ном Уркартом для того, чтобы установить контрабандную торговлю с побережьем Черного моря, принадлежащим русским. Более того, он предлагал немедленно поехать в Одессу и оттуда лично отправиться к черкесам, чтобы открыто разоблачить лживые уверения, распространяемые Уркартом вместе с главой шапсугов Сефер-беем о возможности вмешательства Англии в защиту независимости этих народностей. В связи с этим Сэрл предложил отправиться сначала в место ссылки Сефер-бея в Румелии и открыть ему глаза на обманные уверения Уркарта и получить от него циркулярные письма к старейшинам черкесов с тем, чтобы разубедить их и восстановить мир и покорность в горах, где воззвания, обращенные к ним, и происки Уркарта и Сефер-бея вызвали губительное восстание.

Я счел своим долгом не поддаваться таким несвоевременным предложениям и старался доказать майору Сэрл, что он преувеличивает те ложные слухи, которые иностранцы — наши недоброжелатели — распространяют на Кавказе, питая химерические надежды повредить там авторитету русского правительства, и что мы не нуждаемся ни в чьей помощи, чтобы подавить те частичные беспорядки, которые в них могут время от времени возникать. Кроме того я заявил, ему что раскаяние Сефер-бея не имеет в наших глазах ни малейшего значения, но в том случае если судно «Визард» действительно появится в принадлежащих России водах, в целях производства тайной торговли, то крейсирующий там отряд военных судов сможет воспрепятствовать этому и задержать в случае надобности судно. Я намекнул в конце нашего разговора майору Сэрл, что если бы я мог давать ему советы, то я рекомендовал бы ему вернуться без промедления в Англию и

* См. ниже стр. 236.
** См. ниже стр. 237.

предъявить там свои собственные претензии непосредственно г-ну Уркарту, не компрометируя себя в глазах своего правительства своими необдуманными и не имеющими никакого значения выступлениями в других государствах.

Майор Сэрл пришел к решению принять мои советы, потому, что первоначальные его намерения не были серьезно обдуманы, а может быть и потому, что на него подействовали мои доводы. Все сведения, сообщенные им мне за это время о здешних происках среди черкесских вождей, которыми руководят из Лондона, я изложил в прилагаемой к сему записке с приложением двух оправдательных документов.

Несомненно, что только после расследования, произведенного в самой Англии, мы будем в праве утверждать с знанием дела, являются ли махинации, сообщенные майором Сэрл, частным делом темных личностей, или они ведут свое начало от побуждений, исходящих свыше, причем они проводятся так, что в случае неудачи от них легко отречься; пока же я не премину довести все до сведения адмирала Лазарева и барона Розен, не сообщая им об источнике их получения. Они могут быть ими использованы в интересах дела в подведомственных им сферах деятельности. Кроме того я дал конфиденциально предписание консулу Иванову постараться по возможности точнее проверить сведения об английском корабле в Смирнском порту для своевременного уведомления в этом наших властей. Нелишним будет прибавить к сообщенным мною сведениям о г-не Белле, судовом приказчике на «Виксене», что, по дошедшим до меня сведениям, этот человек, кричавший о конфискации своего корабля, теперь с высоты своего величия отдает должное полному милосердию и деликатности поведения по отношению к нему со стороны русских властей в Севастополе и Одессе. Не лишенные интереса сведения, сообщенные нам майором Сэрл, его высокие родственные связи, которые он кажется имеет в Англии, и его стесненное положение материальное, побудили меня предложить ему некоторую денежную помощь, чтобы облегчить ему возвращение в его отечество. Предложение этой помощи, принятое им с признательностью, было мной мотивировано моим личным интересом к нему и к его положению, которое расположило меня в его пользу. Я впоследствии отдам отчет в размере той помощи, которая может быть оказана из находящихся в моем распоряжении секретных сумм.

Письмо майора Вильяма Сэрл русскому послу в Константинополе Бутеневу, 29 января 1837 г.*

Ваше превосходительство!

Мне желательно сделать вашему превосходительству сообщение, от которого самым существенным образом зависит честь, достоинство и благосостояние вашей страны и которое тесно связано с благополучием замечательного и храброго народа — черкесов.

Беспрестанные, злонамеренные, необоснованные интриги, наблюдающиеся здесь в настоящее время, имеют целью вызвать разрыв между Россией и Англией, путем создания раздора наиболее досаждающими и надоедливыми действиями.

Я хочу и имею возможность вскрыть лукавые тайные цели этого постороннего вмешательства, в соответствии с вашими указаниями. Я действую дипломатично и преисполнен желания сделать все для того, чтобы проследить и, если возможно, разрушить эту вредную, пагубную политику.

* ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон № 637, лл. 9, 12. На английском языке.

Условия расположения дворца вашего превосходительства лишают меня возможности иметь честь навестить вас, но я буду счастлив лично осветить вашему секретарю все важные факты, которые я имею в виду, или же податель этого письма, который является наиболее преданным и достойным доверия черкесом, сообщит вашему превосходительству все то, что я имею сказать по этому поводу.

Моим обращением к вам я доказываю мое доверие к вам, я вверяюсь чести вашего превосходительства и я чувствую уверенность в том, что не буду обманут или разочарован.

Имею честь быть покорным слугой вашего превосходительства.

Отстав. майор драгунов британской службы Вильям Сэрл.

Письмо Вильяма Сэрл русскому послу в Константинополе Бутеневу, 2 февраля 1837 г.*

Ваше превосходительство!

Я прошу вашего разрешения выразить вам мою благодарность за любезное послание, которое вам угодно было передать мне в прошлый понедельник, через моего верного приверженца — Андрея Хай.

Я бы охотно воздержался от того, чтобы беспокоить ваше превосходительство и подождал бы до того времени, когда вы смогли бы даровать мне аудиенцию, но имеется одно или два обстоятельства, которые я считаю настолько важными, что должен немедленно обратить на них внимание вашего превосходительства.

Разрешите мне заметить вашему превосходительству, что необходимо использовать ваше могущественное влияние для воздействия на турецкое правительство, с тем, чтобы вызвать отзыв или смещение секретаря английского посольства с поста, который он занимает и которого, клянусь честью, он достиг благодаря обману, введя в заблуждение лорда Пальмерстона, сэра Эрберта Тэйлора, личного секретаря его величества короля Англии и самого его величество.

Вы, ваше превосходительство, можете не сомневаться, я могу вам сказать это с уверенностью, что борьба, которая проводилась с большей чем обычно враждебностью, в продолжении последних 8 или 10 лет целиком вызвана им. Он был инициатором того, что бриг британский или плавающий под британским флагом отправился недавно в Черкесию и был задержан русскими. Я опасаюсь, что государственным министрам Англии и России будет много беспокойств и затруднений, пока они урегулируют этот вопрос.

Эта личность владеет вооруженной им шхуной, с установленными на ней 18 орудиями, которая в настоящее время находится в этих водах. Шхуна пришла из Лондона порта якобы с целью извлечь орудия неких турецких военных судов, затонувших в Наваринской бухте, в то время как действительной целью владельца этой шхуны является стремление проникнуть в эти воды и попытаться нарушить русскую блокаду на черкесском берегу, стараясь таким образом достичь разрыва отношений между Россией и Англией. В случае, если она вступит в Черное море, я прошу ваше превосходительство отдать немедленное приказание о задержании ее в изоляции. Настоящий ее владелец — мистер Уркарт держал у себя на службе моего верного приверженца Андрея в течение 6 или 7 лет. Последний сопровождал мистера Уркарта в Греции, Турции, Малой Азии и прочих странах, оказывая ему важные услуги, как показывают его свидетели, а мистер Уркарт от-

* ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон № 637, лл. 9, 12. На английском языке.

казывается теперь вознаградить его за долгую и верную службу. Андрей, собственно говоря, находится под покровительством России и, я считаю, имеет право претендовать на вмешательство и помощь вашего превосходительства для удовлетворения его справедливого иска в сумме около 400 рублей к мистеру Уркарту.

Мне известно, что эта шхуна может прибыть под видом яхты для катанья, однако несколько необычно то, что секретарь посольства является владельцем вооруженного судна, необычно и то, что яхта для катания имеет на своем борту 12 или 18 орудий, имеет вольнонаемного инженера, судового приказчика, заведующего погрузкой и выгрузкой, капитана и целую команду, способную нападать и защищаться. Название шхуны «Визард» и она представляет собой замечательно быстроходное судно в 60 или 70 тонн.

Моим твердым решением является добиться удовлетворения Андрея Хай, как только я приеду в Англию я передам его претензии к мистеру Уркарту на рассмотрение суда. Но ваше превосходительство знаете, что подобный процесс является утомительным и не дает уверенности, тогда как меры, которые я осмелился предложить, оказались бы быстродействующими, надежными, так как хозяин шхуны без промедлений заплатил бы долг в 400 фунтов для того, чтобы освободить задержанное судно.

Я должен также пожаловаться на поведение мистера Уркарта в отношении Сефер-бея, черкесского князя, который оказывает мне доверие и, я надеюсь, известен и вам. Он, вместе с несколькими другими вождями черкесов, сильно обманут мистером Уркартом, который обольстил их торжественными обещаниями и заверениями, а теперь покинул их и вызвал в них величайшее возмущение.

Мне желательно получить разрешение действовать в интересах этих славных и сильно оскорбленных вождей черкесов, и я прошу ваше превосходительство оказать им помощь, ибо я убежден в том, что вы посочувствуете их обидам и страданиям, которые они перетерпели из-за вероломного предательства этого, введшего их в заблуждение, секретаря.

Мне остается лишь отметить, что, как мне кажется, мне следует действовать по возможности без промедлений, выполняя те поручения, которые ваше превосходительство может мне доверить, ибо письма, которые были посланы в Черкесию мистером Уркартом прошлой зимой, произвели, я знаю это из авторитетных источников, весьма пагубное действие, начиная с берегов Черного моря и до Каспийского. Ложь, содержащаяся в этих письмах, вызвала настроение бунта и возмущения на большом протяжении страны среди населения, жившего раньше в мире и спокойствии.

Мой доверенный черкес, Андрей, может дать вашему превосходительству дополнительные важные сведения по этому вопросу.

Имею честь быть преданным слугой вашего превосходительства.

Вильям Сэрл.

Резюме сообщений майора Сэрл и черкеса Андрея Хай, февраль 1837 г.*

Вильям Сэрл, отставной майор кавалерии британской службы, 60 лет от роду, говорит, что сестра его замужем за господином Мандевиллем, бывшим посланником в Константинополе и в настоящее время английским посланником в Буэнос-Айрес; он говорит также, что у него

* ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон № 637, лл. 9, 12. На английском языке.

есть брат, проживающий в Лондоне, и дочь, замужем за капитаном старой королевской гвардии, в Париже.

Г-н Сэрл служил в Испании под командой герцога Веллингтона, а также в течение восьми лет в Ост-Индии. Он совершил несколько путешествий вглубь Индостана и изучил способ ведения войны маратами [37] и сейками [38]. Из своих светских связей, он особенно подчеркивает свое знакомство с сэром Дамбом, посланником в Вене, сэром Х. Бувери, губернатором Мальты в настоящее время, и со многими членами семьи Пэмборк.

Г-н Сэрл сослался также на свои довольно близкие родственные связи с Робертом Пилем [39], через семейство Флойд.

В 1835 г. Сэрл дал завербовать себя Уркартом в Турцию, под мнимым предлогом военного поручения. Уркарт, находящийся тогда в Лондоне, старался добиться переведения господина Мандевилля на пост секретаря посольства в Константинополе.

Лорд Пальмерстон, хотя и склонный протежировать Уркарту, как публицисту, защищал, тем не менее, права господина Мандевилля и противился назначению Уркарта, которое довольно явно поддерживалось королем Англии. Последний, в свою очередь, желал этого назначения под влиянием сэра Эрберта Тейлор, своего личного секретаря, и господина Джемса Гудсона [40], секретаря королевы.

Эти обе личности были введены в заблуждение, также как было введено в заблуждение лондонское общество, напыщенными речами и памфлетами, расточаемыми Уркартом по поводу захвата Россией соседских владений на востоке и по поводу легкости борьбы с русскими, путем поощрения восстания черкесов. Уркарт хвастался тем, что окончательно подействовал на этих людей авторитетом Сефер-бея и других вождей в Турции и на Кавказе, с которыми он находился в дружеских отношениях. Это именно господин Гудсон рекомендовал ему майора Сэрл и побудил его согласиться на предложения Уркарта, который, как лицо, пользующееся благосклонностью короля и сэра Эрберта Тейлора, имел возможность ссылаться на одобрение свыше для проведения в жизнь своих планов. Таким образом майор Сэрл согласился отдаться в распоряжение Уркарта, который решительно потребовал, чтобы он ничего не сообщал своему шурину г-ну Мандевиллю и покинул Лондон, не советуясь с последним и не открывая ему причины своего отъезда.

Уркарт подписал формальное обязательство, гласящее: «Если майор Сэрл отправится в Константинополь, то он не должен сомневаться в том, что султан будет счастлив использовать его в своей армии; кроме того майор должен находиться в распоряжении Уркарта для того, чтобы в случае надобности отправиться в Черкесию, с целью создания там кавалерии князя Сефер-бея».

Все расходы в пути и в месте пребывания должны быть отнесены за счет Уркарта и авансироваться сэром Гудсоном. Этот контракт, по словам Сэрла, находится у его брата в Лондоне, и должен послужить основанием для судебного преследования Уркарта, которое он предполагает возбудить по возвращении в Англию.

Итак, Сэрл отправился сухопутным путем с г-ном Гудсоном и прибыл в Константинополь осенью 1835 г., захватив во время пути болезнь, лишившую его активности на время больше 6 месяцев. Вскоре сюда прибыл английский полковник Консидайн, в сопровождении нескольких офицеров, присланных по приказанию английского правительства. Этот полковник, человек здравого смысла и современных взглядов, откровенно признался Сэрлю, что миссия его и его коллег также были в основном вызваны лживыми предложениями и обеща-

ниями Уркарта и что по прибытии в Константинополь он сам убедится в том, что связи Уркарта с местными жителями и его влияние на них весьма иллюзорны.

Консидайн, покидая Турцию, дал себе слово дать английскому обществу ясное представление относительно действительного положения вещей и разоблачить личность Уркарта. Действию этих разоблачений можно приписать отчасти, по мнению майора Сэрл, недавнее назначение сэра Чарльза Вагана, благодаря которому Уркарт был устранен от дел.

Прибыв сюда в качестве секретаря британского посольства летом 1836 г., Уркарт объявил майору Сэрл, что момент для активного использования Сэрля в Константинополе крайне неблагоприятен и еще менее благоприятен для реализации прежних планов в отношении Черкесии.

Так как сэр Гудсон был в это время в Англии, Сэрл потребовал от Уркарта денег в возмещение расходов по своему пребыванию здесь и для возвращения за счет Уркарта в Лондон, согласно соглашению, установленному в контракте. Уркарт сначала давал уклончивые ответы, затем стал избегать новых встреч и наконец передал ведение переговоров своему племяннику, молодому Стюарту, который до сего дня разделяет здесь работу со своим дядей и которому весной 1836 г. было поручено доставить черкесам запас пороху через Трапезунт.

Предложения, которые он сделал Сэрлу от лица своего дяди, были неприемлемы и унизительны. Майор Сэрл писал несколько раз Уркарту, но напрасно, и кончил тем, что послал ему вызов на дуэль, так-же оставшийся без ответа.

Поставленный в тяжелое положение и видя, что его затруднения увеличиваются с каждым днем, майор Сэрл принял решение просить аудиенции у лорда Понсонби. Посланник отказал ему в этом, предложив ему письменно выразить свои претензии. Сэрл весьма неохотно решился на это. Ответное письмо, которое он получил и оригинал которого у него имеется, выражало вкратце следующее: посланнику нет дела до планов или обещаний мистера Уркарта и он просит избавить его от всяких дискуссий по этому вопросу. Если майор Сэрл мог поверить в то, что эти планы были известны королю или правительству и одобрялись ими, то он находится в совершенном заблуждении. Наконец сам мистер Гудсон, согласно его собственных признаний посланнику в Константинополе, предпринял путешествие в Турцию, без ведома сэра Эрберта Тейлора, секретаря короля.

Одновременно с этим ответом, лорд Понсонби предлагал майору Сэрлу свое поручительство для получения им взаймы скромной суммы, достаточной для возвращения в Англию. Но предложенной суммы Сэрлу с трудом хватило бы на уплату долгов в Константинополе; кроме того, эта субсидия сопровождалась бы решительным требованием немедленно покинуть Константинополь через Смирну и Мальту, с требованием, которое было неприемлемо для Сэрля, особенно потому, что из соображений семейного характера, он предпочитал дорогу через континент.

В раздражении, вызванном этими неприятностями, майор Сэрл решил искать случая открыть свое положение русскому министру, в надежде таким образом добиться, хотя бы частично, правосудия, в котором ему отказывали влиятельные лица его отечества, или, по меньшей мере, отомстить Уркарту, предав огласке обман, жертвой которого он сам стал.

(Приблизительно те же соображения руководители лицом именующимся Андреем Хей. Он уроженец Карачая (недалеко от Кабарды) на Кавказе.

Русское имя его Андрей Хай, и происходит он из семьи Жабермесов).

Он говорит, что в юности находился в качестве заложника в Астрахани. Он бегло говорит по-русски, также как и по-английски, и на нескольких других европейских языках, изучение которых стало ему привычным во время совершаемых им путешествий. Повидимому, он с такой же легкостью изъясняется по турецки. С тех пор, как он в последний раз уехал из своей родной страны, прошло девять лет. Примерно с того же времени он разделял с Уркартом его жизнь авантюриста. Сэрл был в конце концов покинут Уркартом, долгое время заставлявшим его верить в то, что он боролся за независимость черкесов. Повидимому, благодаря посредничеству Сэрла, Уркарт завязал связь с Сефер-беем и уговорил его в свое время переехать из Самсуна (в Малой Азии) в Константинополь.

Гудсон, упоминавшийся ранее, также, повидимому, пользовался услугами Хая, который сопровождал его в прошлом году в Лондон и получил от него два письма, оригиналы которых представил. Одно из этих писем должно было быть переведено и передано Сефер-бею. Оба письма являются достаточно интересными и потому их точные копии прилагаю к сему *.

По примеру Уркарта, Гудсон проводил здесь время, устраивая пиры в честь Сефер-бея и других черкесских старшин, находившихся в прошлом году в Константинополе. Он щедро раздавал им подарки и занимался совместно с майором Сэрл подготовкой материала для составления топографической карты Черкесии и побережья. Гудсона всегда прекрасно принимал английский посланник, который, однако, никогда не принимал у себя Сефер-бея. Андрей Хай свидетельствует также о том, что лорд Понсонби уже давно старался предостеречь Сефер-бея от ложных внушений Уркарта; он повторил ему свои предостережения, когда отказался, несмотря на настоятельные просьбы Сефер-бея, заступиться за него перед его отъездом в последнюю ссылку в Турцию.

Эта неожиданная ссылка не могла не повредить популярности Уркарта, которую он сумел приобрести среди черкесов. Тем не менее он делал вид, что старается поддерживать ставшую затруднительной письменную связь с Сефер-беем, пользуясь посредничеством английского консула в Адрианополе.

Три черкесских депутата, находившиеся здесь у Сефер-бея и впавшие в полнейшую нужду в связи с его экстренной высылкой из столицы, существуют в некоторой степени благодаря щедротам Уркарта. Уркарт одевается большей частью в турецкий костюм, велит называть себя Дауд-беем, занимает довольно роскошную квартиру в одном из отдаленных предместий столицы и недавно израсходовал значительную сумму на ремонт мечети.

Пользуясь доверчивостью, присущей варварским народам, он старается успокоить черкесов относительно участи Сефер-бея, уверяя, что его ссылка является кратковременной и что она является результатом его собственных комбинаций, ловко им замаскированных в интересах их дела.

Если верить рассказам Хая, то сэр Белль, тот самый, который был арестован на борту «Виксена» и который на днях, после конфискации этого судна, был препровожден сюда из Одессы. Белль рассказал, что прием, оказанный ему и его экипажу со стороны горцев во время их краткого свидания вблизи Суджук-Кале, не сулил ничего хорошего. Далекий от того, чтобы приглашать англичан в Черкесию, преемник Сефер-бея из Шансу, Мулла Хаджи-оглу осыпал их жестокими упреками, напоминая о лживых обещаниях, щедро расточавшихся их соо-

См. ниже, стр. 220.

течественниками, которые привели к печальным для горцев результатам.

Согласно утверждениям майора Сэрл и его сообщника, впрочем довольно туманным и имеющим общий характер, кроме запасных военных припасов, предназначенных для Черкесии на борту Визарда, который находился последнее время в водах Греции, и кроме пороха, который молодому Стюарту удалось переправить в горы прошлой весной, в порту Смирны тогда же находились английские корабли с контрабандным грузом, предназначенным для тех же стран.

Письмо секретаря английской королевы Джемса Гудсона Андрею Хай, 26 июня 1836 г.*

Андрей!

Я опасаюсь, что мне не удастся повидать вас до вашего отъезда из Лондона, так как я не смогу быть в городе раньше среды, когда вы, по всей вероятности, уже отправитесь в плавание.

Поэтому, я должен попрощаться с вами письменно. Я считаю вполне вероятным то, что вы снова попадете в Англию и, надеюсь, что тогда ваше пребывание здесь можно будет сделать более комфортабельным, чем это было в этот раз. Мне нечего сказать вам, ибо в Константинополе вы найдете мистера Уркарта, к мнению и советам которого вы и ваши соотечественники должны будете всегда прислушиваться, если они и вы желаете добра Черкесии.

Вы можете быть уверены в том, что когда я смогу оказать услугу вашей стране, я сделаю это. Но в настоящее время вы должны целиком следовать советам мистера Уркарта, и лишь только беспрекословным послушанием его воле, вы сможете добиться независимости и счастья вашей страны.

Я прилагаю несколько строк князю, которые вы должны прочесть ему. Не ссорьтесь ни с кем. Если вы сделаете это, все может погибнуть. Помните, что ласковые, льстивые речи лучше ссор и что часто, прибегая к ним, вы скорей достигнете своей цели. Да благословит вас бог.

(Джемс Гудсон).

Приложение к письму Джемса Гудсона Андрею Хай, 26 июня 1836 года.**

Превосходному и храброму князю Зан-оглу Сефер-бею здоровья и счастья!

Князь!

Вы уже, несомненно, узнали от Дуад-бея, что цель, за которую вы так благородно сражались и из-за которой вы и ваши славные соотечественники выстрадали так много, уже достигнута, благодаря благословению бога. Было бы бесполезным мне советовать вам что-либо, когда вы имеете в качестве руководителя Дуад-бея. Поверьте мне, что вам удастся добиться независимости вашей страны лишь при условии строгого выполнения его приказания и следования его желаниям.

Вам, все же, еще много нужно сделать. Будьте такими, какими вы были всегда; так же терпеливы, так же решительны, и честная и благородная цель, которую вы отстаиваете, должна восторжествовать над подлыми и предательскими нападениями России.

---

* ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, карт. № 637.
** Там же.

У вас много друзей в Англии, ибо смелые любят смелых, и вы увидите, что день ото дня, наши обе стороны, узнав друг друга лучше, теснее сплотят узы дружбы. Я повторяю, вы имеете много друзей в Англии, но среди них нет никого, кто бы более восхищался вашим поведением и храбростью ваших соотечественников, или кто бы охотнее пролил свою кровь за вашу и их свободу, чем ваш друг.

Джемс Гудсон.

Депеша русского посла в Лондоне Поццо-ди-Борго вице-канцлеру Нессельроде, 21/9 марта 1837 г.*

5/17 текущего месяца депутат Ребюк после очень резкой речи предложил предъявить и опубликовать документы, относящиеся к переговорам между двумя правительствами по поводу Адрианопольского трактата и задержания «Виксена». Другие члены горячо поддержали это требование. Тогда лорд Пальмерстон взял слово и в своем выступлении, признав серьезность этого дела, объявил, что оно может стать поводом к войне или миру. Кроме того, он уверял, что правительство уже уделило большое внимание этому делу и что оно настойчиво доведет его до конца, прибавив однако, что предъявление требуемых документов противно установившемуся обычаю и что палата должна ждать, когда министерство само ей предъявит отчет о своих переговорах.

После этой речи первый оппонент г-н Ребюк отказался от своего предложения, как это было очевидно заранее условлено, и все было оставлено in status quo после того, как это серьезное дело было оглашено в обществе и в парламенте.

Лорд Пальмерстон в своей речи пытался доказать, что он не уполномачивал арматоров «Виксен» отправиться в Черкесию, и, чтобы сбросить с себя этот упрек, прочел письмо, адресованное ему г-ном Беллем, причем он главным образом подчеркивал то обстоятельство, что г-н Белль обратился к нему с вопросом, была ли объявлена блокада, имевшая целью прекратить морские сношения с обитателями этого края, на что он ответил советом просмотреть лондонскую газету, где могли объявляться эти меры, если они были установлены официально и на легальном основании.

Вне всякого сомнения, граф, что г-н Белль добивался определенного разрешения на задуманное им путешествие, и что лорд Пальмерстон воздержался дать его из опасения быть скомпрометированным, но что он поощрил его уверением, что блокады нет и что, следовательно, главное препятствие к его предприятию отпадает и что то лицо, которое само желало предпринять это путешествие, ввело его в заблуждение, сообщив о блокаде.

Достаточно было бы самого краткого откровенного и честного объяснения во время беседы, чтобы убедить арматоров отказаться от их намерения и тем отвратить инцидент, который теперь приковывает к себе внимание всей Европы.

Депеша нидерландского консула в Одессе Тетбу де Мариньи нидерландскому министру иностранных дел барону Верстолк, 24/12 марта 1837 г.**

Господин Белль, судовой приказчик на «Виксене», прибыл сюда в конце февраля вместе с капитаном. Господин Белль помилован импе-

* ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон № 636, лл. 79—80. На французском языке.

** ГАФКЭ, ф. 1 А, д. № 135. На французском языке.

ратором и был очень хорошо принят графом Воронцовым. Он отправился в Константинополь. Во время своего пребывания в Одессе он много рассказывал о дружеском приеме, оказанном черкесами англичанам во всех тех местах, куда они проникли. Он также сообщил многие интересные подробности об английском офицере по фамилии Стюарт, который уже восемь месяцев объезжает Черкесию, о другом офицере и состоящем при них переводчике. Часто во время их поездок их сопровождает от 5 до 6 тысяч черкесов. Он пересек страну в различных направлениях от Абхазии до Кубани. Кажется он был занят, главным образом, организацией центрального правительства, выгоду которого понимают черкесы в их борьбе с Россией.

Основываясь на полученных мною сведениях, я не сомневаюсь в том, что господин Стюарт был послан на Кавказ английским правительством. В прошлом году в Константинополе находился черкесский князь по имени Сефер-бей, который был английским агентом. Русскому посольству в конце лета удалось добиться его высылки в Варну.

Депеша французского посла в Вене Сент-Олера французскому министру иностранных дел Моле, (8 апреля) 27 марта 1837 г.*

Русский поверенный в делах князь Горчаков в отсутствие посла выразил очень большое недовольство бережным отношением, проявленным г-ном Меттернихом к Англии в связи с делом «Виксена». Он не допускает ни малейшей неуверенности в вопросе о суверенитете России на абхазском побережье и для обоснования прав царей он составил записку, в которой ссылается на очень давние времена. После того, как князь Меттерних уклонился принять во внимание все это нагромождение, князь Горчаков ответил ему, что император Николай будет очень удивлен и обижен его сдержанностью. Мы узнали после о скором возвращении г-на Татищева, которого снова отправляют в Вену для более сильного воздействия на князя Меттерниха. Последний, мне кажется, верит в отставку Татищева. Сначала он мне сказал, посмеиваясь, что Горчаков его не запугает своими угрозами и что, кроме того, он очень плохую услугу делает своему государству, приписывая ему смешную претензию обосновывать свои права на Абхазию, исходя из XI столетия. Несколько дней спустя он мне сообщил, что император Николай очень его благодарил за занятую им позицию по отношению к Англии и что император совсем не придерживается химер Горчакова, а претендует на берега Абхазии в силу Адрианопольского трактата. Я сомневаюсь, чтобы подобная концепция нравилась сэру Ламбу, который обещал своему правительству поддержку венского кабинета и гарантировал ему содействие Австрии, за которые Англия выразила свою признательность князю Эстергази [41].

Все обвиняют г-на Меттерниха, который после этого маневра очень доволен собой, но я сомневаюсь, что он может прибегнуть к нему еще до окончания дела. В данный момент положение дела очень рискованно. Я не понимаю, признаюсь, как канцлер мог не навлечь на себя гнева императора Николая, представитель которого вызывающе заявлял здесь, что честь его государя не допустит никакого вмешательства. Кроме того, я не понимаю, как князь Меттерних избег злобы английского правительства, которое льстило себя надеждой получить беспристрастное посредничество Вены.

* ГАФКЭ, ф. 1 А, д. № 137, л. 10. На французском языке.

Депеша вице-канцлера Нессельроде русскому послу в Константинополе Бутеневу, 11 апреля (30 марта) 1837 г.*

Переговоры, вызванные случаем с «Виксеном» должны придти к вполне удовлетворительному для России окончанию. В интересах своего достоинства и безопасности Россия должна, главным образом, соблюдать два условия:

1. Не позволять Англии оспаривать законность захвата «Виксена».

2. Оставить в силе свое решение о конфискации «Виксена», чтобы этим актом строгости отвадить других английских арматоров от попыток, подобных предприятию Белля, жертвой которой он стал сам.

Эти два условия как будто бы могут быть выполнены, судя по плану действий, которому намерен следовать лорд Пальмерстон. Образ же действий, который им будет избран для соблюдения парламентских приличий, чтобы выйти из затруднительного положения, нас мало касается.

Что касается нас, то мы должны радоваться, что это щекотливое дело будет приведено к такому благоприятному для нас результату, который, обеспечивая полностью наши права, не наносит никакого ущерба мирным отношениям России с Англией.

Депеша французского посла в Вене Сент-Олера французскому министру иностранных дел Моле, 24/12 апреля 1837 г.**

Как я и предвидел, посол Англии очень недоволен посланной отсюда депешей по делу «Виксена». Он горько жаловался мне на непостоянство и слабость г-на Меттерниха и объясняет его отречение от своих слов страхом, внушенным ему письмами г-на Татищева. С своей стороны я не сомневаюсь, что возвращение этого посланника в Вену явилось результатом депеш князя Горчакова и вызванным ими в Петербурге замешательством. Я определенно знаю, что г-н Татищев готовился к отъезду в Москву, где он рассчитывал продлить на несколько месяцев свой отпуск, но он был внезапно вызван к императору, получил предложение вернуться на свой пост и через 36 часов был уже в дороге. Ничто здесь не обнаруживает ни малейшего охлаждения между ним и канцлером; оба они очень с большим пренебрежением отзываются о Горчакове и, кажется, хотят свалить на него все это недоразумение.

Депеша русского посла в Вене Татищева вице-канцлеру Нессельроде, 2 мая (19 апреля) 1837 г.***

В только что полученном из Константинополя письме сообщается, что владелец «Виксена» [42] отплыл на первом судне с двенадцатью черкесами в Трапезунт, откуда он отправится в кавказские провинции с секретным поручением, возложенным на него господином Уркартом. На этом же судне должен находиться, втайне от английских эмиссаров, секретный агент Хозрева-паши [43] для наблюдения за ними.

---

* ГАФКЭ. ф. Константинопольской миссии, картон № 636. л. 76. На французском языке.

** ГАФКЭ. ф. 1 А. д. № 137. л. 13. На французском языке.

*** ГАФКЭ. ф. 1 А. д. № 135. л. 1. На французском языке

Депеша французского посла в Константинополе маркиза д'Эйраг французскому министру иностранных дел Моле, 3 мая (20 апреля) 1837 г.*

Оказывается, что г-н Белль, владелец «Виксена», нанял в Синопе турецкую шхуну, на которой он отправился в начале прошедшего месяца в Абхазию. Здесь уверяют, что еще два английских торговых судна готовы к отплытию к этому побережью, чтобы спровоцировать русские крейсеры на их захват.

Письмо русского посла в Лондоне Поццо-ди-Борго вице-канцлеру Нессельроде, 3 мая (20 апреля) 1837 г.**

Прошу вас оказать снисхождение депеше, которую вы получили от меня. Она написана под очень тяжелым впечатлением от двуличности и злонамеренности, которые проявил лорд Пальмерстон. Большим утешением для меня является мысль, что мое сообщение о проекте соглашения по делу «Виксена» совпадает с тем, что сам он писал по этому поводу лорду Дюрэм; в выдвинутой им самим комбинации не было и речи о словесных и полуофициальных нотах, она не содержала ни рассуждений, ни предположений о еще не совершившихся событиях. Но этот простой проект перестал его удовлетворять, как только он получил известие о принятии его нашим кабинетом, и он для возбуждения в дальнейшем ссор, дополнил его и поспешил отправить курьера, ничего мне не сказав об этом, а депешу свою он мне дал прочесть после того, как его намерение было приведено в исполнение. Из моей основной депеши вы узнаете, как все это произошло.

Без всякого вызова с моей стороны он обнаружил передо мной то, что таил в глубине своего сердца и развил план крестового похода против России, говоря, что император угрожает вселенной. Тем самым он сказал, что вселенная должна ополчиться на его величество. Я совсем не обнаружил страха перед таким грандиозным планом, направленным против нас. Я его выслушал и сказал только самое необходимое, чтобы дать ему понять, что хотя для меня ясна цель его слов, но я не придаю им значения. Он несколько раз повторил, что великие государства должны знать, какие существуют между ними отношения, на что я ему ответил, что поскольку он объяснил сущность их, то я не премину принять его слова к сведению.

Нота английского посла в Петербурге лорда Дюрэма вице-канцлеру Нессельроде, 6 мая (24 апреля) 1837 г.***

Нижеподписавшийся чрезвычайный полномочный посол его величества короля великобританского имеет честь уведомить ваше превосходительство о получении правительством его величества представлений со стороны господ Полден, Мортон, Белль и компании, с жалобами на захват и конфискацию английской шхуны «Виксен», задержанной русским военным кораблем в Черном море и отведенной затем в Севастополь.

Нижеподписавшийся получил сегодня от своего правительства предписание обратить на это внимание императорского кабинета и уполномочен требовать объяснений тех причин, которые побудили русское правительство захватить и конфисковать в мирное время купеческое судно, принадлежащее британским подданным.

---

* ГАФКЭ, ф. 1 А, д. № 135, л. 177. На французском языке.

** ГАФКЭ, ф. 3, д. № 89, ч. 2, л. 14. На французском языке.

*** ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон № 636, л. 175. На французском языке.

Нота вице-канцлера Нессельроде английскому послу в Петербурге Дюрэму, 9 мая (27 апреля), 1837 г.*

Нижеподписавшийся имел честь получить ноту от 24 апреля/6 мая, в которой его превосходительство лорд Дюрэм выразил желание узнать мотивы, послужившие основанием для захвата английского судна «Виксена», задержанного русским военным судном в Черном море и присужденного затем к конфискации в Севастополе.

Согласно повелению императора, нижеподписавшийся вменяет себе в обязанность дать г-ну послу Англии самые искренние и полные объяснения обстоятельств, вызвавших эти меры по отношению к «Виксену».

Конфискация этого корабля была вызвана тем, что он вошел с грузом контрабанды в принадлежащий России, в силу Адрианопольского трактата, порт с целью торговли, вопреки опубликованным императорским правительством правилам о торговле в этих водах, которые запрещают иностранным судам вход в этот порт, не имеющий ни таможни, ни карантина, и взамен его открывают находящийся на небольшом расстоянии от него порт Анапу, куда был бы свободно допущен «Виксен», если бы он преследовал цели правильной и законной торговли. Для императорского правительства достаточно было такого очевидного нарушения указанных правил, чтобы подвергнуть этот корабль взысканию, которое он навлек на себя, нарушив законы империи. Сообщая его превосходительству лорду Дюрэму эти мотивы нижеподписавшийся вполне уверен, что кабинет его величества короля Великобритании рассмотрит их с полным беспристрастием. Кроме того он питает надежду, что чувство законности и чести, положенные в течение стольких лет в основу кредита и процветания английской торговли в России, сможет предотвратить в дальнейшем возобновление попытки, которую императорское правительство теперь пресекло с такой справедливой строгостью; Англия без сомнения первая подала бы пример, прибегнув к этой мере, если бы в каком-нибудь порту, подвластном ей на основании формального трактата, имело место подобное нарушение ее собственных установлений.

Депеша английского посла в Константинополе лорда Понсонби английскому министру иностранных дел лорду Пальмерстону, 16/4 мая 1837 г.**

Милорд! Вы мне сообщили выдержку письма из Шапсака от 13 апреля 1837 г. от Хаджи-оглу-Мансура Сефер-бею [44]. В нем сообщается, что несколько англичан дали черкесам от имени английского короля обещание, что его величество окажет им помощь; в письме особо отмечается лицо по имени Дауд-бей и указывается, что это имя является псевдонимом господина Уркарта. Я не верю этому утверждению потому, что после своего возвращения из Черкесии в 1834 г. Уркарт и сопровождающий его в этой поездке капитан Лион уверили меня, что черкесы были ими несколько раз самым настойчивым образом предупреждены, что они не должны надеяться на то, что Англия вступит в войну в защиту Черкесии и что ею будет оказана хотя бы малейшая помощь Черкесии, пока Англия будет находиться в мире с Россией.

В этом же письме, судя по вашему сообщению, говорится в очень резких выражениях о волнениях, происходящих теперь в Черкесии, и об измене некоторых главарей, которые, потеряв надежду на помощь Англии, подчинились России.

---

* ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон № 636, лл. 176—177. На французском языке.

** ГАФКЭ, ф. 1 А, д. № 137, письмо № 888. На французском языке.

Я написал Сефер-бею в место его ссылки письмо приблизительно такого содержания:

«Посылаю вам выдержку из письма, которое, по имеющимся у меня сведениям, было адресовано вам. Получили ли вы действительно это письмо? Если это так, то верны ли сообщения этого письма о мнениях и настроениях черкесских вождей?

Заявляю вам вполне определенно, что я уверен в том, что никогда никто не был уполномочен королем и его министрами делать какие-либо сообщения вождям черкесов и черкесскому народу, за исключением тех, которые я, посол, сделал вам по распоряжению британского правительства, относительно условий мира с Россией. Это единственное сообщение было сделано с разрешения британского правительства и я не могу поверить, чтобы когда либо англичанин мог бы рискнуть выступать перед черкесами с такими речами, какие ему приписываются в указанном выше письме.

В сообщенном выше официальном заявлении говорится об интересе, который проявляет британское правительство к благосостоянию черкесов, и если сообщение соответствует истине, то мудрость совета, данного британским правительством очевидна для всех. Прошу вас прислать мне с подателем этого письма ответ на это мое заявление вам».

Я жду ответа бея, чтобы осведомить ваше превосходительство о положении дел, но я опасаюсь, что Россия в самом скором времени не силою оружия, а иными средствами с успехом осуществит свои намерения овладеть Кавказом, который является по меньшей мере ключем к Турции и когда он будет покорен Россией, то русская армия увеличится более чем на 100 тыс. человек.

Депеша русского посла в Константинополе Бутенева вице-канцлеру Нессельроде, 2 июня/21 мая 1837 г. *

Дней десять тому назад из одного пребывающего в этой столице иностранного посольства я получил косвенное предостережение о том, что как будто бы совсем недавно из Константинополя отправлено к берегу Черкесии такое же судно, как «Виксен», и что на борту этого английского судна, отправившегося с целью установления тайных сношений с кавказскими горцами, должен находиться некий г-н Лонгворт, известный корреспондент газеты «Morning Chronicle».

Хотя я не знаю, на чем основано это предостережение, я все же счел своим долгом конфиденциально довести его до сведения адмирала Лазарева, отправив ему депешу с последним одесским пироскафом, чтобы он мог своевременно оповестить об этом морское командование, на которое возложено наблюдение над принадлежащими нам восточными берегами Черного моря. Но на основании более обстоятельных сведений, почерпнутых мною у наших секретных осведомителей, я успел уже установить, что факт отправления нового английского корабля в Черкесию очень сомнителен. Но в то же время до моего сведения дошло, что английские спекулянты действительно отправили груз товаров в Трапезунт, с тайной надеждой проникнуть во чтобы-то ни стало к черкесам на каботажных турецких судах, которые, несмотря на запрещение оттоманских властей, продолжают поддерживать контрабандную торговлю с кавказским и анатолийским побережьем. Я также извещен и о том, что г-н Белль, который был уже один раз арестован на борту «Виксена», задержанного нашими крейсерами, после чего он был отправлен в Константинополь, поехал недавно в Трапезунт, что-

* ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, карт. № 637, XVII, 81, л. 7. На французском языке.

бы руководить подобными предприятиями, и что г-н Лонгворт также туда отправился позже сухим путем.

Узнав об этом, я отдал тайное распоряжение нашему консулу в Трапезунте зорко следить за тем, чтобы не допустить приведения в исполнение намерения, о котором мне только что сообщили. Чтобы обеспечить это наблюдение, я решил также направить ненадолго в Трапезунт черкесского эмиссара, уже известного вашему превосходительству из моих предыдущих донесений, для того, чтобы поближе познакомиться с действительным положением вещей, используя имеющиеся, как будто, у него личные связи. Я пока воздерживаюсь отнести на счет секретных сумм константинопольского посольства издержки на эту поездку; я не премину известить императорское министерство о результатах.

Из депеши вице-канцлера Нессельроде русскому послу в Лондоне Поццо-ди-Борго, 3 июня (22 мая) 1837 г.*

Английский посол соблаговолил сообщить мне только что полученную им депешу от главного государственного секретаря департамента иностранных дел. Копия этой депеши прилагается. Читая этот документ, ваше превосходительство узнаете, что правительство его величества короля великобританского не имеет достаточного мотива для того, чтобы подвергать сомнению право России на захват и конфискацию «Виксена» в порте Суджук-кале, на основании причин, изложенных в моей ноте от 27 апреля, и потому не намерено в дальнейшем предъявлять никаких претензий по поводу задержания этого судна. Доводы этого документа так основательны, что императорскому кабинету не остается желать большего. Ноты, которыми обменялись стороны, разрешая этот спор, являются в наших глазах новым залогом обоюдных намерений держав поддерживать полные согласия отношения одинаково важные как для России, так и для Великобритании, объединенных великими торговыми интересами и узами взаимного уважения.

Император, глубоко убежденный в этом, выражает вам, господин посол, особую благодарность за ваше содействие в деле устранения всех поводов к несогласию между двумя странами, за искренность и стремления к примирению, которые неизменно руководили вами, согласно повелению его императорского величества...

Депеша русского посла в Лондоне Поццо-ди-Борго вице-канцлеру Нессельроде, 20/8 июня 1837 г.**

Я сообщил лорду Пальмерстону депешу вашего превосходительства от 22 мая, с сообщением об удовлетворении его императорского величества справедливым и дружественным разрешением дела о задержании и конфискации «Виксена». Главный статс-секретарь бесконечно польщен той оценкой, которую его императорское величество соблаговолило дать мирному направлению этого дела и объявил мне, что он считает его окончательно разрешенным. Он прибавил, что он ожидал нападок в связи с этим делом со стороны некоторых лиц из палаты общин, но он не сомневался в том, что он их успешно отразит. Хотя мы не поднимали вопроса о возможности в будущем незаконных поездок злонамеренных лиц в различные места Черкесии, но нельзя конечно скрыть,

* ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон № 636, л. 218. На французском языке.

** ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон № 636, л. 22. На французском языке.

что они возможны, в результате подстрекательства тех лиц, которые предприняли это первое путешествие.

Я нисколько не сомневаюсь в том, что английское министерство, не исключая лорда Пальмерстона, не отговаривает прямо от таких поездок, предвидя их последствия, и это обстоятельство служит лишним поводом к выступлению лиц, стремящихся скомпрометировать министерство в глазах России.

Оставление лорда Понсонби в константинопольском посольстве грозит такой опасностью. Кабинет воспользовался случаем для удаления его с поста, под предлогом отпуска, но лорд Понсонби разрушил этот замысел, отказавшись от отпуска, и объявил, что он оставит посольство, только по специальному распоряжению. Министры не осмелились повелеть ему прямо оставить свой пост из уважения к лорду Грэю, который приходится ему зятем, и к другим влиятельным лицам, которые ему протежируют; таким образом лорд Пальмерстон был вынужден защищать его в палате общин [45], несмотря на то, что в действительности он находится в очень затруднительном положении, имея в Константинополе, вопреки своему желанию, представителя, за поведение которого он не может быть ответственным.

Депеша русского посла в Константинополе Бутенева вице-канцлеру Нессельроде, 21/9 июня 1837 г. *

Ваше превосходительство было извещено моим рапортом от 21 мая о принятом мною решении отправить в Трапезунт черкесского эмиссара Хая, о котором я раньше сообщал, для сбора в этом приморском городе и на прилегающих к нему анатолийских берегах более точных сведений о затеях иностранных авантюристов, которые отправились отсюда в Черкесию и, в частности, о сношениях прибрежных горцев с жителями азиатской Турции. Человек этот недавно вернулся в Константинополь, употребив на свои розыски больше месяца, первые результаты их сообщены мною г-ну сенатору Родофиникину [46]. Но более подробные сведения, сообщенные им мне после его возвращения сюда, показались мне по их сущности интересными, главным образом, для наших властей на Кавказе и на Черном море. Самую суть этих сведений я письменно изложил в приложенной к сему записке: копию ее я посылаю адмиралу Лазареву с пироскафом, который отправится сегодня. Может быть, императорское министерство найдет полезным сообщить об этом также главнокомандующему в Грузии, чтобы дополнить те сведения, которые я считал нужным несколько раз сообщать ему.

Но всего интереснее будет для вашего превосходительства познакомиться с рассказом о беседе, которую после своего возвращения в Константинополь имел этот эмиссар, с лордом Понсонби, эмиссар этот раньше был прикомандирован к г-ну Уркарту и потому его знал английский посланник в Константинополе. По моей просьбе он сделал краткую сводку итогов этой беседы на английском языке, на котором говорит довольно бегло. Эта сводка мне показалась достойной внимания и я приложил ее к сему, как только получил.

До сего дня лорд Понсонби, хотя и не оправдывал вредных происков г-на Уркарта, однако воздерживался определенно высказываться против и, может быть, даже невольно покровительствовал этим проискам своей пассивностью и молчанием. Теперь же приходится удивляться тому, что он не только ясно и решительно осуждает поведение англий-

* ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон № 637, лл. 4, 88. На французском языке.

ских агентов-провокаторов и авантюристов, но также занят наблюдением за ними, составлением и редактированием обращений, имеющих целью категорически разоблачить и опозорить в глазах горцев лживые уверенья г-на Уркарта и ему подобных, вроде Белля и Лонгворта, которыми они пытались ввести горцев в заблуждение и восстановить против России.

Будущее покажет — можно ли эти новые речи приписать искреннему возврату английского кабинета и его представителя к новой более осторожной и здоровой политике или же каким-либо другим мотивам, среди которых может иметь место и личная злопамятность посланника по отношению к г-ну Уркарту.

Резюме двух бесед английского посла с черкесом Андреем Хай, составленное последним *.

4/16 июля, когда я имел честь видеть лорда Понсонби, он задал мне следующие вопросы:

Милорд. Как вы поживаете, Андрей? Уже много времени прошло с тех пор, как я видел вас в последний раз! Какие новости вы собрали о вашей стране?

Андрей. Я право не знаю, милорд, потому что вследствие отъезда м-ра Уркарта и отсутствия князя Сефер-бея, я не имею возможности многое узнавать.

Милорд. Кстати, слышали ли вы что-нибудь о капитане Белль и г-не Лонгворте?

Андрей. Да, милорд, я слышал в Тофане (Tophana), что они находятся в Черкесии.

Милорд. Я слышал также, что они выдают себя за влиятельных особ. Белль называет себя английским посланником, а Лонгворт — его личным секретарем. Теперь, Андрей, хотя это не имеет для меня никакого значения, но так как я люблю истину, верю в то, что она всегда побеждает и хочу, чтобы людям всегда говорили правду, то я очень рекомендовал бы вам написать Хаджи-оглу Мамеду (заместителю Сефер-бея в Черкесии), информируя его о том, что все обещания и действия м-ра Уркарта и всех прочих джентльменов являются ложными и что им не следует полагаться на эти обещания. Я посоветовал бы вам также дать знать двум черкесским представителям (депутатам), которые, я полагаю, все еще находятся в Константинополе, об интригах и ложных деяниях м-ра Уркарта. Единственной его целью является лишь желание показаться «большим человеком». Между прочим, Андрей, он заплатил вам?

Андрей. Нет, милорд.

Милорд. Ну вот! Вы видите? Этот человек не платит! Он обманул вас, майора Сэрл и, как я слышал, также других людей. Вы знаете, Андрей, что Англия, смею сказать, желает мира и покоя для Черкесии, но, знайте, Черкесия никогда не должна верить в то, что Англия вступит когда-либо в войну с Россией в защиту Черкесии. Англия в настоящее время не подготовлена к войне. Наши национальные долги так велики, что у нас много других дел, которыми необходимо заняться. Вы понимаете меня, Андрей?

Что касается меня, то вы знаете, что я хотел бы видеть черкесов вполне спокойными. Но я ничего не могу сделать для них, кроме раскрытия им истины, и я усиленно рекомендую вам, так как вы можете написать им на вашем родном языке, сообщите им правду.

---

* ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон № 637, лл. 9—10. На английском языке.

7/19 июля я имел честь видеть милорда снова.

Милорд. Мой хороший Андрей! С какой доброй вестью вы явились ко мне сегодня?

Андрей. Я не могу ничего сообщить вам, милорд. Я лишь хочу показать вашей милости копию моего письма к мулле Хаджи-оглу и спросить, находите ли вы его подходящим для того, чтобы я послал его.

Милорд. Я не вижу в нем ничего такого, что я мог бы изменить. Вам лучше знать. Это ваша родная страна, вы должны писать им то, что по вашему мнению принесет им больше всего пользы. Что касается меня, то я желаю им всего хорошего и это все, что я могу сказать. Между прочим, хотели бы вы поехать в Англию?

Андрей. Что бы я там делал, милорд?

Милорд. Получили бы обратно свои деньги от м-ра Уркарта. Я знаю, что м-р Гудсон ваш друг и я уверен, что он приложит все старания для защиты ваших прав.

Андрей. Я не имею средств для поездки в Англию.

Милорд. Так как вы знаете иностранные языки, я попытаюсь послать вас в Англию с одним джентльменом в качестве товарища по путешествию.

Рапорт русского консула в Трапезунте Герси русскому послу в Константинополе Бутеневу, 21/9 июня 1837 г.*

Черкес Андрей Хай, как только прибыл сюда, сейчас же принялся усердно разыскивать следы г-на Белля и Лонгворта. В продолжении нескольких дней он считал, что они оба прибыли в эту гавань на австрийском судне «Crescent» и что они отправились в Черкесию на небольшом местном судне, на борт которого они погрузили на тысячу пиастров пушечного пороха, который они купили у здешнего купца по имени Бурук-оглу Ибрагим Анапали. Однако оказалось, что эти первые сведения были лишены основания. Я отправился к Осману-паше [47] (он, несмотря на предупредительность по отношению к нему британского консула и небольшие услуги, которые оказывает ему последний, предоставляя ему свою паровую лодку, очень мало, конечно, симпатизирует этой нации). Этот визирь, узнав о моих подозрениях, втайне сделал все необходимые по этому делу розыски и на другой день заверил меня своим честным словом в том, что ни одно судно не выехало отсюда в Черкесию и что уже в течение пяти месяцев здесь никто не занимался продажей пороха, за исключением одного случая, когда порох продавался в розницу очень небольшими количествами. Я сообщил об этой беседе Андрею Хай и новые его розыски, которые он счел нужным сделать, в точности подтвердили сообщения Османа-паши.

Вчера же вечером Осман-паша выразил желание видеться со мной. Я тотчас же воспользовался его приглашением. Визирь сообщил мне, что два англичанина, в сопровождении переводчика европейца, прибыли из Константинополя в Синоп и, получив от местных властей турецкий фирман, наняли в этом городе турецкое судно и отправились оттуда на побережье Черкесии дней двадцать восемь, тридцать назад. Визирь кроме того прибавил, что если когда нибудь эти путешественники при своем возвращении прибудут в какой либо подвластный ему, как паше, пункт, он сейчас же после высадки их примет меры, чтобы экипаж судна был арестован и без огласки приведен к нему для того, чтобы разузнать у них, что упомянутые лица делали в Черкесии.

Во время своего переезда из Константинополя в Трапезунт на борту пироскафа «Crescent» Андрей Хай узнал, что английский полковник по

* ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон 642, лл. 126—131. На французском языке.

имени Констейтейн, в самом скором времени прибудет сюда на английском корабле, чтобы затем отправиться отсюда в Черкесию. Получив это предостережение, я принял все необходимые меры, чтобы иметь возможность в случае появления в этих водах английского корабля, дать вашему превосходительству все сведения о нем и полковнике Констейтейн. Андрей Хай предполагает на этих днях отправиться в Синоп через Самсун. Он будет все время держать меня в курсе всех новостей, которые он там узнает, а я с своей стороны не премину немедленно, самым надежным путем, довести все до сведения вашего превосходительства.

Я снабжу помянутого Андрея Хая подорожной, подписанной Османом-пашей, чтобы он мог проехать отсюда побережьем до Синопа без препятствия со стороны властей. Приняв во внимание его просьбу, я дал ему две тысячи турецких пиастров и я прошу ваше превосходительство соблаговолить отдать распоряжение, чтобы эта сумма была передана моему уполномоченному Франсуа Цино.

Спешу осведомить ваше превосходительство, что прибывшие из Черкесии два турецких судна, которые причалили на той неделе в месте, расположенном в окрестностях....* получили разрешение выехать в Черкесию в феврале этого года. С одним матросом, тайком приехавшим сюда, сейчас познакомился Андрей Хай и, благодаря своему черкесскому костюму, выведал от него, что Белль и два сопровождавших его европейца прибыли в Дживку, место, расположенное к северу от Геленджика, и остановились у главы одного из черкесских племен — Джангар-оглу. При первом же случае я надеюсь иметь честь, господин посол, сообщить вам дополнительно новые подробности по этому делу.

Отношение русского посла в Константинополе Бутенева командиру черноморского флота вице-адмиралу Лазареву, 30/18 июня 1837 г.**

М. г. Михаил Петрович!

13-го минувшего месяца имел честь предварительно сообщить вашему превосходительству дошедшие до меня слухи о поездке отсюда в Черкесию англичанина Лонгворта. С того времени собрано мною несколько дополнительных сведений, частью здесь, частью через консула в Трапезунте и через доверенное лицо, нарочно отправленное на место по моему распоряжению.

По всему кажется, что известие об отплытии отсюда нового английского судна с товарами к черкесским берегам, по примеру шхуны «Виксен», было неосновательно. Мы знаем почти достоверно, что назначенное для подобного покушения английское судно «Визард», о котором я писал вашему превосходительству, нынешнею зимой переменило направление и прямо воротилось из греческих вод в Англию. Но едва ли можно сомневаться, чтобы Лонгворт, бывший на шхуне «Виксен» суперкаргом Белль и с ними третий европеец (вероятно переводчик) действительно не уехали на черкесский берег из портов Анатолии, куда направлен был из Константинополя на английском судне и груз товаров с тем, чтобы помянутые иностранцы удобнее могли провести их к черкесам с помощью турецких каботажных лодок.

Сам паша трапезундский не скрывал от нашего консула, что по сведениям из Синопа два англичанина с переводчиком, прибывшим туда из Константинополя в начале мая, тайно отправились на турецкой лодке в Черкесию. А в первых днях текущего июня горцы, едва только прибывшие оттуда в Трапезунт, сказывали нашему посланцу, что

* Слово не разобрано.

** ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, св. 645, лл. 44—45.

Белль, уже до того времени лично им известный, и с ним двое спутников, действительно прибыли недавно на берега черкесской губы Дживка (к северу от Геленджика) и поселились там у горского старейшины по имени Джангар-оглу.

Затем со стороны консульства нашего сделано то, что оставалось в его власти, а именно — приняты меры, дабы узнать по возможности о действиях тех англичан в горах и помешать дальнейшему пропуску туда из Анатолии подобных искателей приключений.

Рапорт русского консула в Трапезунте Герси русскому послу в Константинополе Бутеневу, 4 июля/22 июня 1837 г. *

Судно, на котором г-н Белль и его спутники переправились в Черкесию, недавно возвратилось в Синоп. Находившийся на его борту черкес тотчас же высадился на берег. Он намерен ехать далее в Константинополь. По рассказам экипажа этого судна невероятные махинации господина Белля и его спутников не имели успеха. Пребывание его там теперь вызывает большие разногласия между вождями черкесских племен.

Хайдар-оглу, глава шапсугов, который пригласил его вначале остановиться у себя, был вынужден после поселить его в отдельном доме; мера эта была вызвана отчасти враждебными выступлениями различных черкесских вождей, в частности со стороны бжедухского вождя Хаджи-оглу муллы Мехмеда, и отчасти желанием установить над Беллем и его спутниками коллективное наблюдение, чтобы взять их в плен в том случае, если данные ими обещания помощи не будут выполнены.

Депеша английского посла в Константинополе Понсонби английскому министру иностранных дел Пальмерстону, 19/7 июля 1837 г. **

Посылаю вам копию моего ответа на полученное мною письмо от г-на Белля. Я буду краток, подробно я напишу вам по этому вопросу после. Теперь же я должен сказать, что то, что произошло между г-ном Беллем и мною — произошло в действительности, все было сказано во всеуслышание в присутствии трех или четырех лиц, они слышали каждое слово и я могу назвать их вам. Я отвечаю на ту часть письма г-на Белля, в которой он говорит о словах, сказанных им якобы по моему желанию. Сущность этого дела вы найдете в моем ответе г-ну Беллю, а именно о предостережении черкесов относительно сомнительности вступления Англии в войну за них и в защиту их интересов.

«Милостивый государь!

Я только сейчас имел честь получить ваше письмо от 29 мая. Я чувствую живейший интерес к делам черкесов и всегда рад получать о них сведения. Я не могу не знать, что черкесы предпочтут величайшую опасность и страдания покорности под иностранным игом и я приветствую любое вынесенное ими экстренное решение, если оно будет носить такой благородный и великодушный характер. Но я не могу не сказать вам, что общее содержание вашего письма поддерживает во мне опасение, что англичане дали черкесам глубокое заверение в том, что Англия — правительство Англии — вступит в войну за них, в защиту их дела. Несомненно, что нет ничего более жестокого по отношению к

* ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон № 642, лл. 138, 139. На французском языке.

** ГАФКЭ, ф. 1 А, д. № 137, лл. 31—32. На английском языке.

черкесам, как введение их в подобное заблуждение, потому что оно побуждает их к поступкам, которых бы они никогда не совершили, если бы не находились во власти такого обольщения. Черкесы, рассчитывая свои шансы на успех, не должны основываться на химере, кроме того, ни один представитель английской нации своими действиями ни на одну минуту не должен дискредитировать имя и репутацию Англии.

Если благожелательное отношение к вам черкесов, о котором вы упоминаете, является следствием рекомендации, как вы полагаете, Сефер-бея, то я не могу принять на себя заслугу, которую вы мне приписываете, ибо я никогда не упоминал Сефер-бею вашего имени, а также не говорил с ним ни об одном лице, посетившем Черкесию. Я лишь сказал Сефер-бею, что англичанин, отправившийся в Черкесию, не получил полномочий.

Заявлять или намекать на что-либо, безразлично в каком отношении, как на исходящее от правительства Англии, и что те, которые сказали черкесам о том, что Англия начнет войну за них, сказали неправду.

Все, что я пишу вам, вы уже слышали от меня лично и вы, я уверен, используете все влияние, которое вы имеете на черкесов, чтобы разубедить тех из них, которые были введены в заблуждение теми злонамеренными и необоснованными речами, с которыми, несомненно, кто-то к ним обращался. Никто из людей не оценивает так высоко значимости Черкесии для сохранения политического равновесия в Европе, как я, никто больше меня не сочувствует храбрым защитникам своих национальных прав и никто не может с большей уверенностью, чем я, считать, что даже такое дело, как их, может с успехом защищаться лишь открытыми средствами и прежде всего совершенной правдой».

Отношение русского поверенного в делах в Константинополе барона Рикмана командиру Черноморского флота вице-адмиралу Лазареву, 25/13 ноября 1837 г.*

Следуя принятому г. посланником Бутеневым правилу поставлять ваше пр-во в известность о предприятиях злонамеренных иностранцев против спокойствия российских владений на восточном берегу Черного моря, нелишним почитаю довести до вашего, м. г., сведения, что на-днях прибыли оттуда в Константинополь два англичанина, именующие себя офицерами английской службы,— капитан Маррин и лейтенант Иддо. Они достигли сюда из Черкесии морским путем, прибыв на турецких каюках до Синопа, а оттуда на пароходах, посещающих помянутый город на пути между Трапезунтом и Константинополем. Вместе с тем я известился, будто бы капитан Маррин, сопутствуемый принявшим мусульманскую веру переводчиком Полинским, намерен в самом непродолжительном времени возвратиться подобным путем в Черкесию для присоединения к находящимся уже там искателям приключений, каковы Белль и Лонгворт, для чего и старается добыть рекомендательные письма от проживающих здесь горских выходцев; а лейтенант Иддо отправляется в Англию, будто бы везя с собою образчики свинцовых и других металлических руд, найденных в Черкесии, в той надежде, чтобы их добывание могло со временем обратиться в пользу и защиту некоторых жителей того края.

Помянутые сведения, ваше пр-во, может быть, изволите признать небесполезным сообщить с своей стороны тому начальству, до которого они ближе относиться могут.

* ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон № 645, лл. 122—123.

Равным образом получено здесь недавно известие, будто бы пороховая мельница, об отправлении которой к черкесам г. посланник Бутенев имел случай сообщить вам, м. г., от 10 минувшегося сентября за № 602, достигла своего назначения и выгружена на тамошнем берегу [48].

Рапорт русского консула в Трапезунте Герси русскому поверенному в делах в Константинополе Рикману, 22/10 марта 1838 г. *

Спешу, господин барон, известить ваше превосходительство о том, что утром 1/13 текущего месяца я получил предупреждение, что к британскому консулу ночью прибыл англичанин в сопровождении двух слуг, из которых один европеец, другой — черкес.

Как только я узнал об этом, я сейчас же принял соответствующие меры, чтобы собрать по возможности все сведения об этом лице.

Вскоре я узнал, что этот путешественник был господин Кнайт, отправившийся в прошлом году из Константинополя через Синоп в Черкесию. Пробыв у горцев несколько месяцев, он отбыл оттуда 23 февраля/7 марта на небольшом турецком судне в Синоп, но, застигнутый в дороге дурной погодой, он был вынужден пристать к берегу в месте, близком от этой гавани. Теперь он ожидает здесь прибытия австрийского пакетбота, с которым он отправится в Константинополь.

Г-н Кнайт, уезжая из Константинополя, взял с собой некоторое количество боевых припасов. Перед своим отъездом из Синопа он купил еще двадцать бочек пороху у Еикура-оглу Хусейн-бея, муселима синопского, который получил его прямо из Бургоса и продавал судовладельцам, отправляющимся из его резиденции в Черкесию. Во время своего пребывания у восставших черкесов г-н Кнайт, так же как Белль и Лонгворт, совершал путешествия в глубь страны и много времени он провел в горах, возвышающихся над портом Геленджик, и спускался к морю, когда прибывало какое нибудь турецкое судно, на котором он покупал боевые припасы, чтобы предоставить их в распоряжение восставших.

Судя по некоторым подробностям, о которых я только что узнал, можно сказать вполне определенно, что г-да Белль и Лонгворт, оставшиеся в Черкесии, находятся в очень тяжелом положении, так как помощь, которую они так часто обещали восставшим, не осуществилась, и их влияние поддерживается только подарками, которыми они продолжают задаривать горских вождей, и тем что достают им по очень высокой цене боевые припасы, которые суда доставляют в Черкесию из Синопа. Теперь же отъезд г-на Кнайта из Черкесии еще больше запутает их положение, потому что этот молодой человек, обладающий довольно большим состоянием, снабжал их необходимыми суммами для покупки подарков. Перед самым своим отъездом из Черкесии, который он объяснял необходимостью ускорить оказание черкесам помощи, г-н Кнайт был вынужден прибегнуть к новым подаркам и истратить все деньги; он выдал векселя на сумму в 19 742 турецких пиастров, по которым синопские судохозяева, давшие ему деньги в долг, должны получить в Константинополе.

Этот последний факт, точность которого я заверяю вашему превосходительству, со всей очевидностью, доказывает, что денежные ресурсы г-д Белля и Лонгворта скоро истощатся и, следовательно, если бы синопский муселим Хусейн-бей вместо того, чтобы покровительствовать и самому поддерживать контрабандную торговлю, больше бы считался с распоряжениями своего правительства и строжайше запре-

* ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон № 659, лл. 18—23. На французском языке.

тил бы все сношения между своей резиденцией и восставшими, г-да Белль и Лонгворт должны были бы стараться уехать без всякого промедления, чтобы избежать по возможности справедливой мести со стороны жителей Черкесии, невежество которых позволяло этим авантюристам злоупотреблять так долго их легковерием, и только тогда, когда перестала действовать сила подарков черкесы убедились наконец в вероломстве их советов.

Осман-паша, губернатор этой провинции известил меня, что несмотря на то, что владелец турецкого судна, которое привезло сюда г-на Кнайта, выполнял распоряжения высокой Порты и что он выехал из Синопа с разрешения муселима Гусейн-бея, он почел своим долгом распорядиться о немедленном аресте этого судовладельца и приговорил его к штрафу в 500 турецких пиастров в пользу казны. Эта мера строгости, я надеюсь, отобьет охоту к контрабандной торговле у тех, кто имеет намерение заняться ею, но, к сожалению, мы можем надеяться на ее прекращение только тогда, когда синопский муселим Гуссейн-бей будет приводить в исполнение искренне и лойально распоряжения его правительства...

Рапорт русского консула в Трапезунте Герси русскому поверенному в делах в Константинополе барону Рикман, 2 июля/20 июня 1838 г. *

Честь имею донести вашему превосходительству, что недавно прибывшее из Черкесии турецкое судно под командованием судовладельца Дурмуш-оглу Османа Рейс причалило 27 июня в Хаджа-кале, небольшой бухте, лежащей в 7 милях к западу от нашего города. Находившийся на борту этого судна господин Лонгворт отправился ночью к британскому консулу и скрывался у него до утра 16/28 июня, и в тот же день отбыл в Константинополь на австрийском пироскафе «Cresceпt», под командою капитана Жио Кличиари.

Как только я узнал о прибытии этого судна, я немедленно же отправился к Осману-паше, чтобы выразить ему мое вполне понятное удивление тому, что жители этой страны продолжают предаваться незаконной торговле, несмотря на строгое запрещение их властителя.

Как только я прибыл к этому визирю, я сейчас же заметил, что новое нарушение распоряжений его правительства вывело его из себя так же, как и меня, и, не дав мне времени для заявления малейшего протеста по этому поводу, он объявил мне, что он отправил спешно людей в Хаджа-кале, с распоряжениями немедленно привести судно в Трапезунт и конфисковать в пользу казны его груз, состоявший из боска и других продуктов стоимостью от 60 000 до 70 000 турецких пиастров, а судно сжечь в присутствии горожан и арестованного экипажа этого судна, что и было действительно приведено в исполнение 17/29 июня.

Во время беседы со мной Осман-паша получил с нарочным депеши от муселима из Ларистана, в которых последний известил его, что он только что задержал поблизости от Иризе турецкое судно, под командованием владельца Дели-Мехмеда-оглу Рейса, которое недавно возвратилось из Черкесии с богатым грузом и несколькими рабами. При этом сообщении, которое он наскоро мне сделал, Осман-паша объявил, что судно, груз его и экипаж постигнет та же участь, что и вышеупомянутое судно; к муселиму им немедленно были посланы распоряжения об отправке судна в Трапезунт.

* ГАФКЭ, ф. Константинопольской миссии, картон № 659, лл. 52—56.

Обе эти меры строгости оправдали то хорошее мнение, которое я составил о прямом и честном характере этого визиря, а также позволили мне, ваше превосходительство, надеяться, что рано или поздно эти меры решительно положат конец подобным предприятиям, потому что не будет этой приманки наживы, которая является единственной причиной, порождающей подобные предприятия. На основании сведений, вполне достойных доверия, за точность которых я осмеливаюсь поручиться перед вашим превосходительством, г-н Белль все еще находится в Черкесии у вождя горцев по имени Гиндар-оглу. Он продолжает возбуждать надежды в этих повстанцах на будущую помощь со стороны британского правительства, за посланника которого он себя выдает; но кажется можно с уверенностью утверждать, что брат господина Белля, живущий в Англии, зафрахтовал недавно в Лондон небольшую английскую шхуну, для погрузки военного снаряжения, предназначенного для Черкесии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вильгельм IV, король Англии (1830—1837).

2. Понсонби, Джон (1771—1855), дипломат. Английский посол в Константинополе с 1832 г.

3. Бутенев, А. П. (1787—1866), дипломат, член государственного совета. С 1830 г. по 1842 г. и с 1856 г. по 1858 г. был послом и полномочным министром в Константинополе. В 1837 г. в состав русского Константинопольского посольства кроме Бутенева входили: советник посольства барон Рикман, секретари — Титов, Туманский, Чирико, драгоман князь Ходжери и его помощник Пизани.

4. Вессаф-ефенди личный секретарь Махмута II (турецкого султана с 1808 г. по 1838 г.).

5. Русское правительство в 30-х годах XIX в. вело на северо-востоке Кавказа борьбу с восстанием Шамиля, а на северо-западе — с восстанием черкесского племени — адыге. С 1830 г. для того, чтобы отрезать их от моря, русское правительство начало строить укрепления (Гагры, Геленджик), которые впоследствии, в 1838 году, были объединены в одно управление под названием Черноморской береговой линии.

6. В июне 1836 г. секретарь английского посольства в Константинополе прислал черкесским племенам — шапсугам, натухайцам, абадзекам от имени английского короля флаг, названный им «знаменем независимости». На нем были изображены круг и три стрелы (см. «Акты кавказской археографической экспедиции», т. VIII, стр. 897. Письмо муллы Хаджи-оглу Масура шапсугскому князю Сефер-бею от апреля 1837 г.).

7. Горчаков А. М. (1798—1883), дипломат, впоследствии министр иностранных дел и канцлер. В начале своей карьеры с 1833 г. был советником русского посольства в Вене, до 1841 г. В 1837 г. во время отпуска посла Татищева, которого не предполагали вернуть в Вену, Горчаков исполнял его обязанности в звании поверенного в делах.

8. Меттерних, князь (1773—1859), с 1809 г. по 1848 г. был австрийским министром иностранных дел и государственным канцлером. Один из крупнейших представителей европейской реакции, игравший руководящую роль в международной политике того времени.

9. По свидетельству самого Белля в его журнале — отправка «Виксена» из Константинополя к берегам Черкесии состоялась по желанию английского министра иностранных дел лорда Пальмерстона (см. французское издание журнала Белля — «Journal d'une residence en Circassie pendant les années 1837, 1838 и 1839, t. I, Предисловие, стр. 71).

10. Шкиперы иностранных судов, не заявившие при входе в русские порты о наличии на судах пороха, предавались суду («Полное собрание законов», второе издание, т. VII, № 5552).

11. Рапорт контр-адмирала Эсмонта главноуправляющему гражданской частью Грузии и Кавказской области и командиру Кавказского корпуса барону Розену от 24 декабря 1836 г. опубликован в «Актах Кавказской археографической экспедиции», т. VIII, стр. 859.

12. В русских тарифах 1830 и 1836 годов соль как запрещенная к ввозу не значится.

13. Побережье около бухты Суджук-Кале было заселено черкесским племенем — адыге.

14. См. статьи 4 и 5 «Правил для составления инструкций черноморским военным крейсерам» («Полное собрание законов», второе издание, т. VII, стр. 123 и 124).

15. Нарушение шхуной «Виксен» устава о карантинах от 20 октября 1832 г. было признано русским правительством преступлением «1-го разряда». Виновные в подобном преступлении предавались военному суду и подлежали смертной казни. («Полное собрание законов», второе издание, т. VII, № 5690, стр. 775, пар. 365).

16. Имеется в виду либеральная фракция английского парламента — виги, к которой принадлежал английский министр иностранных дел лорд Пальмерстон; при нем политика Англии по отношению к России носила враждебный характер, вызванный, главным образом, территориальным расширением России, противоречившим торговым интересам Англии.

Враждебную позицию по отношению к России заняли поляки, эмигрировавшие в Лондон после польского восстания 1830—1831 г.г. Поляки поддерживали восстание кавказских национальностей против России непосредственным участием в военных действиях кавказских повстанцев против русских войск (см. рапорт Бутенева Розену, «Акты Кавказской археографической экспедиции», т. VII, стр. 895).

17. Речь идет о карантине, установленном русским правительством в устье Дуная 19 февраля 1836 г. и о прениях по этому поводу в палате общин английского парламента на заседании 20 апреля 1836 г., вызванных жалобами английских купцов на взимание русскими войсками пошлин с их судов при входе в Дунай. Эта жалоба была опровергнута русским правительством (см. «Полное собрание законов», второе издание, т. XI, № 8891 и «Архив кн. Воронцова», М., 1893 г., т. 39, стр. 243 — письмо Воронцова Бутеневу от 1/13 июня 1836 г.).

18. Тарапия или Ферапия находится на европейском берегу Босфора; там помещалось английское посольство.

19. Дюрем (1792—1840) был английским послом в Петербурге с 1833 г.

20. Лордом Пальмерстоном.

21. Речь идет о циркулярных нотах Бутенева дипломатическому корпусу в Константинополе, посланных им в 1831 г. и 1836 г. с предупреждением о мерах, принятых русским правительством для охраны кавказского побережья Черного моря и об установленном на нем карантине (см. «Journal de St. Petersbourg» от 31 декабря 1836 г.).

22. Сефер-бей Зан. («Заноков» или «Ченоков») шапсугский князь. Во время русско-турецкой войны (1828—1829 гг.) был на турецкой службе и был взят русскими в плен. После Адрианопольского мира (1829 г.) поселился в Турции, жил то в Трапезунте, то в Самсуне и в 1834 году, по вызову Уркарта, переехал в Константинополь, откуда он поддерживал сношения с черкесами (шапсугами и натухайцами), посылая им воззвания с призывом к восстанию против русского правительства, причем им обещалась военная помощь египетского султана, Турции, Франции и, главным образом, Англии. Черкесы со своей стороны направляли к нему своих депутатов для согласования с ним военных действий против русских. Деятельность Сефер-бея поощрялась турецким правительством, от которого он получал вознаграждение, кроме того он пользовался особым покровительством английского посольства, в лице Уркарта. По просьбе русского правительства, Сефер-бей в октябре 1836 г. был выслан из Константинополя в глубь Турции (в Базарджик близь Филиппополи), в целях прекращения его сношений с Черкесией.

Находясь в ссылке, он продолжает свою агитационную деятельность. Впоследствии, в 40-х годах, во время борьбы адыгов на Северо-западном Кавказе с русским правительством и местными феодалами, Сефер-бей выступал как организатор восставших, но, не имея твердой позиции, иногда своими выступлениями срывал восстания, действуя заодно с князьями-феодалами. Будучи в это время ставленником Турции, он предлагал также свои услуги русскому правительству.

23. Лордом Понсонби.

24. В документе неточность, шкипером «Виксен» был турок из Самсуна. Возможно, что речь идет о капитане, дававшем показания следственной комиссии, организованной контр-адмиралом Эсмонтом в Геленджике.

25. Воган принадлежал к консервативной фракции английского парламента — тори, стоявших за сближение с Россией, его назначение не состоялось (см. «Архив кн. Воронцова», М., 1893 г., книга 39, стр. 271, 274, 276, 277).

26. Точка зрения английского правительства в лице лорда Пальмерстона

изложена в депеше Поццо-ди Борго графу Нессельроде от 20 апреля (2 июня) 1837 г. (см. Мартенс «Собрание трактатов и конвенций», т. XII, стр. 63—65).

27. Свое решение по делу «Виксена» английское правительство поставило в зависимость от решения коронных (королевских) адвокатов, на рассмотрение которых были переданы полученные от русского правительства документы по этому делу.

28. Речь идет о тарифе 1836 года, в котором ввозные пошлины были снижены (см. «Полное собрание законов», второе издание, т. XI, № 9756).

29. IV статья Адрианопольского трактата (см. Юзефович, «Договоры России с востоком», СПБ, 1869 год, стр. 73).

30. Английский посол в Вене.

31. Полное заглавие этого анонимного памфлета «Progress and present position of Russie in the East», London 1836. Памфлет этот посвящен анализу положения России на востоке, констатируются стремления России к территориальному расширению, причем объявляется, что это расширение угрожает независимости и благосостоянию Персии, Индии и всех европейских государств, в частности Англии.

32. В русских морских кругах мероприятия русского правительства в целях карантина принято было называть «блокадой» (см. статью Вульфа «Английская шхуна «Виксен» в «Морском сборнике», апрель 1886 г., стр. 92, 93.)

33. Ласкарис (1774—1815), дипломат. Наполеон, задумавший нападение на английские владения в Индии с суши, отправил Ласкариса в целях разведки и изучения во всех отношениях азиатских стран, лежащих на пути в Индию и примыкающих к ней. Ласкарис сначала отправился в Алеп (в Сирии), затем в Месопотамию; дальнейшее его путешествие не состоялось.

34. Спенсер, Эдмунд посетил в 1836 г. Кавказ. В результате своего путешествия по Кавказу написал книгу «Travels in Circassie...», изданную в Лондоне в 1837 г.

35. Суда были потоплены во время войны Греции за свою независимость с Турцией, в которой на стороне Греции выступили Англия, Франция и Россия. Битва происходила в Наваринской бухте между объединенными английским, французским и русским флотами и турецко-египетским флотом. Участие России в этой битве, закончившейся поражением Турции, послужило одним из поводов войны России с Турцией (1828—1829).

36. Место на европейском берегу Босфора. Летнее местопребывание дипломатического корпуса.

37. Маратты или маграты населяли западную часть средней Индии.

38. Сейки или сикхи индусская секта смешанного этнического состава, их общины носили военно-теократический характер, отличались большой воинственностью. Из них вербовались отборные солдаты англо-индийской армии.

39. Пиль Роберт (1788—1850) известный английский государственный деятель. Был министром внутренних дел (1821—1827 гг., 1828—1830 гг.), канцлером казначейства в 1834 г. и с 1839 г. по 1841 г. был премьер-министром.

40. Гудсон был личным секретарем английской королевы (жены Вильгельма IV).

41. Эстергази Павел Антонович (1786—1866), князь, австрийский посол в Лондоне. Впоследствии был австрийским министром иностранных дел.

42. Белль выехал из Синопа 14 апреля 1837 года. В своем журнале он сообщает, что на другой же день своего приезда в Константинополь, после задержания «Виксен», он принял решение возвратиться в Черкесию для продолжения своей разведки, так неудачно прерванной.

43. Турецкий военный министр.

44. Это письмо опубликовано в «Актах Кавказской археографической экспедиции», т. VIII, стр. 896, 897. В нем Хаджи-оглы Мансур заявляет Сефер-бею, что черкесы, обманутые Дауд-беем (Уркартом) и Гудсоном, обещавшими им поддержку Англии, не в силах дальше продолжать борьбу с русским правительством и вынуждены сдаться России.

45. Грэй Чарльз (1764—1846) был английским премьер-министром с 1830 г. по 1834 год.

46. Родофиникин К. К. (1760—1838). С 1803 г. был на службе в коллегии иностранных дел, с 1819 года был директором Азиатского департамента министерства иностранных дел. В 1833 г. был назначен членом совета этого министерства и управлял им в отсутствии министра в 1837 и 1838 гг.

47. Командующий войсками в Трапезунте.

48. В рапорте Бутенева Лазареву от 10 сентября 1837 г. сообщалось о выходе английской шхуны «Ярмут», имевшей на своем борту пороховую мельницу, предназначавшуюся для установки ее поблизости от Батума. На борту шхуны также находился и механик Парри. Рапорт опубликован в «Морском сборнике», апрель 1886 г., стр. 101.

Содержание

К истории борьбы литовского народа за Советскую власть в 1918—1919 гг. Вводная статья *П. Анисимовой* 3

Из истории борьбы карельского народа за власть Советов. Вводная статья *Д. Эпштейн* 45

Из истории рабочего движения на Украине в 1905 г. Вводная статья *О. Чаадаевой* 75

Революционные события в Прибалтике в 1905 г. Вводная статья *С. Болтинова* 114

К истории революции 1905—1907 гг. в Белоруссии. Вводная статья *А. Кобяко* 157

Англо-русский инцидент со шхуной «Виксен». Вводная статья проф. *С. Бушуева* 189

Замеченные опечатки в № 4 (101) ж. „Красный Архив"

стр.	строка	напечатано	должно быть
61	23 снизу	находит	не находит
101	9 сверху	левоэсеровских партий	левоэсеровской партии
102	17 снизу	отвергли	отверг
150	22 сверху	размещалась	размещались
157	17 снизу	1792	1794